

Liber Novus

КРАСНАЯ КНИГА

Оглавление

Liber Primus	2
Пролог Путь того, кто грядет.....	2
Глава 1 Повторное обретение души.....	8
Глава 2 Душа и Бог	11
Глава 3 На службе души	16
Глава 4-1 Пустыня	18
Глава 4-2 Переживания в пустыне.....	20
Глава 5 Грядущий спуск в Ад.....	22
Глава 6 Расщепление Духа	29
Глава 7 Убийца Героя	31
Глава 8 Зачатие Бога	34
Глава 9 Мистерии. Первая встреча	40
Глава 10 Обучение	47
Глава 11 Развязка	53
Liber Secundus	63
Глава 1 Некто Красный	63
Глава 2 Замок В Лесу	67
Глава 3 Один из неприятельных ⁴	77
Глава 4 Отшельник.....	83
Глава 5 День II (56)	91
Глава 6 Смерть	98
Глава 7 Руины Древних Храмов (80).....	102
Глава 8 Первый День	108
Глава 9 Второй день.....	117
Глава 10 Заклинания.....	122
Глава 11 Открытие Яйца	129
Глава 12 Ад	135
Глава 13 Жертвенное убийство.....	138
Глава 14 Божественный глупец.....	142

Глава 15 Nox secunda	146
Глава 17 Nox tertia.....	156
Глава 17 Nox quarta.....	167
Глава 18 Три пророчества.....	174
Глава 19 Дар Магии	178
Глава 20 Путь Креста.....	187
Глава 21 Маг	192

Liber Primus

*fol. I(r)*¹

Пролог Путь того, кто грядет

Исайя сказал: Господи! кто поверил слышанному от нас, и кому открылась мышца Господня? Ибо Он взошел перед Ним, как отпрыск и как росток из сухой земли; нет в Нем ни вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему. Он был презрен и умален перед людьми, муж скорбей и изведавший болезни, мы отвращали от Него лице свое; Он был презираем, и мы ни во что не ставили Его. Но Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни; а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. (Ис. 53:1-4)²

Ибо младенец родился нам — Сын дан нам; владычество на раменах Его, и нареку имя Ему: Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира. (Ис. 9:6)³

Иоанн сказал: И Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу как единородного от Отца. (Ин. 1:14).

¹ Средневековые манускрипты нумеровались фoliaми, а не страницами. Лицевая сторона фоллии – это ректо (правая страница раскрытой книги), а обратная – версо (левая страница раскрытой книги). В Liber Primus Юнг следует этому обычаю. Он обратился к современной нумерации страниц в Liber Secundus.

² В 1921 г. Юнг цитировал первые три стиха этого отрывка (из Библии Лютера), отметив: «Рождение Спасителя, развитие искупительного символа происходит тогда, когда этого не ожидаешь, и именно там, где решение наименее вероятно» («Психологические типы», CW 6, §439).

³ В 1921 г. Юнг цитировал этот отрывок, отметив: «По природе искупительный символ – это ребенок, то есть детскость или непредсказуемость поведения свойственна этому символу и его функции. «Детское» поведение с необходимостью приносит с собой иной направляющий принцип вместо своеволия и рациональных намерений, и его «богоподобность» синонимична с «превосходством». Поскольку по природе он иррационален, направляющий принцип появляется в чудотворной форме. Исайя вполне точно выражает эту связь (9:5) ... Эти почтительные титулы воспроизводят сущностные качества искупительного символа. Критерием «богоподобного» воздействия является неодолимая сила бессознательных импульсов» («Психологические типы», CW 6, §442-43).

Исайя сказал: Возвеселится пустыня и сухая земли, возрадуется страна необитаемая и расцветет как нарцисс; великолепно будет цвести и радоваться, будет торжествовать и ликовать; слава Ливана дастся ей, великолепие Кармила и Сарона; они увидят славу Господа, величие Бога нашего. Укрепите ослабевшие руки и утвердите колени дрожащие; скажите робким духом: будьте тверды, не бойтесь; вот Бог ваш, придет отмщение, воздаяние Божие; Он придет и спасет вас. Тогда откроются глаза слепых, и уши глухих отверзнутся. Тогда хромой вскочит, как олень, и язык немого будет петь; ибо пробьются воды в пустыне, и в степи — потоки. И превратится призрак вод в озеро, и жаждущая земля - в источники вод; в жилище шакалов, где они покоятся, будет место для тростника и камыша. И будет там большая дорога, и путь по ней назовется путем святым: нечистый не будет ходить по нему; но он будет для них одних; идущие этим путем, даже и неопытные, не заблудятся. (Ис. 35:1-8).⁴

Написано рукой К.Г. Юнга в его доме в Кюснахте/Цюрихе в год 1915.

Если говорить в духе этого времени,⁵ я должен сказать: никто и ничто не может подтвердить то, что я должен вам объявить. Подтверждение для меня излишне, поскольку у меня нет выбора, но я должен. Я познал, что вдобавок к духу этого времени трудится и другой дух, а именно тот, что управляет глубинами всего современного.⁶ Духу этого времени понравится услышать о пользе и ценности. Я тоже так думал, и моя человечность все еще так думает. Но иной дух заставляет меня говорить, несмотря ни на что, превыше подтверждения, пользы и смысла. Исполненный человеческой гордости и ослепленный предубежденным духом этих времен, я долго пытался удержать тот иной дух подальше от себя. Но я не предполагал, что дух глубин с незапамятных времен и навсегда обладает большей властью, нежели дух этого времени, что сменяется с поколениями. Дух глубин покорил всякую гордость и заносчивость силе справедливости. Он унес мою веру в науку, он лишил меня радости объяснять и упорядочивать вещи и дал преданности идеалам этого времени умереть во мне. Он принудил меня к последним и простейшим вещам.

Дух глубин взял мое понимание и все мое знание и поставил их на службу невыразимого и парадоксального. Он лишил меня речи и письма обо всем, что не служит ему, а именно сплавив вместе осмысленное и бессмысленное, что производит высший смысл.

*Но высший смысл – это путь и мост к тому, кто грядет. Это Бог грядет. Это не пришествие самого Бога, но его образа, который явится в высшем смысле.*⁷

⁴ В 1955/56 гг. Юнг отмечал, что союз противоположностей деструктивных и конструктивных сил бессознательного соответствовало мессианскому состоянию исполнения, отраженному в этом отрывке («Mysterium Coniunctionis», CW 14, §258).

⁵ В «Фаусте» Гете Фауст говорит Вагнеру: «А то, что духом времени зовут, / Есть дух профессоров и их понятий».

⁶ «Черновик» продолжает: «И тогда тот, кого я не знал, но кто определенно владел таким знанием, сказал мне: «Какая у тебя странная задача! Ты должен раскрыть свое сокровеннейшее и нижайшее». Этому я сопротивлялся, ибо превыше всего ненавидел то, что казалось мне непристойным и надменным» (стр. 1).

⁷ В «Трансформациях и символах либидо» (1912) Юнг интерпретировал Бога как символ либидо (CW B, §111). В последующих работах Юнг особенно подчеркивал разницу между образом Бога и метафизическим существованием Бога (ср. отрывки, добавленные в пересмотренном переименованном издании 1952 г., «Символы трансформации», CW 5, §95).

Бог – это образ, и те, кто поклоняются ему, должны поклоняться ему в образах высшего смысла.

Высший смысл – это не смысл и не абсурд, образ и сила в одном, притягательность и сила вместе.

Высший смысл – это начало и конец. Это мост для пересечения и исполнения.⁸

Другие Боги умерли в их временности, а высший смысл никогда не умирает, он обращается в смысл, а затем в абсурдность, и из огня и крови их столкновения высший смысл возносится, воскрешенный вновь.

Образ Бога имеет тень. Высший смысл реален и отбрасывает тень. Ибо что может быть действительным и вещественным, не отбрасывая тени?

Тень – это бессмыслица. Ей недостает силы, и она не может существовать из самой себя. Но бессмыслица – это неотделимый и неумирающий брат высшего смысла.

Люди растут, как и растения, некоторые в свете, другие в тени. Есть многие, кому нужна тень, а не свет.

Образ Бога отбрасывает тень, которая столь же велика, как и он сам.

Высший смысл велик и мал, он столь же широк, как пространство звездных Небес и столь же узок, как тюрьма живого тела.

Дух времени во мне хотел осознать величие и размах высшего смысла, но не его малость. Дух глубин, однако, победил его надменность, и мне пришлось проглотить малое как средство исцеления бессмертного во мне. Оно полностью выжгло мои внутренности, поскольку было бесславным и негероическим. Оно даже было нелепым и отталкивающим. Но клещи духа глубин держали меня, и мне пришлось испить горчайший глоток.⁹

Дух времени искушал меня мыслью, что все это принадлежит тени Богообраза. Это было бы разрушительным обманом, ибо тень – это бессмыслица. Но малое, узкое – это не бессмыслица, но одна из обеих сущностей Божественного.

Я сопротивлялся признать, что каждодневное принадлежит к образу Божественного. Я гнал эту мысль, я скрыл себя за высочайшими и холоднейшими звездами.

Но дух глубин нагнал меня и влил горькое питье меж губ.¹⁰

Дух времени шептал мне: «Этот высший смысл, этот образ Бога, это сплавление горячего и холодного, есть ты и только ты». Но дух глубин сказал мне: «¹¹Ты образ нескончаемого мира, все прежние таинства становления и перехода живут в тебе. Если ты всем этим не обладаешь, откуда тебе знать?»

⁸ Термины *hinubergehen* (движение через), *Ubergang* (переход), *Untergang* (гибель) и *Brucke* (мост) используются в «Заратустре» Ницше в связи с переходом от человека к *Ubergang* (сверхчеловеку). Например: «В человеке важно то, что он мост, а не цель: в человеке можно любить только то, что он переход и гибель. / Я люблю тех, кто не умеет жить иначе, как чтобы погибнуть, ибо идут они по мосту» (слова подчеркнуты в копии Юнга).

⁹ Юнг, видимо, ссылается на эпизоды, которые произойдут далее в тексте: исцеление Издубара (*Liber Secundus*, гл. 9) и питье горького отвара, приготовленного одиночкой (*Liber Secundus*, гл. 20).

¹⁰ «Черновик» продолжает: «Пьющий это питье никогда больше не будет жаждать ни этого мира, ни посмертия, ибо он испил переход и завершение. Он пил от горячей плавающей реки жизни, которая застывает в твердую руду в душе и ожидает новой плавки и смешивания» (стр. 4).

¹¹ В каллиграфическом томе стоит: «этот высший смысл».

Ради моей человеческой слабости дух глубин сказал мне это слово. Но это слово также избыточно, поскольку я не говорю его открыто, но потому что я должен. Я говорю, потому что дух лишил бы меня радости и жизни, если бы я не сказал.¹² Я раб, приносящий его и не знающий, что он несет в руке. Оно обожжет ему руки, если он не поместит его туда, куда прикажет господин.

Дух нашего времени заговорил со мной и сказал: «Какая страшная необходимость заставляет тебя говорить все это?» Это было ужасное искушение. Я хотел поразмыслить, какие внутренние или внешние путы принуждают меня к этому, и не найдя за что зацепиться, я был готов выдумать их. Но так дух нашего времени почти привел меня к тому, что вместо того, чтобы говорить, я снова думал о причинах и объяснениях. Но дух глубин обратился ко мне и сказал: «Понимание чего-либо – это мост, возможность возвращения на путь. Но объяснение вопроса – это случайность, а иногда даже убийство. Можешь ли ты сосчитать убийц среди ученых?»

Но дух нашего времени подошел ко мне и положил предо мной огромные тома, составлявшие мои знания. Страницы их были сделаны из руды, и стальное перо нанесло на них неумолимые слова, и он указал на эти неумолимые слова, сказав: «То, что ты говоришь – безумие».

Это правда, это правда, то, что я говорю – это величие, отравление и уродство безумия.

Но дух глубин подошел ко мне и сказал: «То, что ты говоришь, есть. Есть величие, есть отравленное, недостойное, больное, пустяковая повседневность. Оно течет по улицам, живет во всех домах и правит днями человечества. Даже вечные звезды банальны. Это великая госпожа и единая сущность Бога. Кто-то смеется над этим, и смеющийся тоже есть. Ты считаешь, человек этого времени, что смех ниже почитания? Где твоя мера, ложный измеритель?»¹³ Вся жизнь разрешается в смехе и почитании, а не в твоём суждении».

Я должен также говорить о нелепом. Вы, грядущие люди! Вы осознаете высший смысл через то, что он смех и почитание, кровавый смех и кровавое почитание. Жертвенная кровь связывает полюса. Те, кто знают это, смеются и почитают на одном дыхании.

После этого, однако, ко мне приблизилась моя человечность и сказала: «На какое одиночество, какой холод запустения ты обрекаешь меня, говоря такое! Представь себе разрушение бытия и потоки крови от ужасного жертвоприношения, которое требуют глубины».¹⁴

Но дух глубин сказал: «Никто не может и не должен прерывать жертвоприношение. Жертвоприношение – это не разрушение, жертвоприношение – это краеугольный камень того, что грядет. Разве нет монастырей? Разве несчетные тысячи не ушли в пустыню? Ты должен нести монастырь в себе. Пустыня в тебе. Пустыня зовет тебя и тянет тебя обратно, и если ты железом прикован к миру этого времени, зов пустыни разобьет все цепи. Истинно, я готовлю тебя для одиночества».

12 «Черновик» продолжает: «Тот, кто знает, понимает меня и видит, что я не лгу. Пусть каждый познает свои глубины, если ему нужно то, что я говорю» (стр. 4).

13 Букв. Vermessener. Оно также содержится в прилагательном vermessen, то есть, недостаток или утрата меры, и потому подразумевает самонадеянность, предубежденность.

14 Ссылка на последующее видение.

После этого моя человечность умолкла. Однако, нечто случилось с моим духом, отчего я должен молить о благодати.

Моя речь несовершенна. Не потому что я хочу блистать словами, но из-за неспособности связать те слова я говорю в образах. Никак иначе мне не выразить слова из глубин.

Благодать, излившаяся на меня, дала мне веру, надежду и необходимую отвагу не сопротивляться больше духу глубин, а произносить его слово. Но прежде чем я смог собраться, чтобы по-настоящему сделать это, мне нужен был видимый знак, который показал бы, что дух глубин во мне был в то же время управителем глубин мировых дел.

¹⁵Это случилось в октябре, в год 1913, я в одиночестве отправлялся в путешествие, и среди дня меня неожиданно охватило видение: я увидел ужасный потоп, который покрыл северные и лежащие ниже земли между Северным морем и Альпами. Он распространился от Англии до России, с берега Северного моря до Альп. Я видел желтые волны, плывущий мусор и смерть бесчисленных тысяч.

Видение длилось два часа, оно привело меня в замешательство и волнение. Я не мог его истолковать. Через две недели видение вернулось, еще более жестокое, чем раньше, и внутренний голос сказал: «Смотри на это, это совершенно реально, и оно придет и пройдет. Можешь в этом не сомневаться». Я снова боролся с ним два часа, но оно крепко меня держало. Оно оставило меня вымотанным и сбитым с толку. И я подумал, что схожу с ума.¹⁶

С тех пор тревога перед ужасным событием, которое стояло перед нами, продолжала возвращаться. Однажды я также видел море крови над северными землями.

В месяце июне года 1914, в начале и в конце месяца, и в начале июля, у меня три раза был один и тот же сон: я был в другой стране, и неожиданно, внезапно, прямо посреди лета, спустился ужасный холод. Все моря и реки покрылись льдом, все живое и зеленое замерзло.

Второй сон был весьма похож на этот. Но третий сон в начале июля был таким:

Я был в отдаленной английской земле.¹⁷ Мне было нужно вернуться домой на быстром корабле, чем скорее, тем лучше.¹⁸ Я быстро добрался до дома.¹⁹ Дома я заметил, что в середине лета опустился ужасный холод, который обратил все живое и зеленое в лед. Вот стояло покрытое листьями, но бесплодное дерево, чьи листья

¹⁵ В «Исправленном Черновике» стоит: «I Начало» (стр. 7).

¹⁶ Юнг обсуждал это видение несколько раз, подчеркивая различные детали: в 1925 г. на семинаре «Аналитическая психология», к Мирче Элиаде, и в «Воспоминаниях» (стр. 199-200). Юнг собирался в Штаффхаузен, где жила его теща; ее пятьдесят седьмой день рождения был 17 октября. Путешествие на поезде заняло около часа.

¹⁷ «Черновик» продолжает: «с другом (чей недостаток предвидения и недальновидность я часто отмечал в реальности)» (стр. 8).

¹⁸ «Черновик» продолжает: «мой друг, однако, хотел вернуться на маленьком и медленном корабле, что я считал глупым и неосмотрительным» (стр. 8).

¹⁹ «Черновик» продолжает: «и там я нашел, что достаточно странно, своего друга, который, очевидно, сел на тот же быстрый корабль, но я этого не заметил» (стр. 8-9).

превратились в сладкие виноградины, полные целебного сока, с помощью холода.²⁰ Я взял несколько виноградин и положил их под гнет.²¹

В реальности, однако, было так: в то время, когда между народами Европы разразилась мировая война, я оказался в Шотландии, принужденный войной выбрать быстрее корабль и кратчайший маршрут домой. Я столкнулся с колоссальным холодом, сковывавшем все, я встретился с потоком, морем крови и нашел свое высохшее дерево, листья которого мороз превратил в лекарство. И я сорвал спелый фрукт и дал его вам, и я не знаю, что излил на вас, какой горько-сладкий отравляющий напиток, оставивший на языке послевкусие крови.

Поверьте мне:²² *Не учение и не наставление я даю вам. На каком основании могу я осмелиться учить вас? Я сообщаю вам новости о пути этого человека, а не о вашем пути. Мой путь — это не ваш путь, потому что я не могу вас учить.*²³ *Путь внутри нас, а не в Богах, и не в учениях, и не в законах. Внутри нас путь, и истина, и жизнь.*

*Горе тем, что живет примерами! Нет жизни в них. Если вы живете в соответствии с примерами, вы живете жизнью этого примера, но кто будет жить вашу жизнь, как не вы сами? Так живите сами.*²⁴

*Указательные столбы упали, перед нами лежат неразмеченные пути.*²⁵ *Не жадничайте, поглощая плоды чужих земель. Вы знаете, что вы сами плодородный акр, рождающий все, полезное для вас?*

Но кто сегодня знает это? Кто знает путь к вечно плодородным краям души? Вы ищете путь лишь в видимостях, вы изучаете книги и прислушиваетесь ко всяким мнениям. Что в этом хорошего?

*Есть только один путь, и это ваш путь.*²⁶

Вы ищете путь? Я предостерегаю вас от своего. Он тоже может быть неверным для вас.

Да пойдет каждый своим путем.

²⁰ Ледяное вино делают, оставляя виноград на лозе, пока их не прихватит холодом. Затем их давят, а лед убирают, делая высоко концентрированное изумительное сладкое вино.

²¹ «Черновик» продолжает: «Это был мой сон. Все мои попытки понять его провалились. Я трудился днями. Его воздействие, однако, было мощным» (стр. 9). Юнг также вспоминает этот сон в «Воспоминаниях» (стр. 200).

²² В «Черновике» это адресовано «моим друзьям» (стр. 9).

²³ Ср. с Ин. 14:6: «Иисус сказал ему: Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня».

²⁴ «Черновик» продолжает: «Это не закон, но указание на тот факт, что время примера и закона и прямой линии, прочерченной вперед, перезрело» (стр. 10).

²⁵ «Черновик» продолжает: «Да отсохнет мой язык, если я предоставлю законы, если я буду болтать об учениях. Ищущие этого покинут мой стол голодными» (стр. 10).

²⁶ «Черновик» продолжает: «только один закон существует, и это ваш закон. Только одна истина существует, и это ваша истина» (стр. 10).

Я не буду ни спасителем, ни законодателем, и учителем для вас. Вы больше не маленькие дети.²⁷

Давать законы, желать улучшений, облегчать вещи стало неправильным и дурным. Пусть каждый ищет свой путь. Путь ведет к взаимной любви в сообществе. Люди увидят и почувствуют сходство и общность своих путей.

Всеобщие законы и учения принуждают людей к одиночеству, так что они могут избежать давления нежелательного контакта, но одиночество делает людей жестокими и злобными.

Потому дайте людям достоинство и дайте каждому стоять отдельно, чтобы каждый нашел свое братство и любил его.

Сила стоит против силы, презрение против презрения, любовь против любви. Дайте человечеству достоинство, и верьте, что жизнь найдет лучший путь.

Один глаз Божественного слеп, одно ухо Божественного глухо, порядок его бытия пересечен хаосом. Так будьте терпимы к хромоте мира и не переоценивайте его превосходную красоту.²⁸

Глава I Повторное обретение души

Когда в октябре года 1913 у меня было видение потопа, оно произошло во время, значимое для меня как для человека. В то время, в сороковой год моей жизни, я достиг всего, чего желал для себя. Я достиг славы, власти, богатства, знания и всякого человеческого счастья. Тогда мое желание к увеличению этих ловушек исчезло, желание отступило, и на меня напал ужас.²⁹ Видение потопа

²⁷ «Черновик» продолжает: «Нужно не людей обращать в овец, а овец в людей. Дух глубин требует этого, пребывающий за пределами настоящего и прошлого. Говорите и пишите для тех, кто хочет слушать и читать. Но не бегите за людьми, чтобы не опорочить человеческое достоинство — это редкое благо. Печальная кончина в достоинстве лучше недостойного исцеления. Желаящий быть врачом души видит людей больными. Он поступаетя человеческим достоинством. Самонадеянно говорить, что человек болен. Желаящий быть пастором души обращается с людьми как с овцами. Он насилует человеческое достоинство. Высокомерно говорить, что люди как овцы. Кто дал тебе право говорить, что человек болен и овца? Дай ему человеческое достоинство, чтобы он нашел свое восхождение или падение, его путь» (стр. 11).

²⁸ «Черновик» продолжает: «Это все, мои дорогие друзья, что я могу вас сказать об основах и целях моего послания, которым я отягощен как терпеливый осел тяжелым грузом. Он рад сложить его» (стр. 12).

²⁹ В «Рукописном черновике» стоит: «Дорогие друзья!» (стр. 1). В «Черновике» стоит: «Дорогие друзья!» (стр. 1). В своей лекции 14 июня 1935 г. Юнг отмечал: «Точка находится около тридцать пятого года, когда вещи начинают меняться, это первый момент теневой стороны жизни, начала спуска к смерти. Ясно, что Данте нашел эту точку, и те, кто читал «Заратустру» знают, что Ницше тоже открыл ее. Когда наступает этот переломный момент, люди сталкиваются с ним разными путями: некоторые отворачиваются от него; другие в него погружаются; и нечто важное случается с иными снаружи. Если мы не видим нечто, Судьба сделает это за нас» (Barbara Hannah, ed., *Modern Psychology Vol. 1 and 2: Notes on Lectures given at the Eidgenössische Technische Hochschule, Zurich, by Prof Dr. C. G. Jung, October 1933-july 1935, 2nd ed.* [Zurich: privately printed, 1959], p. 223).

охватило меня, и я почувствовал дух глубин, но я не понял его.³⁰ Но он пробудил во мне невыносимое внутреннее стремление, и я сказал:

³¹ «Душа моя, где ты? Ты слышишь меня? Я говорю, я зову тебя – ты здесь? Я вернулся, я снова здесь. Я отряс прах всех земель со своих ног, и я пришел к тебе, я с тобой. После долгих лет долгих странствий я снова пришел к тебе. Рассказать тебе все, что я видел, пережил и впитал? Или ты не хочешь слышать весь этот шум жизни и мира? Но одну вещь ты должна знать: одной вещи я научился – каждый должен жить свою жизнь.

Эта жизнь – путь, долго искомый путь к безмерному, что мы зовем божественным.³² Нет другого пути, все другие пути ложные. Я нашел верный путь, он привел меня к тебе, к моей душе. Я возвращаюсь, закаленный и очищенный. Ты все еще помнишь меня? Как долго длилась разлука! Все так изменилось. И как я нашел тебя? Каким странным было мое путешествие! Какими словами описать запутанные дороги, которыми добрая звезда вела меня к тебе? Дай мне руку, моя почти позабытая душа. Как тепла радость от новой встречи с тобой, долго не признанная душа. Жизнь привела меня назад к тебе. Поблагодарим жизнь, которую я жил, за все счастливые и грустные часы, за каждую радость, за каждую печаль. Душа моя, путешествие мое будет продолжаться с тобой. Я буду странствовать с тобой и взойду к моему одиночеству».³³

Дух глубин заставил меня сказать это, и в то же время подвергнуться этому, ведь я не ожидал этого. Я все еще трудился, сбитый с пути духом этого времени, и иначе думал о человеческой душе. Я много думал и говорил о душе. Я знал о ней много умных слов, я судил о ней и превращал ее в научный объект.³⁴ Я не думал, что моя душа не может быть объектом суждения и знания; скорее мое суждение и знание являются объектами моей души.³⁵ Потому дух глубин принудил меня заговорить с душой, позвать ее как живое и самосущее существо. Я должен был осознать, что утратил свою душу.

Из этого мы узнаем, чем дух глубин считает душу: он видит ее как живое и самосущее существо, и в этом он противоречит духу этого времени, для которого душа зависит от человека, может быть обсуждена и упорядочена, и чьи пределы мы

³⁰ 21 октября 1913 г. Юнг написал Фрейдю, разорвав с ним отношения и уйдя с поста редактора *Jahrbuch für Psychoanalytische und psychopathologische Forschungen* (William McGuire, ed., *The Freud/Jung Letters*, tr. R. Mannheim and R.F.C. Hull [Princeton: Princeton University Press/Bollingen Series, 1974], p. 550).

³¹ 21 ноября 1913 г. После «стремления» в «Черновике» стоит: «в начале следующего месяца я схватил ручку, и начал писать это» (стр. 13).

³² Это утверждение много раз встречается в последующих сочинениях Юнга – см. например Jane Pratt, "Notes on a talk given by C. G. Jung: 'Is analytical psychology a religion?'" *Spring journal of Archetypal Psychology and Jungian Thought* (1972), p. 148.

³³ Позднее Юнг описывал свою трансформацию в это время как пример начала второй половины жизни, которая часто отмечена возвращением к душе после того, как цели и стремления первой половины жизни были достигнуты («Символы трансформации» [1952], CW 5, p. Ххvi); см. также «Поворотная точка жизни» (1930, CW 8).

³⁴ Здесь Юнг ссылается на свою раннюю работу. Например, в 1905 г. он написал «Посредством ассоциативных экспериментов мы по крайней мере проложили путь для экспериментального исследования тайн больной души» («Психопатологическое значение ассоциативного эксперимента», CW 2, §897).

³⁵ В «Психологических типах» (1921) Юнг отмечал, что в психологии концепции – это «продукт субъективных психологических констелляций исследователя» (CW 6, §9). Эта рефлексивность стала важной темой его последующих работ (см. мое «Юнг и создание современной психологии: мечта о науке», §1).

можем охватить. Я должен был принять - то, что прежде я называл моей душой, вообще не было моей душой, а мертвой системой.³⁶ Потому я должен говорить о моей душе как о чем-то отдаленном и неизвестном, что существовало не через меня, а наоборот, через нее существовал я.

Тот, чье желание отворачивается от внешних вещей, попадает в пространство души.³⁷ Если он не найдет души, им овладеет ужас пустоты, и страх погонит его кнутом времени обратно в отчаянной попытке и слепом желании пустых вещей мира. С этим бесконечным желанием он станет глупцом, забудет путь своей души, и никогда не найдет ее снова. Он погонится за всеми вещами, и будет хвататься за них, но не найдет души, потому что найти ее можно только в себе. Истинно, его душа лежит в вещах и людях, но слепой овладевает вещами и людьми, а не душой в вещах и людях. Он не знает своей души. Как ему отделить ее от вещей и людей? Он может найти душу в самом желании, но не в объектах желания. Если он обладает желанием, и желание не обладает им, он прикоснется к душе, поскольку его желание – образ и выражение его души.³⁸

Если мы обладаем образом вещи, мы обладаем половиной вещи.

Образ мира – половина мира. Тот, кто обладает миром, но не его образом, владеет только половиной мира, поскольку его душа бедна и ничего не имеет. Богатство души состоит в образах.³⁹ Тот, кто обладает образом мира, обладает половиной мира, даже если его человечность бедна и ничем не владеет.⁴⁰ Но голод превращает душу в зверя, который пожирает невыносимое и становится им отравлен. **Друзья мои, мудрее питать душу, иначе вы породите драконов и дьяволов в своем сердце.**⁴¹

36 «Черновик» продолжает: «мертвая система, которую я выдумал, состояла из так называемых переживаний и суждений» (стр. 16).

37 В 1913 г. Юнг назвал этот процесс интроверсией либидо («К вопросу о психологических типах», CW 6).

38 В 1912 г. Юнг писал: «Распространенной ошибкой является *судить о стремлении через качество объекта...* Природа прекрасна только через жажду и любовь, приписанные ей человеком. Исходящие эстетические атрибуты во-первых и в главных принадлежат либидо, которое единственно ответственно за красоту природы» («Трансформации и символы либидо», CW B, §147).

39 В «Психологических типах» (1921) подчеркивал первичность образа посредством идеи об *esse in anima* (CW 6, §66ff, §711ff). В своих дневниковых записях Кэри Бейнс комментировала этот отрывок: «Что в особенности меня поразило, было то, что вы сказали о «Bild» [образ], который является половиной мира. Это то, что делает человечество столь глупым. Они не поняли значение этой вещи. Мир, вот что их поглощает. «Das Bild», они никогда его всерьез не принимали, если только они не были поэтами» (8 февраля 1924 г., CFB).

40 «Черновик» продолжает: «**Тот, кто стремится только к вещам, потонет в бедности с увеличением внешних богатств, и его душа будет поражена длительной болезнью**» (стр. 17).

41 «Черновик» продолжает: «Эта притча об обретении души, друзья мои, должна была показать вам, что вы видели меня лишь как наполовину человека, потому что моя душа потеряла меня. Я уверен, вы этого не заметили; ведь сколько обладают сегодня душами? **Но без души нет пути, ведущего через эти времена**» (стр. 17). В своих дневниковых записях Кэри Бейнс комментировала этот отрывок: «8-ое февраля [1924]. Я дошла до вашей беседы со своей душой. То, что вы говорите, правильно и искренне. Это не крик юноши, пробудившегося к своей жизни, но человека взрослого, жившего полно и богато на путях мира, и вдруг, в одну ночь, узнавшего, что упустил самое важное. Видение пришло на вершине вашей силы, когда **вы могли бы продолжать жить как жили, с совершенным мирским успехом.** Я не знаю, как вы оказались столь сильны, чтобы обратиться на это внимание. Я действительно за то, что вы говорите и понимаю это. Каждый, кто утратил связь со своей душой или знал, как дать ей жизнь, должен получить шанс увидеть эту книгу. Каждое слово пока живет во мне и укрепляет, когда я чувствую слабость, но, как вы говорите, мир пока далек от такого настроения. Но это не так важно, книга может поразить целый мир, если она написана огнем и кровью» (CFB).

Глава 2 Душа и Бог

⁴² На вторую ночь я обратился к своей душе:⁴³

«Я устал, моя душа, мое странствие длилось слишком долго, мой поиск себя за пределами себя. Теперь я прошел через происшествия и нашел за ними тебя. Ибо через происшествия, людей и мир я открыл, что я заблудший. Я нашел людей. И тебя, моя душа, я нашел снова, сначала твои образы в людях, затем тебя саму. Я нашел тебя там, где менее всего этого ожидал. Ты выбралась из темной шахты. Ты заранее объявилась в сновидениях.⁴⁴ Они пылали в моем сердце и толкали меня на храбрейшие акты отваги и заставляли подниматься над собой. Ты дала мне увидеть истины, о которых я и не подозревал. Ты дала мне предпринять путешествия, чья безмерная длина испугала бы меня, если бы знание о них не хранилось в тебе.

Я странствовал долгие годы, так долго, что позабыл, как обладал душой.⁴⁵ Где ты была все это время? Какое Потустороннее укрывало тебя и стало тебе прибежищем? О, ты должна говорить через меня, так как речь и я твой символ и выражение! Как мне тебя разгадать?

Кто ты, дитя? В моих снах ты предстала как дитя и как девушка.⁴⁶ Я не ведаю о твоей тайне.⁴⁷ Прости, если я говорю, как во сне, как пьяница — ты Бог? Бог — это дитя, девушка?⁴⁸ Прости, если я разболтался. Никто меня больше слышит. Я говорю с тобой тихо, и ты знаешь, что я не пьяница и не помешанный, и что мое сердце извивается от боли, причиняемой раной, чья тьма доносит речи, полные насмешки: «Ты лжешь себе! Ты говоришь так, чтобы обмануть других и заставить их тебе поверить. Ты хочешь быть пророком и удовлетворять амбиции». Рана все еще кровоточит, и я пока не могу притвориться, будто не слышу издевки.

⁴² В 1945 г. Юнг комментировал символизм птицы и змеи в связи с деревом, «Философское дерево» (гл. 12, CW 13).

⁴³ 14 ноября 1913 г.

⁴⁴ «Черновик» продолжает: «которые были темны для меня и которые я пытался постичь собственным несоответствующим образом» (стр. 18).

⁴⁵ «Черновик» продолжает: «Я принадлежал людям и вещам. Я не принадлежал себе». В «Черной Книге 2» Юнг утверждает, что странствовал одиннадцать лет (стр. 19). Он закончил писать эту книгу в 1902 г., продолжив ее снова осенью 1913 г.

⁴⁶ «Черная Книга 2» продолжает: «И я снова тебя нашел только через душу женщины» (стр. 8).

⁴⁷ «Черная Книга 2» продолжает: «Смотри, я ношу рану, которая пока не исцелилась: мое честолюбивое желание производить впечатление» (стр. 8).

⁴⁸ «Черная Книга 2» продолжает: «Я должен ясно сказать себе: использует ли *Он* образ ребенка, живущий в каждой человеческой душе? Разве Гор, Тагес и Христос не были детьми? Дионис и Геракл тоже были божественными детьми. Разве Христос, Бог человеческий, не называл себя *сыном* человеческим? Какая мысль таилась в этом? Не может ли именем Бога быть *дочь человеческая?*» (стр. 9).

Как странно для меня назвать тебя ребенком, тебя, держащую в руке все **бесконечное**.⁴⁹ Я вышел на путь дня, и ты невидимо вышла со мной, многозначительно складывая кусочки вместе и давая мне видеть целое в каждой части.

Ты забирала там, где я хотел удержать и давала там, где я ничего не ждал, снова и снова приводила к судьбе с новых и неведомых сторон. Где я сеял, ты похищала урожай, а где я не сеял, давала мне плод стократно. Снова и снова я сбивался с пути и находил его снова, где не предвидел. Ты поддерживала мою веру, когда я был один, на грани отчаяния. В каждый решающий момент ты позволяла мне вновь поверить в себя».

Как усталый странник, не искавший в мире ничего, кроме нее, должен я подойти к своей душе. Я должен понять, что моя душа, наконец, находится по ту сторону всего, и если я пересекаю мир, я в конечном счете делаю это для того, чтобы найти свою душу. **Даже самые дорогие люди сами по себе не цель и венец любви, которая продолжает искать – они символы собственных душ.**

Друзья мои, вы догадываетесь, к какому одиночеству мы восходим?

Я должен понять, что и осадок моих мыслей, снов — это речь моей души. Я должен хранить их в сердце, возвращаться снова и снова в своем уме, как к словам самого дорогого мне человека. **Сны — направляющие слова души. Почему же мне тогда не любить сны и не обращаться к их загадочным образам в дневных беседах? Вы думаете, что сны глупы и нескладны. Что прекрасно? Что нескладно? Что умно? Что глупо? Дух этого времени ваша мера, но дух глубин превосходит и объемлет его. Только дух этого времени знает разницу между большим и малым. Но эта разница неверна, как и дух, различающий ее.**

Дух глубин даже научил меня действовать и принимать решения в зависимости от снов. Сны проложили путь для жизни, они определяют вас, хотя вы и не понимаете их язык.⁵⁰ Иной захочет выучить этот язык, но кто ему может научить? Одного изучения недостаточно, в сердце есть знание, которое дает глубокое понимание.⁵¹ Знание сердце не найти в книгах и устах учителя, оно растет из вас,

⁴⁹ «Черновик» продолжает: «Как непрозрачна была ранняя тьма! Как стремительна и эгоистична была моя страсть, поработенная демонами честолюбия, желанием славы, жадностью, жестокостью и рвением! Как невежественен я был все это время! Жизнь покинула меня, я невольно двигался прочь от тебя, и продолжал все эти годы. Я осознаю, как это все было хорошо. Но я думал, что потерял тебя, хотя иногда думал, что это я потерялся. Но ты не потерялась. Я вышел на путь дня. Ты невидимо вышла со мной и направляла меня шаг за шагом, многозначительно складывая кусочки вместе» (стр. 20-21).

⁵⁰ В 1912 г. Юнг поддержал идею Медера (Maeder) о предсказательной функции снов. В обсуждении в Цюрихском Психоаналитическом Обществе 31 января 1913 г. Юнг сказал: «Сон — это не только исполнение инфантильных желаний, он также символизирует будущее... Сон предоставляет ответ через символ, который нужно понять». О развитии Юнгом теории снов см. *«Jung and the Making of Modern Psychology: The Dream of a Science»*, §2

⁵¹ Это напоминает знаменитое высказывание Блеза Паскаля: «Мы познаем истину не только разумом, но и сердцем» («Мысли»). Копия работы Паскаля у Юнга содержит множество примечаний на полях.

как зеленое семя из темной земли. Изучение свойственно духу этого времени, но этому духу никогда не постичь снов, поскольку душа там, где изучению не место.

Но как мне обрести знание сердца? Это знание можно обрести, только прожив свою жизнь сполна. Вы живете сполна, если вы также живете тем, чем никогда еще не жили, но оставляете другим жить или думать.⁵² Вы скажете: «Но я не могу жить или думать так, как другие живут и думают». Но вы должны сказать: «Жизнь, которую я еще могу жить, я и должен жить, и мысли, которые я еще могу думать, я и должен думать». Дело в том, что вы хотели бы сбежать от себя, оставив многое непрожитым.⁵³ Но вам не сбежать от себя. Все это остается с вами и требует исполнения. Если вы притворяетесь слепым и глухим к этому требованию, вы притворяетесь глухим и слепым к самому себе. Так вам никогда не достичь знания сердца.

Знание сердца — это знание того, каково ваше сердце.

У коварного сердца вы научитесь коварству.

У доброго сердца вы научитесь доброте.

Итак, чтобы ваше понимание стало совершенным, учтите, что сердце ваше не доброе и не злое. Вы спросите: «Что? Мне жить и злом?»

Дух глубин требует: «Жизнь, которую вы еще можете жить, вы и должны жить. Дело в благополучии, но не в вашем, не в благополучии других, но лишь в самом благополучии».

Благополучие между мной и другими, в обществе. Я тоже жил тем, чего не делал раньше, но еще мог сделать. Я жил глубинами, и глубины заговорили. Глубины научили меня иной истине. Она для меня как слившиеся разумное и бессмысленно.

Я должен был осознать, что являюсь лишь выражением и символом души. В смысле духа глубин я, какой я есть в видимом мире — символ своей души, я всецело раб, полностью подчинен, совершенно послушен. Дух глубин учил меня говорить: «Я слуга ребенка». Через это я научился предельному смирению, чего мне больше всего требовалось.

Дух этого времени, конечно, позволил мне поверить в свой разум. Он дал мне увидеть себя в образе лидера с созревшими мыслями. Но дух глубин учит меня, что я слуга, действительно слуга ребенка. Эта максима была для меня невыносима, я ее

⁵² В 1912 г. Юнг утверждал, что изучения недостаточно, если хочешь стать «знатоком человеческой души». Чтобы сделать это, надо «отложить точную науку и отбросить мантию ученого, попрощаться с исследованиями и с человеческим сердцем странствовать по миру, через ужасы тюрем, сумасшедших домов и больниц, через темные пригородные пабы, бордели, подпольные казино, салоны высшего общества, биржи, встречи социалистов, церкви, возрождения и экстазы сект, испытать любовь, ненависть и страсть всех видов в собственном теле» («Новые пути психологии», CW 7, §409).

⁵³ В 1931 г. Юнг комментировал патологические последствия непрожитой жизни родителей на детях: «Что обычно имеет сильнейший душевный эффект на ребенка, так это жизнь, которую его родители... не прожили. Это утверждение покажется несколько поверхностным и неглубоким, если мы не добавим с оговоркой: та часть их жизней, которая могла бы быть прожитой, но не была прикрыта некими банальными оправданиями».

ненавидел. Но мне пришлось **признать и принять, что моя душа — ребенок, и что мой Бог в моей душе — ребенок.**⁵⁴

Если вы дети, ваш Бог — женщина.

Если вы женщины, ваш Бог — мальчик.

Если вы мужчины, ваш Бог — девушка.

Бог там, где вас нет.

Итак: мудро иметь Бога; это служит вашему совершенству.

Девушка — сокрытое в себе будущее.

Мальчик — порождающее будущее.

Женщина: давшая рождение.

Мужчина: зачавший.

Итак: если вы сейчас подобны детям, ваш Бог спустится с вершин зрелости к старению и смерти.

Но если вы взрослые существа, зачавшие или родившие, в теле или в душе, ваш Бог возносится из блистательной колыбели к неисчислимым высотам будущего, к зрелости и полноте грядущего времени.

Тот, кто живет до него — ребенок.

Тот, кто живет в настоящем — развившийся.

Итак, если вы живете всем, чем можете жить, вы выросли.

У того, кто ребенок в этом времени, Бог умирает.

У того, кто вырос к этому времени, Бог продолжает жить.

Дух глубин учит этой тайне.

Процветают и несчастны те, чей Бог вырос!

Процветают и несчастны те, чей Бог ребенок!

Что лучше, если жизнь лежит перед человеком или перед Богом?

⁵⁴ На семинаре в 1925 г. Юнг объяснял свои мысли в это время: «Эти идеи об аниме и анимусе постоянно вели меня все глубже в метафизические проблемы, и многие вещи требовали пересмотра. В то время я стоял на кантианских основах, что есть вещи, которые никогда не могут быть разрешены, и потому о них не следует размышлять, но мне казалось, что если я найду такие определенные идеи относительно анимы, это было бы все равно, что сформулировать концепцию Бога. Но я не могу придти ни к чему удовлетворительному и временами думал, что фигура анимы — это божество. Я сказал себе, что, возможно, изначально люди имели женского Бога, но устав от подчиненности женщинам, одолели этого Бога. Я практически свел всю метафизическую проблему к аниме и воспринимал ее как духа-властителя психики. Так я вступил с собой в психологический спор относительно проблемы Бога» («Аналитическая психология», стр. 46).

Я не знаю ответа. Живи; предоставь решать неизбежному.

Дух глубин учил меня, что моя жизнь объята божественным ребенком.⁵⁵ Из его рук приходит ко мне все неожиданное, все живое.

Ребенок — это все то, что я ощущаю в себе как вечно бьющуюся юность.⁵⁶

В ребячливых людях вы чувствуете безнадежную мимолетность. Все, что для вас уже ушло, для него впереди. Его будущее полно мимолетности.

Но мимолетность вещей, приходящих к вам, еще не переживалась человеческим смыслом.

Ваше продолжение жизни в том, чтобы жить тем, что впереди. Вы начинаете и рождаете то, что грядет, вы плодородны, вы живете предстоящим.

Детское бесплодно, то, что к нему приходит, уже зачиналось и успело зачахнуть. Оно не живет грядущим.⁵⁷

Мой Бог — это ребенок, так что не удивляйтесь тому, что дух этого времени разразился издевками и насмешками. Если я смеюсь над собой сам, никто больше надо мной не посмеется.

Ваш Бог не должен быть насмешником, иначе вы сами станете насмешником. Насмехайтесь над собой и поднимитесь над этим. Вы все еще не научились этому из древних священных книг, так идите сюда, пейте кровь и ешьте плоть того, над кем насмехались⁵⁸ и мучили ради наших грехов, чтобы вы полностью обрели его природу, отреклись от отделенности от него; не будьте им самим, ни христианами, ни Христом, иначе вы станете бесполезны для грядущего Бога.

Есть ли среди вас тот, кто считает, что сможет избежать пути? Может ли он избежать своего пути после боли Христа? Я говорю: «Такой обманывает себя, вредя

⁵⁵ В 1940 г. Юнг представил исследование мотива божественного ребенка в совместном с Карлом Кереньи труде (см. «О психологии архетипа ребенка», CW 9, 1). Юнг писал, что мотив ребенка часто появляется в процессе индивидуации. Он не представляет детство в буквальном смысле, что подчеркивается его мифологической природой. Он компенсирует односторонность сознания и пролагает путь для будущего развития личности. В некоторых случаях конфликта бессознательная психика производит символ, который соединяет противоположности. Ребенок и является таким символом. Он предвосхищает самость, которая производится синтезом сознательных и бессознательных элементов личности. Типичная судьба, что выпадает ребенку, указывает на характер событий, сопровождающих развитие самости. Чудесное рождение ребенка указывает, что оно происходит психически, а не физически.

⁵⁶ В 1940 г. Юнг писал: «важнейшим аспектом мотива ребенка является его будущий характер. Ребенок — это потенциальное будущее» («О психологии архетипа ребенка», CW 9, 1, §278).

⁵⁷ «Черновик» продолжает: «Друзья мои, как видите, благодать выросшим, а не ребячливым. Я благодарю Бога за это послание. Не дайте христианским учениям вас обмануть! Эти учения верны для самых зрелых умов ушедших времен. Сегодня оно служит умам незрелым. Христианство больше не дает благодати, а нам она все еще нужна. То, что я говорю вам, это путь грядущего, мой путь к благодати» (стр. 27).

⁵⁸ Т.е. Христа. Ср. Юнг, «Преображающий символизм мессы» (1942, CW 11).

самому себе. Он укладывается на тернии и огонь. Никому не избежать пути Христа, поскольку путь ведет к тому, что грядет. Все вы должны стать Христами.⁵⁹

Вам не превзойти старые учения, делая меньше, только лишь сделав больше. Каждый шаг к моей душе вызывает издевательский смех моих дьяволов, тех трусливых шептунов и отравителей. Им легко смеяться, ведь мне предстояло сделать странные вещи.

Карл Густав Юнг

Liber Novus,

Liber Primus

Глава 3 На службе души

На следующую ночь я должен был записать все сны, которые мог вспомнить, настолько точно, насколько возможно. Смысл этого действия мне был неясен. Зачем все это? Прости за протест, который во мне поднялся. Но ты хочешь, чтобы я это сделал. Что за странные вещи со мной происходят? Я знаю, многие не видят, по каким шатким мостам я иду. Куда ты меня ведешь? Если ты этого требуешь, да будет так. В этот час я твой. Что это, в чем здесь смысл? Лишь бессмыслица, или безумие, как мне кажется. Или здесь есть и высший смысл? В этом твой смысл, душа моя? Я хромаю вслед за тобой на костылях понимания. Я человек, а ты шагаешь, как Бог. Какая пытка! Я должен вернуться к себе, к малейшим вещам. Я вижу суть моей души как малое, презренно малое. Ты заставляешь меня смотреть на все как на большое, делаешь все большим. В этом твоя цель? Я следую за тобой, но это меня пугает. Услышь мои сомнения, иначе я не смогу за тобой последовать, ведь твой смысл – это высший смысл, а твои шаги как шаги Бога.

Я понимаю, я не должен думать иначе; может, и мыслей больше не должно быть? Я полностью предаю себя в твои руки – но кто ты? Я тебе не доверяю. Неужели моя любовь для тебя, моя радость в тебе? Я не доверяю ни одному доблестному человеку, и не тебе, моя душа? Твои руки тяжело легли на меня, но я снесу это, снесу. Разве я не хотел любить людей и доверять им, и не должен поступать так с тобой? Забудь мои сомнения. Я знаю, низко сомневаться в тебе. Я знаю, как трудно для меня отбросить гордость нищего, наполняющую мои мысли. Я забыл, что ты тоже из моих друзей, и тебе я должен доверять первой. Разве то, что я даю им, не должно принадлежать и тебе? Я осознаю, что несправедлив. Кажется, я отнесся к тебе с презрением. Моя радость найти тебя вновь не была предельной. Я также осознал, что издевательский смех во мне был справедлив.

Я должен научиться любить тебя. Оставить ли мне самоосуждение? Я боюсь. Тогда душа обратилась ко мне и сказала: «Этот страх свидетельствует против меня!» Это правда, он свидетельствует против тебя. Он убивает святое доверие между нами.

⁵⁹ В «Ответе Иову» Юнг отмечал: «Через обитание в человеке третьей божественной личности, а именно Святого Духа, возможна христификация многих» (1952, CW 11, §758).

Как тяжела судьба! Если сделаешь шаг к душе, сначала ты утратишь смысл. Ты решишь, что погружаешься в бессмысленность, в вечный беспорядок. И ты будешь прав! Ничто тебя не избавит от беспорядка и бессмысленности, ведь это иная половина мира.

Твой Бог – ребенок, если ты сам не ребенок. Ребенок – это порядок, смысл? Или беспорядок, чудачество? Беспорядок и бессмысленность – мать порядка и смысла. Порядок и смысл – вещи, появившиеся раз и навсегда.

Ты открываешь врата души, чтобы темный поток хаоса затопил твой порядок и смысл. Если ты сочетаешь упорядоченное с хаосом, то производишь божественного ребенка, высший смысл превышает смысл и бессмысленности.

Боишься открыть дверь? Я тоже боялся, ведь мы забыли, что Бог ужасен. Христос учил: Бог есть любовь. Но вы должны знать, что любовь также и ужасна.

Я обращаюсь к любящей душе и, приближаясь к ней, я предался ужасу, и выстроил стену сомнения, не подозревая, что так хотел защитить себя от своей пугающей души.

Ты ужасаешься глубин; они и должны тебя пугать, ведь путь того, что грядет, лежит через них. Ты должен вынести искушения страха и сомнения, и в то же время до мозга костей признать, что страх твой оправдан, а сомнение разумно. Каким же еще может быть подлинное искушение и превосхождение?

Христос полностью преодолел искушение дьявола, но не искушение Бога к добру и смыслу. Так Христос предался проклятию.

Тебе нужно этому научиться, не предаваться искушению, но поступать только по собственной воле; так ты станешь свободен и превзойдешь христианство.

Я должен был осознать, что должен предаться тому, чего боюсь; да, даже более того, я даже должен любить то, что меня ужасает. Мы должны научиться этому у святой, который опротивел мир из-за инфекции чумы; она пила гной из чумных нарывов и осознала, что он пахнет, как розы. Деяния святой не были напрасны.

Во всем, что касается спасения и стяжания благодати, ты зависишь от своей души. Потому никакая жертва не может быть слишком велика. Если добродетели препятствуют твоему спасению, откажись от них, ведь они для тебя стали злом. Рабу добродетели столь же недоступен путь, как и рабу пороков.

Если ты считаешь себя господином души, так стань ее слугой. Если ты был ее слугой, сделай себя господином, ведь ею нужно управлять. Таковы должны быть твои первые шаги.

В течение шести ночей дух глубин молчал во мне, пока я раскачивался между страхом, сопротивлением, отвращением и был жертвой своих страстей. Я не мог и не хотел слушать глубины. Но на седьмую ночь дух глубин сказал мне: «Смотри в свои глубины, молись глубинам, пробуди мертвых».

Но я стоял беспомощно и не знал, что мне делать. Я всматривался в себя, и единственное, что нашел внутри, было воспоминание о ранних снах, которые я записал, не зная, что из этого выйдет. Я хотел отбросить и вернуться к свету дня. Но дух остановил меня и заставил вернуться к себе.

Глава 4-1 Пустыня

⁶⁰Шестая ночь. Моя душа ведет меня в пустыню, в пустыню моего я. Я не думал, что моя душа – пустыня, выжженная, раскаленная пустыня, пыльная и безводная. Путешествие ведет через горячие пески, медленно пробираясь, безнадежно, без всякой видимой цели? Как мрачна эта пустошь. Кажется, путь уводит меня так далеко от человечества. Я иду, шаг за шагом, и не знаю, как долго продлится путешествие.

Почему мое Я в пустыне? Я слишком долго жил вне себя среди людей и событий? Почему я избегал своего Я? Я не осмеливался принять свое Я? Но я избегал мест своей души. Я был в своих мыслях, даже не будучи ни в людях, ни в событиях. Но не был собой, противостоял собственным мыслям. Я должен также подняться над своими мыслями, подняться к самому себе. Мое путешествие проходит здесь, и потому ведет прочь от людей и событий в одиночество. Это одиночество, быть с самим собой? Одиночество подлинно, только если Я – это пустыня.⁶¹ Должен ли я сделать из своей пустыни сад? Населить пустынные земли? Разбить воздушный магический сад в пустыне? Что ведет меня в пустыню и что мне здесь делать? Это обман, что я не могу больше доверять своим мыслям? Только жизнь подлинна, и только жизнь ведет меня в пустыню, действительно, не мое мышление, которое хотело бы вернуться к мыслям, людям и событиям, потому что чувствует опасность в пустыне. Душа моя, что мне здесь делать? Но моя душа обратилась ко мне и сказала: «Жди». Я слышал жестокое слово. Мучение свойственно пустыне.⁶²

Отдав своей душе все, что можно отдать, я пришел в места души и нашел, что это место – раскаленная пустыня, пустынная и бесплодная. Никакой культуры разума недостаточно, чтобы сделать из души сад. Я культивировал свой дух, дух этого времени во мне, но не дух глубин, который обратился к делам души, миру души. У души есть свой особенный мир. Только я входит сюда, или человек,

⁶⁰ 28 ноября 1913 г.

⁶¹ «Черная Книга 2» продолжает: «Я слышу слова: «Отшельник в собственной пустыне». Предо мной появляются монахи из сирийской пустыни» (стр. 33).

⁶² «Черная Книга 2» продолжает: «Я думаю в пустыне о христианстве. Физически древние уходили в пустыню. Попадали ли они в пустыню в глубинах собственного я? Или их я не было столь бесплодным и пустынным, как мое? Здесь они боролись с дьяволом. Я борюсь с ожиданием. Мне это не кажется проще, ведь это действительно раскаленный ад» (стр. 33).

полностью ставший самим собой, который не пребывает ни в событиях, ни в людях, ни в собственных мыслях. Отвращая желания от людей и вещей, я отвернул свое я от вещей и людей, но именно так стал верной жертвой собственных мыслей, да, я полностью стал своими мыслями.

Я также должен был отделаться от своих мыслей, отведя от них свои желания. И, наконец, заметил, что мое Я стало пустыней, где пылало лишь солнце беспокойного желания. Я был сражен бесконечной бесплодностью этой пустыни. Если что и могло процветать здесь, творческая сила желания все равно отсутствовала. Там, где есть творческая сила желания, вырастает семя самой почвы. Но не забудьте подождать. Разве вы не видите, что когда творческая сила желания обращена к миру, мертвые вещи движутся под ее действием и через нее, они растут и процветают, а ваши мысли текут обильными реками? Если же ваша творческая сила обращается к месту души, вы увидите, как ваша душа зеленеет, а ее поле рождает прекрасный плод.

Никому не избежать ожидания, и многие не вынесут этой пытки, но в жадности бросятся назад к людям, вещам и мыслям, чьими рабами, таким образом, станут. Так станет ясно, что этот человек не способен вырваться за пределы вещей, людей и мыслей, и они станут его повелителями, а он их шутом, ведь он не может без них, и его душа так никогда и не станет цветущим полем. Также и тот, чья душа – сад, нуждается в вещах, людях и мыслях, но он их друг, а не раб и не шут.

Все, что грядет, уже было в образах: чтобы найти свою душу, древние уходили в пустыню.⁶³ Это образ. Древние жили своими символами, ведь мир для них еще не стал реальным. Так они уходили в одиночество пустыни, чтобы научить нас, что место души – безлюдная пустыня. Там они нашли обилие видений, плоды пустыни, чудесные цветки души. Неустанно размышляйте об образах, которые оставили древние. Они показали путь грядущего. Оглянитесь на крах империй, роста и смерти, пустыни и монастырей, они образы того, что грядет. Все было предсказано. Но кто знает, как это истолковать?

Когда вы говорите, что места души нет, его и нет. Если вы говорите, что оно есть, оно действительно есть. Обратите внимание, что древние сообщили в образах: в начале было Слово.⁶⁴ Поразмыслите над этим.

Слова, что колеблются между бессмыслицей и высшим смыслом – древнейшие и самые подлинные.

⁶³ Ок. 285 г. св. Антоний ушел в отшельничество в египетскую пустыню, и за ним последовали другие отшельники, которых он и Пахомий организовали в коммуну. Так формировались основы христианского монашества, которое распространилось на палестинскую и сирийскую пустыни. К четвертому столетию в египетской пустыне были тысячи монахов.

⁶⁴ Ин. 1:1: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».

Глава 4-2 Переживания в пустыне

[Н1 iii(r) 2]

⁶⁵После тяжелой борьбы я слегка приблизился к тебе. Как трудна была эта борьба! Я пал в заросли сомнения, смятения и насмешки. Я осознаю, что должен быть наедине с душой. Я иду к тебе с пустыми руками, душа моя. Что ты хочешь услышать? Но моя душа заговорила и сказала: «Если ты приходишь к другу, ты приходишь, чтобы взять?» Я знаю, что это не должно быть так, но мне кажется, что я беден и пуст. Я бы хотел сидеть рядом с тобой и хотя бы почувствовать дыхание твоего оживляющего присутствия. Мой путь проходит в горячих песках. Все дни напролет, песчаные, пыльные пути. Мое терпение временами слабеет, и однажды я пришел в отчаяние от самого себя, как ты знаешь.

Моя душа ответила: «Ты говоришь со мной, как ребенок, жалующийся матери. Я не твоя мать». Я не хочу жаловаться, но позволь сказать, что мой путь долог и пылен. Ты для меня как тенистое дерево в пустоши. Я бы хотел насладиться твоей тенью. Но моя душа ответила: «Ты ищешь удовольствий. Где твое терпение? Для тебя время еще не пошло. Ты забыл, почему пошел в пустыню?»

Моя вера слаба, мой лик ослеплен сверканием пустынного солнца. Жар свинцом ложится на меня. Жажда мучает меня, я боюсь подумать, как бесконечно долог путь, и, самое главное, я ничего не вижу перед собой. Но душа ответила: «Ты говоришь так, будто все еще ничему не научился. Ты не можешь подождать? Все должно падать тебе на колени созревшим и законченным? Ты полон, да, ты просто переполнен стремлениями и желаниями! - Ты все еще не знаешь, что путь истины открыт только для тех, кто не таит намерений?»

Я знаю, все, что ты говоришь, о моя душа, также и моя мысль. Но едва ли я живу в соответствии с ней. Душа сказала: «Как, скажи мне, ты можешь считать, что мысли тебе помогут?» Я всегда буду ссылаться на то, что я человек, всего лишь человек, который слаб и иногда не справляется. Но душа сказала: «Ты думаешь, это и значит быть человеком?» Ты сложна, моя душа, но ты права. Как мало мы вверяем себя жизни. Мы должны расти, как дерево, которое также не знает своего закона. Мы связываем себя намерениями, не осознавая, что намерения становятся ограничениями, да, отвержением жизни. Мы считаем, что сможем осветить тьму

намерением, и с его помощью проложить путь свету.⁶⁶ Как мы можем заранее знать, откуда свет придет к нам?

Позволь пожаловаться только в одном: я страдаю от насмешек, моих насмешек. Но моя душа сказала мне: «Ты невысокого мнения о себе?» Я не считаю так. Она ответила: «Тогда слушай, ты невысокого мнения обо мне? Ты все еще не знаешь, что пишешь книгу не для того, чтобы подпитать свое тщеславие, а разговариваешь со мной? Как ты можешь страдать от насмешек, если обращаешься ко мне с теми словами, что я тебе дала? Так ты знаешь, кто я? Ты постиг меня, определил, вывел в мертвую формулу? Ты измерил мои пропасти, исследовал все пути, по которым я еще только собираюсь тебя вести? Насмешка не может задеть, если ты не тщеславен до мозга костей». Твоя истина тяжела. Я хочу сложить свое тщеславие перед тобой, поскольку оно меня ослепляет. Видишь, поэтому я думал, что мои руки пусты, когда пришел к тебе сегодня. Не предполагал, что это ты наполняешь пустые руки, если только они готовы раскрыться, хотя они не готовы. Я не знал, что я твой сосуд, пустой без тебя, а с тобой — наполненный до краев.

[2] Это была моя двадцать пятая ночь в пустыне. Столько времени потребовалось, чтобы пробудить душу от тенистого бытия к ее жизни, пока она не появилась предо мной как отдельное, свободное существо. И я воспринимал ее тяжелые, но целебные слова. Мне нужно было их принять, ведь я не мог преодолеть насмешку во мне.

Дух этого времени считает себя исключительно умным, как и каждый дух времени. Но мудрость простодушна, не только проста. Из-за этого умный человек издевается над мудростью, ведь издевка — его оружие. Он использует заточенное, ядовитое оружие, ведь он поражен наивной мудростью. Если бы он не был поражен, такое оружие и не понадобилось бы. Только в пустыне мы осознаем свое ужасное простодушие, но мы боимся его признать. «Потому мы такие насмешливые. Но издевка не стяжает простодушия. Насмешка падает на насмешника, и в пустыне, где никто не услышит и не ответит, он задыхается от собственных насмешек.

Чем умнее ты, тем глупее твое простодушие. Совершенно умные — полные дураки в своем простодушии. Нам не спасти себя от ума духа этого времени, увеличивая свой ум, но лишь принимая то, что противнее всего нашему уму, а именно простодушие. Но мы не хотим быть и искусственными дураками, ведь мы пали в простодушие, скорее мы будем умными дураками. Это ведет к высшему смыслу. Ум сочетается с намерениями. Простодушие не знаем намерения. Ум

⁶⁶ В «Комментарии к «Тайне Золотого Цветка» (1929) Юнг критиковал западную тенденцию к обращению всего в методы и намерения. Главный урок, представленный китайскими текстами и Мейстером Экхартом, был в том, чтобы позволять психическим событиям происходить, как им должно: «Давать вещам происходить, действие через недеяние, «отпускание себя» у Мейстера Экхарта — все это стало для меня ключом, которым смог открыть дверь на пути. Следует психически давать вещам происходить» (CW 13, §20).

завоевывает мир, а простодушие — душу. Так прими обет нищеты духа, чтобы воспринять свою душу.⁶⁷

Против этой насмешки восстал весь мой ум.⁶⁸ Многие посмеются над моей глупостью. Но никто не посмеется надо мной сильнее, чем я сам.

Так я превозмог насмешки. Но когда превозмог, я оказался рядом со своей душой, и она могла говорить со мной, и скоро мне предстояло увидеть, как пустыня зеленеет.

Глава 5 Грядущий спуск в Ад

81 Следующей ночью воздух был заполнен множеством голосов. Громкий голос позвал, "Я падаю." Другие кричали озадаченно и возбужденно в течении этого: "Куда? Что ты хочешь?" Должен ли я вверить себя этому замешательству? Я вздрогнул. Это устрашающая глубина. Вы хотите оставить меня на волю случая, безумию моей собственной темноты? Вянуть? Вянуть? Ты падаешь, и я хочу падать с тобой, кем бы ты ни был.

Дух глубин открыл мои глаза и я поймал проблеск внутренних вещей, мира моей души, многогранной и меняющейся. [Рис. iii(v) 1]

Я вижу серое каменное лицо с которым я погружаюсь в великие глубины.⁸² Я стою в черной грязи по щиколотки в темной пещере. Тени охватывают меня. Я схвачен страхом, но я знаю я должен идти внутрь. Я ползу через узкую расщелину в скале и достигаю внутренней пещеры чье дно покрыто черной водой. Но выше этого я схватываю проблеск светящегося красного камня которого я должен достичь. Я перехожу вброд грязную воду. Пещера полна пугающего шума пронзительных голосов.⁸³ Я беру камень, он закрывает темное отверстие в скале. Я держу камень в руке, вглядываясь вокруг вопросительно. Я не хочу слушать голоса, они держатся от меня в отдалении⁸⁴ Но я хочу знать. Здесь что-то хочет быть сказанным. Я прикладываю ухо к отверстию. Я слышу течение подземных вод. Я вижу окровавленную голову мужчины в темном потоке. Кто-то ранен, кто-то плавает там. Я принимаю эту картину в себя долгое время, дрожа. Я вижу большого черного скарабея плывущего дальше по темному потоку.

В самой глубине потока сверкает красное солнце, сияя через темную воду. Там я вижу—и ужас охватывает меня—маленьких змей на темных каменных стенах, стремящихся в глубины, где сверкает солнце. Тысячи змей толпятся, закрывая солнце. Падает глубокая ночь. Красный поток крови, появляется густая красная

⁶⁷ Христос предсказывал: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное» (Мф. 5:3). Во многих христианских сообществах члены принимали обет бедности. В 1934 г. Юнг писал: «Как в христианстве обет мирской бедности отвратил дух от богатств земли, так и духовная нищета ищет отказаться от ложных богатств духа, чтобы лишиться не только печальных пережитков — которые теперь называют себя протестантскими «церквями» - великого прошлого, но и от всех обольщений экзотических ароматов, чтобы наконец обратиться к себе, где в холодном свете сознания пустая бесплодность мира достигает самих звезд» («Об архетипах коллективного бессознательного», CW 9, 1, §29).

⁶⁸ «Черновик» продолжает: «Это тоже образ древних, который они символически проживали: отвергнутое богатство ради участия в добровольной нищете своих душ. Потому я должен был даровать своей душе крайнюю нищету и нужду. И насмешка моего ума снова восстала против» (стр. 47).

кровь, поднимаясь долгое время, потом опускаясь. Я схвачен страхом. Что я видел?
85 [Image iii(v) 2]

Излечи раны которые сомнение причиняет мне, душа моя. Это тоже должно быть преодолено, так чтобы я смог распознать твой высший смысл. Как все далеко, и как я повернулся назад! Мой дух – это дух мучения, он разрывает на куски мое размышление, он лишил бы все покрова и разорвал на куски. Я все еще жертва моих размышлений. Когда я смогу приказать моим мыслям быть тихими, так чтобы мои мысли, эти непокорные собаки, будут ползать у моих ног? Как я могу надеяться услышать твой голос громче, увидеть яснее твое лицо, когда все мои мысли завывают?

Я ошеломлен, но я хочу быть ошеломленным, так как я поклялся тебе, моя душа, доверять тебе даже если ты ведешь меня через безумие. Как я могу когда либо ходить под твоим солнцем если я не выпью горького настоя сна до дна? Помоги мне так чтобы я не захлебнулся собственным знанием. Полнота моего знания угрожает обрушиться на меня. В моем знании тысячи голосов, армия ревущая как львы; воздух дрожит когда они говорят, и я их беззащитная жертва. Держи это подальше от меня, наука которая как искусный знаток,⁸⁶ этот хозяин плохой тюрьмы который связывает душу и заключает ее в темную камеру. Но выше всего защити меня от змеи суждения, которая только представляется лечущей змеей, но в твоих глубинах это адский яд и агонизирующая смерть. Я хочу спускаться очищенный в твои глубины в белых одеждах и не врываться как какой-нибудь вор, хватающий что может и убегающий. Позволь мне пребывать в божественном⁸⁷ изумлении, так чтобы я был готов увидеть свои чудеса. Позволь мне положить голову на камень перед твоей дверью, так чтобы я был готов принять твой свет.

[2] Когда пустыня начинает расцветать, она приносит странные растения. Ты будешь считать себя сумашедшим, и в определенном смысле ты им и будешь.⁸⁸ До степени которой христианству этого времени не хватает безумия, ему не хватает божественной жизни. Заметь чему древние учили нас в изображениях: безумие - божественно.⁸⁹ Но поскольку древние проживали эти картины точно в событиях, это стало обманом для нас, так как мы стали хозяевами реальности этого мира. Это не спрашивается: если тыходишь в мир души, ты как безумец, и доктор посчитает тебя больным. То что я говорю здесь может выглядеть как болезнь, но никто не может видеть это как болезнь больше чем я.

Это как я преодолеваю безумие. Если вы не знаете что такое священное безумие, отложите суждения и ждите плохов.⁹⁰ Но знайте что есть священное безумие которое ничего другое чем преодоление духа этого времени через дух глубин. Говорите тогда о больных иллюзиях когда дух глубин не сможет больше оставаться внизу и вынуждает человека говорить языками взамен человеческой речи, и заставляет его верить что он сам есть дух глубин. Но также говорите о больных иллюзиях когда дух этого времени не оставляет человека и вынуждает его видеть только поверхность, для того чтобы отрицать дух глубин и принимать себя за дух времен. Дух этого времени безбожен, дух глубин тоже безбожен, баланс - божественен

Поскольку я был пойман в духе этого времени, тоже самое что случилось со мной этой ночью произошло и со мной, именно что дух глубин извергнулся с силой, и смел дух этого времени мощной волной. Но дух глубин получил эту силу, потому что я говорил со своей душой 25 ночей в пустыне и я дал ей всю мою любовь и повиновение. Но в течении 25 дней, Я отдал всю мою любовь и повиновение вещам, людям, и мыслям этого времени. Я шел в пустыню только ночью.

Так вы можете различить больные и божественные иллюзии. Если кто-либо имеет одни и не имеет другие вы можете назвать его больным так как он неуравновешен.

Но кто может выдержать страх без божественного опьянения и безумия которое приходит к нему? Любовь, душа и Бог прекрасны и ужасны. Древние привнесли некоторую красоту Бога в этот мир, и этот мир стал так прекрасен что он представился духу времени исполненным, и лучше чем за пазухой у Бога. Страх и жестокость мира лежат под покровами и в глубинах наших сердец. Если дух глубин схватывает тебя, ты почувствуешь жестокость и закричишь в муках. Дух глубин беременен льдом, огнем и смертью. Ты прав боясь духа глубин, так как он полон ужаса.

В эти дни ты видишь что дух глубин скучен. Ты не верил этому, но ты бы знал это если бы посоветовался со своим страхом.⁹¹

Кровь засверкала на меня из этого красного света кристалла, и когда я поднял его чтобы открыть его загадку, там лежать передо мной неоткрытый ужас: в глубинах того что должно прийти лежит убийство. Белокурый герой лежит убитым. Черный жук это смерть которая необходима для обновления; и и таким образом впоследствии, новое солнце засияло, солнце глубин, полное загадок, солнце ночи. И как восходящее солнце весны убыстряет мертвую землю, так и солнце глубин убыстрило мертвых, и так началась ужасная битва между светом и тьмой. И из этого взрыва мощный и непокоряемый источник крови. Это то что должно было прийти, что ты сейчас переживаешь в своей жизни, и это даже больше. (У меня было видение ночью 12 декабря 1913.)

Глубины и поверхность должны перемешаться так чтобы могла развиваться новая жизнь. И все же новая жизнь не развивается снаружи нас, но внутри нас. Что случается снаружи нас в эти дни это образ того что люди проживают в событиях, чтобы объявить этот образ древним в давние времена так что они смогут научиться от этого для самих себя, также как мы научились от образов которые древние проживали в событиях перед нами.

Жизнь не приходит из событий, но от нас. Все что случается снаружи уже было.

Таким образом если кто либо рассматривает события снаружи то видит только то что уже было, и это всегда одно и тоже. Но если кто либо смотрит внутрь, то он знает что все ново. События которые случаются всегда те же самые. НО созидательные глубины человека не всегда те же самые. События ничего не означают, они значат только внутри нас. Мы создаем смысл событий. Смысл есть и всегда был искусственным. Мы делаем это.

Из-за этого мы ищем в нас самих смысл событий, так что путь того что случится становится ясным и наша жизнь может течь снова.

То что вам нужно приходит от вас, а именно значение события. Значение событий это не их особенное значение. Это смысл существует в изученных книгах. Книги не имеют смысла.

Значение событий это путь спасения который вы создаете. Значение событий идет от возможности жизни в этом мире который вы создаете. Это власть этого мира и утверждение вашей души в этом мире.

Это значение событий - это наивысший смысл, это не в событиях, и не в душе, но это Бог стоящий между событиями и душой, посредник жизни, пути, моста и перехода через него.⁹¹

Я бы не смог бы видеть что должно прийти если бы я не видел это в себе.

Таким образом я принимаю участие в этом убийстве; солнце глубин также сверкает во мне после свершенного убийства; тысячи змей которые хотят пожрать солнце – они также во мне. Я сам убийца и убитый, жертвоприношение и жертвоприношение.⁹³ Поднимающийся из меня поток крови.

Вы все разделили убийство.⁹⁴ В вас возрожденный заново придет, и солнце глубин поднимется, и тысячи змей разовьются из вашего мертвого материала и упадут на солнце чтобы проглотить его. Ваша кровь потечет вперед. Народы продемонстрируют это в настоящее время в незабываемых действиях, которые будут записаны кровью в незабываемых книгах на вечную память.⁹⁵

Но я спрашиваю себя, когда люди нападут на своих братьев с мощным оружием и кровавыми актами? Они это делают если не знают что их брат это они сами. Они сами приносят жертву, но они и взаимно жертвы. Они должны все принести в жертву друг друга, так как время еще не пришло когда человек воткнет кровавый нож в самого себя, чтобы пожертвовать тем кого он убивает в своем брате. Но кого убивают люди? Они убивают знатных, смелых, героев. Они нацеливаются на них и не знают что имеют в виду себя. Они должны пожертвовать героем в самих себе, и поскольку они не знают этого, они убивают своего смелого брата.

Время еще не созрело. Но через эту кровавую жертву, оно должно созреть. И пока возможно убить брата взамен себя, время еще не созрело. Ужасные вещи должны случиться пока люди не созреют. Но из-за другого человечество не повзрослеет. Отсюда все что происходит сейчас в эти дни должно быть, так что обновление может прийти. Так как источник крови который следует за укрытием солнца это также источник новой жизни.⁹⁶

Так как судьба народов представлена вам в событиях, поэтому это случится в вашем сердце. Если герой в вас убит, тогда солнце глубин поднимается в вас, сверкая издали, из ужасного места. Но все тоже самое, все что до этого казалось было мертво в тебе оживет и превратиться в ядовитых змей которые покроют солнце, и ты упадешь в ночь и замешательство. И твоя кровь также потечет из многих ран в этой ужасной борьбе. Твои шок и сомнения будут велики, но из этой

муки будет рождена новая жизнь. Рождение это кровь и мучение. Твоя темнота, о которой ты не подозревал так как она была мертва, оживет и ты почувствуешь давление всеобщего зла и конфликты жизни которые все еще лежат похороненные в твоём теле. Но змеи это ужасные злые мысли и чувства.

Ты думал что ты знал что такое бездна? О вы умные люди! Испытать это - это нечто другое. Все случится с вами. Подумайте о всех страшных и дьявольских вещах которые люди навлекают на своих братьев. Это должно случиться с вами в вашем сердце. Переживите это сами через ваши собственные руки и знайте что это ваши отвратительные и дьявольские руки которые навлекают страдание на вас, это не ваш брат, который борется с его собственными демонами.⁹⁷

Я хотел бы чтобы вы увидели что означает убитый герой. Те безымянные люди которые в нашей жизни убили принца слепые пророки которые продемонстрировали в событиях что потом действительно только для души.⁹⁸ Через убийство принцев мы выучим что принц в нас, герой, в опасности.⁹⁹ Видится ли это как хороший или плохой знак это не должно волновать нас. То что ужасно сегодня хорошо через сотни лет, и через две тысячи лет снова плохо. Но мы должны осознать то что происходит: есть безымянные в вас которые угрожают вашему принцу, наследственному правителю.

Но другой правитель - это дух этого времени, который правит и ведет все в нас. Это общий дух в котором мы думаем и действуем сегодня. Он ужасной силы, так как он принес неизмеримо хорошее в этот мир и очаровал людей невероятным удовольствием. Он обвешан драгоценностями с наиболее красивыми героическими свойствами, и хочет вести людей к самым ярким звездным высотам, в вечном подъеме.¹⁰⁰

Герой хочет открыть все что он может. Но безымянный дух глубин пробуждает все что человек не может. Неспособность препятствует дальнейшему подъему. Большая высота требует больших качеств. Мы не владеем этим. Мы должны сначала создать это выучиваясь жить с нашей неспособностью. Мы должны дать этому жизнь. Ибо как по другому мы разовьем это в способность?'

Мы не можем убить нашу неспособность и подняться выше ее. Но это точно то что мы хотели. Неспособность превзойдет нас и потребует свою долю в жизни. Наша способность оставит нас, и мы будем верить, в духе этого времени, что это потеря. Но это не потеря а приобретение, не для внешних атрибутов, однако, но для внутренней способности.

Тот кто научился жить с неспособностью - многому научился. Это приведет нас к тому чтобы ценить самые малые вещи, и к мудрому ограничению, которое требует большая высота. Если стереть весь героизм, мы упадем назад в невзгоды человечества и даже в более худшее. Наши основы будут схвачены в возбуждении так как наше высочайшее напряжение, которое о том что лежит снаружи нас, взболтает их. Мы упадем в выгребную яму нашей преисподней, среди валунов всех столетий внутри нас.¹⁰¹

Героическое в вас это тот факт что вы управляетесь мыслью что это или то хорошо, что это или то свершение важно, эта или та причина спорна, эта или та

цель должна быть достигнута безрассудной старательной работой, это или то удовольствие должно быть безжалостно подавлено любой ценой. Следовательно вы грешите против неспособности. Но неспособность существует. Никто не должен отрицать ее, найдите недостаток с этим, или перекричите ее.102

81 Декабрь 12 1913. В *Исправленном Черновике: Иера Тайны. Первая ночь* (стр. 34). Далее в *Черной Книге 2*: "Прошлая битва была битвой с презрением. Видение из-за которого я не спал 3 ночи и три дня пытки уподобило меня аптекарю G. Keller (от начала до конца). Я знаю и я подтверждаю этот стиль. Я научился тому что надо отдавать сердце людям, но интеллект – духу человечества, Богу. Тогда Его работа может быть выше суеты, так как нет более лицемерной шлюхи чем интеллект когда он заменяет сердце" (стр. 41). Gottfried Keller (1819-1890) был швейцарским писателем. См. "Der Apotheker von Chamounix: Ein Buch Romanzen," в Gottfried Keller, *Gesammelte Gedichte: Erzählungen aus dem Nachlass* (Zurich: Artemis Verlag, 1984), стр. 351-417.

82 Далее в *Черновике*: "Карлик одетый полностью в кожу стоял перед этим, напоминая о входе" (стр. 48).

83. Далее в *Исправленном Черновике*: "Камень должен быть покорен, это камень мучения, красного света" (стр. 35). В *Исправленном Черновике*: "Это шестигранный кристалл который испускает холодный, красноватый свет" (стр. 35). Albrecht Dieterich ссылается на представление преисподней в *Лягушках* Аристофана (которое он понимал как Орфический источник) как имеющей большое озеро и место со змеями (*Nekyia: Beiträge zur Erklärung der neuentdeckten Petrusapokalypse* [Leipzig: Teubner, 1893], p. 71). Юнг подчеркнул эти мысли в своей копии. Dieterich ссылался на его описание снова на стр 83, которое Юнг отметил скраю, и подчеркнул "Темнота и Грязь" Dieterich также ссылался на Орфическое представление потока грязи в преисподней (стр. 81). В списке ссылок в конце его копии, Юнг отметил, "81 Грязь."

84. Далее в *Черной Книге*: "Эта черная дыра—Я хочу знать куда она ведет и о чем это говорит? Оракул? Это место Питий?" (стр. 43).

85. Юнг рассказал об этом эпизоде на семинаре в 1925, отмечая другие детали. Он сказал: "Когда я вышел из фантазии, я понял что мой механизм работал удивительно хорошо, но я был в великом замешательстве относительно тех вещей которые я видел. Свет в пещере от кристалла был, я думаю, как камень мудрости. Тайный убийца героя чего я не понимал совсем. Я конечно знал что жук был древним символом солнца, заходящего солнца, светящегося красным диском было архетипично. Змеи я думал должны были быть связаны с Египетским материалом. Я не мог тогда представить что это было так архетипично, мне не нужно было искать связей. Я был способен связать картину с морем крои о котором я перед этим фантазировал. / Хотя я не мог тогда схватить значимость убитого героя, вскоре у меня был сон в котором Зихфрид был убит мной. Это был случай разрушения героя идеала эффективности. Этим надо было пожертвовать чтобы могла быть сделана новая адаптация; короче, это связано с жертвованием высшей функции чтобы получить либидо необходимое чтобы активизировать низшие функции" (*Аналитическая Психология*, стр. 48). (Убийство Зигфрида происходит ниже в гл. 7.) Юнг также анонимно цитировал и обсуждал эту фантазию в его лекции ЕТН в июне 14,1935 (*Современная психология*, vols. 1. and 2, стр. 223).

86. В *Исправленном Черновике*, "наука" удалено (стр. 37).

87. В *Исправленном Черновике*, заменено на "более священный" (стр. 38).

88. В *Исправленном Черновике*., это предложение заменено на: "Безумие усиливается" (стр. 38).

89. Тема священного безумия имеет долгую историю. Ее locus classicus была дискуссия Сократа в *Phaedrus*: безумие, "которое приходит как дар небес, канал по которому мы принимаем величайшие благословения" (Plato, *Phaedrus and Letters VII and VIII*, tr. W Hamilton [London: Penguin, 1986], стр. 46, строка 244). Сократ различает 4 типа священного безумия (1) вдохновенное предсказание, такое как прорицательница в Дельфи; (2) примеры в которых люди, когда старые грехи приводили к бедам, предсказывали побуждали к молитве и преклонению; (3) владение Музами, так как технически подготовленный и нетронутый Музами никогда не будет хорошим поэтом; и (4) любовник. В Ренессансе, тема священного безумия была поднята Неоплатонистами такими как Фичино и гуманистами такими как Эрасмус. Дискуссия Эрасмуса особенно важна, так как она сплавляет платоническую концепцию с христианством. Для Эрасмуса, Христианство было высочайшим типом вдохновенного безумия. Как Плато, Эрасмус различает два типа безумия: "Таким образом поскольку душа использует свои органы правильно, человек называется разумным; но честно, когда она разрывает свои цепи и пытается быть свободной, убегая из тюрьмы, тогда это называется безумием. Если это случается через болезнь или дефект органов, тогда по общему соглашению это, просто безумие. И все же людей этого типа, также, мы находим предсказывающими вещи, знающими языки и писания которые они никогда не изучали—все вместе показывающее нечто божественное" (*in Praise of Folly*, tr. M. A. Screech [London: Penguin, 1988], стр. 128-29). Он добавляет что безумие "случается через божественный жар, это может и не быть тем же типом безумия, но это так что большинство людей не видят разницы." Для мирских людей, две формы безумия представляются одной. Счастье которое искало христианство было "ничем другим чем определенный тип безумия." Те кто переживал это "переживали нечто что напоминает безумие. Они говорят несвязно и неестественно, пронося звуки без смысла, и их лица внезапно изменяют выражение ... на самом деле они действительно рядом с сами собой" (*ibid.*, pp. 129-33).

- I*1815, the philosopher F.W.J. Шиллинг обсуждал священное безумие способом который близок к Юнгу, замечая что "Древние не говорили напрасно о священном и божественном безумии." Шиллинг это относил к "внутреннему само-терзанию природы." Он говорил что "ничего великого не может быть достигнуто без постоянной просьбы безумия, которое должно быть всегда преодолено, но никогда не быть в недостатке." С другой стороны, были трезвые духи в тех у кого не было следов безумия, вместе с людьми понимания которые производили холодные интеллектуальные работы. С другой стороны, "есть один тип человека который управляет безумием и точно в этой непомерности показывает высочайшую силу интеллекта. Другой тип управляется безумием и он тот кто действительно сумасшедший" (*The Ages of the World*, tr. J. Wirth [Albany: SUNY Press, 2000], стр. 102-4).
90. Применение понятия прагматического правила Уильяма Джеймса. Юнг читал поэму Джеймса *Прагматизм* в 1912, и она имела сильное влияние на его мысли. В предисловии к лекциям в университете Fordham, Юнг заметил что он взял прагматическое правило Джеймса как ведущий принцип (CW 4, стр. 86). См. *Jung and the Making of Modern Psychology: The Dream of a Science*, pp. 57-61.
91. Далее в Черновике: "Дух глубин был настолько чужд мне что это заняло 25 ночей чтобы понять его. И даже потом он был настолько чужд что я не мог ни посмотреть на него ни спросить. Он должен был прийти как странник издалека и из неслышанной стороны. Он должен был позвать меня. Я не мог обратиться к нему, зная его и его природу. Он дал знать о себе громким голосом, как в военной неразберихе с разнообразными шумными голосами этого времени. Дух этого времени поднялся во мне против этого незнакомца, и произнес воинственный клич вместе с его многими рабами. Я слышал шум этой битвы в воздухе. Потом дух глубин прорвался вперед и привел меня к самому внутреннему месту. Но он уменьшил до размеров карлика дух этого времени который был умен и светлив но все же был карликом. И видение показало мне дух этого времени сделанным из кожи, которая будучи спресованной суха и безжизненна. Он не мог предотвратить мой вход в темную преисподнюю духа глубин. К моему удивлению я понял что мои ступни погрузились в черную грязную воду реки мертвых. [В *Исправленном Черновике* добавлено: "поскольку это то откуда смерть", стр. 41] Тайна сверкающего красного кристалла была моей следующей целью" (стр. 54-55).
92. Далее в *Черновике*: "Моя душа это мой высший смысл, образ Бога, не самого Бога и не высшего смысла. Бог становится очевидным в высшем смысле человеческого сообщества" (стр. 58).
93. В "Трансформациях символизма в массе," (1942), Юнг прокомментировал идею идентичности жертвы и жертвоприносителя, особенно ссылаясь на видения Зосимоса из Панаполиса, философа и алхимика 3-го столетия. Юнг заметил: "То чем я жертвую это мое эгоистическое притязание, и делая это я сдаюсь. Каждое пожертвование таким образом, в большой или меньшей степени, это самопожертвование" (CW 11, §397). Ката Упанишад, гл. 2, стих 19. Юнг процитировал следующие 2 стиха Каты Упанишада насчет природы себя в 1921 (CW 6, §329). В копии Юнга есть линия на границе рядом с этими стихами в *Священных книгах Востока*, vol. XV pt. 2, p. 11. В "Снах," Юнг заметил в связи со сном "Мое интенсивное бессознательное отношение к Индии в Красной Книге" (стр. 9).
94. Юнг размышлял о теме коллективной вины в "После катастрофы" (1945, CW 10).
95. Ссылка на события первой мировой войны. Осенью 1914 (когда Юнг написал этот раздел "слой второй") была битва Марне и первая битва Ypres.
96. В его лекции в ЕТН 14 июня, 1935, Юнг прокомментировал частично ссылаюсь на эту фантазию, анонимно): "Лейтмотив солнца появляется во многих временах и местах и значение всегда одно и тоже—рождено было новое осознание. Это свет озарения который направлен в пространство. Это психологическое событие; медицинский термин "галлюцианция" не имеет смысла в психологии. / Катабасис играет очень важную роль в Средние Века и старые мастера полагали что восходящее солнце это новый свет в этом Катабасисе, lux moderna, драгоценность" (*Современная Психология*, стр. 231).
97. Далее в *Черновике*: "Мои друзья, Я знаю что я говорю загадками. Но дух глубин дал мне видение многих вещей чтобы помочь моему слабому пониманию. Я хочу сказать вам больше о своих видениях так чтобы вы лучше понимали какие вещи хотел бы дух глубин чтобы вы увидели. Пусть будет хорошо тем кто сможет их увидеть! Те кто не могут должны жить ими как слепой судьбой, в образах" (стр. 61).
98. В *Отношениях между Я и Бессознательным* (1927), Юнг ссылается на деструктивные и анархические аспекты которые образуются в обществах предписываемые пророчески склонными людьми через эффектные преступления такие как царубийство (CW 7 §240).
99. Политические убийства были частыми в начале XX столетия. Событие на которое ссылаются здесь это убийство герцога Франца Фердинанда. Мартин Гильберт описывает это событие, которое играло критическую роль в событиях которые привели к началу Первой мировой войны, как "поворотная точка в истории XX столетия" (*История XX столетия: Том Первый: 1900-1933* [London: William Morrow, 1977], стр. 308).
100. Далее в *Черновике*: "Когда я стремился к моему самому высокому мировому могуществу, дух глубин послал мне безмянные мысли и видения, которые смыли героические стремления во мне как наше время понимает их" (стр. 62).
101. Далее в *Черновике*: "Все что мы забыли будет оживлено, как каждая человеческая и божественная любовь, черные змеи и красное солнце глубин" (стр. 64).
102. 9 июня, 1917, была дискуссия по психологии мировой войны в ассоциации Аналитической Психологии последовавшая за презентацией Jules Vodoz на тему *Песня Роланда*. Юнг спорил что "Гипотетически мировая война может быть поднята на субъективный уровень. В деталях, авторитарный принцип (действующий на основе принципов) сталкивается с эмоциональным принципом. Коллективное бессознательное входит в лояльность с эмоциональным." Относительно герой, он сказал: "Герой—любимая

фигура людей, должен пасть. Все герои ломают себя неся героическое отношение выше определенного предела, и таким образом теряют свою опору" (MAP, vol. 2, p. 10). Психологическая интерпретация Первой Мировой войны на субъективном уровне описывает то что развивается в этой главе. Связь между индивидуальной и коллективной психологией, которую он обозначает здесь, формирует один из лейтмотивов его поздней работы (*Настоящее и Будущее* [1957], CW 10).

Глава 6 Расщепление Духа

Но на четвертую ночь я закричал, "Путешествие в Ад означает самому стать Адом.103 Это все ужасно запутанно и переплетено. На этом пустынном пути нет просто раскаленного песка, но также запутанные невидимые существа которые живут в пустыне. Я этого не знал. Путь только очевидно чист, пустыня только очевидно пуста. Она кажется населена волшебными существами которые смертельно прикрепляются ко мне и дьявольски изменяют мою форму. Я очевидно принял полностью монстрообразную форму в которой я больше не могу узнать себя. Мне кажется что я стал чудовищным животным ради которого я поменял свою человечность. Этот путь окружен злодейской магией, невидимые петли были брошены на меня и я был пойман в ловушку."

Но дух глубин приблизился ко мне и сказал, "Опустись в свои глубины, утони!"

Но я негодовал и сказал: "Как я могу утонуть? Я не могу это сам сделать."

Тогда дух произнес мои слова мне которые представились нелепыми, и он сказал, "Сядь, будь тихим."

Но я прокричал негодуя: "Как ужасно, это звучит бессмысленно, ты это тоже требуешь от меня? Ты свергнул могущественных Богов которые значили самое большее для нас. Моя душа, где ты? Я что вверил себя глупому животному, я что пью как пьяница до гроба, я заикаясь произношу глупости как лунатик? Это твой путь, моя душа? Кровь кипит во мне и я бы задушил тебя если бы я мог поймать тебя. Ты плетешь самую густую темноту и я как сумасшедший пойман в твою сеть. Но я жажду, научи меня."

Но моя душа сказала мне, "Мой путь светел."

Все же я возмущенно ответил, "Ты называешь светом то что мы люди называем самой худшей тьмой? Ты называешь день ночью?"

На это моя душа произнесла слова которые пробудили мой гнев: "Мой свет не из этого мира."

Я крикнул, "Я не знаю другого мира."

Душа ответила, "Он что не должен существовать потому что ты ничего о нем не знаешь?" Я: "Но наше знание? Что наше знание также не хорошо для тебя? Что будет, если не знание? Где безопасность? Где твердая почва? Где свет? Твоя темнота не только темнее ночи, но также и бездонна. Если это не будет знанием, тогда это может быть также без речи и слов?"

Моя душа: "Нет слов."

Я: "Прости меня, возможно я не расслышал, возможно я неправильно понимаю тебя, возможно я заманиваю себя в само-обман и мартышкин труд, и я жульнически скажусь на самого себя в зеркало, дурак в собственном сумашедшем доме. Возможно ты спотыкаешься о мою глупость?"

Моя душа: "Ты обманываешь сам себя, ты не обманываешь меня. Твои слова это ложь для тебя, не для меня."

Я: "Но я мог бы кататься в неистовой бессмыслице, и замышлять абсурдность и портить однообразие?"

Моя душа: "Кто дает тебе мысли и слова? Ты сам их делаешь? Ты же не мой раб, получаеть который лежит у моей двери и подбирает мое подаяние? И ты осмеливаешься думать что то что ты замышляешь и говоришь может быть бессмыслицей? Ты что еще не знаешь что это идет от меня и принадлежит мне?"

И я закричал полный гнева, "Но мое возмущение должно так же приходить от меня, и во мне ты возмущаешься против себя." И моя душа произнесла двусмысленные слова: "Это гражданская война."104

Я был подавлен болью и гневом, и я ответил, "Как болезненно, моя душа, слышать тебя использующую пустые слова; Мне плохо. Комедия и чепуха—но я сочувствую. Я также могу ползти через грязь и наиболее презираемую банальность. Я могу есть пыль; которая часть Ада. Я не уступаю, я непокорен. Вы можете продолжать выдумывать пытки, монстров с паучьими ногами, нелепых, отвратительных, ужасные театральные представления. Пдходите ближе, я готов. Готов, моя душа, ты которая дьявол, бороться с тобой тоже. Ты надела маску Бога, и я поклонялся тебе. Теперь ты надеваешь маску дьявола, ужасную, маску банальной, вечной посредственности! Только одно желание! Дай мне момент чтобы оступить и подумать! Стоит ли того борьба с этой маской? Стоила ли маска Бога поклонения? Я не могу это делать, страсть к битве горит в моих членах. Нет, Я не могу оставить поле битвы как проигравший. Я хочу схватить тебя, раздавить тебя, обезьяна, шут. Горе если борьба эта не на равных, мои руки хватают воздух. Но твои удары – также воздух, и я вижу обман"

Я нахожу себя снова на пустынном пути. Это было пустынное видение, видение одинокого который скитался по длинным дорогам. Там скрываются невидимые грабители и убийцы и стрелки отравленными стрелами. Предположите что смертельная стрела застряла в моем сердце?

Как первое видение предсказало мне, убийца появился из глубин, и пришел ко мне как в судьбе народов этого времени, появился безымянный и навел оружие убийства на принца.105

Я чувствовал себя превращенным в алчную тварь. Мое сердце накалилось в гневе против высоких и любимых, против моего принца и героя, также как безымянный, движимый жадностью на убийство, уколотивший своего дорогого принца. Поскольку я нес убийство в себе, я предвидел это.106

Поскольку я нес войну в себе, я предвидел ее. Я чувствовал себя преданным и оболганным своим королем. Почему я так чувствовал? Он не был таким каким я

хотел бы чтобы он был. Он был другим чем я ожидал. Он должен был быть королем в моем смысле, но не в его смысле. Он должен быть тем что я называю идеальным. Моя душа представилась мне пустой, безвкусной и бессмысленной. Но то что я думал он ней на самом деле было действительно для моего идеала.

Это было видение пустыни, Я боролся с зеркальными изображениями себя. Это была гражданская война во мне. Я сам был убийцей и убитым. Смертельная стрела застряла в моем сердце, и я не знал что это означает. Мои мысли были убийцей и страхом смерти, который распространился как яд по всему моему телу.

И такой же была судьба людей: Убийца одного был отравленной стрелой которая полетела в сердца людей и разожгла свирепейшую войну. Этот убийца это возмущение неспособности против воли, предательство Иуды которое каждый хотел бы чтобы сделал кто-либо другой.¹⁰⁷ Мы все еще ищем козла, которые должен нести наш грех.¹⁰⁸

Все что становится слишком старым становится злом тоже самое это правда ваших высочайших.. Научись от мук распятого Бога которого каждый может предать и распять, а именно Бога старого года, если Бог прекращает быть путем жизни, он должен тайно упасть.¹⁰⁹

Бог сам станет болен если он переступит высоту зенита. Поэтому дух глубин взял меня когда дух этого времени привел меня к вершине."⁰

103.В *Превыше Добра и Зла*, Ницше писал: "Любой кто борется с монстрами должен позаботиться чтобы в процессе он сам не стал монстром. И если вы долго вглядываетесь в бездну, то бездна вглядывается назад в вас" (tr. Marion Faber [Oxford: Oxford University Press], 1998, §146, стр. 68).

104.Далее в *Черной Книге*: "Ты что неврастеник? Ты что неврастеник?" (стр. 53).

105.См. замечание 99, стр. 240.

106.Далее в *Черновике*: "Мои друзья, если бы вы знали какие глубины будущего вы несете внутри вас! Те кто смотрит в собственные глубины, смотрит на то что должно прийти" (стр. 70).

107.Далее в *Черновике*: "Но также как Иуда – это необходимая связь в цепи работы искупления, то и это наше Иудовское предательство героя также необходимый проход к искуплению" (стр. 71). В *Трансформациях и Символах Либида* (1912), Юнг обуждал видение Abbe Oegger, в истории Анатоля Франса *Lejardin d'Epicure*, который утверждал что Бог выбрал Иуду как инструмент завершения работы Христа по искушению (*CW B*, §52).

108.Cf. Leviticus 16:7-10: "И он должен взять двух козлов, и представить их перед Богом у двери шатра собрания. И Аарон должен бросить жребий на этих двух козлов; один для Бога и другой для козла отпущения. И Аарон должен принести козла на которого упал жребий Бога, и предложить ему как предложение греха. Но тот козел, на котрого упал жребий козла отпущения, должен быть представлен живым перед Богом, чтобы сделать искупление с ним, и позволить ему идти за козлом отпущения в пустыню."

109.Далее в *Черновике*: "это то чему древние научили нас" (стр. 72).

110.Далее в *Черновике*: "Те кто бродят в пустыне испытывают все что относится к пустыне. Древние описали это нам. Мы можем начиться у них. Откройте дресние книги и научитесь тому что придет к вам в одиночестве. Все будет дадено вам и ничего для вас не пожалеется, сострадание и мука" (стр. 72).

Глава 7 Убийца Героя

[HI iv(v)]m Cap. vii.⁶⁹

Следующей ночью, однако, у меня было видение:¹¹² Я был с кем-то молодым в высоких горах. Это было перед рассветом, восточное небо было уже светлым. Потом горн Зихфрида раздался над горами ликующим звуком."³ Мы знали что наш смертельный враг идет. Мы были вооружены и скрывались около узкого каменистого пути чтобы убить его. Потом мы увидели его едущего высоко через горы на колеснице сделанной из костей мертвых. Он вел ее смело и великолепно через крутые скалы и прибыл к узкому пути где мы ждали прячась. Когда он подъехал к повороту впереди нас, мы выстрелили одновременно и он упал убитый. Я

повернулся бежать и обрушился ужасный дождь. Но после этого¹¹⁴ Я прошел через муку до смерти и упал уверенный что я должен убить себя, если я не смог решить загадку убийцы героя.¹¹⁵

Тогда дух глубин подошел ко мне и сказал такие слова: "Высочайшая правда одна и такая же как абсурд." Это утверждение спасло меня, и как дождь после долгой жары, это смыло все во мне что было слишком напряжено.

Тогда у меня было второе видение:¹¹⁶ Я видел прекрасный сад, в котором формы ходили одетые в белый шелк, все покрытые цветным светом, одни красноватым, другие голубоватым и зеленоватым."⁷ [Image iv(v)]

Я знаю, я шагал через глубины. Через вину я возродился."⁸

[2] Мы также живем в своих снах, мы живем не только днем. Иногда мы заканчиваем наши величайшие деяния в снах."⁹

Этой ночью моя жизнь была в опасности так как я должен был убить моего господина и Бога, но не в единственной битве, поскольку кто из смертных может убить Бога на дуэли? Вы можете добраться до Бога только через убийцу,¹²⁰ если вы хотите превзойти его.

Но это самое горькое для смертных: наши Боги хотят превосходить, так как они требуют обновления. Если люди убьют своих принцев, они делают это поскольку они не могут убить своих Богов, и потому что они не знают что они должны убить своих Богов внутри себя.

Если Бог становится старым, он становится тeneвым, бессмысленным и падает. Величайшая истина становится величайшей ложью, ярчайший день становится темнейшей ночью.

Поскольку дню нужна ночь и ночи день, также и смысл требует абсурда и абсурд требует смысла.

День не существует через себя, ночь не существует через себя.

Реальность которая существует через себя это день и ночь.

Таким образом реальность это смысл и абсурд.

Полдень это момент, полночь это момент, утро идет от ночи, вечер превращается в ночь, но вечер идет от дня и утро превращается в день.

Итак смысл это момент и переход от абсурда к абсурду, и абсурд это только момент и переход от смысла к смыслу.²¹

О этот Зигфрид, голубоглазый блондин, германский герой, должен был пасть от моей руки, самый преданный и смелый! Он имел все которое я ценил как более великое и красивое; он был моей властью, моей смелостью, моей гордостью. я бы потерпел неудачу в битве, и поэтому для меня было оставлено только убийство. Если бы я хотел продолжать жить, это могло бы быть только через обман и хитрость.

Не судите! Подумайте о блондинах дикарях в германских лесах, которые должны были предать гром размахивающий молотом ради бледного ближневосточного Бога которого пригвоздили к дереву как курицу. Смелых превзошли определенным презрением к самим себе. Но их жизненная сила предлагала им продолжать жить, и они предали своих прекрасных диких Богов, свои святые деревья и свое благоговение перед германскими лесами.¹²²

Что Зигфрид означал для Германцев! Что говорит нам то что германцы переживают смерть Зигфрида! И поэтому я почти предпочитаю убить себя чтобы спасти его. Но я хотел продолжать жить с новым Богом.¹²³

После смерти на кресте Христос пошел в преисподнюю и стал Адом. Таким образом он принял форму Антихриста, дракона. Изображение Антихриста, которое предстало перед нами от древних, провозглашает нового Бога, чье пришествие предсказывали древние.

Боги неизбежны. Чем больше вы бежите от Бога, тем наиболее вероятно вы упадете ему в руки.

Дождь это большой поток слез который падет на народы, слезное наводнение отпущенного напряжения после сжатия смерти обременило народы ужасающей силой. Это скорбь мертвых во мне, которая предшествует похорогам и возрождению. Дождь это плодотворение земли, он порождает новую пшеницу, молодого, растущего Бога.124

in Это относится к оплакиванию смерти героя.

112.18 Декабря, 1913. В *Черной Книге*: "Следующая ночь была ужасна. я проснулся вскоре от страшного сна" (стр. 56). В *Черновике*: "могущественное видение поднялось из глубин" (стр. 73).

113. Зигфрид был героическим принцем который появляется в старом германском и скандинавском эпосе. В XX столетии *Нибелунг* описывается так: "И в каком великолепном стиле ездил Зигфрид! Он нес большое копье, с крепким древком и широким наконечником; его красивый меч доставал до его шпор; и прекрасный горн который это господин нес был из красноватого золота" (tr. A. Natto [London: Penguin, 2004], стр. 129). Его жену, Брунхильд, обманом заставили открыть единственное место где он мог быть ранен и убит. Вагнер переработал эти эпосы в *Кольце Нибелунга*. В 1912, в *Трансформациях и Символах Либида Юнг представил психологическую интерпретацию Зигфрида* как символа либидо, главным образом цитируя либретто Вагнера к *Зигфриду* (CW B, §568f).

114. Далее в *Черновике*: "После этого видения во сне" (стр. 73).

115. В *Черной Книге 2*, Юнг заметил: "Я шагал легко вверх по невероятно крутому пути и позже помог своей жене, которая следовала за мной более медленным шагом, поднимаясь. Некоторый высмеивали нас, но мне было все равно, так как это показывало что они не знали что я убил героя" (стр. 57). Юнг подробно описывал этот сон на семинаре в 1925, делая ударение на разных деталях. Он представил это со следующими замечаниями: "Зигфрид больше не был особенной фигурой для меня которой я сочувствовал, и я не знаю почему мое бессознательное было поглощено им. Зигфрид Вагнера, особенно, преувеличенно экстравертен и временами действительно нелеп. Мне никогда он не нравился. Тем не менее сон показал что он мой герой. Я не мог понять сильную эмоцию которая у меня была во сне." После пересказывания сна, Юнг заметил: "Я чувствовал огромную жалость за него [Зигфрида], как будто в меня самого выстрелили. я должно быть имел героя которого не ценил, и это был мой идеал силы и эффективности который я убил. Я убил свой интеллект, в чем мне помогла персонификация коллективного бессознательного, маленький коричневый человек во мне. Другими словами, я сверг мою лучшую функцию . . . Дождь был символом отпущения напряжения; силы бессознательного были отпущены. Когда это случилось, это вызвало чувство облегчения. Вина была искуплена потому что, как только главная функция низложена, есть шанс для других сторон личности быть рожденными к жизни" (*Аналитическая Психология*, стр. 56-57). В *Черной Книге 2*, и в его более поздних заметках об этом сне в *Воспоминаниях* (стр. 204), Юнг сказал что он чувствовал что он бы убил себя если бы не разрешил эту загадку.

116. Далее в *Черновике*: "и я снова заснул. Второе видение пришло ко мне во сне" (стр. 73-74)-

117. Далее в *Черновике*: "Эти огни напонили мой разум и чувства. И снова я заснул как выздоравливающий" (стр. 74).

Юнг подробно рассказывал этот сон Aniela Jaffe, и сказал что после того как он встретился с тенью, как во сне с Зигфридом, этот сон выражал идею что он был одной вещью и другой еще где-то одновременно. Бессознательное выросло выше его, как нимб святого. Тень была как слегка окрашенная сфера которая окружала людей. Он думал что это было видение свыше, где у людей есть полнота. (MP, стр. 170).

118. Далее в *Черновике*: "Промежуточный мир это мир простейших вещей. Это не мир намерения и повелевания, но случайный мир неопределенных возможностей. Здесь следующие пути маленькие, неширокие, прямые шоссе, над ними нет рая, и под ними нет ада" (стр. 74). В октябре 1916, Юнг говорил несколько раз в психологическом клубе, "Адаптация, индивидуация и коллективность" в которых он прокомментировал важность вины: "первый шаг в индивидуации это трагическая вина. Накапливание вины требует искупления" (CW 18, §1094).

119. Здесь в *Черновике* есть дополнение: "Ты что улыбаешься? Дух этого времени хотел бы заставить тебя верить что глубины это не мир и не реальность" (стр. 74).

120. Далее в *Черновике*: "Иуда" (стр. 75).

121. Далее в *Черновике*: "Мое видение во сне показало мне что я не был один когда я совершил это. Мне помог молодой, который был моложе меня; омоложенная версия меня" (стр. 76).

122. Далее в *Черновике*: "Зигфрид должен был умереть, как и Вотан" (стр. 76). В 1918, Юнг написал об эффектах введения христианства в Германию: "Христианство раздвоило германских варваров на верхнюю и нижнюю половины помогло им, путем подавления темной стороны, приручить светлую сторону приспособить ее для культуры. Но нижняя, темная половина все еще ждет освобождения и второго приручения. До этого, она будет оставаться ассоциированной с остатками предыстории, с коллективным бессознательным, которое должно означать особенную и увеличивающуюся активацию коллективного бессознательного. ("О Бессознательном," CW 10, §17). Он развил эту ситуацию в "Вотане" (1936, CW 10).

123. В *Черновике*, это предложение такое: "Мы хотим продолжать жить с новым Богом, героем выше Христа" (стр. 76).

Для Aniela Jaffe, он рассказал что он думал о себе как о преодолевающем герое, но сон показал что герой должен быть убит. Это преувеличение воли было представлено Германцами в то время, такими как линия Зигфрида. Голос внутри него сказал, "Если ты не поймешь сна, ты должен застрелить себя!" (MP, p. 98, *Воспоминания*, стр. 204). Подлинная

линия Зигфрида была защищающейся основанной немцами в северной Франции в 1917 (на самом деле это была ветка линии Гиденбурга).

124. Тема умирающего и воскрешающегося Бога заметно представлена в *Золотом Суге* Джеймса Фрейзера: *Обучение в Магии и Религии* (London: Macmillan, 1911-15), которую Юнг заимствовал в *Трансформациях и Символах Либида* (1912).

Глава 8 Зачатие Бога

Потом на вторую ночь, я говорил со своей душой и сказал, "Этот новый мир представляется мне слабым и искусственным. Искусственный это плохой мир, но горчичное семя которое растет в дереве, слово которое было зачато в матке девственницы, стало Богом для которого земля была предметом."¹²⁵

Как я говорил это, дух глубин внезапно поднялся. Он наполнил меня опьянением и туманом и сказал эти слова мощным голосом: [OB iv (v)] "Я принял твой побег, ты который должен прийти!

Я принял его в глубочайшей нужде и смиренности.

Я покрыл его потрепанной мозаикой и уложил на ночлего на бедные слова.

Насмешка поклонялась этому, твой ребенок, твой удивительный ребенок, ребенок того кто должен прийти, кто должен объявить об отце, фрукт который старше дерева на котором он вырос.

В боли ты зачат радость это твое рождение.

Страх это твой вестник, сомнение стоит справа от тебя, разочарование слева.

Мы проходили в нашей смехотворности и бесчувственности когда мы поймали твой взгляд.

Наши глаза ослепли и наше знание упало безмолвно когда мы приняли твое сияние.

Ты новая искра вечной жизни, в какую ночь ты был рожден?

Ты отожмешь истинных молящихся от верующих в тебя, и они должны говорить о твоей славе языками которые чудовищны для них.

Ты зайдешь к ним в час их позора, и они узнают волю в том что они ненавидят, боятся и питают отвращение.¹¹⁶

Твой голос, редчайший приятный звук, будет услышан среди заикания несчастных, отвергнутых и осужденных как ничтожные.

Твое царство будет тронато руками тех кто также преклонялся перед наиглубочайше смиренными, и чье стремление вело их через грязный прилив зла.

Ты дашь свои дары тем кто молится тебе в страхе и сомнении, и твой свет просияет на тех чьи колени должны быть преклонены перед тобой безвольно и которые наполнены возмущением.

Твоя жизнь с ним кто превзошел себя / [ОВ v(r)] и который отрекся от преодоления себя.117

Я также знаю что спасение милосердия дается только тем которые верят в высочайшее и предадут себя без веры за тридцать кусочков серебра.118

Те кто измажут свои чистые руки и изменяют их лучшему знанию ради ошибки и возьмут достоинства из могилы убийцы приглашены на твой величайший пир.

Созвездие твоего рождения это больная и меняющаяся звезда.

Те, о ребенок который должен прийти, есть чудеса которые будут нести доказательство что ты истинный Бог."

Когда мой принц упал, дух глубин открыл мое видение и позволил мне осознать рождение нового Бога.

Божественный ребенок приблизился ко мне из ужасного двусмыслия, ненавидимый-красивый, злой-хороший, смеющийся-серьезный, больной-здоровый бесчеловечный-человечный и несправедливый-справедливый.129

Я понял что Бог¹³⁰ которого мы ищем в абсолюте не может быть найден в абсолютной красоте, добре, серьезности, возвышенности, человечности и даже в набожности. Когда-то Бог был там.

Я понял что новый Бог будет в отношении. Если Бог это абсолютная красота и доброта, как он должен заключать в себе полноту жизни, которая красива и ненавистна, хороша и зла, смеющаяся и серьезная, бесчеловечная и человеческая? Как может человек жить в матке Бога если Божественность сама присутствует только в его половине?131

Если мы поднялись вблизи высот добра и зла, тогда наше плохое и ненавистное лежит в крайней муке. Мука человека так велика и дух высот так слаб что он едва ли может больше жить. Хорошее и прекрасное замерзают в лед абсолютной идеи,¹³² и плохое и ненавистное the bad and hateful становятся грязными лужами полными безумной жизни.

Таким образом после своей смерти Христос должен был отправиться в ад, или подъем на небеса стал бы невозможным для него. Христос должен был стать своим Антихристом, своим братом из преисподней.

Никто не знает что случилось в течении 3 дней пока Христос был в аду. Я это пережил.¹³³ Люди былого говорили что он проповедовал там чтобы умереть.¹³⁴ То что они говорят это правда, Но знаешь ли ты как это случилось?

Это был глупый мартышкин труд, зверский адский маскарад самых священных тайн. Как по-другому Христос мог спасти своего Антихриста? Прочтите

неизвестные книги древних, и вы многому там научитесь. Заметьте что Христос не остался в Аду, но поднялся до небес.135

Наше убеждение о ценности хорошего и прекрасного стало сильным и непоколебимым, поэтому жизнь может расширяться выше этого и все еще исполнять все что лежит связанным и томящимся. Но связанное и томящееся это также плохое и ненавистное. Вы снова возмущены насчет плохого и ненавистного?

Через это вы можете узнать как велика их сила и ценность для жизни. Вы думаете это мертво в вас? Но это мертвое также может превратиться в змей.136 Эти змеи уничтожат принца ваших дней.

Ты видишь какая красота и радость приходят на людей когда глубины освобождают эту величайшую войну? И все же это было ужасным началом.137

Если у нас нет глубин, как у нас будут высоты? Все же ты боишься глубин, и не хочешь признаться что ты боишься их. Это хорошо, однако, что вы боитесь себя; скажите это громко что вы боитесь себя. Это мудро бояться себя. Только герои говорят что они бесстрашны. Но вы знаете что случается с героями.

Со страхом и дрожью, осматриваясь вокруг с недоверием, идите так в глубины, но не делайте это в одиночку; двое или больше это более безопасно так как глубины полны убийства. Также приготовьте себе путь к отступлению. Идите осторожно как будто вы трусы, так вы опередите душу убийц.138 Глубины хотят пожрать вас целиком чтобы вы зазлебнулись в грязи.

Он тот кто путешествует в Ад также становится Адом; таким образом не забывайте откуда вы пришли. Глубины сильнее вас; так что не будьте героями, будьте умными и бросьте героизм, так как нет ничего опаснее чем играть героя. Глубины хотят удержать вас; они не вернули многих, и поэтому люди убежали от глубин и атаковали их.

Что если глубины, из-за нападения, теперь преобразуют себя в смерть? Но глубины и в самом деле преобразовали себя в смерть; таким образом когда она просыпаются они навлекают тысячекратную смерть.139 Мы не можем убить смерть, так как мы уже взяли всю жизнь от нее. Если мы все еще хотим преодолеть смерть, тогда мы должны воодушевить ее.

Таким образом в вашем путешествии обязательно берите золотые чаши полные сладкого питья жизни, красного вина, и давайте это материи смерти, чтобы она могла выиграть жизнь назад. Материя смерти преобразуется в черных змей. Не пугайтесь, змеи сразу погасят солнце ваших дней, и ночь с удивительными ускользящими целями овладеет вами.140

Имейте усердие чтобы пробудить мертвых. Ройте глубокие шахты и бросайте в них жертвенные дары, так чтобы они достигли мертвых. Подвергните сомнению зло в хорошем сердце, это путь для подъема. Но перед подъемом, все есть ночь и ад.

Что вы думаете о сущности Ада? Ад это когда глубины приходят к вам со всем чем вы больше не являетесь или чего больше не можете. Ад это когда вы не можете больше достичь что могли достичь. Ад это когда вы должны думать и чувствовать и

делать все что вы знаете чего вы не можете. Ад это когда вы знаете что то что вы должны это то что вы хотите, И что вы сами ответственны за это. Ад это когда вы знаете что все серьезное что вы планировали для себя также смешно, что все возвышенное также жестокое, что все хорошее это также плохое, что все высокое это также низкое, и что все приятное также позорное.

Но глубочайший Ад это когда вы понимаете что Ад это также не Ад, но радостные Небеса, не Небеса в себе, но Небеса в этом отношении, и в этом отношении Ад.

Это есть двусмысленность Бога: он рожден из темной двусмысленности и поднимается к сверкающей двусмысленности. Недвусмысленность это простота и она приводит к смерти.¹⁴¹ Но двусмысленность это путь жизни.¹⁴² Если левая ступня не двигается, тогда двигается правая, и вы движетесь. Бог желает этого.¹⁴³

Вы говорите: Христианский Бог это недвусмысленность, он есть любовь.¹⁴⁴ Но что более двусмысленно чем любовь? Любовь это путь жизни, но ваша любовь только на пути жизни если у вас есть левое и правое.

Нет ничего легче чем играть в двусмысленность и ничего более трудного чем жить двусмысленностью. Тот кто играет это ребенок; его Бог стар и умирает. Тот кто живет тот пробужден; его Бог молод и продолжает жить. Тот кто играет прячется от внутренней смерти. Тот кто живет чувствует движение вперед и бессмертие. Таким образом оставьте игру игрокам. Дайте упасть тому что должно упасть; если вы остановите это, это уничтожит вас. Есть истинная любовь которая не касается себя с соседями.¹⁴⁵

Когда герой был убит и смысл был признан в абсурде, когда все напряжение обрушилось вниз из беременных туч, когда все стало трусливым и смотрело на собственное спасение, я осознал рождение Бога.¹⁴⁶ Противостоя мне, Бог погрузился в мое сердце когда я был смущен насмешкой и поклонением, горем и смехом, "да" и "нет".

Он поднялся из слияния вместе двоих. Он был рожден как ребенок из моей собственной человеческой души, которая зачала его с сопротивлением как девственница. Так это относится к образу которые древние дали нам.¹⁴⁷ Но когда мать, моя душа, была беременна Богом, я не знал этого. Даже казалось мне как будто моя душа была Богом, хотя он жил только в ее теле.¹⁴⁸

И таким образом метафора древних выполнена: Я преследовал свою душу чтобы убить ребенка в ней. Поскольку я также худший враг моего Бога.¹⁴⁹ Но я также понял что выбор моей вражды был сделан в Боге. Он есть насмешка, ненависть и злость, так как это также путь жизни.

Я должен сказать что Бог не должен приходить в существо перед тем как герой убит. Герой как мы понимаем его стал врагом Бога, так как герой это совершенство. Боги завидуют совершенству человека, потому что совершенству не нужны Боги. Но поскольку никто не совершенен, нам нужны Боги. Боги любят совершенство потому что это всеобщий путь жизни. Но Боги не с тем кто желает быть совершенным, потому что он имитация совершенства.¹⁵⁰

Имитация была путем жизни когда людям все еще был нужен героический прототип.¹⁵¹ Обезьяний способ это путь жизни для обезьян, и для человека пока он как обезьяна. Человеческое обезьянничанье продолжается ужасно долго, но придет время когда отпадет кусок этого обезьянничанья от людей.

Это будет время спасения и мира, и вечный огня, и произойдет искупление.

Не будет больше героя и никого кто сможет имитировать его. Потому что с этого времени и впредь вся имитация будет проклята. Новый Бог высмеивает имитацию и последователей. Ему не нужны имитаторы и ученики. Он вынуждает людей через себя. Бог это его собственный последователь в человеке. Он имитирует сам себя.

Мы думаем что есть одиночество внутри нас и общинность снаружи нас. Общинность снаружи нас относится к внешнему, в то время как одиночество относится к нам. Мы одиноки если мы внутри себя, но общинны в отношении того что снаружи нас. Но если мы снаружи нас самих, то мы одиноки и эгоистичны в общинном. Наше я страдает от нужды если мы снаружи нас самих, и таким образом оно удовлетворяет свои нужды общинностью. Следовательно, общинность искажается в одиночество. Если мы внутри себя, мы воплощаем свои нужды, мы проветаем, и через это мы осознаем нужды общины и можем воплощать их.¹⁵²

Если мы поставим Бога снаружи нас, он оторвет нас от себя, так как Бог сильнее чем мы. Наше я падает в лишения. Но если Бог двигается внутрь себя, он схватывает нас из того что снаружи нас.¹⁵³ Мы прибываем к одиночеству внутри самих себя. Так Бог становится общинным в отношении того что снаружи нас, но единственным в отношении к нам. Ни у кого нет своего Бога, но все есть у моего Бога, включая меня. У Богов всех отдельных людей всегда есть все другие люди, включая меня. Таким образом это всегда только один Бог вопреки его множественности. Ты пребываешь к нему в себе и только через тебя самого схватывающего тебя. Это схватывает тебя в развитии твоей жизни.

Герой должен пасть ради нашего искупления, так как он модель и требует имитации. Но измерение имитации осуществлено.¹⁵⁴ Мы должны примириться с одиночеством внутри себя и с Богом снаружи нас. Если мы войдем в это одиночество, тогда начнется жизнь Бога. Если мы внутри себя, тогда пространство вокруг нас свободно, но заполнено Богом.

Наши отношения с людьми идут через эту пустоту и также через Бога. Но ранее они прощли через эгоизм так как мы были снаружи себя. Таким образом дух предсказал мне что холод внешнего пространства распространится по земле.¹⁵⁵ Этим он показал мне образно что Бог встанет между людьми и будет подстегивать каждого кнутом ледяного холода к теплу их собственного монашеского очага. Потому что люди были рядом сами с собой, в экстазе как безумцы.

Эгоистическое желание в конечном счете желает себя. Вы находите себя в вашем собственном желании, так что не говорите что желание тщетно. Если вы желаете себя, вы производите божественного сына в ваших объятиях с самим собой. Ваше желание это отец Бога, ваше я это мать Бога, но сын это новый Бог, ваш господин.

Если вы принимаете ваше я, тогда это предстанет для вас как будто мир стал пустым и холодным. Приходящий Бог пойдет в эту пустоту.

Если вы в своем одиночестве, и все пространство вокруг вас стало холодным и бесконечным, тогда вы далеко удалились от людей, и в тоже время вы пришли ближе к ним как никогда раньше. Эгоистичное желание только видимо привело вас к людям, но в реальности оно увело вас далеко от них и в конечном счете к себе самому, что для вас и для других было наиболее отдаленным. Но сейчас, если вы в одиночестве, ваш Бог ведет вас к Богу других, и через это к подлинному соседу, соседу вас самих себя в других.

Если вы в самом себе, вы осознаете вашу неспособность. Вы увидите как мало вы способны имитировать герев или самому быть героем. Таким образом вы сами больше не будете вынуждать других страновится гнроями. Как и вы, они страдают от неспособности. Неспособность, также, хочет жить, но она свергнет ваших Богов.

125. Ссылка на притчу Христа о гречичном зернышке. От Матфея 13:31-32: "Царство Небесное подобно зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своем: которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом".
126. В От Марка 16:17, Христос заявил что те кто верят должны говорить новыми языками. Проблема разговора на языках обсуждалась в I Corinthians 14, и центральная в die Pentecostal движении.
127. Тема самопреодоления одна из важных в работах Ницше. В *Так Говоил Заратустра*, Ницше пишет: "Я обучаю тебя Суперчеловек. Человек это нечто что должно быть преодолено. Что ты сделал чтобы преодолеть его? Все создания дос их пор создавали нечто превыше их самих: и ты хочешь быть отливом этого великого прилива, и вернуться к животным, а не превзойти человека?" ("Пролог Заратустры 3," стр. 41; подчеркнутый в копии Юнга). См. дискуссию Юнга насчет этой темы: *Заратустра Ницше: Заметки семинара данного в 1934-9, vol- 2* > ред. James Jarrett (Princeton: Princeton University Press, 1988, стр. 1502-08).
128. Иуда предал Христа за тридцать серебрянников (От Матфея 26:14-16).
129. См. замечание 58, стр. 234.
130. Концепция заключающей природы нового Бога полностью развита дальше в *Исследованиях* (Sermon 2, стр. 349f).
131. Тема интеграции зла в божественность играла важную роль в работах Юнга; см. *Aion* (1951, CW 9, 2, гл. 5), и *Ответ Работе* (1952, CW 11).
132. Концепция абсолютной идеи была развита Гегелем. Он понимал это как кульминацию and и само-отличительное единство диалектической последовательности которая дает начало космосу. Cf. *Hegel's Logic* (tr. W Wallace [London: Thames and Hudson, 1975]). Юнг ссылается на это в 1921 in *Психологических Типах* (CW 6, §735).
133. Это предложение вырезано в *Исправленном черновике* и заменено на "но это может быть угадано:" (стр. 68).
- 134.1 Петр 4:6 заявляет: "По этой причине евангелие проповедовалось даже для тех кто мертв, that что они могли бы судимы в соответствии с людьми во плоти, но жить в соответствии с Богом в духе."
135. Тема спуска Христа в ад представлена в нескольких апокрифических евангелиях. В "Кредо Апостолов," заявляется что "Он опустил в ад. На третий день он поднялся снова из мертвых." Юнг комментировал появление этой идеи в средневековой алхимии (*Психология и Алхимия* у, 1944, CW 12, §6in, 440, 451; *Mysterium Coniunctionis*, 1955/56, CW 14, 475). Одним из источников на который ссылался Юнг (CW 12, §6in) была *Nekyia* от Albrecht Dieterich's: *Beitrcige zur Erklrdung der neuentdeckten Petrusapokalypse*, который комментировал апокалиптический фрагмент Евангелия от Св. Петра, в котором Христос дает детальное описание Ада. В Копии Юнга этой работы есть много отметок на границах, и в конце два дополнительных листка со списком на ссылки на страницы и заметками. В 1951 он дал следующую психологическую интерпретацию мотива спуска Христа в Ад: "Масштаб объединения предложен в 'descensus ad infernos,' спуск души Христа в Ад, чья работа по искуплению также включает мертвых. Психологический аспект этого формирует объединение коллективного бессознательного которое представляет существенную часть процесса индивидуации" (*Aion*, CW 9, 2, §72). В 1938 он заметил: "Три дня спуска в ад во время смерти описывают погружение исчезнувшей ценности в бессознательное, где, где покоряя силу темноты, это устанавливает новый порядок, и таким образом снова поднимается на небеса, таким образом достигая высочайшей ясности сознания" ("Психология и Религия," CW 11, §149). "Неизвестные книги древних" это апокрифические евангелия.
136. Далее в *Черновике*: "Но змея это также жизнь. В образе представленном древними, змея кладет конец детскому великолепию рая; они даже говорят что Христос сам был змеей" (р. 83). Юнг комментировал эту идею в 1950 в *Aion*, CW 9, 2, §291.
137. В *Исправленном Черновике*: "Начало Ада" (стр. 70). В 1933 Юнг вспоминал: "Война разразилась когда я был в Инвернесе, и я вернулся через Голландию и Германию. Я ехал прямо через армии ехавшие на запад, и у меня было чувство что это было то что по-немецки можно назвать *Hochzeitsstimmung*, празднование любви по всей стране. Все было украшено цветами, это была вспышка любви, они все любили друг друга и все было прекрасно. Да, война была важна, большое дело, но основной вещью была братская любовь по всей стране, каждый был друг другу братом, любой мой иметь все что было у другого, это не имело значения. Крестьяне распахнули свои подвалы и раздавали все что имели. Это случалось даже в ресторанах и привокзальных буфетах. Я был очень голоден, не ел сутки, и у них были бутерброды, и когда я спросил сколько стоят, мне сказали, "О ничего, просто берите их!" И когда я пересек границу Германии, нас провели в огромную палатку полную пива, сосисок, хлеба и сыра, и мы ничего не платили, это было

- один большой праздник любви. Я был абсолютно смущен" (*Visions Seminars '2*, ed. Claire Douglas [Princeton: Princeton University Press, 1997], стр. 974-75).
138. Фраза "Убийца души" использовал Luther и Zwingli, и наиболее недавно Daniel Paul Schreber в его 1903 *Мемуары моего нервного заболевания*, eds. и tr. Ida Macalpine и Richard Hunter (Folkestone: William Dawson, 1955). Юнг обсуждал эту работу в 1907 в "О психологии dementia praecox" (CW 3и привлек внимание Фрейда к этому. В дискуссиях о Schreber-е в ассоциации аналитической психологии 9 и 16-го июля 1915 после презентации Schneider-a, Юнг привлек внимание к гностическим параллелям в образах Schreber-a (MAP, vol. 1., p. 88f).
139. Это ссылка на побоище в Первой Мировой войне.
140. Это ссылка назад на видение в главе 5, "Спуск в ад в будущем." В 1940 Юнг написал: "угроза внутреннему самому себе от драконов и змей указывает на опасность проглатывания снова инстинктивной души, бессознательным, новоприобретенного сознания" ("О психологии детского архетипа," CW 9,1, §282).
141. В *Исправленном Черновике* "до конца" (стр. 73).
142. В 1952, Юнг написал Zwi Werblowsky о намеренной двусмысленности его работ: "Язык которым я говорю должен быть двусмысленен, то есть *неопределенным*, чтобы быть справедливым к психической натуре с ее двойным аспектом. Я применяю сознательно и преднамеренно двусмысленные выражения, потому что это выше недвусмысленности и соответствует природе существа" (*Письма* 2, стр. 70-71).
143. В *Черновике* дальше: "Посмотрите на изображения Бога которые люди старины оставили: их природа двусмысленна и сомнительна" (стр. 87).
144. От Иоанна 4:16: "И мы познали любовь, которую имеет к нам Бог, и уверовали в нее. Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем."
145. Далее в *Черновике*: "Тот кто заслуживает это слово и другие что я говорю, есть игрок, так как он не уважает произнесенное слово. Знайте что вы достигаете себя от того что вы читаете в книге. Вы читаете так много в книге как она и дает" (стр. 88).
146. В *Исправленном Черновике* "рождение нового [зачатие] Бога" (стр. 74).
147. Это ссылка на деву Марию.
148. См. замечание 57, стр. 237.
149. Это кажется ссылкой на ранение Издубара в *Liber Secundus*, гл. 8, "Первый день." см. ниже, стр. 278f.
150. Важность полноты над совершенством важная тема в последней работе Юнга. Cf. *Aion*, 1951, CW 9, 2, §123; *Mysterium Coniunctionis*, 1955/56, CW 14, §616.
151. В 1916, Юнг написал: "Человек имеет одну способность которая, хотя обладает величайшей полезностью для коллективных целей, наиболее разрушительна для индивидуации, и это есть *имитация*. *Коллективная психология едва ли может обходиться без имитации*" ("Структура бессознательного," CW 7, §463). В "О психологии детского архетипа" (1940) Юнг написал об опасности идентификации с героем: "Эта идентификация часто очень упряма и опасна для баланса души. Если идентификация может быть растворена, фигура героя, через уменьшение сознания до человеческого уровня, может постепенно дифференцироваться в символ самого себя" (CW 9,1, §303).
152. Юнг имел дело с проблемой конфликта между индивидуацией и коллективностью в 1916 в "Индивидуация и Коллективность" (CW 18).
153. Ссылка на комментарий Юнга в "Индивидуации и Коллективности" that "Индивидуал должен объединять себя отрезая себя от Бога и становится полностью самим собой. Таким образом и в тоже время он также отделяет себя от общества. Внешне он погружается в одиночество, но внутренне в ад, дистанцируясь от Бога" (CW 18, §1103).
154. Это интерпретация убийства Зигфрида в *Liber Primus*, гл. 7 "Убийство Героя."
155. Это ссылка на сон упомянутый в прологе, стр. 231.

Глава 9 Мистерии. Первая встреча.

В ночь, когда я раздумывал над сущностью Бога, мне явился образ: я лежал в темной глубине. Передо мной стоял старик. Он был похож на одного из старых пророков.(156) У его ног лежала черная змея. Поодаль я увидел дом с колоннами. Из двери выходит красивая девушка. Она идет неуверенно, и я вижу, что она слепая. Старик машет мне, и я иду за ним в дом, что находится у подножия отвесной скалы. Змея ползет за нами. В доме царит тьма. Мы находимся в высоком зале с мерцающими стенами. На заднем плане - блестящий камень водянистого цвета. Я смотрю на свое отражение, и в нем появляются образы Евы, дерева, змея. После это я увидел Одиссея и его путешествие в открытом море. Вдруг дверь справа открывается в сад, залитый ярким солнцем. Мы выходим наружу, и старик говорит мне: "Знаешь ли ты, где ты находишься?"

Я: "Я нездешний, и все здесь мне кажется странным, тревожным, как во сне. Кто ты?"

И: "Я Илья (157), а это дочь моя, Саломея". (158)

Я: "Дочь Ирода, кровожадная женщина?"

И: "Откуда такие суждения? Ты видишь, она слепая. Она моя дочь, дочь прорицателя"

Я: "Какое чудо объединило вас?"

И: "Это не чудо, так было изначально. Моя мудрость и моя дочь суть одно".

Я потрясен, я не могу понять этого.

И: "Считай так: ее слепота и мое предвидение сделали нас спутниками через всю вечность".

Я: "Прости мое изумление, но я действительно в подземном мире?"

С: "Ты меня любишь?"

Я: "Как я могу любить тебя? Откуда такой вопрос? Я вижу только одно, ты Саломея, зверь, твои руки обгарены кровью святого. Как я могу любить тебя?"

С: "Ты полюбишь меня".

Я: "Я? Полюблю тебя? Кто дает тебе право на такие мысли? С: "Я тебя люблю".

Я: "Оставь меня в покое, я боюсь тебя, зверь".

С: "Ты меня с кем-то путаешь. Мой отец Илья, он знает глубочайшие тайны. Стены его дома сделаны из драгоценных камней. В его колодце - целебная вода, а его глаза видят вещи, которые произойдут в будущем. А чего бы ты не отдал для того, чтобы взглянуть разок, как бесконечность разворачивает то, что будет? Разве это для тебя не стоит греха?"

Я: "Твое искушение дьявольское. Я очень хочу вернуться в верхний мир. Здесь просто ужасно. Как тяжел и удушлив воздух!"

И: "Так чего ты хочешь? Выбор за тобой".

Я: "Я не принадлежу к умершим. Я живу в свете дня. Почему я должен мучиться здесь с Саломеей? Разве мне не с кем иметь дело в своей собственной жизни?"

И: "Ты слышал, что сказала Саломея".

Я: "Я не могу поверить, что ты, прорицатель, признаешь ее за свою дочь и своего спутника. Разве она не рождена от дурного семени? Разве она не кичилась своей скупостью и преступным вожделением?"

И: "Но она любила святого человека".

Я: "И бесчестно пролила его драгоценную кровь".

И: "Она любила пророка, который известил мир о новом Боге. Она любила его, ты это понимаешь? Это же моя дочь".

Я: "Ты думаешь, она любила пророка Иоанна потому, что она твоя дочь, отец?"

И: "В ее любви ты ее признаешь".

Я: "Но как же она его любила? Разве это любовь?"

И: "Что же это было?"

Я: "Я в ужасе. Кто не пришел бы в ужас, если бы Саломея любила его?"

И: "Ты труслив? Подумай, я и моя дочь извечно были одним целым".

Я: "Ты говоришь загадками. Как могло случиться, что эта нечестивая женщина и ты, проповедник Бога своего, можете быть одним"?

И: "Почему тебя это удивляет? Ты же видишь, мы вместе".

Я: "Потому что мои глаза видят то, чего я не могу уразуметь. Ты, Илья, прорицатель, уста Бога, и она, кровожадный ужас. Вы - символ самых крайних противоречий".

И: "Мы реальные, а не символы".

Я вижу, как вверх по дереву ползет черная змея и прячется в ветвях. Все становится мрачным и неопределенным. Илья встает, я следую за ним, и мы молча идем обратно через зал. (159) Сомнения разрывают меня на части. Все это настолько нереально, однако какая-то часть меня тоскует по тому, что я оставил за собой. Смогу ли я вернуться сюда? Саломея любит меня, но люблю ли я ее? Я слышу дикую музыку, бубен, эта знойная лунная ночь, пристально смотрящая окровавленная голова святого (160) - страх охватывает меня. Я вылетаю оттуда. Вокруг темная ночь. Кромешная темнота вокруг меня. Кто убил героя? Не потому ли Саломея любит меня? Люблю ли я ее, и потому убил героя? Она с прорицателем - одно, одно с Иоанном, и со мной тоже - одно? Горе, была ли она рукой Бога? Я не люблю ее, я ее боюсь. Тогда дух глубин заговорил со мной, он сказал: "В этом вы признаешь ее божественную силу". "Должен ли я любить Саломею?" (161)

(162) Игра, которой я был свидетелем - это моя игра, не ваша. Это не ваша тайна, а моя. Вы не можете мне подражать. Моя тайна остается девственной, а мои тайны незыблемыми. Они принадлежат мне и не могут принадлежать вам. У вас есть свои. (163)

Тот, кто входит в свои тайны, должен идти на ощупь, должен прочувствовать свой путь от камня до камня. Он должен принимать ничтожное с такой же любовью, как и достойное. Гора есть ничто, а песчинка содержит королевства, но есть также ничто. Суждения должны отпасть от вас, даже вкус, но прежде всего - гордость, даже если она зиждется на заслугах. Оберните свой гнев против себя, потому что только вы останавливаете себя от поиска и жизни. Игра мистерии мягка, как воздух и неуловимый дым, а вы - грубая материя, что тревожите ее своей тяжестью.

Но пусть ваша надежда, что есть вашим наивысшим добром и наивысшей способностью, ведет вас и служит проводником в мире тьмы, так как она принадлежит сущности и формам того мира (164) [Рис. V (V)] (165)

Сцена мистерии - это глубокое место, похожее на кратер вулкана. Мои глубокие недра - это вулкан, что извергает расплавленную огненную массу из аморфного и неразличимого. Так мои недра порождают детей хаоса, первозданной матери. Тот, кто попадает в кратер, становится хаотической материей, он тает. То, что в нем было сформировано, растворяется и снова связывается с детьми хаоса, силами тьмы, с властвующим и уступающим, влекущим и неодолимым, божественным и дьявольским. Эти силы выходят за пределы того, что мне казалось несомненным, ограничивают со всех сторон и соединят меня со всеми формами и со всеми далекими существами и вещами, через которые во мне развиваются внутреннее вести их бытия и их характер.

Потому что я упал в колыбель хаоса, в источник начала, я сам опять расплавился, сливаясь с первобытным началом, что есть одновременно тем, что наступило, и тем, что еще произойдет. Сначала я пришел к первоначальному в себе. Но поскольку я являюсь частью сущности и структуры мира, я в первую очередь пришел к первобытному началу мира. Я, конечно, участвовал в жизни, как некто наделенный формой и определенный, но только посредством своего сформированного и определенного сознания, а благодаря этому - в сформированной и определенной части всего мира, а не в неопределенных аспектах мира, что также даны мне. Тем не менее, они даны только моим глубинам, а не поверхности, которая есть сформированное и определенное сознание.

Силы моих глубин есть предопределение и склонность. (166) Предопределение или предвидение (167) являются Прометеем (168), который, без определенных мыслей, приводит хаотическое к форме (169) и определению, который роет каналы, и удерживает объект, прежде чем придет удовольствие. Предвидение приходит также перед мыслью. Но удовольствие - это сила, которая желает и разрушает формы, сама при этом формы и определения не имея. Она любит как таковую форму, которую она захватывает, и разрушает те формы, которые она не принимает. Предвидящий является предсказателем, а удовольствие слепо. Оно не предусматривает, а желает того, к чему прикасается. Предвидение само по себе не является могущественным и, следовательно, оно не приводит в движение. А удовольствие - это сила, и потому она движет. Предвидение нуждается в склонности, чтобы иметь возможность прийти к форме. Удовольствие нуждается в предвидении, чтобы прийти к форме, которой она требует. (170)

Если бы удовольствию не хватало сформированности, удовольствие растворилось бы в многообразии, раскололось и стало бессильным из-за нескончаемого деления, затерялось бы. Если форма не содержит удовольствия и концентрирует его в себе, она не может достичь высшего, так как она всегда течет, как вода - сверху вниз. Любое удовольствие, когда остается одно, впадает в глубокое море и разрушается в мертвой тишине рассеивания бесконечного пространства. Удовольствие не старше предвидения, а предвидение не старше удовольствия. Оба они в равной степени древние, а по природе тесно связаны. Только в человеке проявляется самостоятельное существование обоих принципов.

Я нашел третий символ, кроме Ильи и Саломеи; это змей. (171) Он чужд этим двум принципам, хотя и связан с обоими. Змея научила меня, в чем заключается безоговорочная разница в самой сущности между двумя принципами во мне. Если я смотрю на ту сторону от удовольствия до предвидения, я сначала вижу страшную ядовитую змею. Если я прикасаюсь к предвидению из удовольствия, я также ощущаю холодную жестокую змею. (172) Змей - это земная сущность человека, которую он не осознает. Его характер меняется в зависимости от народов и земель, так как это тайна, которая проистекает к нему из питающей матери-земли. (173)

Земное (места божественной силы) отделяет предвидение от удовольствия в человеке. Змея несет в себе тяжесть земли, а также ее изменчивость и прорастание, из которой все появляется. Это змея всегда заставляет человека становиться подневольным то одному, то к другому принципу, так, чтобы он ошибся. Нельзя жить с одним предвидением или с одним только удовольствием. Вы нуждаетесь в

обоих. Но Вы не можете быть в предвидении и в удовольствии в одно и то же время, Вы должны быть в предвидении и удовольствии по очереди, повинуюсь доминирующему закону, так сказать, будучи неверным по отношению к другому. Но люди предпочитают какой-то один. Некоторые любят думать и строят на этом свое искусство жизни. Они так заняты своими размышлениями и своей предусмотрительностью, что теряют удовольствие. Поэтому они стареют, и лицо у них строгое. Другие любят удовольствие, они практикуют чувствование и проживание. Таким образом, они забывают думать. Потому что они молоды и слепы. Тот, кто думает, основывает мир на мысли, тот, кто чувствует - на чувстве. Вы найдете истину и заблуждение в обоих.

Образ жизни извивается, как змей, справа налево и слева направо, от размышлений к удовольствию и от удовольствия к раздумьям. Таким образом, змея - это противник, символ вражды, но также и разумный мост, соединяющий правое и левое посредством сильным стремлением, столь необходимым нашей жизни. (174)

Место, где Илья и Саломея живут вместе, является темным и светлым пространствами. Темное - это пространство раздумий. Оно темное, так что тот, кто в нем живет, требует проницательности. (175) Это пространство ограничено, поэтому предвидение ведет не в даль, а в глубину прошлого и будущего. Кристалл - это сформировавшаяся мысль, что отражает то, что пришло раньше.

Ева и змей показывают мне, что мой следующий шаг ведет к удовольствию, а оттуда - снова в длительные скитания, как Одиссей. Он сбился с пути, когда проделал свою хитрость в Трое. (176) Светлый сад - это пространство удовольствия. Тот, кто живет в нем, не нуждается в видении, (177) он чувствует бесконечность. (178) Мыслитель, который погружается в свое предвидение, обнаруживает, что его следующий шаг ведет в сад Саломеи. Таким образом, мыслитель боится своей предусмотрительности, хотя предвидение - основа его жизни. Видимая поверхность безопасней, чем подземный мир. Мышление защищает от неверного пути, и потому приводит к окаменению.

Мыслителю следует опасаться Саломеи, так как ей нужна его голова, особенно если он святой. Мыслитель не может быть святым, иначе он лишится головы. Попытка спрятаться в свои мысли не поможет. Там вас охватит затвердение. Вы должны вернуться к материнскому предвидению, чтобы возродиться. Но предусмотрительность приводит к Саломее.

(179) Потому что я был мыслителем и из своей предусмотрительности увидел враждебный мне принцип удовольствия, он явился мне в образе Саломеи. Если бы я был чувствующим и нащупал свой путь предвидения, тогда бы она явилась как змееподобный демон, если бы я действительно увидел его. Но тогда я был бы слеп и почувствовал только скользкие, мертвые, опасные, предположительно преодолимые, пресные и приторные вещи, и я бы отпрянул, вздрогнув так же, как и от Саломеи.

У мыслителя никудышные страсти, поэтому он не получает удовольствия. Мысли того, кто чувствует, (180) плохи, поэтому у него нет мыслей. Тот, кто предпочитает размышления чувствам, (181) оставляет свои чувства (182) гнить в темноте. Они не дозревают, а в заплесневелости дают больные побеги, которые не достают до света. Тот, кто предпочитает чувства размышлениям, бросает в темноте свои мысли, где они прядут свою паутину в мрачных закоулках, унылые сети, в которых запутались комары и мошки. Мыслитель чувствует

отвращение к чувствам, так как чувство в нем в основном отвратительно. Тот, кто чувствует, думает о раздумьях с отвращением, поскольку мышление в нем в основном отвратительно. Так змея лежит между мыслителем и чувствующим. Они есть яд друг друга и целебное средство.

В саду должно было обнаружиться, что я любил Саломею. Это признание поразило меня, поскольку я не думал об этом. Чего мыслитель, не может помыслить, того, по его мнению, не существует, а чувствующий не верит в существование того, чего он не чувствует. У вас появляется предчувствие целого, когда вы принимаете свой противоположный принцип, поскольку целое принадлежит обоим принципам, которые растут от одного корня. (183)

Илья сказал: "Ты должен признать ее через ее любовь!" Не только вы чтите объект, объект также освящает вас. Саломея любила пророка, и это очистило ее. Пророк любил Бога, и это его освятило. Но Саломея не любила Бога, и это ее осквернило. А пророк не любил Саломею, и это осквернило его. И так они были друг для друга ядом и смертью. Пусть человек мыслящий примет свое удовольствие, человек чувствующий примет свои мысли. Так они найдут свой путь. (184)

158 Саломея была дочерью Иродиады и падчерицей царя Ирода. В Евангелии от Матфея 14 и Марка 6 Иоанн Креститель сказал царю Ироду, что то, что он в браке с женой своего брата, противозаконно; тогда Ирод заключил его в темницу. Саломея (имя ее не названо – говорится просто дочь Иродиады) танцевала перед Иродом на его день рождения, и он пообещал дать ей все, чего она пожелает. Она попросила голову Иоанна Крестителя, который тогда был обезглавлен. В конце девятнадцатого и начале двадцатого веков, образом Саломеи были очарованы художники и писатели, в том числе Гийом Аполлинер, Гюстав Флобер, Стефан Малларме, Гюстав Моро, Оскар Уайльд, и Франц фон Штук, изображая ее во многих своих работах. См. Брэм Дейкста, Идолы Порочности: Фантазии Женского Зла в Культуре Конца Века (New York: Oxford University Press, 1986), с. 379-98.

159 *Черная книга 2* продолжает: "Кристалл тускло светит. Я снова думаю об образе Одиссея, как он прошел мимо скалистого острова сирен в своей длительной одиссее. Стоит ли мне?" (Стр. 74).

160 то есть, голову Иоанна Крестителя.

161 На семинаре 1925 г. Юнг рассказал: "Я использовал тот же метод схождения, но на этот раз я пошел гораздо глубже. Первый раз, должен сказать, я достиг глубины около тысячи футов, но на сей раз это была космическая глубина. Это было словно я полетел на Луну, или как чувство спуска в пустое пространство. Первой картиной был кратер, или замкнутая цепь гор, и по ощущениям ассоциации были такие, как будто я был мертв, как будто сам был жертвой. Это было настроение земель потустороннего мира. Я увидел двух человек, старика с белой бородой и молодую девушку, которая была очень красива. Я предположил, что они были настоящими и слушал, что они говорили. Старик сказал, что он Илья, и я был очень потрясен, но девушка выбила меня из равновесия еще больше, потому что это была Саломея. Я сказал себе, что это странное сочетание: Саломея и Илья, но Илья заверил меня, что он и Саломея были вместе вечно. Это также меня расстроило. С ними была черная змея, и мне казалось, что между ними было сходство. Я придерживался Ильи, так как он был наиболее разумным из всех. Я весьма подозрительно относился к Саломее. Мы долго разговаривали, но разговор был непонятен для меня. Конечно, я думал, что то, что мой отец был священником, было объяснением тому, что я увидел именно этих персонажей. Тогда как насчет старика? При чем здесь Саломея? И только намного позже я нашел ее связь с Илей вполне естественной. Всякий раз, когда вы предпринимаете такое путешествие, вы встретите молодую девушку со стариком" (Аналитическая Психология, с. 63-64). Юнг ссылается на примеры этого шаблона в работе Мелвилла, Майринка, Райдера Хаггарда и в *Гностической Легенде* Симона - Волхва (см. прим. 154, стр. 359), Кундри и Клингзор из *Парсифаля* Вагнера (см. ниже, стр. 303), и *Гипнэротомехия* Франческо Колонна. В *Воспоминаниях* Юнг отметил: "В мифах змея является частым аналогом героя. Существуют многочисленные свидетельства их родства... Таким образом, наличие змея было указанием на миф о герое" (стр. 206). Он сказал о Саломее: "Саломея является женским началом. Она слепая, потому что не видит сути вещей. Илья - образ мудрого старого пророка, он представляет собой фактор интеллекта и знаний, а Саломея - эротический элемент. Можно сказать, что эти фигуры являются персонификацией Логоса и Эроса. Но такое определение было бы излишне интеллектуальным. Более показательным было бы позволить образам быть тем, чем они были для меня тогда, а именно, событием и опытом" (стр. 206-7). В 1955/56, Юнг писал: "По чисто психологическим причинам я в еще пытался приравнять мужское сознание с концепцией Логоса, а женское – с Эросом. Под Логосом я подразумеваю пронизательность, суждения, понимание, а Эрос я понимаю как создание отношений" (*Mysterium Coniunctionis*, CW 14, § 224). О трактовке Юнга Ильи и Саломеи в терминах Логоса и Эроса соответственно см. Приложение В, "*Комментарии*".

162 В *Исправленном Черновике*: "Ведущие Размышления" (стр. 86). В *Черновике* и *Исправленном Черновике*: "Это, друг мой, тайны, в которые дух глубин забросил меня. Дух глубин позволил мне принять участие в церемониях преисподней, которые были призваны ознакомить меня с намерениями и деяниями Бога. С помощью этих ритуалов я должен был стать посвященным в тайны искупления" (*Исправленный Черновик*, стр. 86).

163 Дальше в *Черновике*: "В обновленном мире вы не можете обладать внешним, если только вы не создаете его из самих себя. Вы можете войти только в свои собственные тайны. Дух глубин обучит вас другим вещам. Я должен только принести вам весть о новом Боге и церемониях и тайнах его службы. Но это словно врата во тьму" (стр. 100).

164 Дальше в *Черновике*: "Представление мистерий состоялось на глубочайшем дне моего внутреннего мира, который есть тем, другим миром. Вы должны иметь это в виду, этот мир существует, и его реальность огромна и пугающая. Вы плачете и смеетесь, и дрожите, а иногда вы сходите холодным потом от страха смерти. Действие мистерии представляет мое Я, а через меня представляется мир, к которому я принадлежу. Так, друзья мои, вы узнаете многое о мире, а через него и о себе. Но о своих тайнах таким образом вы не узнали ничего, более того, ваш путь стал темнее, чем до этого, так как мой пример будет стоять препятствием на вашем пути. Вы можете следовать за мной, не на моем пути, а на своем" (стр. 102).

165 Это изображает сцену в фантазии.

166 Это - субъективная интерпретация фигуры Ильи и Саломеи.

167 В *Исправленном Черновике* "Предопределение или предусмотрительность" заменено словом "Идея". Это замещение происходит в оставшейся части этого раздела.

169 В *Исправленном Черновике*: "Граница" (стр. 89).

170 Дальше в *Черновике*: "Поэтому предвидящий пришел ко мне, как Илья пророк, а удовольствие, как Саломея" (стр. 103).

171. Дальше в *Черновике*: "существо смертельного ужаса, что пролегло между Адамом и Евой" (стр. 105).

172 *Исправленный Черновик* продолжает: "Змей - это не только разъединяющее, но и объединяющее начало" (стр. 91).

173 Говоря об этом на семинаре 1925 г., Юнг отметил, что в мифологии существует множество свидетельств о связи между героем и змеем, поэтому присутствие змеи указало, что "это снова будет мифом о герое" (стр. 89). Он показал схему креста: Рациональное / Мышление (Илья) в верхней части, и Чувство (Саломея) внизу, Иррациональное / Интуиция (Высшее) слева, а Ощущение / Нижнее (Змей) справа (стр. 90). Он истолковал черного змея, как интровертное либидо: Психологическое движение змея явно сбивает с пути, он ведет в царство теней, мертвых и искаженных образов, а также в землю, в конкретизацию. . . Так как змей ведет в тени, он носит функцию внутренней сущности, он ведет вас в глубины, он соединяет Верхнее и Нижнее. . . Змей является также символом мудрости" (*Аналитическая Психология*, с. 94-95).

174 Дальше в *Черновике*: "Следуя Ильи и Саломеи, я следую двум принципам в себе и через себя в мире, частью которого я являюсь" (стр. 106).

175 Дальше в *Исправленном Черновике*: "то есть мышление. А без размышлений никто не может постичь идею" (стр. 92).

176 Дальше в *Черновике*: "Чем бы был Одиссей без своих скитаний?" (стр. 107). *Исправленный Черновик* добавляет: "Не было бы одиссеи" (стр. 92)

177 Дальше в *Исправленном Черновике*: "Тем сильнее удовольствие от сада" (с. 92).

178 Дальше в *Исправленном Черновике*: "Странно, что сад Саломеи находится так близко к величественному и таинственному залу идей. Может поэтому мыслитель испытывает благоговение, возможно даже страх перед идеей - из-за ее близости к раю?" (с. 92).

179 Дальше в *Черновике*: "я был мыслителем. Что могло удивить меня больше, чем близкая общность предусмотрительности и удовольствия, этих враждебных принципов?" (с. 108).

180 В *Исправленном Черновике* вместо этого: "Тот, у кого есть удовольствие" (с. 94).

181 В *Исправленном Черновике* вместо этого: "Удовольствие" (с. 94).

182 В *Исправленном Черновике* вместо этого: "Удовольствие" (с. 94).

183 Дальше в *Черновике*: "как один из ваших поэтов сказал: 'у копья двойной наконечник'" (с. 110).

184 В 1913 году Юнг представил статью под названием "К вопросу о психологических типах", в которой он отметил, что либидо или психическая энергия в отдельных личностях типично направлена на объект (экстраверсия), либо на субъект (интроверсия); CW 6. Начиная с лета 1915 года, он вел интенсивную переписку с Хансом Шмидом по этому вопросу; он охарактеризовал интровертов как личностей, у которых преобладает функция мышления, а у

экстравертов доминирующей функцией являются чувства. Также у экстравертов доминирует механизм удовольствия-боли, который они ищут в любви к объекту, также они бессознательно они стремятся к тиранической власти. Интроверты бессознательно ищут низшее удовольствие, и должны увидеть, что объект является также символом их удовольствия. 7августа 1915, он писал Шмидту: "Противоположности должны быть выровнены в самом человеке (Переписка Юнга - Шмида, ред. Джон Биб. Пер. Эрнст Фальцедер и Тони Вульфсон. Эта связь между мышлением и интроверсией, экстраверсией и чувствами была сохранена в его обсуждении этого вопроса в 1917 году в Психологии Бессознательных Процессов. В работе "Психологические Типы " (1921) эта модель была расширена: два основных типа отношений - интроверты и экстраверты подразделяются по принципу преобладания одной из четырех психических функций - мышления, чувства, ощущения и интуиции.

Глава 10 Обучение

На следующую ночь (185) меня привело ко второму образу: я стою в скалистой глубине; похоже на кратер. Передо мной - дом с колоннами. Я вижу, как Саломея идет влево вдоль стены, не отрываясь, как слепой человек. Змей следует за ней. Старик стоит в дверях, и машет мне. Нерешительно я подхожу ближе. Он зовет Саломею обратно. Она выглядит как страдальца. Я не вижу в ней и следов кощунства. У нее белые руки и доброе выражение лица. Змей лежит перед ними. Я стою перед ними неловко, как глупый мальчик, полный неуверенности и двусмысленности. Старик смотрит на меня пытливо и говорит: "Что вам здесь нужно?"

Я: "Простите, меня привели сюда не высокомерие и не навязчивость. Я попал сюда случайно, без каких-либо намерений. Меня привело сюда чувство тоски, что я оставил вчера за вашим домом. Видишь ли, пророк, я устал, голова тяжелая, как свинец. Я потерялся в своем невежестве. Я уже наигрался с собой. Я играл с собой в лицемерные игры, и они бы мне уже опротивели, если бы это не было разумным в мире людей - выполнять то, что другие ожидают от нас. Мне кажется, что я здесь словно более настоящий. И все же быть здесь мне не нравится".

Не говоря ни слова, Илья и Саломея зашли в дом. Я неохотно следую за ними. Меня мучает чувство вины. Разве плохо иметь совесть? Я хотел бы вернуться, но не могу. Передо мной мерцает огонь в сияющем кристалле. Я вижу величие Божьей Матери с ребенком. Перед ней в восхищении стоит Петр - потом сам Петр с ключом - Папа в тройной тиаре - Будда, сидящий неподвижно в огненном кругу - многорукая кровавая Богиня (186) - это Саломея отчаянно заламывает руки (187) - оно хватает меня, она есть моя собственная душа, а потом я вижу Илью в образе камня.

Илья и Саломея стоят, улыбаясь, передо мной.

Я: "Эти видения полны мучений, и смысла этих образов непонятен мне, Илья; пожалуйста, разъясни мне".

Илья отворачивается, молча, и ведет налево. Саломея входит в колоннаду, что находится справа. Илья приводит меня в еще более мрачную комнату. На потолке висит зажженный красный фонарь. Я сажусь, изможденный. Илья стоит передо мной, опираясь на мраморного льва в середине комнаты.

И: "Ты обеспокоен? В том, что тебя мучает совесть - вина лишь невежества. Но я думаю, что именно тяга к запрещенным знаниям вызывают у тебя чувство вины. Как ты думаешь, почему ты здесь?"

Я: "Я не знаю. Я невольно погрузился сюда, пытаюсь противостоять неизвестному. И вот я здесь, удивленный и растерянный, невежественный глупец. В вашем доме происходят странные вещи, они пугают меня, и их смысл для меня остается неразгаданным".

И: "Если бы быть здесь не было твоим правом, как бы ты здесь оказался?"

Я: "Я поражен губительной слабостью, отец мой".

И: "Ты уклончив. Ты не можешь увернуться от закона".

Я: "Как я могу увернуться от того, что мне неизвестно, чего я не могу достичь ни чувствами, ни размышлениями"?

И: "Ты лжешь. Разве ты не сам постиг, что это означает, если Саломея любит тебя?"

Я: "Ты прав. Во мне возникали сомнительные и неопределенные мысли. Но я снова забыл их".

И: "Ты не забыл. Это знание сгорело в тебе. Ты труслив? Или ты настолько не способен отличить эту мысль от своего Я, что теперь требуешь, чтобы я объяснил?"

Я: "Мысль от меня ушла слишком далеко, а я избегаю надуманных идей. Они опасны, ведь я человек, а ты знаешь, насколько люди привыкли принимать мысли за свои собственные, так, что, в конце концов, они путают их с собой. "

И: "Тогда ты будешь путать себя с деревом или животным, потому что ты смотришь на них, и потому, что ты живешь с ними в одном мире? Ты должен быть своими мыслями, потому что находишься в мире своих мыслей? Но твои мысли так же за пределами твоего Я, как деревья и животные за пределами твоего тела (188)

Я: "Я понимаю. Мой мир мыслей был для меня скорее словом, чем миром. Я думал о мире своих мыслей: это я."

И: "Говоришь ли ты своему человеческому миру и всем существам, что живут вне тебя: ты Я?"

Я: "Я вошел в твой дом, отец, боясь, как школьник. Но ты дал мне спасительный урок мудрости (189): я также могу рассматривать свои мысли как существующие вне себя. Но это возвращает меня тому страшному выводу, что мой язык не хочет произносить. Я думал, что Саломея любит меня, потому что я похож на Иоанна или на тебя. Эта мысль казалась мне невероятной. Вот почему я оттолкнул ее и думал, что она любит меня, потому что я являюсь полной твоей противоположностью, что она любит свое зло в моем зле. Эта мысль была изнуряющей".

Илья молчит. Я чувствую тяжесть. Тогда заходит Саломея, подходит ко мне и кладет руки мне на плечи. Она принимает меня за отца, в чье кресло я сел. Я не смею ни пошевелиться, ни заговорить.

С: "Я знаю, что ты не мой отец. Ты его сын, а я сестра твоя."

Я: "Ты, Саломея, моя сестра? Но то страшное притяжение, тот невыразимый ужас, что исходил от тебя, от твоего прикосновения? Кто была наша мать?"

С: "Мария".

Я: "Это адский сон? Мария - наша мать? Как безумны твои слова! Матерь Спасителя - наша мать? Когда я сегодня пересекал порог вашего дома, я предчувствовал беду. Увы, она пришла. Ты в своем уме, Саломея? Илья, защитник божьего закона, скажи: это дьявольское заклинание, брошенное отверженной? Как может она говорить такие вещи? Или вы оба не в своем уме? Вы символы, и Мария - символ. Я просто слишком растерян сейчас, чтобы распознать вас "

И: "Ты можешь называть нас символами по той же причине, что называть символами своих приятелей, если желаешь. Но мы так же реальны, как и твои товарищи. Ты ничего не лишаешь силы и ничего не решаешь, называя нас символами "

Я: "Ты меня запутал. Вы хотите быть реальными?"

И: "Мы - как раз то, что ты называешь реальностью. Вот мы, ты должен принять это. Выбор за тобой".

Я молчу. Саломея отошла. Я неуверенно осматриваюсь. За мной на круглом алтаре высоко горит красно - золотое пламя. Змея легла вокруг него кольцом. Ее глаза сверкают золотыми отражениями. Еле держась на ногах, я поворачиваюсь к выходу. Когда я выхожу в зал, я вижу, что впереди меня идет грозный лев. Снаружи царит холодная звездная ночь.

[2] (190) Не легко признавать свое стремление. Для этого многим необходимо предпринять особые усилия, чтобы быть честным. Очень многие не хотят знать, чего они на самом деле желают, потому что это может показаться им невозможным или слишком тяжелым. И все-таки стремление - это способ жизни. Если вы не признаете свое желание, вы не будете следовать себе, а перейдете на чужой путь, который другие вам указали. И тогда вы живете не своей жизнью, а чужой. Но кто должен жить вашей жизнью, если вы ею не живете? Это не только глупо - менять свою жизнь на чью-то, это также лицемерная игра, потому что вы никогда не сможете по-настоящему жить жизнью других людей.

Если вы отказались от своего Я, вы проживаете его в других, тем самым вы становитесь эгоистичным по отношению к ним и их обманываете. Все считают, что такая жизнь возможна. Однако, это только обезьянье подражание. Уступая своему обезьяньей склонности, вы заражаете других, потому что обезьяна поощряет все, что является обезьяньим. Таким образом, вы превращаете себя и других в обезьян. Благодаря взаимоподражанию вы живете в соответствии со средними ожиданиями. Образ героя был создан для всех - в любом возрасте - благодаря стремлению к подражанию. Потому герой был убит, ведь мы все брали с него пример. Знаете ли вы, почему вы не можете отказаться от подражания? Из-за боязни одиночества и поражения.

Быть собой значит быть предоставленным себе. Никогда не говорите, что быть собой - это удовольствие. Не будет радости, а долгие страдания, так как вы должны будете сами создавать себя.

Если вы хотите создать себя, вы начинаете не с наилучшего и наивысшего, а с наихудшего и самого глубокого. Поэтому говорите, что не хотите жить самим собой. Течь вместе с потоком жизни не в радость, а боль, так как это сила против силы, чувство вины; это подрывает то, что освящено.

Образ Богоматери с ребенком, который Я предвижу, указывает мне на тайну преображения. (191) Если предвидение и удовольствие объединить в себе, из них возникает третье, божественный сын, который является высшим смыслом, символом, переходящим над в новое творение. Я лично не стал высшим смыслом (192) или символом, но символ во мне становится таким, какова у него сущность, и какая сущность у меня. И так я стою, как Петр в молитве, перед таинством превращения и становления настоящего Бога во мне.

Хоть я и не сын Бога, я все же представляю его, как тот, кто был матерью Богу, а следовательно, тот, кому во имя Бога была дарована свобода соединения и разрешения. Соединение и разрешение происходят во мне. (193) Но так как я являюсь частью мира, это также происходит в мире через меня, и никто не может этому воспрепятствовать. Это происходит не по моей воле, а по воле неизбежной силы. Я не хозяин ваш, во мне бытие Бога. Я закрываю прошлое одним ключом, другим я открываю будущее. И это происходит благодаря моему превращению. Господствует чудо преображения. А я его слуга, так же, как и Папа.

Вы видите, насколько невероятным было думать так о себе. (194) Это относится не ко мне, а к символу. Символ становится моим господином и неизменным командиром. Это укрепит его господство и превратит его в звездное изображение, полное загадок, чей смысл полностью разворачивается вовнутрь, а чье удовольствие излучается наружу, как сверкающий огонь, (195) пламенеющий Будда. (196) Потому что я погрузился в свой символ до такой степени, символ превращает меня из одного меня в меня другого, и в ту жестокую Богиню моего внутреннего мира, мое женственное удовольствие, меня другого, измученного истязателя, и того, кого будут мучить. Я истолковал эти образы, как смог, невзрачными словами.

(197) В момент недоумения, следуйте своему предвидению, а не слепому желанию, так как предвидение ведет вас к трудностям, которые всегда должны наступать в первую очередь. Они приходят в любом случае.

Если вы ищете свет, то сначала вы падаете еще глубже в темноту. В этой темноте вы находите свет со слабым красноватым пламенем; он горит тускло, но этого достаточно, чтобы увидеть вашего соседа. Достигать цели, которая целью даже не кажется, утомительно. И так хорошо: я парализован и, следовательно, готов все принять. Мое предвидение опирается на льва, мою силу. (198)

Я придерживался освященной формы и не хотел, чтобы хаос прорвал ее плотины. Я верил в порядок мира и ненавидел все неорганизованное и бесформенное. Поэтому, прежде всего, я должен был убедиться, что мой собственный закон привел меня к этому месту. Так как во мне обнаруживался бог, я думал, что он часть меня. Я думал, что его в себе содержало мое "я", и поэтому я принял его за свою мысль. Но я также считал, что мои мысли были частью моего "я". Таким образом, я вошел в свои мысли и в размышления о Боге и принял его за часть своего Я.

Из-за своих мыслей я оставил свое Я, и поэтому оно стало алчущим и превратило Бога в эгоистичную мысль. Если я брошу Я, этот голод будет побуждать меня найти его в объекте, то есть, в мысли. Поэтому вы любите разумные и упорядоченные мысли, так как вы не вынесли бы, если бы ваше Я было в мыслях неупорядоченных, непригодных. Из-за своего эгоистичного желания вы вытеснили из своих мыслей все, что считаете неупорядоченным, то есть негодным. Вы

создаете порядок в соответствии с тем, что вы знаете, вы не знаете мыслей хаоса, но, тем не менее, они существуют. Мои мысли не являются моим Я, а мое Я не включает в себя мысли. Ваша мысль имеет то или иное значение – и их много. Никто не знает, сколько.

Мои мысли не есть мое Я, но так же, как вещи мира, они живые и мертвые.¹⁹⁹ Как я не получаю вреда от жизни в частично хаотичном мире, так же я остаюсь неповрежденным в своем частично хаотичном мире мыслей. Мысли - это природные явления, которыми вы не владеете, и смысл которых вы не распознаете полностью.²⁰⁰ Мысли растут во мне, как лес, населенный различными животными. Но человек властен над своим мышлением, и он убивает удовольствие лесов и диких животных. Человек насильствен в своем желании, и он сам превращается в лес и лесных зверей. Так же, как у меня есть свобода в мире, так я располагаю ею в мыслях. Свобода условна.

Некоторым вещам мира я должен сказать: вам следовало бы быть другими. Но для начала я внимательно смотрю на их природу, иначе я не смогу ее изменить. Я поступаю таким же образом с некоторыми мыслями. Вы меняете те вещи мира, которые, не являясь сами по себе полезными, ставят под угрозу ваше благосостояние. Делайте то же самое с вашими мыслями. Ничто не завершено, и многое является спорным. Образ жизни есть трансформацией, а не исключением. Благосостояние - лучший судья, чем закон.

Но когда я узнал о свободе в мире мыслей, Саломея обняла меня, и так я стал пророком, ведь я нашел удовольствие в первоначальном начале, в лесу, в диких животных. Мне кажется очень разумным поставить себя на равных со своими видениями и находить удовольствие в видении. Я нахожусь в опасности, полагая, что я являюсь чем-то важным, поскольку я вижу значительное. Это всегда сводит нас с ума, и мы превращаем видение в глупости и обезьяньи выходки, поскольку мы не можем отказаться от подражания. ²⁰¹

Как мое мышление является сыном предвидения, так мое удовольствие есть дочерью любви, непорочно зачатой матерью Бога. Кроме Христа Мария родила Саломею. Поэтому Христос в египетском Евангелии говорит Саломеи: "Ешь любую траву, только не ешь горькую". И когда Саломея захотела познать, Христос ответил ей: "Если уничтожишь покров стыда, и когда двое станут одним, и когда мужчина с женщиной станут ни мужским, ни женским". ²⁰²

Предвидение является порождающим, любовь - воспринимающей.²⁰³ Оба они находятся вне этого мира. Здесь лишь понимание и удовольствие, мы только можем догадываться о других вещах. Было бы безумным утверждать, что они находятся в этом мире. Тем более что этот свет обвит загадками и хитростью. Я заполучил обратно власть из глубин, и она пошла впереди меня, как лев. ²⁰⁴

¹⁸⁵ 22 декабря 1913. 19 декабря 1913 Юнг выступил с докладом "О психологии бессознательного" для Психоаналитического Общества Цюриха.

¹⁸⁶ Дальше в *Черновике*: "Кали" (стр. 113).

¹⁸⁷ *Черная книга 2* продолжает: "белая фигура девушки с черными волосами - моя собственная душа, а теперь - белая фигура мужчины, что также явился мне - он напоминает скульптуру Микеланджело, сидящего Моисея - это Илия" (стр. 84). Статуя Микеланджело Моисей находится в церкви Сан-Пьетро-ин-Винколи в Риме. Она была темой

исследования Фрейда, которую он опубликовал в 1914 (Полное Издание Психологических Трудов Зигмунда Фрейда, под ред. Джеймса Стрэчи в сотрудничестве с Анной Фрейд и с помощью Алекса Стрэчи, Алана Тайсона, пер. Дж.Стретчи 24 тт. [Лондон: Хогарт Пресс и Институт Психоанализа, 1953 1974 ~]> том. 13). Местоимением третьего лица "оно" Юнг отождествляет Саломею с Кали, чьи многочисленные руки переплетались между собой, ср. прим. 196, стр. 000.

188 Юнг упомянул об этом разговоре на семинаре 1925 г и отметил: "Только тогда я изучил психологическую объективность. Только тогда я смог сказать пациенту «Молчи, что-то происходит». Там есть такие вещи, они как мыши в доме. Вы не можете сказать, что вы не правы, когда у вас есть мысли. Для понимания бессознательного мы должны видеть наши мысли как события, как явления " (Аналитическая Психология, стр. 95).

189 В *Исправленном Черновике* вместо этого: "Истина" (стр. 100).

190 В *Исправленном Черновике*: "Ведущее Отражение" (стр. 103). В *Черновике* и *Исправленном Черновике* есть еще долгий отрывок. То, что идет здесь - пересказ: Интересно, является ли он, подземный мир, реальным, или же другой реальностью, которая заставила меня очутиться здесь. Я вижу, как Саломея, мое удовольствие, идет влево, на сторону нечистого и плохого. Она следует за змеем, который представляет собой сопротивление и враждебность по отношению к этому движению. Удовольствие отходит от двери. Предвидение [в *Исправленном Черновике*: "Идея", на протяжении всего этого отрывка] стоит у двери, зная вход в мистерии. Поэтому во многих исчезает желание, если предвидение не направляет его и не подталкивает к цели. Если встречается человек, который только желает, тогда за этим желанием кроется сопротивление ему же. Желание без предвидения многого добивается, но ничего не удерживает, поэтому желание является источником постоянного разочарования. Потому Илия и позвал Саломею обратно. Если удовольствие объединяется с предвидением, перед ними лежит змей. Чтобы преуспеть в чем-то, необходимо сначала столкнуться с сопротивлением и трудностями, в противном случае радость оставляет по себе боль и разочарование. Поэтому я подошел ближе. Мне нужно было сначала преодолеть трудности и сопротивление, чтобы получить то, что я желал. Когда желание преодолевает трудности, оно становится зрячим и следует предвидению. Поэтому я вижу, что руки Саломеи чисты, без каких-либо следов преступления. Мое желание чистое, если я сперва преодолеваю трудности и сопротивление. Если я взвешиваю удовольствие и предвидение, тогда я, как глупец, слепо следуя своему желанию. Если я следую мышлению, я бросаю свое удовольствие. Древние говорили в образах, что дурак находит верный путь. Предвидению принадлежит первое слово, поэтому Илия спросил меня, какова цель моего визита. Вы должны всегда спрашивать себя, чего вы хотите, потому что очень многие не знают, чего они хотят. Я не знал, что мне нужно. Вы должны признаться в своем желании и в том, в чем вы сильно нуждаетесь. Таким вы одновременно удовлетворяете свое удовольствие и питаете предвидение" (*Исправленный Черновик*, стр. 103-4).

191 В *Исправленном Черновике*: "в своем внешнем виде, в нищете земной реальности" (стр. 107).

192 В *Исправленном Черновике* вместо этого: "Сын Божий" (стр. 107).

193 Ср. Матфея 18:18. Христос: "Что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе».

194 Дальше в *Черновике* и *Исправленном Черновике*: "Папа в Риме стал для нас архисимволическим образом того, как Бог становится человеческим, и как он [Бог] становится видимым человеческим господом. Таким образом, ожидаемый Бог становится господином мира. Это происходит сначала [здесь] во мне. Высший смысл становится моим господином и непогрешимым командиром, хотя не только во мне, но, возможно, и во многих других, кого я не знаю" (*Исправленный Черновик*, с. 108-9).

195 В *Исправленном Черновике*: "Таким образом, я стал, словно Будда, сидящий в пламени" (стр. 109).

196 Дальше в *Исправленном Черновике*: "Где есть идея, там всегда есть удовольствие. Если идея находится внутри, то удовольствие - снаружи. Поэтому меня окутывает воздух злого удовольствия. Распутное, кровожадное божество создает этот ложный воздух. Это происходит потому, что я должен всецело претерпевать становление Бога и на первых порах не могу отделить его от себя. Но, пока он не отделен от меня, я поглощен идеей, что я есть он, а, следовательно, я также женщина, что изначально соединена с идеей. В том, что я получил эту идею и представляю ее в виде Будды, мое удовольствие; оно как индийская Кали, поскольку она является другой стороной Будды. Кали, однако, - это Саломея, а Саломея есть моя душа" (стр. 109).

197 В *Черновике* здесь имеется длинный отрывок, который изложен так: Оцепенение подобно смерти. Мне нужна была полная трансформация. Через нее мой смысл, как и Будды, обернулся полностью вовнутрь. Тогда произошло преобразование. И я перешел к удовольствию, так как был мыслителем. Как мыслитель, я отверг свои чувства, а потому отказался от части жизни. После этого мое чувство стало ядовитым растением, и когда оно проснулось, вместо удовольствия было сладострастие, самая низкая и банальная форма удовольствия. Это представлено Кали. Саломея является образом своего удовольствия, что страдает от боли, так как оно слишком долго было закрыто. Затем мне стало ясно, что Саломея, т. е. мое удовольствие, была моей душой. Когда я признал это, мое мышление изменилось и вознеслось к идее, и тогда явился образ Ильи. Это подготовило меня к мистерии и заранее показало мне путь трансформации, что в Мистерии я должен был пройти. Совместное течение предвидения и удовольствия создает Бога. Я понял, что Бог во мне хотел стать человеком, и я считался с этим и уважал, и я стал слугой Бога, но только для себя. [*Исправленный Черновик*: было бы безумным и смелым предположить, что я также это сделал для других, стр. нет]. Я

погрузился в созерцание чуда превращения, и сначала обернулся в более низкий уровень своего удовольствия, а затем благодаря этому я постиг свою душу. Улыбки Ильи и Саломеи показывают, что они были счастливы, что я пришел, но я был в глубокой тьме. Если путь темный, такова же и идея, что дает свет. Когда идея в момент путаницы предоставляет слова, а не слепое желание, тогда слова ведут вас к трудностям, поскольку идея ведет вас направо. Вот почему Илья поворачивает налево, в сторону порочного и злого, а Саломея сворачивает направо, в сторону верного и доброго. Она не идет в сад, место удовольствия, а остается в доме своего отца "(стр. 125-27).

198 В *Черновике* здесь имеется отрывок, чье изложение: Если я сильный, сильны мои намерения и предположения. Моя мысль ослабевает и переходит в идею. Идея становится сильнее, она поддерживается своей личной силой. Я понял это благодаря тому, что Илья опирается на льва. Лев сделан из камня. Мое удовольствие мертво и превращается в камень потому, что я не любил Саломею. Это придало моей мысли каменный холод, но идея из этого взяла прочность, что ей была необходима для подчинения моей мысли. Мысль нуждалась в покорении, когда боролась с Саломеей, которая показалась ей плохой. (Стр. 128).

199 В 1921 году Юнг писал: "Следовательно, своеобразная реальность содержания бессознательного, дает нам такое же право, чтобы описать его как объекты, как внешние вещи" ("Психологические типы, CW 6, § 280).

200 *Черновик и Исправленный Черновик*: Это было бы более чем нелогично полагать, что я создал мысли Мистерии "(*Исправленный Черновик*, стр. 115)

201 Далее в *Черновике*: "Я узнал отца, потому что был мыслителем, и потому я не знал матери, а увидел любовь под маской удовольствия и назвал ее удовольствием - это для меня была Саломея. Теперь я узнаю, что Мария - это мать, невинная и принимающая любовь, а не удовольствие, кто несет семя зла в своей обольстительной природе. / Если Саломея, злое удовольствие, - моя сестра, тогда я должен быть мыслителем-святым, а значит, моему уму выпала печальная судьба. Я должен принести в жертву свой разум, и признаться вам в том, что я говорил о наслаждении, а именно, что этот принцип, противоположный предусмотрительности, является неполным и предвзятым. Я все рассматривал как мыслитель с самых выгодных позиций своего мышления, в противном случае я мог бы признать, что Саломея как дочь пророка Ильи является порождением мысли, а не самим принципом, так же, как теперь представляет себя Мария, непорочная Богородица "(стр. 133).

202 Египетское евангелие является одним из апокрифических писаний, что изображает диалог между Христом и Саломеей. Христос утверждает, что он пришел, чтобы отменить работу женщин, а именно, вождение, рождение и распад. На вопрос Саломеи, о том, как долго будет торжествовать смерть, Христос ответил: до тех пор, пока женщины рожают детей. Здесь Юнг ссылается на следующий отрывок: "Тогда я правильно сделала, что не родила ребенка,- сказала она, думая, что детей иметь не разрешается. Господь ответил: "Ешь любую траву, только горькую не ешь. " Диалог продолжается: " Когда Саломея спросила, когда это станет всем известным, Господь сказал: "Когда уничтожишь покров стыда, и когда двое станут одним, и когда мужчина с женщиной станут ни мужским, ни женским "(Новый Завет, под ред. Дж.К. Эллиот [Oxford: Oxford University Press, 1999], стр. 18). Юнг ссылается на это изречение, взятое из книги Климента Stromateis, как пример объединения противоположностей в *Видениях* (1932, Том 1., с. 524), и как пример связи мужчины и женщины в "О психологии детского архетипа" (1940, CW 9, я, §295) и *Mysterium Coniunctionis* (1955-56, CWi4, §528).

203 В *Черновике* и *Исправленном Черновике*: "когда мистерия показала мне это, я не мог понять и думал, что я произвел невероятную мысль. Поэтому я был объят страхом и хотел объяснить свои случайные мысли Илье и Саломее и таким образом лишить их силы" (*Исправленный Черновик*, с. 118).

204 Далее в *Черновике*: "Образ прохладной звездной ночи и необозримого неба открывает бесконечность внутреннего мира, который я чувствую, будучи жаждущим человеком; но этот мир все так же слишком холоден. Я не могу сам сбросить себе звезды, могу лишь наблюдать их. Поэтому мое порывистое желание чувствует, что тот мир является холодным и в нем царит ночь" (с. 135).

Глава 11 Развязка

[HI VI (V)] 205

Гл. XI.

206 На третью ночь мной овладело сильное желание дальше проживать мистерии. Внутренняя борьба между сомнением и желанием была сильной. И вдруг

я увидел, что стою перед крутым гребнем в пустыне. Ослепительно яркий день. Я ловлю взгляд пророка, что стоит высоко надо мной. Он делает рукой предупреждающий жест, и я отказываюсь от решения подниматься вверх. Я жду внизу, глядя вверх. Смотрю: справа темная ночь, а слева - ясный день. День и ночь разделены скалой. На темной стороне лежит большая черная змея, на светлой стороне - змея белая. Они угрожающе шипят, готовые к бою. Илья стоит вверху над ними. Змеи бросаются друг на друга, и начинается страшная битва. Черная змея оказывается сильнее, и белая отступает. Большие клубы пыли поднимаются на месте борьбы. Потом я вижу: черная змея ползет обратно. Передняя часть ее тела стала совсем белой. Обе змеи поползли к себе: одна во тьму, другая - в свет. 207

Илья: "Что ты видел? "

Я: "Я видел бой двух грозных змей. Мне казалось, что черной удастся победить белую, но вдруг она удалилась, и ее голова и верхняя часть тела стали белыми".

И: "Понимаешь ли ты это?"

Я: "Я обдумал, но понять не смог. Может, это значит, что добрые силы света станут настолько могущественными, что осветят даже тьму, что им противостоит?"

Илья поднимается выше, на очень высокую вершину; я следую за ним. На вершине мы подходим к какой-то кладке из огромных каменных блоков. Это круглое сооружение на вершине.208 Внутри находится большой двор, в середине - могучий валун, как алтарь. Пророк становится на этот камень, и говорит: "Это храм солнца. Это место представляет собой сосуд, что собирает солнечный свет".

Илья слезает с камня, его фигура все уменьшается и, наконец, становится карликовой, совсем на него не похожей.

Я спрашиваю: "Кто ты?"

"Я Мим, 209, я покажу тебе неистощимый родник. Собранный свет становится водой и течет ко многим источникам с вершины в долины земли". Затем он ныряет в расщелину. Я иду за ним вниз в темную пещеру. Я слышу, как журчит родник. Внизу карлик говорит: "Вот мои колодцы, кто пьет из них, становится мудрым ".

Но я не могу достать вниз. Я теряю мужество. Я оставляю пещеру и, недоумеваю, хожу туда-сюда по периметру двора. Все кажется странным и непонятным. Здесь одиноко и до смерти тихо. Воздух чист и прохладен, как в самых высоких горах, струятся чудесные солнечные лучи, меня окружает большая стена. Вдруг я вижу, как за камень ползет змея. Это же змея пророка! Как она могла выбраться из преисподней в верхний мир? Я иду за ней и вижу, как она заползает в стену. Для меня здесь все таинственно: маленький домик с портиком, крошечный, впритык к скале. Змеи становятся бесконечно малыми. Мне кажется, я тоже уменьшаюсь. Стены увеличиваются до размеров огромной горы, и я вижу, что я стою внизу, на основании кратера преисподней - перед домом пророка.110 Он выходит из дверей своего дома.

Я: Я заметил, Илья, что ты показал и позволил мне пережить всякие странные вещи; сегодня ты мне также дал предшествовать тебе. Но я признаюсь, для меня все это абсолютно непонятно. Твой мир мне показался сегодня в новом свете. Просто сейчас я как будто отделен звездным расстоянием от места, которого еще сегодня хотел достичь. Но вот, кажется, что это одно и то же место.

И: "Ты раньше очень хотел попасть сюда. Я не обманул тебя, ты сам себя обманул. Видит плохо тот, кто хочет видеть; ты перехитрил самого себя.

Я: "Это правда, я очень желал добраться до тебя, чтобы больше узнать. Саломея поразила меня и привела в недоумение. У меня кружилась голова, потому что то, что она говорила, казалось мне чудовищным и безумным. Где Саломея "?

Я "Какой ты импульсивный! Что с тобой? Иди к кристаллу и подготовь себя в его свете."

Вокруг камня сияет венок из огня. Я охвачен страхом от того, что вижу: грубый крестьянский ботинок? Ступня гиганта, что придавила целый город? Я вижу крест, снятие креста, траур. Какое мучительное зрелище! Но томлюсь я не так долго - вижу божественного ребенка, что держит белую змею в правой руке и черную - в левой. Я вижу зеленую гору, на ней - крест Христов, поток крови течет с вершины горы - я больше не могу на это смотреть, это невыносимо, я вижу крест и Христа в час его последней муки - у подножия креста свернулась кольцом черная змея, потом она обвилась вокруг моей ноги - я неожиданно захвачен и развожу руки. Приближается Саломея. Змея обвилась вокруг всего моего тела, а я хладнокровен, как лев.

Саломея говорит: "Мария была матерью Христа, ты понимаешь?"

Я: "Я вижу, что страшная и необъяснимая сила заставляет меня подражать Господу в его последней муке. Но как я могу осмелиться назвать Марию матерью?"

С: "Ты Христос".

Я стою с разведенными руками, как распятый, мое тело туго обвито змеей: "Саломея, ты говоришь, я Христос?" 211

Кажется, я остаюсь один на высокой горе, я стою неподвижно. Змея сжимает мое тело в своих страшных кольцах, и кровь, истекая из моего тела, льется вниз по склону. Саломея наклоняется к моим ногам и обертывает их черными волосами. Она долго лежит так. Тогда она кричит: "Я вижу свет!" Действительно, она видит, ее глаза открыты. Змей падает с моего тела и остается лениво лежать на земле. Я перешагиваю ее и падаю на колени перед ногами пророка, чья фигура сияет, как пламя.

И: "Твоя работа здесь выполнена. Придут другие вещи. Ищи неустанно, и прежде всего, точно опиши, что ты видишь. "

Саломея смотрит в восторге от света, что излучает пророк. Илия превращается в огромное пламя белого света. Змея обвивает ее ступню, словно парализована. Саломея становится на колени перед светом в изумленной готовности к молитве. Слезы текут из моих глаз, и я спешу оттуда в ночь, как тот, кто не имеет

своей части в славе мистерии. Мои ноги не касаются почвы сей земли, я словно растворяюсь в воздухе.212

[2] 213 Мое сильное желание 214 привело меня к очень яркому дню, свет которого является противоположностью темному пространству предвидения. 215 Я понимаю так, что противоположный принцип является небесной любовью, матерью. Тьма, что окружает предвидение 216, похоже, обязана тому, что она невидима во внутреннем мире и занимает место в глубинах. 217 Но сияние любви выходит из того факта, что любовь есть видимая жизнь и действие. Мое удовольствие было вместе с предвидением, и у него был веселый сад, окруженный тьмой и ночью. Я спустился к своему удовольствию, а вознесся к любви. Высоко над собой я вижу Илью: это означает, что предвидение находится ближе к любви, чем я, человек. Прежде чем подняться к любви, нужно выполнить одно условие, что представляется в виде битвы между двумя змеями. Лево - это день, право - ночь. Царство любви есть свет, царство предвидения - тьма. Эти принципы, четко разделенные, даже враждебные друг к другу, приняли облик змей. Этот облик указывает на демоническую природу обоих принципов. Я узнаю в этой битве повторение видения о борьбе между солнцем и черным змеем. 218

Тогда свет любви был уничтожен, и кровь стала литься наружу. Это была великая война. Но дух глубин 219 хочет, чтобы эта борьба рассматривалась как конфликт в природе каждого человека. 220 Так как после смерти героя нашему стремлению к жизни было некому подражать, оно ушло в глубины каждого человека и разожгло страшный конфликт меж силами глубин. 221 Предвидение - это одиночество, любовь - единение. Оба нуждаются друг в друге, и все же они друг друга убивают. Так как люди не знают, что конфликт происходит внутри их, они сходят с ума / и сваливают вину на других. Но если одна половина человечества виновата, тогда каждый человек наполовину виноват. Но он не видит конфликта в своей душе, который, однако, является источником внешней катастрофы. Если вы рассержены на своего брата, подумайте, что вы рассержены на брата в себе, то есть на то, что в вас похоже на вашего брата.

Как человек вы являетесь частью человечества, и поэтому у вас есть доля от всего человечества, как если бы вы были всем человечеством. Если вы победите и убьете своих приятелей, которые в чем-то вас не поддерживают, тогда вы также убьете того человека в себе, а это значит, что вы убили часть своей жизни. Дух этого мертвого человека будет следовать за вами и не даст вашей жизни быть радостной. Вам нужна целостность, чтобы жить дальше.

Если я сам поддерживаю чистый принцип, я ступаю на одну сторону и становлюсь односторонним. Поэтому мое предвидение в принципе 222 небесной матери становится карликом, что живет в темной пещере, как нерожденный в утробе матери. Вы не следуете за ним, даже если он говорит, что вы можете испытать мудрости из его источника. Но предвидение 223 представляется вам там как карликовый ум, ложный и ночной, так же, как небесная мать показывается мне в виде Саломеи. То, чему не хватает чистого принципа, выглядит как змея.

Герой стремится к максимальному в чистом принципе, и поэтому он, в конце концов, влюбляется в змею. Если вы идете к мышлению, 224 возьмите свое сердце с

собой. Если вы идете к любви, берите с собой голову. Любовь пуста без мышления, мышление же пусто без любви. Змей скрывается за чистым принципом. Поэтому был обескуражен, пока не нашел змею, что сразу же повела меня к другому принципу. При схождении я уменьшился.

Велик тот, кто любит, так как любовь есть сущий акт великого творца, настоящий момент становления и падения мира. Могуч тот, кто любит. Но тот, кто дистанцируется от любви, только чувствует себя сильным.

В своем предвидении вы признаете ничтожность нынешнего бытия как маленькую точку между бесконечностью того, что произошло, и того, что еще придет. Мыслитель мал, он чувствует себя замечательно, если он дистанцируется от мышления. Но если мы говорим о видимостях, то все как раз наоборот. Для того, кто влюблен, форма не значительна. Но его поле зрения заканчивается формой, что ему дана. Для того, кто пребывает в мышлении, форма является непревзойденной высотой Небес. А ночью он видит разнообразие неисчислимых миров и их бесконечные циклы. Влюбленный есть переполненный до краев сосуд, он ждет, чтоб отдать. Мыслящий является глубоким и пустым, он ожидает выполнения.

Любовь и мышление находятся в одном и том же месте. Любовь не может существовать без мышления и наоборот. Человек всегда слишком много пребывает на одной или другой стороне. Это происходит с человеческой природой. Животным и растениям, кажется, достаёт всего, только человек, колеблется между слишком много и слишком мало. Он не решается, он не может определиться, сколько чему он должен. Его знаний и способностей недостаточно, и все же он должен сделать это сам. Человек растет не только изнутри себя, ведь в нем есть созидательное начало 225. В нем проявляется Бог. 226 Человеческая природа не искусна в божественности, поэтому человек колеблется между слишком много и слишком мало. 227

Дух этого времени приговорил нас к спешке. У Вас больше нет ни будущего, ни прошлого, если вы служите духу времени. Мы нуждаемся в вечной жизни. Мы несем будущее и прошлое в глубины. Будущее старо, прошлое молодо. Вы служите духу этого времени и думаете, что сможете убежать от духа глубин. Но глубины не станут медлить, они заставят вас войти в Христовы мистерии. 228 Он относится к этой мистерии, что человек не искупил через героя, и сам становится Христом. Предыдущий пример святых символически учит нас этому.

Кто хочет увидеть, видеть будет плохо. Это моя воля обманула меня. Это моя воля вызвала бурю волнения среди демонов. Должен ли я поэтому не хотеть чего-либо? У меня есть воля, и я выполнил ее, как смог, и потому я лелеял в себе все, к чему стремился. В конце концов, я обнаружил, что хотел быть во всем, но не искал себя. Поэтому решил искать себя не вне себя, а внутри. Я хотел тогда понять себя, и выбрал идти дальше, не зная, чего хочу, и так я попал в мистирию.

Должен ли я из-за этого больше ничего не желать? Вы хотели этой войны, и это хорошо. Если бы не хотели, тогда зло войны было бы небольшим. 229 Но своим желанием вы делаете зло великим. Если вам не удастся создать из этой войны наибольшее зло, вы никогда не познаете насильственные деяния и научитесь преодолевать борьбу, что лежит вне вас. 230 Поэтому хорошо, если вы от всего

сердца желаете этого величайшего зла. 231 Вы христиане и бежите за героями, и ждете спасителей, что примут на себя все муки и всецело вас избавят от Голгофы. При этом вы 232 насыплете Голгофу по всей Европе. Если вам удастся создать страшное зло из этой войны и бросить бесчисленные жертвы в эту пропасть, - это хорошо, так как это делает каждого из вас готовым к самопожертвованию. Ибо, как и я, вы приближаетесь к исполнению тайны Христовой.

Вы уже чувствуете железный кулак на своей спине. Это начало пути. Если кровь, огонь и крик отчаяния заполнят этот мир, вы узнаете себя в своих действиях: Пейте свою долю кровавых зверств войны, пируйте на убийствах и разрушении, тогда ваши глаза откроются, вы увидите, что вы сами приносите такие плоды. 233 Вы находитесь на пути, если желаете всего этого. Желание создает слепоту, а слепота приводит на путь. Должны ли мы хотеть ошибок? Не должны, но вы желаете эту ошибку, вы принимаете ее за самую истину, как люди всегда делали.

Символ кристалла означает непреложный закон событий, что проистекают из него. В этом семени вы поймете, что будет в будущем. Я увидел что-то страшное и непонятное. (Это было в ночь на Рождество в 1913 году.) Я увидел ботинок крестьянина, что свидетельствовало о крестьянской войне, 234 убийцах - поджигателях и кровавой жестокости. У меня для этого была только одна интерпретация - что-то страшное и кровавое лежит перед нами. Я видел ногу гиганта, что раздавила весь город. Как я могу интерпретировать этот знак иначе? Я видел, что путь к самопожертвованию начинался здесь. Все будут восхищаться этим выдающимся опытом, и в слепоте своей захотят понять его, принимая за внешние события. Это происходит внутри, это путь к завершению тайны Христовой, 235, чтобы народы научились самопожертвованию.

Пускай ужас станет настолько велик, что повернет человеческие глаза внутрь, чтобы они искали себя не в других, а в самих себе. 236 Я увидел его, я знаю, это путь. Я видел смерть Христа, и я увидел его плач, я чувствовал агонию его смерти, его великой смерти. И я увидел нового бога, ребенка, который покорила демонов и держит их в руке. 237 Во власти Бога разные принципы, он объединяет их. Бог развивается путем объединения принципов во мне. Он - их союз.

Если вы желаете одного из этих принципов, тогда вы находитесь в одном, но далеко от вашего пребывания в другом. Если вы хотите оба принципа, тогда вы создаете между ними конфликт, поскольку вы не можете желать обоих одновременно. Отсюда вытекает необходимость, в ней появляется Бог, он берет вашу противоречивую волю в свою руку, руку ребенка, чья воля проста и за пределами конфликта. Вы не можете научиться этому, это может только развиваться в вас. Вы не можете желать этого, оно заберет волю из ваших рук. Проявляйте волю сами, это приведет на путь. 238

Но в корне вы напуганы самим собой, и, следовательно, предпочитаете убегать к кому - угодно, только не к себе. Я видел жертвенную гору, кровь хлынула потоками с ее склонов. Когда я увидел, как гордость и сила радовала мужчин, как красота сияла из глаз женщины, когда разразилась большая война, тогда я понял, что человечество находится на пути к самопожертвованию.

Дух глубин 239 захватил человечество и вынуждает его к самопожертвованию. Не ищите вины здесь или там. Дух глубин заключил судьбу человека в себе, так же, как захватил мою. Он ведет человечество через реки крови, к тайне. В тайне человек сам становится двумя принципами, львом и змеей.

Потому что я также хочу жить по-другому, я должен стать Христом. Я был превращен в Христа, я должен вынести это. И так прольется искупительная кровь. Благодаря самопожертвованию мое удовольствие изменяется и поднимается выше, в свой высший принцип. Любовь зрячая, а удовольствие слепое. Оба принципа являются одним в символе огня. Принципы снимают с себя человеческую форму.²⁴⁰

Мистерия мне в образах показала, как я должен жить дальше. Я не обладаю ни одним из тех благ, что тайна показала мне, ибо я все еще должен их заслужить.
241

(Конец части 1)

205 Описание сцены в фантазии, что следует.

206 25 декабря 1913 г.

207 На семинаре 1925 г. Юнг сказал: "Несколькими вечерами позже я почувствовал, что будет продолжение, так что я снова попытался следовать той же процедуре. Но погружения не было. Я остался на поверхности. Тогда я понял, что во мне происходит конфликт касательно этого продвижения вглубь, но я не мог понять, что именно это было, я чувствовал только, что две змеи, два темных принципа, воевали между собой" (Аналитическая психология, стр. 95). Затем он рассказал о фантазии, что последовала.

208 На семинаре 1925 г. Юнг добавил: "Я подумал:" Ха, да это же священное место друидов "(Аналитическая психология, стр. 96).

209 В "Кольце Нибелунгов" Вагнера карлик Мим является мастером-кузнецом, братом Альбериха. Альберих украл золото у трех дочерей Рейны; благодаря отказу от любви он смог выковать из него кольцо, которое обладало свойством наделять безграничной силой. В *Зигфриде* Мим, что живет в пещере, воспитывает Зигфрида, он говорит Зигфриду убить великана Фафнира, который превратился в дракона и обладает кольцом. Зигфрид убивает Фафнира непобедимым мечом, который смоделировал Мим, и убивает Мима, который намеревался убить Зигфрида после того, как тот вернет золото.

210 На семинаре 1925 г. Юнг интерпретировал этот эпизод следующим образом: "борьба двух змей: белая означает движение в день, черная - в царство тьмы, в моральном плане также. Во мне происходил настоящий конфликт. Соппротивление слабеет, и более сильные стремления должны подняться. Из-за того, что я за день до этого был глубоко поражен увиденной жестокостью, у меня действительно было стремление найти путь к сознательному путем восхождения, как я сделал на той горе. . . Илья сказал: как внизу, так и наверху. Сравните с "Адом" Данте. Гностики выражают ту же идею в символе перевернутых конусов. Таким образом, горы и кратер схожи. В этом видении не было ничего от сознательной структуры, это были просто произошедшие события. Так что я предполагаю, что Данте получил свои идеи из тех же архетипов "(Аналитической Психологии с. 96-97). МакГир предположил, что Юнг ссылается на концепцию Данте "конической формы котловины ада со своими кругами, отражая с обратной стороны Небеса с их сферами "(Там же). В Аion, Юнг также отметил, что змеи - это типичная пара противоположностей, и что конфликт между змеями был мотивом, найденным в средневековой алхимии (1951, CW 9, 2, § 181).

211 На семинаре 1925 г. Юнг рассказал после заявления Саломеи, что он Христос: "Несмотря на мои возражения, она продолжала утверждать. Я сказал:" это безумие ", я был настроен скептически и не мог этого принять" ("Аналитическая Психология, стр. 96). Он истолковал это событие следующим образом: "приход Саломеи и ее поклонение мне, очевидно, является стороной низшей функции, которую окружает аура зла. Кому-то становится страшно, что это может быть сумасшествие. Так начинается оно - безумие. Вы не можете осознать эти явления бессознательного, если не отдаете им себя. Если вы можете преодолеть свой страх бессознательного и позволить себе спуститься вглубь, эти явления примутся за свою собственную жизнь. Вы можете быть охвачены этими

идеями настолько, что вы действительно сойдете с ума, или около того. Эти образы настолько реальны, что они буквально предлагают себя, и настолько выразительны, что человек ловится на них. Они являются частью древних тайн, на самом же деле это фантазии, сотворенные мистериями. Сравните мистерии Изиды, описанные у Апулея, с посвящением и обожествлением посвящаемого. Создается особое ощущение от прохождения такой инициации. То, что змея обвила меня своими кольцами, сыграло важную роль в моем обожествлении. Обожествлением было действие Саломеи. Животное лицо, в которое, как я чувствовал, превращалось мое, было знаменитым Леонтоцефалусом из митраических мистерий, чей облик представлен змеем, что обвился вокруг человека; голова змея лежит на голове человека, а у человека лицо льва ... В этой мистерии обожествления вы превращаете себя в сосуд, и вы есть творящий сосуд, в котором примиряются противоположности. " Он добавил: "Все это от начала до конца - митраистская символика " (там же, с. 98-99). В романе "Золотой осел" Лукиан проходит посвящение в мистерии Изиды. Значимость этого эпизода в том, что он является единственным сохранившимся прямым описанием такого посвящения. О самом событии Лукиан говорит: "Я подошел к самым воротам смерти и ступил на порог Просперина, однако мне, восторженному увиденными элементами, было разрешено вернуться. В полночь я увидел светящее солнце, словно это был полдень, и я вступил в присутствие богов преисподней и богов верхнего мира, стоял возле их и молился им ". Потом в храме он предстал на трибуне перед толпой. На нем были одежды с узорами змей и и крылатых львов, он держал факел, и носил "и носил венец из пальмового дерева, чьи листья торчали, словно лучи света" ("Золотой осел", Пер. Р. Грейвс [Хармондсворт: Penguin, 1984], стр. 241). В Юнговском экземпляре этой работы, переведенной на немецкий язык, этот отрывок подчеркнут на полях .

212 В работе "О психологии образа Керы" (1951), Юнг так описал эти эпизоды: "В доме под землей, собственно говоря, в загробном мире, живет старый волшебник и пророк и " дочь " его. Она, однако, не на самом деле его дочь, она танцовщица, довольно безнравственная персона, но она слепа и ищет исцеления "(CW 9,1, § 360). Это описание Ильи сближает его с более поздним описанием Филимона. Юнг отметил, что это "образ неизвестной женщины как мифологической фигуры, что живет по ту сторону (т.е. в бессознательном). Она представляет таинственную сестринскую привязанность к иерофанту или же "философу", очевидно, параллельно с мистическими союзами, которые можно встретить в фигурах Симона Волхва и Елены, Зосима и Теосебии, Комаруса и Клеопатры" и др. Наш образ из видения больше всего соответствует Елене "(там же, § 372).

213 В *Исправленном Черновике*: "Ведущее Отражение" (стр. 127). В Черной Книге 2 Юнг взял цитаты из Божественной комедии Данте в переводе на немецкий язык (стр. 104): " А я : ""Когда любовью я дышу ,то я внимателен; ей только надо мне подсказать слова, и я пишу". (24" Чистилище ", 52-54); "И как сиянье повсеместно ходит за пламенем и неразрывно с ним, так новый облик вслед за духом бродит"(25" Чистилище ", 97-99). Пер. С. Сиссон (Манчестер: Carcanet, 1980), с. 259, 265.

214 В *Черновике*: "вести о желании, возрожденные матерью" (стр. 143).

215 В *Исправленном Черновике*: "первозданного образа" (стр. 127).

216 В *Исправленном Черновике*: "Идея или первозданного образа" (стр. 127).

217 В *Исправленном Черновике*: "живет" (стр. 127).

218 то есть, в гл. 5 "Сошествие в Ад будущего".

219 В *Исправленном Черновике*: "дух" (стр. 127).

220 Далее в *Черновике*: "Все они говорят, что борются во имя добра и мира, однако никто не может бороться друг с другом за добро. Но так как люди не знают, что этот конфликт лежит между ними, то немцы считают, что англичане и россияне ошибаются, а англичане и россияне уверены, что не правы немцы. Но никто не может судить об истории в терминах добра и зла. Если половина человечества не права, тогда каждый человек половину не прав. Поэтому конфликт находится в его душе. Но человек слеп и всегда знает только половину себя. Немец содержит в себе англичанина и русского, а вне себя он борется с ними. Так же и в англичанине и русском есть немец, с которым они воюют. Но, кажется, что человек видит только внешние прения, а не внутренние, которые и являются источником великой войны. Но прежде чем человек поднимется к свету и любви, должна пройти великая битва "(стр. 145).

221 В декабре 1916 г. в предисловии к работе "Психология бессознательных процессов» Юнг писал: "Психологические процессы, которые сопровождают нынешнюю войну, - прежде всего, невероятная жестокость общественного мнения, всеобщая клевета, беспрецедентное неистовство уничтожения, чудовищный поток лжи и человеческой неспособности призвать остановить кровавого демона - как ничто другое могут представить глазам мыслящих людей проблему тревожно дремлющего хаотичного бессознательного в упорядоченном мире сознания. Эта война безжалостно показала цивилизованному человеку, что он по-прежнему варвар. . . Но психология отдельной личности соответствует психологии нации. То, что народ делает, принадлежит каждому человеку, и до тех пор, как

человек это делает, это делает и нация. Только изменения в отношении индивидуума есть началом изменений в психологии нации "(CW 7, стр. 4).

222 В *Исправленном Черновике* : "пророк, воплощение идеи" (стр. 131).

223 В *Исправленном Черновике*: "Идея" (стр. 131).

224 В *Исправленном Черновике* "Идея" фигурирует на протяжении всего этого параграфа (стр. 131).

225 В *Исправленном Черновике* добавлено "сознательный" и удалено "изнутри себя" (стр. 133).

226 В *Черновике* и *Исправленном Черновике* вместо этого: " Божественная созидательная сила становится [в нем] личностью [личным сознанием] из [бессознательного] коллективного "(стр. 133 -34).

227 В *Черновике* и *Исправленном Черновике* : "Но почему, спросите вы, идея является вам в образе еврейского пророка, а удовольствие - безбожницы Саломеи? Мой друг, не забывайте, что я тоже являюсь тем, кто размышляет и изъявляет желания в духе этого времени, и полностью очарован змеем. Сейчас посредством посвящения в тайны духа глубин я собираюсь не то чтобы отбросить все древнее, которого не достает всем тем, кто мыслит в духе этого времени, а принять его в свое человеческое, чтобы сделать свою жизнь целостной. Ибо я стал бедным и далеким от Бога. Я должен понять суть божественного и земного, так как духу этого времени больше нечего не было дать мне; однако, он взял мало из того, чем я обладал в реальной жизни. И, в частности, он сделал меня опрометчивым и жадным, так как он представляет настоящее, и он заставил меня поймать все настоящее, чтобы заполнить им данный момент "(стр. 134-35).

228 В *Черновике* и *Исправленном Черновике*: "Как помощники пророков [древних] стояли перед Мистерией Христа, так и я стою, [в такой мере, что я вновь перенимаю прошлое], хотя с того времени прошло 2000 лет, и в одно время мне казалось, что я христианин. Но я никогда не был Христом "(стр. 136).

229 В "Так говорил Заратустра" Ницше писал: "Спасти в человеке его прошлое и так преобразовать всякое "Было", чтобы воля сказала: "Но я так хотела! Я так буду хотеть!" – вот что назвал я избавлением" ("Об избавлении", стр. 161).

230 2 февраля 1916г. Юнг заявил в ходе дискуссии в Ассоциации Аналитической Психологии: "Мы злоупотребляем волей, естественный рост подчинен воле... Война учит нас: в воле толку не будет, мы увидим, куда это ведет. Мы полностью подчинены абсолютной власти грядущего "(МАР, том I, стр. 106).

231 В *Черновике* и *Исправленном Черновике*: Внутри мы по-прежнему древние евреи и язычники с нечестивыми богам" (стр. 137).

232 В *Исправленном Черновике*: "мы сами" (стр. 138).

233 В *Исправленном Черновике* : "и мы называем себя христианами, подражателями Христа. Быть самим Христом значит неотступное следование Христу" (стр. 139).

234 Это может относиться к немецкому крестьянскому восстанию 1525 г.

235 В 1918 году в предисловии ко второму изданию "Психологии бессознательных процессов", Юнг писал: "Вид этой катастрофы отбросил человека обратно на себя, заставляя его почувствовать свою полную беспомощность, она обратила его внутрь, и так как все зыбко, он теперь ищет то, за что он может ухватиться. Слишком многие по-прежнему стремятся вырваться наружу... Но мало кто стремится внутрь, к собственному Я, и еще меньше спрашивают себя, не лучше ли будет для того, что осталось от человеческого общества, если каждый человек попытается искоренить старые порядки в себе и применить к своей личности и своему внутреннему состоянию те принципы, те победы, которые он проповедует на каждом углу, вместо постоянного ожидания этого от других (CW 7, стр. 5).

236 В *Черновике*: "Если этого не произойдет, Христос не будет преодолен, и зла, должно быть, станет еще больше. Таким образом, мой друг, я говорю с вами так, чтоб вы могли рассказать своим друзьям, и чтобы слово разошлось среди народа "(стр. 157).

237 Дальше в *Черновике*: "Я увидел, что новый Бог пришел от Господа Христа, молодой Геркулес" (стр. 157).

238 Здесь в *Черновике* и *Исправленном Черновике* имеется длинный отрывок, пересказ которого приведен ниже: Бог держит любовь в своей правой руке, а предвидение ["идеи", замена на протяжении всего отрывка] - в левой. Любовь находится на нашей положительной стороне, идея - отрицательной. Поэтому вам советуется любовь – т.к. вы есть частью этого мира - и особенно, если Вы являетесь мыслителем. У Бога есть и то, и другое. Бог есть их единство. Бог проявляется путем объединения обоих принципов в вас [во мне]. Вы [I] через это не становитесь Богом, или

божественным, но Бог становится человеком. Он проявляется в вас и через вас, как ребенок. Вы не одолеете его путем отбрасывания [Дух Времени]. Дух этого времени колеблется между да и нет, как пьяный ["поскольку он есть неопределенность нынешнего коллективного сознания"]. Вы ["Кто-то", на протяжении всего отрывка] можете одолеть только старого Бога, становясь им и проживая его муки и смерть. Вы преодолеваете его и сами становитесь собой, как тот, кто ищет себя и не подражает героям. Вы освобождаете себя, когда освобождаетесь от старого бога и его моделей. Когда вы сами стали моделью, вы больше не нуждаетесь в нем. Irrthatthe-Grrd-hekHiy ^ ^SEI ^ Kd-д ^ httmarwilfc ["Бог объединяет противопоставление между любовью и идеей, он держит его в своих руках"] Любовь и идея существовали испокон веков, и они не зависели от человеческой воли. Все всегда хотят духа этого времени, который также мыслит и желает. Тот, кто желает духа глубин, хочет любви и предвидения. Если вы хотите обоих, Вы становитесь Богом. Если вы делаете это, Бог рождается и овладевает человеческой волей, а свою волю держит рукой своего ребенка. Любовь и предвидение будут находиться в другом мире до тех пор, пока вы не будете желать их для себя и ваша воля будет разделяет их. Если вы хотите обоих, внутри вас между желанием любви и желанием предвидения ["понимания"] начнется борьба. Вы увидите, что Вы не можете одновременно хотеть и того, и другого. И в этот острый момент родится Бог, и возьмет разделенную волю в свои руки, руки ребенка, чье желание просто и не знает расколов. Что за божественная детская воля? Вы не можете выучить ее по описанию, она может только возникнуть в вас. И вы не можете хотеть ее. Вы не можете ее познать или проникнуться ею от того, что я говорю.

239 В *Исправленном Черновике* "великий дух" (с. 146).

240 В *Исправленном Черновике* здесь имеется длинный отрывок, пересказ которого звучит следующим образом: когда вы увидели, как гордостью и властью засверкали глаза мужчин, как красота наполнила женский взгляд - стоило войне начаться, - вы поняли, что человечество на этом пути. Вы знали, что эта война была не только авантюрой, преступными действиями и убийствами, но также тайной самопожертвования. ["Великий", на протяжении всего отрывка] дух глубин захватил человечество и заставил его идти через войну к самопожертвованию. Ибо вина не находится вовне. Он ведет людей к реке крови, так же, как вел меня. В Мистерии я прочувствовал то, что люди должны были делать в действительности ["это полномасштабно разворачивалась вовне"]. Я испытал [желал] Христово самопожертвование. Мистерии Христа вершились на моих глазах. Мое предвидение [идея, находящаяся надо мной] вынуждало меня к этому, но я сопротивлялся. Я хотел восстать против таинственного желания самопожертвования. Так что я был, как лев, которого обвила змея, ["бесконечно повторяющийся образ судьбы"]. Саломея пришел ко мне с правой стороны, стороны положительной. Я понял, что мое удовольствие появляется, когда я совершаю самопожертвование. Я узнал, что Мария - это символ любви, она также [моя] мать Христа, так как любовь также родила Христа. Любовь приносит того, кто жертвует собой и его самопожертву. Любовь - это также мать моей жертвы. В том, что я понимаю это и принимаю, я ощущаю, что становлюсь Христом, так как я вижу, что любовь превращает меня в него. Но у меня все еще остаются сомнения, так как это почти невозможно для мыслителя - отделить себя от своей мысли и признать, что то, что происходит в его разуме, есть нечто внешнее. Оно находится вовне, а не во внутреннем мире. [Саломея] Мое удовольствие сказало мне ["что я Христос"], потому что любовь - что выше удовольствия, которое, однако, до сих пор у меня спрятана в удовольствии, - привела меня к самопожертвованию и сделала из меня Христа. Удовольствие подошло ко мне, обвило меня кольцами и заставило испытать муки Христа и пролить кровь для всего мира. Моя воля, которая ранее служила духу этого времени ["Духу времени", замена на протяжении всего отрывка] закатилась под духом глубин, и как ранее все определялось духом времени, теперь определяется духом глубин, предвидением ["Идеей", замена на протяжении всего отрывка] и удовольствием. Было определено, что я пойду на самопожертву, к пролитию крови, сути своей жизни. Следует отметить, что к самопожертвованию меня ведет мое никудашнее удовольствие. Его сокровенное - это любовь, которая будет освобождена от удовольствия через жертву. Случилось чудо - мое ранее слепое удовольствием стало зрячим. Мое удовольствие было слепое, и это была любовь. Поэтому моя воля очень стремилась к самопожертвованию, мое удовольствие изменилось и вошло в высший принцип, который у Бога наряду с идеей. Любовь видит, удовольствие слепое. Удовольствие всегда хочет самого близкого, чувствует через многообразие, переходя от одного к другому, без цели, просто ищет и никогда не осуществляет. А любовь желает дальнего, наилучшего, она жаждет осуществления. Я увидел еще нечто: предвидение во мне приняло вид старого пророка; оно дохристианское; оно превратилось в принцип, больше не появляясь в человеческом облике, лишь в абсолютной форме чистого белого света. Предвидение и удовольствие объединились во мне в новой форме, а моя желание, что показалось чуждым и опасным, воля духа глубин, замерло у сияющего пламени. Я стал един со своей волей. Но я посчитал все сомнительным. Я чувствовал, как если бы все таяло в воздухе, так как земля Мистерий [тот дух] по-прежнему была мне чужой. Мистерия была свершена. Но тот образ зрячей Саломеи, что, восторженная, стала на колени перед белым пламенем, вызвал острое чувство, что пришло в сторону моей воли и провело меня через все, что было после. То, что произошло, было моим одиноким скитанием, страданиями я должен был заслужить то[...], что я увидел ["я впервые увидел"] (стр. 146-50).

241 Жиль Киспел сообщает, что Юнг сказал голландскому поэту Роланду Хорсту, что он написал "Психологические типы» на основе 30 страниц Красной Книги (цит. по: Стефан Хеллер, Гностический Юнг и Семь Проповедей Мертвому [Уитон, IL: Quest, 1985], стр. 6). Скорее всего, он имел в виду три предыдущих главы "Мистерий". То, что представлено здесь, раскрывает понятия конфликта между противоборствующими функциями, отождествления с ведущей функцией и развития примирительного символа как разрешения конфликта между противоположностями,

которые и являются главными вопросами главы 5 "Типичные проблемы поэзии" в работе «Психологические типы» (CW 6). На семинаре 1925 г. Юнг сказал: "Я обнаружил, что бессознательное вырабатывает огромное количество коллективных фантазий. Как раньше я был страстно заинтересован в разработке мифов, теперь я так же заинтересован в материале касательно бессознательного. Это, фактически, единственный способ добраться до мифообразования. Так что первая глава "Психологии бессознательного" оказалась действительно верной. Я видел, как мифотворчество продолжается, и получил представление о структуре бессознательного, образуя концепцию, что играет такую роль в Типах. Я извлек весь свой эмпирический материал из своих пациентов, но решение проблемы я вытащил изнутри себя, из своих наблюдений бессознательных процессов. Я попытался соединить эти два течения внешнего и внутреннего опыта в книге о типах и назвал процесс слияния двух потоков трансцендентной функцией" (Аналитическая психология, стр. 34).

Liber Secundus

Глава 1 Некто Красный

Дверь Мистериума закрылась за мной. Я чувствовал, что воля моя парализована и что дух глубин владеет мной. Я ничего не знаю об этом. Таким образом, я не могу хотеть ни этого, ни того, поскольку ничего не показывает мне, хочу ли я того или этого. Я жду, не зная того, что я жду.

Но уже следующей ночью я чувствовал, что достиг основательного места.

Я нахожу себя стоящим на самой высокой башне замка. Воздух говорит мне: я в далеком прошлом. Мой взгляд бродит по одинокой сельской местности. Сочетание полей и деревьев. На мне зеленая одежда. Горн свисает с моего плеча. Я часовой башни. Я гляжу вдаль. Я вижу там красную точку. Она приближается ближе по извилистой дороге, исчезая на время в лесах и появляясь снова. Это всадник в красном плаще, красный всадник. Он едет в мой замок. Он уже проезжает через ворота. Я слышу шаги на лестнице, ступеньки скрипят, он стучит: странный страх овладевает мной: там стоит некто красный, его длинная фигура целиком скрыта в красном, даже его волосы красные. Я думаю: «В конце концов, он превратится в дьявола».

Некто Красный: «Я приветствую тебя, человек на высокой башне. Я видел тебя издали, смотрящего и ждущего. Твое ожидание позвало меня».

Я: «Кто ты?»

Н.К.: «Кто я? Ты думаешь, я дьявол. Не допускай суждений. Возможно, ты сможешь говорить со мной, не зная, кто я есть. Что ты за предрассудочный парень, который сразу думает о дьяволе?»

Я: «Если у тебя нет сверхспособностей, как ты мог чувствовать, что я стою и жду на моей башне, выглядывая неизвестное и новое? Моя жизнь в замке плоха, поскольку я всегда сижу здесь, и никто не поднимается сюда».

Н.К.: «Так чего же ты ждешь?»

Я: «Я жду всего что угодно и особенно я жду некой ценности мира, которой мы не видим, чтобы она пришла ко мне»

Н.К.: «Итак ты пришел абсолютно в правильное место. Я давно скитался по миру, ища тех, кто как ты сидит на высокой башне, выглядывая невидимые вещи».

Я: «Ты мне любопытен. Ты, похоже, редкой породы. Твой внешний вид необычен и потом - прости меня - ты приносишь с собой странный воздух, что-то мирское, дерзкое или бурное или - на самом деле – нечто языческое».

Н.К.: «Ты не оскорбляешь меня, напротив, ты попал в точку. Но я не старый язычник как ты кажется, думаешь».

Я: «Я не настаиваю на этом. Ты также не высокопарен и не латинянин. В тебе нет ничего классического. Ты, кажется сын нашего времени, но необычный. Ты не настоящий язычник, но язычник, который параллелен нашей христианской религии».

Н.К.: «Ты действительно хороший разгадыватель загадок. У тебя получается намного лучше, чем у многих других, которые полностью ошибались во мне».

Я: "Ты говоришь невозмутимо и дерзко. Не разбивал ли ты когда-нибудь сердца над самыми священными загадками нашей христианской религии?"

Н.К.: «Ты невероятно тяжеловесная и серьезная личность. Ты всегда такой?»

Я: "Я - перед Богом - всегда хотел бы быть также серьезен и правдив к себе, как я пытаюсь быть. Однако, это становится трудным в твоём присутствии. Ты приносишь с собой определенный преступный дух , ты наверняка из черной школы Салерно, где вредные искусства преподаются язычниками и последователями язычников».

Н.К.: «Ты суеверен и слишком немец. Ты воспринимаешь буквально то, что говорит писание, в другом случае ты не судил бы меня так жестко».

Я: «Жесткое суждение - это последнее чего бы я хотел. Но мой нос меня не обманывает. Ты всегда ускользаешь и не хочешь раскрыть себя. Что ты прячешь?»

(Некто Красный, кажется, еще краснеет, его одежда сверкает как раскаленное железо)

Н.К.: «Я ничего от тебя не прячу, ты чистосердечная душа. Меня просто изумляет твоя тяжеловесная серьезность и комическая достоверность. Это так редко в наше время, особенно у людей, которые имеют в своем распоряжении понимание».

Я: «Я полагаю, ты не можешь полностью понять меня. Ты определенно сравниваешь меня с теми, кого ты знаешь. Но я должен сказать тебе ради истины, что я никогда на самом деле не принадлежал ни к этому времени, ни к этому месту. Дух изгнал меня из этого места и времени на годы. Я на самом деле не то, что ты видишь перед собой».

Н.К.: «Ты говоришь удивительные вещи. Кто же ты тогда?»

Я: «Это неважно. Я стою перед тобой, такой, какой я сейчас есть. Почему я здесь и почему я такой я не знаю. Но я знаю, что я должен быть здесь, чтобы объяснить себя в соответствии с моими лучшими знаниями. Я также мало знаю тебя, как и ты знаешь меня».

Н.К.: «Это звучит очень странно. Может ты святой? Вряд ли философ, поскольку не имеешь склонности к научному языку. Но святой? Наверняка да. Твоя важность пахнет фанатизмом. У тебя духовный вид и простота, которые отдают черствым хлебом и водой».

Я: «Я не могу сказать ни «нет» ни «да»: ты говоришь как кто-то пойманный духом своего времени. Мне кажется, тебе хватает слов для сравнения».

Н.К.: «Возможно ты ходил в школу язычников? Твой ответ софистичен. Как ты можешь измерять меня мерилami христианской религии, если ты не святой?»

Я: «Мне кажется, что каждый может применять эти мерилы, даже если он не святой. Я полагаю, я постиг, что никому не позволено отрицать безнаказанно таинства христианства. Я повторяю: тот чье сердце не было разбито Господом Иисусом Христом, тащит язычество с собой».

Н.К.: «Опять эта старая песня? Зачем, если ты не христианский святой? Не проклятый ли ты софист после этого всего?»

Я: «Ты пойман в своем собственном мире. Но ты определенно думаешь, что кто-либо может оценивать ценность христианства верно, не будучи при этом совершенным святым».

Н.К.: «Ты что, доктор теологии, который исследует христианство снаружи и оценивает его исторически и таким образом превращается в софиста?»

Я: «Ты упрям. Я имел в виду, что это едва ли совпадение, то, что весь мир стал христианским. Я также верю, что это была задача Западного человека, нести Христа в своем сердце и расти через его страдание, смерть и воскресение».

Н.К.: «Хорошо, есть также евреи, которые хорошие люди и все еще не нуждаются в твоём священном писании».

Я: «Ты, как мне кажется, не умеешь хорошо читать людей. Не заметил ли ты, что евреям недостает чего-то в голове и чего-то в сердце, и они сами чувствуют, что им чего-то не хватает?»

Н.К.: «В самом деле, я не еврей. Но я должен защитить евреев: ты кажется, их ненавидишь».

Я: «Хорошо, ты говоришь, как те евреи, которые обвиняют любого в ненависти к евреям, кто не имеет благосклонного отношения к ним, в то время как они сами отпускают самые грязные шутки на свой счет. Евреи ясно чувствуют этот недостаток и все же не хотят принять его, они чрезвычайно чувствительны к критицизму. Ты полагаешь что христианство не оставляет следов на человеческой душе? И ты полагаешь что тот кто не испытал это глубоко лично может все же разделять этот плод?»

Н.К.: «Ты хорошо споришь. Но твоя важность?! Ты бы мог делать это гораздо легче. Если ты не святой, я действительно не понимаю, зачем ты должен быть таким важным. Ты полностью уничтожаешь радость. Что за дьявол в тебе? Только христианство с его унылым бегством от мира может делать людей такими тяжеловесными и мрачными».

Я: «Я думаю, есть еще вещи, которые обуславливают серьезность».

Н.К.: «О, я знаю, ты имеешь в виду жизнь. Я знаю эту фразу. Я тоже живу, но не позволяю своим волосам сесть из-за этого. Жизнь не требует никакой серьезности. Напротив лучше танцевать по жизни».

Я: «Я знаю, как танцевать. Да, если бы мы могли бы делать это танцуя! Танец соответствует сезону спаривания. Я знаю, что есть те, кто всегда в спешке и те, кто также хочет танцевать ради их богов. Одни смехотворны, а другие вводят античность взамен того, чтобы честно признать их неспособность к такому самовыражению».

Н.К.: «Здесь, мой дорогой, я сбрасываю маску. Теперь я стану несколько более серьезен, так как это относится к моей территории. Есть еще третья вещь, для которой танец был бы символом».

Некто Красный превращает себя в нежный красноватый цвет плоти. И смотрите - о чудо - мои зеленые одежды расцветают везде листьями.

Н.К.: «Неужели ты не узнаешь меня брат, я твоя радость!»

Я: «Можешь ли ты быть радостью? Я вижу тебя словно через облако. Твое изображение исчезает. Дай мне взять твою руку, дорогой, кто ты, кто ты?»

Радость? Был ли он радостью?

"Несомненно, этот некто красный был дьяволом, но моим дьяволом. На самом деле он был моей радостью, радостью серьезного человека, который продолжает наблюдать в одиночестве на высокой башне – его красную, отдающую красным, теплую яркую красную радость. Не тайную радость в его мыслях и его взгляде, но странную радость мира, которая приходит неожиданно как теплый южный ветер с набухающими ароматными цветами и легкостью жизни. Вы знаете это от своих поэтов, эту серьезность, когда они ожидающе смотрят что же случится в глубинах, разыскиваемые прежде всего дьяволом из-за их радости. Она выбирает людей как волна и несет их вперед. Кто пробует эту радость – забывает себя. И нет ничего более сладкого чем забывание себя. И немало людей забыли, кто они есть на самом деле. Но еще больше приросли так крепко, что даже розовая волна неспособна выкорчевать их. Они окаменели и слишком тяжелы, тогда как другие слишком легки.

Я убедительно столкнулся лицом к лицу со своим дьяволом и вел с ним себя как реальный человек. Этому я научился в Мистериуме: принимать серьезно каждого неизвестного скитальца кто населяет внутренний мир, так как они реальны, поскольку они действительны. Это никак не помогает, если мы говорим в духе нашего времени: дьявола нет. Там был один со мной. Это имело место во мне. Я сделал с ним то, что мог. Я мог говорить с ним. Религиозный разговор неизбежен с дьяволом, поскольку он требует его, если кто-либо не хочет уступить ему безоговорочно. Потому что религия – это именно то насчет чего мы с дьяволом не могли согласиться. Я должен был это с ним сделать, поскольку я не мог ожидать, что он как независимая личность принял бы мою точку зрения без дальнейших затруднений.

Я бы попытался убежать, если бы я не попробовал прийти к пониманию с ним. Если у вас когда-нибудь редкий случай поговорить с дьяволом, не забудьте встретить его со всей серьезностью. Все-таки он ваш дьявол. Дьявол как враг - это ваша собственная другая точка зрения; он искушает вас и ставит камень на вашем пути, где бы вам этого меньше всего хотелось.

Серьезное принятие дьявола не означает перехода на его сторону, или иначе вы сами станете дьяволом. Скорее это означает прийти к пониманию. Таким образом, вы принимаете вашу другую точку зрения. При этом дьявол фундаментально теряет почву под ногами и также вы. И это может быть неплохо и хорошо.

Хотя дьявол не выносит религию за ее особенную важность и искренность, стало ясно, однако, что точно через религию дьявол может быть принесен к пониманию. То, что я сказал насчет танца, поразило его, потому что я говорил о том, что относилось к его собственной области. Он не способен принимать серьезно только то, что заботит других, потому что это особенность всех дьяволов. Таким образом, я прибыл к этой серьезности и с этим мы достигли общего места, где возможно понимание. Дьявол убежден, что танец это не похоть и не безумие, но выражение радости, что нехарактерно ни для кого. В этом я согласен с ним. Таким образом, он очеловечивает себя в моих глазах. Но я становлюсь зеленым как дерево весной.

И в то же время эта радость есть дьявол, или дьявол есть радость, что должно волновать вас. Я обдумывал это неделю и, боюсь, что этого было недостаточно. Вы спорите о факте, что ваша радость это ваш дьявол. Но, кажется, всегда есть что-то дьявольское в радости. Если радость – это не дьявол для вас, тогда возможно это так для ваших соседей, так как радость это наиболее высочайшее цветение и озеленение жизни. Это сбивает вас с ног, и вы должны

нащупать новый путь, так как свет этого радостного огня почти исчез для вас. Или ваша радость отбросит вашего соседа и сбросит его с курса, так как жизнь это великий огонь который освещает как факел все вокруг. Но огонь это элемент дьявола.

Когда я увидел что радость это дьявол, конечно, я захотел заключить с ним сделку. Но вы не можете заключить сделку с радостью, поскольку она немедленно исчезнет. Таким образом, вы также не можете схватить и дьявола. Да это относится к его существу, и он не может быть схвачен. Он глуп если он позволит себя схватить, и вы не сможете ничего получить, имея еще одного глупого дьявола. Дьявол всегда ищет возможность подпилить сук, на котором вы сидите. Это полезно и не даст вам задремать и также хорошо против пороков, которые он приносит. Дьявол это элемент зла. Но радость? Если вы побежите за ней, вы также увидите, что в ней есть зло, так как вы придете к удовольствию и из удовольствия отправитесь напрямиком в ад, ваш собственный ад, который для каждого свой.

Посредством моего прихода к соглашению с дьяволом, он принял некоторую мою серьезность, и я принял некоторую его радость. Это дало мне смелость. Но если дьявол получил больше серьезности, вы должны собраться. Это всегда рискованно – принять радость, но это приводит нас к жизни и ее разочарованию, из чего получается полнота жизни"

Глава 2 Замок В Лесу⁷⁰

²После этого во вторую ночь я иду один в темном лесу и я заметил что потерялся⁷¹. Я на темной колее от телег и спотыкаюсь в темноте. В конечном счете я прихожу к тихой, темной болотистой воде и маленький старый замок стоит в ее центре. Я думаю, что было бы хорошо попроситься здесь остановиться на ночь. Я стучу в дверь, долго жду, начинается дождь. Мне приходится постучать снова. Теперь я слышу, как кто-то идет: дверь открывается. Человек в двери в старомодном одеянии, слуга, спрашивает, чего я хочу. Я спрашиваю о ночлеге, и он позволяет мне войти в темный вестибюль. Потом он проводит меня наверх по старой изношенной лестнице. Наверху я попадаю в более широкое и высокое пространство наподобие холла с белыми стенами, наполненное черными сундуками и шкафами.

Меня проводят в подобие комнаты приема. Это простое пространство со старой обитой мебелью. Тусклый свет антикварных ламп освещает комнату только очень скудно. Слуга стучит в боковую дверь и затем тихо открывает ее. Я быстро ее просматриваю: это кабинет ученого с полками на всех четырех стенах и большим письменным столом, за которым сидит старый человек одетый в длинный черный халат. Кивком он подзывает меня ближе. Воздух в комнате тяжелый и старик кажется измучен. Он не без достоинства – он кажется одним из тех, кто имеет так

⁷⁰ В Рукописном Черновике: "Второе Приключение" (стр. 383).

⁷¹ Ад Данте начинается с места, где поэт теряется в темноте. В копии Юнга на этой странице был узкий кусочек бумаги.

много достоинства, сколько может быть дано. У него скромно-испуганный облик ученого, кто давно был раздавлен в ничто обильностью знания. Я думаю, что он настоящий ученый, который научился великой скромности перед громадностью знания и отдал себя неутомимо материалу науки и исследования, беспокойно и одинаково оценивая, как будто он персонально обязан был представлять как разрабатывается научная истина.

Он смущенно приветствует меня, как будто отсутствуя и защищаясь. Я не удивляюсь насчет этого, так как я выгляжу как обычный человек. Только с трудом он может оторвать взгляд от своей работы. Я повторяю свою просьбу о ночлеге. После долгой паузы старик замечает, "Итак вы хотите поспать, тогда пожалуйста." Я замечаю что он рассеян и поэтому прошу его чтобы он сказал слуге показать мне комнату. На это он говорит, подождите, вы требуете, я не могу все бросить! Он снова погружается в свою книгу. Я терпеливо жду. После паузы он глядит удивленно: "Что вам нужно здесь? О—простите меня—Я совсем забыл что вы здесь. Я сейчас позову слугу." Слуга приходит и проводит меня в маленькую комнату на том же этаже с белыми голыми стенами и большой кроватью. Он желает мне спокойной ночи и удаляется.

Так как я устал, я немедленно раздеваюсь и залезаю в постель после того как я задуваю свечу. Простыня необычно груба и подушка тверда. Мой ошибочный путь привел меня в странное место: маленький старый замок, чей ученый владелец явно проводит вечер своей жизни наедине со своими книгами. Никто больше, кажется, не живет в замке кроме слуги, который живет в башне. Идеальное, хотя одинокое существование, я подумал, эта жизнь старика с его книгами. И здесь мои мысли задерживаются на долгое время, пока я в конечно счете не замечаю, что одна мысль не уходит от меня, а именно – то, что старик спрятал здесь свою красивую дочь—вульгарная идея для романа—безвкусная, изношенная тема—но романтика может чувствоваться в каждой детали—настоящая идея писателя—замок в лесу—одинокая ночь—старик окаменевший в своих книгах, защищающий ценное сокровище и завистливо прячущий его от мира—что за нелепые мысли приходят ко мне! Это ад или чистилище в том, что я также должен строить такие детские мечты в моих скитаниях? Но я чувствую себя бессильным, чтобы возвысить мои мысли до чего то немного более сильного или красивого. Я предполагаю, что должен позволить этим мыслям приходиться. Что будет хорошего если отталкивать их—они придут снова—лучше проглотить это состояние, выпить а не держать во рту. Так как же выглядит эта скучная героиня? Конечно блондинка, бледная—голубые глаза—в одиночестве своем надеющаяся, что каждый потерянный путник это ее спаситель из родительской тюрьмы—О, я знаю эту банальную бессмыслицу—я лучше посплю—какого черта я должен мучить себя такими пустыми фантазиями?

Сон не приходит. Я дергаюсь и верчусь—сон все не приходит—должен ли я в конечном счете дать пристанище этой потерянной душе в себе? И не это ли мне не дает спать? У меня такая писательская душа? Это все что мне нужно—это было бы

агонистично нелепо. Этот самый горький напиток никогда не закончится? Уже должно быть полночь—и сон все не приходит. Что в этом большом мире тогда не дает мне спать? Это как то связано с этой комнатой? Что кровать заколдована? Это ужасно к чему может вести бессонница—даже к наиболее абсурдным и суеверным теориям. Кажется холодно, я замерзаю—возможно это не дает мне спать—здесь действительно зловеще—Бог знает, что происходит здесь—были ли сейчас какие-то шаги? Нет, это наверно снаружи—Я переворачиваюсь, крепко закрывая глаза, мне просто надо поспать. Не хлопнул ли кто дверью сейчас? Бог мой, кто-то здесь стоит! Я действительно вижу?—стройная девушка, бледная как смерть, стоит у двери? Бога ради, что это? Она подходит ближе!

"Ты наконец пришел?" спрашивает она тихо. Невозможно—это ужасная ошибка—роман хочет стать реальным—он что хочет перерасти в некую глупую историю о привидениях? К какой бессмыслице я проклят? Моя душа приютила такое писательское великолепие? Это тоже должно случиться со мной? Я действительно в аду—самое худшее пробуждение после смерти быть воскресшим в библиотеке! Я что так презирал людей своего времени и их вкус что я должен жить в аду и должен писать романы, которые я презирал давно? Эта нижняя половина вкуса среднего человека тоже провозглашает святость и неуязвимость, так что мы не должны говорить ничего плохого чтобы не быть должными искупать этот грех в аду?

Она говорит, "О, так ты тоже думаешь, я обыкновенная? Ты позволяешь себе быть обманутым несчастной иллюзией, что я из романа? Ты тоже, который, как я надеялась, сбрасывает видимое и стремится увидеть сущность вещей?"

Я: "Прости меня, но ты настоящая? Это печальнейшее сходство с этими глупыми изношенными сценами в романах для меня чтобы предположить, что ты не просто некий несчастный продукт моего бессонного мозга. Мое сомнение действительно подтверждается ситуацией, которая соответствует так полно сентиментальному роману?"

Она: "Ты негодяй, Как ты можешь сомневаться, что я реальна?"

Она падает на колени в ногах моей кровати, всхлипывая и держа в руках свое лицо. Мой Бог, она в конце концов реальна и я несправедлив к ней? Моя жалость просыпается.

Я: "Но ради Бога, скажи мне одно: со всей серьезностью должен ли я принять, что ты реальна?"

Она плачет и не отвечает.

Я: "Кто ты тогда?"

Она: "Я дочь старика. Он держит меня здесь в невыносимом плену не из-за зависти или ненависти, но из-за любви, так как я его единственный ребенок и образ моей матери, которая умерла молодой."

Я чешу голову: это не дьявольская ли банальность? Слово за слово, чтиво из публичной библиотеки! О вы Боги, куда вы меня привели? Этого достаточно чтобы рассмешить любого, это достаточно, чтобы заставить плакать любого—быть прекрасной страдальцей, трагической разбитой личностью трудно, но стать обезьяной, вы прекрасные и великие? Для вас банальное и вечно нелепое, неопишимо избитое и опустошенное, никогда не дается как дар Богов в поднятые руки молящегося.

Но она все лежит здесь, плачущая—и все же если она реальна? Тогда стоит пожалеть ее, каждый мужчина имел бы сострадание к ней. Если она достойная девушка, что должно быть стоило ей войти в комнату к странному мужчине! И преодолеть таким образом ее стыд?

Я: "Мое дорогое дитя, Я верю тебе, не смотря ни на что, что ты реальна. Что я могу для тебя сделать?"

Она: "Наконец-то, наконец-то слово из человеческого рта!"

Она встает, ее лицо светиться. Она прекрасна. Глубокая чистота покоиться в ее взгляде. У нее прекрасная и невыразимая душа, которая хочет ожить в реальности, ко всей реальности стоящей жалости к ванне грязи и колодцу здоровья. О эта красота души! Смотреть как она спускается в преисподнюю реальности— какое представление!

Она: "Что ты можешь сделать для меня? Ты уже много для меня сделал. Ты произнес слово искупления, когда не поставил банальность между мной и тобой. Знай: Я была заколдована банальностью."

Я: "Горе мне, ты сейчас становишься очень похожей на сказку."

Она: "Будь разумен, дорогой друг, и не спотыкайся сейчас о сказочное, так как сказка это великая мать романа, и имеет более универсальную обоснованность, чем наиболее жадно читаемые романы твоего времени. И ты знаешь что-то, что было на губах у каждого тысячелетия, хотя повторяется бесконечно, все же приближается наиболее близко к самой человеческой истине. Так что не давай сказочному встать между нами." ⁷²

Я: "Ты умна, но, кажется, не унаследовала мудрость своего отца. Но скажи мне, что ты думаешь о божественном, о так называемых наивысших истинах? Я нахожу это странным, чтобы искать их в банальности. В соответствии с их природой, они должны быть весьма исключительными. Подумай только о наших великих философах."

Она: "Чем более исключительны эти высочайшие истины, тем более нечеловечны они должны быть и тем менее они говорят тебе что-либо ценное или многозначительное о человеческой сущности. Только то что человеческое и то что ты называешь банальным и избитым/ содержит мудрость которую ты ищешь. Сказочное не говорит против меня но за меня, и доказывает как я универсально человечна и как сильно я не только нуждаюсь в освобождении но и также заслуживаю его.

Так как я могу жить в мире реальности так же или лучше чем многие другие моего пола."

Я: "Странная дева, ты приводишь в замешательство: когда я видел твоего отца, я надеялся, он пригласит меня к научному разговору. Но он не сделал этого, и я обиделся из-за этого на него, так как его растерянное бессилие ранило мое достоинство. Но с тобой я нахожу его значительно лучшим. Ты даешь мне пищу для размышления. Ты необычна."

Она: "Ты ошибаешься, я очень обычна."

Я: "Я не могу поверить в это. Как прекрасно и заслуживает обожания выражение души в твоих глазах. Мужчина который освободит тебя будет счастлив и ему будут завидовать."

⁷² В "Исполнение желаний и символизм в сказках" (1908), Коллега Юнга Franz Rihm утверждал что сказки были спонтанными изобретениями примитивной человеческой души и общей тенденцией к исполнению желаний (tr. W A. White, Психиатрический обзор [1913], стр. 95.) В Трансформациях и символах либидо, Юнг рассматривал сказки и подобные мифы как представителей первобытных образов. В его поздней работе, он рассматривал их как выражения архетипов, как в "О архетипах коллективного бессознательного" (CW 9, I, §6). Студентка Юнга Marie-Louise von Franz развила психологическую интерпретацию сказок в серии работ. См. ее Интерпретация сказок (Boston: Shambala, 1996).

Она: "Ты меня любишь?"

Я: "Господи, я люблю тебя—но—к несчастью я уже женат."

Она: "Итак—ты видишь: даже банальная реальность освобождает. Я благодарю тебя, дорогой друг, и я приношу тебе приветствие от Саломеи."

С этими словами она растворяется в темноте. Тусклый лунный свет наполняет комнату. Там где она стояла лежит что-то темное—это красные розы в изобилии⁷³.

[2] ⁷⁴Если с вами не случится внешнего приключения, тогда с вами не случится и внутреннего. Часть которую вы принимаете от дьявола—радость—приводит вас к приключению. На этом пути вы найдете ваши нижние и верхние пределы. Это есть необходимость – знать свои пределы. Если вы их не узнаете, вы натолкнетесь на искусственные барьеры вашего воображения и ожиданий окружающих. Но ваша жизнь не примет с удовольствием быть ограниченной искусственными барьерами. Жизнь хочет перепрыгнуть такие барьеры и вы окажетесь с самим собой. Эти барьеры – не ваши реальные пределы, но искусственные пределы, которые не обязательно насильственны для вас. Итак, попытайтесь найти ваши реальные пределы. Никто не знает их заранее, но он видит и понимает их, когда их достигает. И это происходит с вами только тогда, когда у вас есть баланс. Без баланса вы переступите свои пределы, не замечая что случилось с вами. Вы достигли баланса, однако, только если вы обучили свою противоположность. Но это ненавистно вам глубоко в вашей внутренней сути, потому что это не геройство.

Мой дух подвергал сомнению все редкое и необычное, он высматривал путь к ненайденным возможностям, к путям, которые ведут к спрятанному, к огням, которые светятся в ночи. И, так как это делал мой дух, все обычное страдало во

⁷³ В "Насчет психологических аспектов фигуры Коре" (1951), Юнг так описал этот эпизод: "Одинокий дом в лесу, где живет старый ученый. Внезапно появляется его дочь, похожая на привидение, жалуясь что люди всегда считают ее фантазией" (CW 9,1, §361). Юнг прокомментировал (следуя за его замечанием об эпизоде о Элии и Салома, 212, р. 69) "Сон iii. представляет ту же самую тему, но на более сказочной плоскости. Анурия здесь характеризуется как призрачное существо" (ibid., §373)

⁷⁴ 24Далее в Черновике: "Мой друг, вы ничего не поняли о моей видимой внешней жизни. Вы только слышите о моей внутренней жизни, двойнике моей внешней. Если вы таким образом думаете что у меня есть только внутренняя жизнь и это только единственная моя жизнь, то вы ошибаетесь. Так как вы должны знать что ваша внутренняя жизнь не становится богаче за счет вашей внешней жизни, но беднее. Если вы не живете снаружи, вы не станете более богаты внутри, но просто более отяжелены. Это не для вашего блага и это начало зла. И также, ваша внешняя жизнь не станет богаче и красивее за счет вашей внутренней, но только беднее и беднее. Тут нужен баланс" (стр. 188).

мне, и я не замечал этого, и это начало жаждать жизни, так как я этим не жил. Отсюда это приключение. Я был схвачен романтизмом. Романтизм это шаг назад. Чтобы встать на путь, иногда надо сделать несколько шагов назад.⁷⁵

В приключении я испытал, чему был свидетелем в Мистериуме. То что я видел – это Саломея и Илья стали в жизни старым ученым и его бледной, запертой дочерью. То чем я живу – это искаженное подобие Мистериума. Следуя романтичному пути, я достиг неуклюжести и обычности жизни, где мои мысли кончаются, и я почти забываю себя. То, что я раньше любил, сейчас должен испытать как немоцное и бесполезное, и то, что я раньше высмеивал, я этому должен завидовать как возвышающемуся и бесполезно желаемому. Я принял абсурд этого путешествия. Это не случилось ранее, чем я также увидел, как девушка трансформировала себя и обозначила самостоятельный смысл. Кто-то расследует желание нелепого, и этого достаточно для изменения.

Что относительно мужественности? Вы знаете, как много женского не хватает мужчине для полноты?¹ Вы знаете как много мужского не хватает женщине? Вы ищете женское в женщинах и мужское в мужчинах. И таким образом есть только мужчины и женщины. Но где же люди? Вы, мужчины, не должны искать женского в женщинах, но искать и распознавать это в себе, так как это у вас есть с самого начала. Это вам доставляет удовольствие, однако, играть с мужественностью, потому что это путешествие по хорошо проторенной колее. Вы, женщины, не должны искать мужского в мужчинах, но принять мужское в себе, так как вы владеете этим с самого начала. Но это удивляет вас и это легко – играть с женственностью, следовательно, мужчина презирает вас, поскольку он презирает собственную женственность. Но человечество – это женское и мужское, не только женщина и мужчина. Вы с трудом можете сказать, какого пола ваша душа. Но если вы уделите больше внимания, вы увидите что у наиболее мужественного мужчины женская душа, и у наиболее женственной женщины - мужская. Чем более вы мужественны, тем более далеко от вас то, что есть женщина на самом деле, так как женственное в вас для вас является чужим и пренебрежительным.⁷⁶

Если вы возьмете частицу радости от дьявола, направитесь в приключения с этим, вы примете свое удовольствие. Но удовольствие немедленно привлекает все, что вы

⁷⁵ 25Далее в Черновике: "Я вернулся в свои средние века где я был все еще романтичен, и где я переживал приключение" (стр. 190).

⁷⁶ В 1921 в Психологических Типах, Юнг писал: "Очень женственная женщина имеет мужскую душу, и очень мужественный мужчина - женскую. Этот контраст из-за факта что например мужчина не во всех вещах полностью мужествен, но обычно также имеет женские черты. Чем более мужское его внешнее отношение, тем более вычеркиваются его женские черты: взамен, они появляются в бессознательном" (CW 6, §804). Он обозначил женскую душу мужчины как аниму, и как мужскую душу женщины как анимус, и описал как люди проецируют образы их душ на членов противоположного пола (§ 805).

хотите, и затем вы должны решить, портит ли вас удовольствие или делает лучше. Если вы дьявол, вы будете искать в слепом желании многообразия, и вы заблудитесь. Но если вы останетесь с самим собой, как человек, какой он есть, а не дьявол, тогда вы вспомните свою человечность. Вы не будете вести себя по отношению к женщинам как мужчина, но как человеческое существо, иначе говоря, как если вы были бы одного пола с ней. Вы вспомните свою женственность. Потом вам может показаться, что вы были малодушны, глупы и женственны. Но вы должны принять нелепость, иначе вы будете переживать, и придет время, когда вы будете менее наблюдательны, когда это внезапно набросится на вас и сделает вас нелепым. Это горько для наиболее мужественного мужчины принять свою женственность, так как это кажется нелепым ему, бессильным и безвкусным.

Да, кажется, как будто вы потеряли все свое достоинство, Как будто вы упали в унижение. Это кажется тем же самым для женщины которая принимает свою мужественность⁷⁷. Да, это кажется вам порабощением. Вы раб того что вам нужно в вашей душе. Самому мужественному мужчине нужны женщины, и следовательно он их раб. Станьте женщиной⁷⁸, и вы будете спасены от женского рабства. Вы оставлены без жалости женщинам пока вы не сможете отразить посмешище всей вашей мужественности. Это хорошо для вас надеть когда-нибудь женскую одежду: люди будут смеяться над вами, но через становление женщиной вы достигнете свободы от женщин и от их тирании. Принятие женственности приводит к целостности. Тоже самое верно для женщины, которая принимает свою мужественность.

Женское в мужчинах тесно связано с дьяволом. Я нахожу это на пути желания. Мужское в женщинах тесно связано со злом. Таким образом, люди ненавидят принимать другого себя. Но если вы примите это, то что соединено с полнотой мужчин начнет приходить: именно что если вы становитесь тем кого высмеивают, белая птица души отправляется в полет. Это было далеко, но ваше унижение привлекло это.⁷⁹ Тайна приближается к вам, и вокруг вас происходят волшебные вещи. Сияет золотой блеск, так как солнце встало из своей могилы. Как мужчина вы не имеете души, так как она в женщине; как женщина вы не имеете души, так как она в мужчине. Но если вы станете человеческим существом, тогда ваша душа придет к вам.

⁷⁷ Для Юнга, интеграция анимы для мужчины и анимуса для женщины была необходима для развития личности. В 1928, он описал этот процесс, который требовал устранения проекций от членов противоположного пола, дифференцируясь от них и осознавая их в Отношения между Я и Бессознательным, часть 2, гл. 2, CW 7, §296ff. см. также Aion (1951), CW 9, 2, §20ff

⁷⁸ Взамен этой фразы, в Исправленном Черновике: "Но если он примет женственное в самом себе, он освободит себя от женского рабства" (стр. 178).

⁷⁹ Albrecht Dieterich заметил: "Очень часто популярные верования полагают что душа это птица с самого начала" (Abraxas. Studien zur Religionsgeschichte des spcitemn Altertums [Leipzig, 1891], стр. 184).

Если вы останетесь внутри произвольных и искусственно созданных границ, вы будете ходить как между двух высоких стен: вы не увидите громадность мира. Но если вы сломаете стены, которые ограничивают ваш взгляд, и если громадность, бесконечность и неизвестность внушит вам страх, тогда древний спящий проснется в вас, чей посланец – это белая птица. Потом вам будет нужно послание старого укротителя хаоса. Там в воронке хаоса обитает вечное чудо. Ваш мир начинает становиться чудесным. Человек принадлежит не только к миру порядка, он также принадлежит чудесному миру своей души. Следовательно, вы должны сделать ваш мир порядка ужасным, так что вы будете отпущены, будучи снаружи себя.

Ваша душа в великой нужде, потому что засуха отяжеляет ее мир. Если вы посмотрите снаружи себя, вы увидите отдаленные леса и горы, и над ними ваш взгляд взбирается к миру звезд. И если вы посмотрите в самих себя, вы увидите вблизи далекое и бесконечное, так как внутренний мир также бесконечен как мир внешний. Также как вы становитесь частью многообразия мира через свои тела, также вы становитесь частью многообразия внутреннего мира через вашу душу. Этот внутренний мир на самом деле бесконечен, и никак не беднее внешнего. Человек живет в двух мирах. Дурак живет тут или там, но никогда здесь и там.

Возможно вы думаете, что человек, который концентрирует свою жизнь в исследовании, живет духовной жизнью, и его душа живет в более широком измерении, чем у других.⁸⁰ Но такая жизнь также внешняя, также как внешняя жизнь человека, который живет для внешних вещей. Будьте уверены, такой ученый не живет для внешних вещей, но для внешних мыслей—не для себя, но для его цели. Если вы говорите о человеке, который полностью потерял себя во внешнем и потерял много лет, вы должны также это сказать об этом старике. Он бросил себя во все эти книги и мысли о других. Следовательно, его душа в большей нужде, она должна унижать себя и забегать в комнату каждого незнакомца, чтобы умолять признать то, что он не смог дать ей.

Таким образом, вы видите этих старых ученых преследующих признание нелепым и недостойным способом. Они оскорбляются, если их имя не упоминается, повергаются в уныние, если кто-либо другой говорит тоже самое лучшим образом, непримиримы, если кто-либо как-либо изменяет их взгляды. Пойдите на собрание ученых, и вы увидите их, этих жалких стариков с их великими заслугами и их голодными

⁸⁰ В Черновике и Исправленном Черновике: "Поскольку я был этим стариком, погребенным в книгах и бесплодных науках, правильный и оценивающий, выворачивая песчинки из бесконечной пустыни, моя так называемая душа, а именно мой внутренний я, очень страдал" (стр. 180).

душами, жаждущими узнавания и их жажду, которая никогда не может быть утолена. Душе нужно ваше безрассудство, не ваша мудрость.

Таким образом, поскольку я встаю выше половой мужественности и не превосхожу человеческое, женское, что также презренно мне преобразует себя в осмысленное существо. Это наиболее трудная вещь — быть выше пола и все же оставаться человечным. Если вы возвышаетесь над полом с помощью общего правила, вы становитесь таким же, как это и выходите за пределы человеческого. Таким образом, вы становитесь сухим, твердым и бесчеловечным.

Возможно, вы можете уйти от полового из-за человеческих причин, и никогда из-за общего правила, которое остается тем же самым в самых разных ситуациях, и таким образом никогда не имело идеальной обоснованности для каждой отдельной ситуации. Если вы действуете из вашей человечности, вы действуете в этой ситуации без общего принципа, только тем, что относится к этой ситуации. Таким образом, вы действуете справедливо по отношению к ситуации, возможно за счет общего правила. Это не должно быть слишком болезненно для вас, поскольку вы не правило. Есть что-то другое что человечно, что-то все слишком человечно, и тот, кто этим закончил, будет делать хорошо, чтобы помнить благо общего правила⁸¹. Так как общее правило также имеет смысл и не было установлено для забавы. Оно включает в себя много уважаемой работы человеческого духа. Такие люди не способны на общий принцип превыше полового, но только их воображение способно на то, что они потеряли. Они стали их собственным воображением и произвольностью к их собственному вреду. Им нужно вспомнить половое, так что они проснуться от их снов к реальности.

Это такая же агония, как и бессонная ночь, исполнять возвышенное из здесь и сейчас, а именно другое и противоположное в самом себе. Это подкрадывается незаметно как лихорадка, как ядовитый туман. И когда ваши чувства возбуждены и наиболее расширены, демоническое приходит как что-то настолько безвкусное и изношенное, настолько мягкое и несвежее, что вы заболеваете от этого. Здесь вы бы радостно остановились, чувствуя, что это выше вас. Испуганный и раздраженный, вы желаете возвращения божественных красот вашего видимого мира. Вы плюетесь и проклинаете все, что лежит выше вашего любимого мира, так как вы знаете, что это отвращение, отбросы, отрицание человеческого животного которое запикивает себя в темные места, ползает вдоль тротуаров, вынюхивает каждый священный угол, и от колыбели до могилы наслаждается только тем, что уже было у всех на устах.

⁸¹ Человечный, Весь Слишком Человечный было заголовком работы Ницше, опубликованной в 3-х частях в 1878. Он описал психологическое наблюдение как отражение "человечный, весь слишком человечный" (tr. R. J. Hollingdale [Cambridge: Cambridge University Press, 1996], стр. 31).

Но здесь вы не можете остановиться—не помещайте ваше отвращение между вашим здесь и сейчас и вашим возвышенным. Путь к вашему возвышенному лежит через ад и на самом деле через ваш собственный ад, чье дно состоит из каменной кладки по колено, чей воздух состоит из выдыхов миллионов, чьи огни это карликовые страсти, и чьи дьяволы это химерические вывески.

Все гнусное и отвратительное это ваш собственный ад.

Как это может быть по-другому? Любой другой ад стоило бы посмотреть или он был бы полон забав. Но это не ад. Ваш ад сделан из всех вещей, которые вы всегда выталкивали из своего святилища пинком с проклятием. Когда вы вступаете в ваш собственный ад, никогда не думайте что вы пришли как некто страдающий в красоте, или как гордый изгнанник, но вы пришли как глупый и любопытный дурак и вглядываетесь в удивлении на крошки, которые упали с вашего стола.

82

Вы действительно хотите злиться, но в тоже время видите, как гнев хорошо подходит вам. Ваша дьявольская абсурдность растягивается на мили. Хорошо если вы можете поклясться! Вы найдете, что богохульство спасительно. Таким образом, если вы пройдете сквозь ад, вы не должны забыть уделить должное внимание всему что вы встретите. Тихо взгляните на все что вызывает ваше презрение или гнев; таким образом, вы совершите чудо, которое произошло со мной с этой бледной девушкой. Вы даете вашу душу бездушности, и таким образом это может прийти к какому-нибудь ужасному небытию. Таким образом, вы освободите вашего другого к жизни. Ваши ценности хотят увести вас от того кем вы сейчас являетесь, вперед и выше вас. Ваше существо, однако, тянет вас на дно как свинец. Вы не можете одновременно жить этими двумя, так как они исключают друг друга. Но на пути вы можете жить двумя. Таким образом, путь освобождает вас. Вы не можете быть в одно время на горе и в долине, но ваш путь ведет вас с горы в долину и из долины на гору. Многое начинается забавно и приводит в темноту. У ада есть уровни.

Глава 3 Один из непритязательных⁴

Следующей ночью,³⁵ Я нашел себя странствующим опять, в простой, покрытой снегом стране. Серое вечернее небо покрывает солнце. Воздух сырой и морозный. Кто-то, не выглядящий надежным, присоединился ко мне. Что наиболее заметно, что он одноглаз и имеет несколько шрамов на лице. Он беден и грязно одет, бродяга. У него короткая щетинистая борода, которая не видела бритвы долгое время. У меня есть хорошая палочка для ходьбы на любой случай. "Чертовски холодно," замечает он после паузы. Я соглашаюсь. После более длинной паузы он спрашивает: "Куда ты идешь?"

⁸² 32В октябре 1916, в его речи перед Психологическим Клубом по "Индивидуации и Коллективности," Юнг заметил что через индивидуацию, "личность должна сейчас объединить себя отрезая себя от священного и становясь исключительно собой. Таким образом и в тоже время она также отделяет себя от общества. Внешне она погружается в одиночество, но внутренне в ад, дистанцируясь от Бога" (CW18, §1103).

Я: "Я иду в следующее село, где я планирую остановиться на ночь."

Он: "Я бы хотел это тоже сделать, но едва ли смогу найти кровать."

Я: "У тебя нет денег? Хорошо, посмотрим. Ты безработный?"

Он: "Да, плохие времена. Несколько дней назад, я работал для слесаря. Но потом работы больше не было. Теперь я путешествую и ищу работу."

Я: "Не пойти ли тебе к фермеру? Там всегда не хватает рабочих."

Он: "Это не подходит мне. Это значит рано вставать — работа тяжелая и зарплата маленькая."

Я: "Но на природе всегда гораздо красивее, чем в городе."

Он: "На природе скучно, никого не встретишь."

Я: "Ну, там всегда селяне."

Он: "Но нет умственной стимуляции, фермеры болваны."

Я гляжу на него удивленно. Что, он все еще хочет умственной стимуляции? Лучше если он честно заработает, и когда он это сделает, он может думать о стимуляции.

Я: "Но лучше скажи мне, какая же умственная стимуляция в городе?"

Он: "Вечером ты можешь пойти в кино. Это дешево и здорово. Ты можешь увидеть все, что происходит в мире."

Я думаю об аде, где также есть кино для тех кто презирал этот институт на земле и не ходил туда потому что это было по вкусу всем остальным.

Я: "Что тебя наиболее интересует в кино?"

Он: "Можно увидеть всевозможные трюки. Был один мужчина, который бегал по домам. Другой носил свою голову в руке. Другой даже стоял в центре огня и не горел. Да, это действительно выдающиеся вещи, которые могут делать люди."

И это то что этот товарищ называет умственной стимуляцией! Но подождите—это не кажется выдающимся: разве святые тоже не носили головы в своих руках?³⁶ Разве святой Франциск и святой Игнатиус не летали—и что относительно тех трех мужчин в печи?³⁷ Разве это не богохульная идея считать Acta Sanctorum историческим кино?³⁸ О, сегодняшние чудеса просто нечто менее мифическое чем техническое. Я рассматриваю моего компаньона с чувством: он живет историей мира, но ведь и я?

Я: "Определенно это хорошо сделано. Видел ли ты что-нибудь подобное еще?"

Он: "Да, Я видел, как убили короля Испании."

Я: "Но совсем не был убит."

Он: "Хорошо, это не важно; в этом случае это был один из твоих проклятых капиталистических королей. По крайней мере они добрались до одного из них. Если бы до всех, то люди были бы свободны."

Больше я не осмеливаюсь сказать ни слова: Вильгельм Телль, работа Фридриха Шиллера — человек, стоящий прямо в гуще этого, в потоке героической истории. Тот, кто объявляет об убийстве тирана спящим людям.³⁹

Мы прибыли к гостинице, деревенской таверне, уютной и чистой. Несколько человек сидят с пивом в углу. Меня признают как "джентльмена" и проводят в лучший угол, где клетчатая ткань покрывает угол стола. Он сидит на дальнем конце стола, и я решил угостить его нормальным ужином. Он уже смотрит на меня полный ожидания и голода — своим одним глазом.

Я: "Где ты потерял свой глаз?"

Он: "В ссоре. Но я также пырнул ножом другого весьма хорошо. После этого ему дали 3 месяца. Мне - шесть. Но в тюрьме было прекрасно. В то время здание было полностью новым. Я работал в слесарной. Там не было много работы и было достаточно еды. Тюрьма на самом деле не так уж плоха."

Я осматриваюсь, чтобы убедиться что никто не слушает меня, говорящего с бывшим заключенным. Но один, кажется, заметил это. Я, кажется, закончил в богатой компании. Что в аду также тюрьмы для тех, кто никогда их не видел изнутри, когда они были живыми? Кстати, не должно ли это быть особенным чувством – опуститься на дно реальности хотя бы раз, где уже некуда ниже упасть, но только в лучшем случае подняться? Где, наконец, стоишь перед всем весом реальности?

Он: "Итак, после этого я оказался на улице, так как они выслали меня. Затем я поехал во Францию. Там было прекрасно."

Что требует красота! Кое-чему можно научиться от этого человека.

Я: "Почему случилась эта ссора?"

33 В Комедии Данте, у ада 9 уровней.

34 В Письменном Черновике: "Третье приключение" (стр. 440). В Исправленном Черновике "Жулик," что потом закрыто бумагой (стр. 186).

35 Декабрь 29, 1913.

36 Эмблема Цюриха несет этот мотив, показывая мучеников третьего столетия Felix, Regula, и Exuperantius.

37 Это, похоже, ссылка на трех отроков в книге пророка Даниила, которые по приказу Навуходоносора были брошены в печь за отказ поклоняться золотому идолу, который тот воздвиг. Они не были повреждены огнем, что привело Навуходоносора к решению, что он разубит любого, кто отныне заговорит против их Бога.

38 Acta Sanctorum это коллекция жизней и легенд святых расставленная в соответствии с их днями празднования. Опубликована Иезуитами в Бельгии и известна как Болландистские Отцы, она началась в 1643 и выросла в 64 тома.

39 В Вильгельм Телль (1805), Фридрих Шиллер разыграл бунт швейцарского округа против правления австрийской империи Габсбургов в начале 14-го столетия, что привело к основанию швейцарской конфедерации. В акте 4, сцена 3, Вильгельм Телль убивает Гесслера, представителя империи. Стилисси, бродяга, замечает, "Тиран земли мертв. С этого момента мы не страдаем от гнета. Мы свободны" (tr. W Mainland [Chicago: University of Chicago Press, 1973], стр. 119).

Он: "Это было из-за женщины. Она тащила с собой этого ублюдка, но я хотел жениться на ней. Она уже должна была. После этого она больше не хотела. Я ничего не слышал о ней."

Я: "Сколько тебе лет?"

Он: "Весной будет 35. Когда я найду хорошую работу, мы сразу сможем пожениться. Я найду, да. Хотя что-то не то у меня с легкими. Но это скоро станет лучше."

У него приступ кашля. Я думаю перспективы не очень хорошие и тихо люблюсь его непоколебимым оптимизмом.

После ужина я иду в постель в скромную комнату. Я слышу, как он устраивается на ночлег в соседней комнате. Он кашляет несколько раз. Потом он неподвижно падает. Внезапно я просыпаюсь снова от жуткого стога и бульканья смешанного со сдавленным кашлем. Я слушаю с напряжением—без сомнения, это он. Это звучит опасно. Я вскакиваю и накидываю что-то на себя. Я открываю дверь его комнаты. Лунный свет заполняет ее. Мужчина лежит все еще одетый на охапке соломы. Темный поток крови течет из его рта и образует лужу на полу. Он стонет, наполовину задыхаясь, и выкашливает кровь. Он хочет подняться, но снова падает—Я спешу поддержать его, но вижу, что рука смерти лежит на нем. Он весь запачкан кровью. Мои руки покрыты ей. Он испускает сильный вздох. Затем вся напряженность теряется, мягкая дрожь проходит по его конечностям. И затем все смертельно неподвижно.

Где я? Что в аду тоже есть смертельные случаи для тех кто никогда не думал о смерти? Я гляжу на свои руки в крови—как будто я убийца... Не кровь ли это моего брата, которая прилипла к моим рукам? Луна делает мою тень черной на белых стенах комнаты. Что я здесь делаю? Зачем эта ужасная драма? Я гляжу вопросительно на луну как на свидетеля. Как это относится к луне? Не видела ли она вещей хуже? Не светила ли она и тысячу лет назад в разбитые глаза? Это определенно бесполезно ее вечным кратерам—одним больше, одним меньше. Смерть? Не открывает ли она ужасный замысел жизни?" Таким образом это кажется все равно для луны, когда и как кто-либо умрет. Только если мы сами поднимем шум—относительно этого, да?

Что он делал? Работал, ленился, смеялся, пил, ел, спал, отдал свой глаз из-за женщины, и ради нее расплатился своим хорошим именем; далее, он жил человеческим мифом моды, восторгался фокусниками, хвалил смерть тирана, и смутно мечтал о свободе людей. И затем—он печально умер—как всякий другой. Это обычно так. Я сел на пол. Какие тени на земле! Весь свет угасает в окончательном унынии и одиночестве. Смерть вошла—и некому горевать. Это – окончательная правда, и никаких загадок. Какая иллюзия заставляет нас верить в загадки?

Мы стоим на острых камнях страдания и смерти.

Бедняк присоединяется ко мне и хочет быть принятым моей душой, и таким образом я не такой уж нуждающийся. Где была моя нужда, когда я не жил ей? Я был игроком по жизни, тем, кто думал убежденно о жизни, и жил ее легко. Нужда была далеко и забыта. Жизнь стала трудна и мрачна. Зима продолжалась, и нужда стояла в снегу и морозе. Я соединился с ним, так как он был нужен мне. Он заставляет меня жить легко. Он ведет меня к глубинам, к земле, где я могу видеть высоты. Без глубин у меня нет высот. Я могу быть на высоте, но из-за этого я не осознаю высоты. Таким образом, мне нужно самое дно для обновления. Если я всегда на высоте, я изношу это, и лучшее становится отталкивающим для меня.

Но поскольку я не хочу иметь это, мое лучшее становится ужасным для меня. Из-за этого я сам стал ужасом, ужасом для себя и для других, и плохим духом мук. Будь уважительным и знай что твое лучшее стало ужасным, и этим спаси себя и других от муки. Человек, который не может больше спуститься со своей высоты болен, и он приносит муки себе и другим. Если вы достигли своих глубин, тогда вы увидите свою высоту высоко и ярко над собой, желаемую и далеко, как будто недостижимую, так как тайно вы предпочтете не достигать ее, так как она кажется недосягаемой для вас. Поэтому также любите ценить свои высоты когда вы внизу и говорить себе что вы покинули бы их только с болью, и что вы не жили так долго как вы скучали по ним. Это хорошо что вы стали практически другим что заставляет вас так говорить. Но на дне вы знаете что это не вполне так.

В нижней точке вы не отделяете больше себя от ваших собратьев. Вам не стыдно и вы не жалеете об этом, так как до тех пор пока вы живете жизнью ваших собратьев и опускаетесь до их уровня вы также опускаетесь в священный поток обычной жизни, где вы больше не одинокий на вершине, но рыба среди рыбы, лягушка среди лягушек.

Ваши высоты – это ваша собственная гора, которая принадлежит вам и только вам. Таким образом вы индивидуальны и живете только вашу жизнь и только ее. Если вы живете вашей собственной жизнью, вы не живете общей жизнью, что обычно продолжается и никогда не кончается, жизнь истории, неотъемлемая и всегда присущая ноша и продукты человеческой расы. Вы живете бесконечность существа, но не становления. Становление относится к высотам и полно мук. Как вы можете стать если вы никогда не были? Таким образом вам нужно ваше самое дно, так как вы там. Но так же вам нужны ваши высоты, так как там ваше становление.

Если вы живете обычную жизнь в самом низу, то вы начинаете осознавать себя. Если вы на своих высотах, тогда вы лучший, и вы осознаете только свое лучшее, но не то что в обычной жизни. Тем кто кто-то становиться, никто не знает. Но на высотах воображение самое сильное. Так как мы представляем что мы знаем что мы есть как развивающиеся существа, и даже больше, чем меньше мы хотим знать что мы есть как существа. Из-за этого нам не нравится состояние нашего существа оказавшегося внизу, хотя или скорее точно потому что только там мы получаем ясное знание о самих себе.

Все загадочно для того кто становится, но не для того кто уже стал. Тот кто страдает от загадок должен подумать о самых низких условиях; мы решаем те загадки от которых мы страдаем, но не от которых мы получаем удовольствие.

Быть тем кто вы есть – это ванна возрождения. В глубинах, существо – это не безусловное существование, но бесконечное медленное развитие. Вы думаете вы стоите неподвижно как болото, но вы медленно течете в море которое покрывает самые глубины земли, и настолько обширно что крепкая земля кажется только островом погруженным в матку неизмеримого моря.

Как капля в океане вы принимаете участие в потоке, отливе и течении. Вы медленно разбухаете на земле и медленно погружаетесь назад снова в беспредельно медленном дыхании. Вы скитаетесь по огромным расстояниям в туманных потоках и вас вымывает на странные берега, и вы не знаете как попали туда. Вы поднимаетесь на гребни штормов и вас смывает назад в глубины. И вы не знаете как это происходит с вами. Вы думали что ваше движение идет от вас и это требовало ваших решений и усилий, так что вы можете идти и делать успехи. Но с каждым разумным усилием вы никогда не достигли такого движения и достигли тех областей в которые принесли вас море и великие ветра мира.

Из бесконечных голубых равнин вы погружаетесь в черные глубины; светящаяся рыба тянет вас, изумительные волны перекручивают вас сверху. Вы проскальзываете через колонны и извиваетесь, колеблющиеся растения с черными листьями, и море поднимает вас снова в ярко-зеленую воду до белых, песчаных берегов, и волна вымывает вас в пене на берег и снова проглатывает вас назад, и широкое мягкое волнение поднимает вас и ведет вас снова к новым пространствам, к извивающимся растениям, к медленно ползущим липким полипам, и к зеленой воде и к белому песку и разбивающему прибою.

Но издалека сверкают ваши высоты в золотом свете, как луна появляющаяся из отлива, и вы осознаете себя издалека. И жажда схватывает вас и воля собственного движения. Вы хотите перейти от существования к становлению, так как вы узнали дыхание моря, и его течение, которые привели вас сюда и туда без вас; вы также узнали его волну которая несет вас к чужим берегам и приносит обратно, и полоскает вас вверх-вниз.

Вы увидели что это была жизнь всего и смерть каждого. Вы почувствовали себя вплетенным в коллективную смерть, от смерти до самого глубокого места на земле, от сметри в ваши собственные странно дышащие глубины. О—вы желаете быть выше; отчаяние и смертельный страх схватывают вас в этой смерти, которая медленно дышит и течет назад и вперед вечно. Вся эта темнота и свет, теплая, прохладная и холодная вода, все эти волнистые, колеблющиеся, извивающиеся похожие на растения животные и животные растения, все эти ночные чудеса становятся ужасом для вас, и вы тоскуете по солнцу, светлому сухому воздуху, крепким камням, постоянному месту и прямым линиям, неподвижным и крепко удерживаемым, по правилам и задуманным целям, по одиночеству и вашему собственному намерению.

Знание смерти пришло ко мне этой ночью, от смерти которая поглощает мир. Я видел как мы живем по направлению к смерти, как качающаяся золотая пшеница погружается под косой жнеца, как мягкая волна на пляже. Тот кто остается в обычной жизни становится осознающим смерть со страхом. Таким образом страх смерти ведет его к одиночеству. Он не живет там, но он становится осознающим жизнь и радостным, так как в одиночестве он тот кто становится, и преодолел смерть. Он преодолел смерть через преодоление обычной жизни. Он не живет своим индивидуальным существом, так как он не то что он есть, но то чем он становится.

Тот кто становится осознает жизнь, в то время как тот кто просто существует - никогда, так как он в середине жизни. Ему нужны высоты и одиночество чтобы осознать жизнь. Но в жизни он становится осознающим смерть. И это хорошо что вы осознаете коллективную смерть, так как потом вы знаете почему ваши высоты и одиночество хороши. Ваши высоты как луна которая одиноко ярко странствует и через ночь смотрит вечно и чисто. Иногда она покрывает себя и вы полностью в темноте земли, но через время она снова заполняет себя светом

Смерть земли чужда этому. Неподвижна и чиста, она смотрит на жизнь земли издалека, без обволакивающего тумана и текущих океанов. Ее неизменная форма была вечно тверда. Это одинокий чистый свет ночи, одинокое существо и ближний фрагмент вечности.

Оттуда вы выглядываете, холодный, неподвижный и сияющий. С серебряным светом другого мира и зеленым полумраком, вы льетесь в далекий ужас. Вы видите это, но ваш взгляд чист и прохладен. Ваши руки красные от крови, но лунный свет вашего взгляда неподвижен. Это живая кровь твоего брата, да, это твоя собственная кровь, но твой взгляд остается светящимся и охватывает весь ужас и всю землю вокруг. Ваш взгляд остается на серебряных морях, на снежных пиках, на голубых долинах, и вы не слышите стоны и вой человеческого животного.

Луна мертва. Ваша душа ушла на луну, хранителю душ.⁴⁰ Таким образом душа двинулась навстречу смерти.⁴¹ Я пошел во внутреннюю смерть и увидел что внешнее умирание лучше чем внутренняя смерть. И я решил умереть снаружи и жить внутри. Из-за этого я развернулся⁴² и искал место для внутренней жизни.

Глава 4 Отшельник.

(43)

На следующую ночь⁽⁴⁴⁾ я оказался на новом пути; потоки горячего воздуха обвевали меня, и я увидел пустыню - барханы желтого песка со всех сторон, беспощадно палящее солнце, небо цвета потускневшей стали, воздух, мерцающий над землей. Справа от меня раскинулась глубоко изрезанная долина с иссохшим руслом, бедной растительностью и мелкой ежевикой. На песке я увидел следы от босых ног, ведущие от каменистой долины до плато. Я иду по ним вдоль высокой дюны. Там, где она осыпается, следы сдвигаются в сторону. Они кажутся свежими, а рядом с ними - старые, полустертые. Я внимательно иду за ними: они

снова следуют склону дюны, потом вливаются в другие следы - но это те же, поднимающиеся с долины, по которым я уже шел.

Изумленный, я иду вниз по следу. Вскоре я прихожу к раскаленным выветренным скалам. На камнях след исчезает, но я вижу, где слой породы проседает и слезаю. Воздух накаляется, и каменистая почва обжигает мои ступни. Я добираюсь до дна; опять следы. Они проходят неподалеку по извилинам долины. И здесь я оказываюсь у небольшой хижины с тростниковой крышей, построенной из глиняных кирпичей. Расшатанная деревянная планка образует дверь, на которой нарисован красный крест. Я осторожно открываю ее. Там, опершись о стену, сидит аскетического вида человек в льняной накидке. На его коленях - книга из желтого пергамента с красивой черной рукописью - несомненно, Греческое евангелие. Я у отшельника Ливийской пустыни. (45)

Я: «Я помешал вам, отец?»

Аммоний: «Ты мне не мешаешь. Но не называй меня отцом. Я такой же человек, как и ты. Чего ты хочешь?»

Я: «Ничего, я случайно пришел сюда, в пустыню, и обнаружил на песке следы, которые и привели мне к тебе.»

А: «Ты обнаружил следы от моих ежедневных прогулок на рассвете и на закате»

Я: «Извини, если я прерываю твою молитву, быть с тобой для меня редкая возможность. Я раньше никогда не встречал отшельника».

А: «Здесь ты можешь увидеть много других отшельников, если спустишься дальше в долину. У некоторых хижина, как у меня, другие живут в пещерах, что древние выдолбили в скалах. Я живу наверху долины, потому что это самое уединенное и спокойное место, и здесь я ближе всего к тишине пустыни»

Я: «Ты здесь уже давно?»

А: «Пожалуй, лет десять, но на самом деле, я не помню точно. Может, немного больше. Время так быстро идет.»

Я: «Время идет быстро? Как такое возможно? Твоя жизнь, должно быть, очень монотонна»

А: «Ну конечно, время для меня проходит быстро. Даже слишком. Ты, похоже, язычник?»

Я: «Я? Нет - не совсем. Меня воспитывали как христианина»

А: «Тогда как ты можешь спрашивать, тянется ли для меня время? Ты должен знать, что занимает скорбящего человека. Только бездельники вырастают в скуке»

Я: «Но, прости мое любопытство, чем ты тогда занимаешься?»

А: «Ты что, ребенок? Во-первых, ты же видишь, я читаю, а потом у меня время для работы»

Я: «Но я не вижу здесь ничего, чем бы ты мог занять себя. Ты, должно быть, прочитал эту книгу от корочки до корочки. И если это проповеди, как я предполагаю, тогда я уверен, что ты уже знаешь их наизусть»

А: «Как по-детски ты говоришь! Конечно же, ты знаешь, что книгу можно читать по многу раз – возможно, ты практически выучил ее, но, тем не менее, может быть и так, что когда ты снова смотришь на строки, некоторые вещи кажутся тебе новыми или даже приходят новые мысли. Каждое слово может активно действовать в твоём уме. И, в конечном счете, если ты однажды оставляешь книгу на неделю, а потом снова возвращаешься к ней, после того, как в твоём уме произошли различные перемены, многие вещи становятся для тебя ясными»

Я: «Мне трудно это понять. Книга ведь одна и та же, естественно, очень глубокая, да, пускай даже духовного плана, но, уверен, не настолько неисчерпаема, чтоб занимать несчетные годы»

А: «Ты меня удивляешь. Как тогда ты читаешь эту святую книгу? Ты действительно видишь в ней только один смысл? Откуда ты? Ты поистине язычник»

Я: «Прошу, не вини меня за то, что я читаю, как язычник. Дай мне поговорить с тобой. Я здесь, чтоб учиться. Считаю меня невежественным учеником, каким я являюсь в этих вопросах»

А: «Если я называю тебя язычником, не стоит принимать это как оскорбление. Я раньше тоже был язычником, насколько я помню. Как же я могу порицать тебя за невежество?»

Я: «Спасибо за твое терпение. Но мне очень важно знать, как ты читаешь и что берешь из этой книги»

А: «На твой вопрос нелегко ответить. Легче слепому объяснить цвета. Прежде всего, ты должен понять одну вещь: последовательность слов имеет не один смысл. Но люди пытаются приписать словесному порядку единственное значение, чтоб их язык не был двусмысленным. Это стремление мирское и ограниченное и принадлежит самым низким слоям божественного созидательного плана. На более высоких уровнях проникновения в божественные мысли ты осознаешь, что порядок слов имеет больше, чем одно действительное значение. Только всезнающим дано понимать их все. Мы же все время пытаемся постигнуть еще несколько смыслов»

Я: «Если я правильно тебя понимаю, ты считаешь, что святые писания Нового Завета тоже имеют двойственный, общедоступный и эзотерический смысл, как утверждают некоторые еврейские ученые относительно своих священных книг»

А: «Эти плохие предрассудки далеки от меня. Вижу, ты совершенно неопытен в священных делах»

Я: «Здесь я должен признать свое глубокое невежество. Но я очень хочу испытать и понять, что ты думаешь о многозначительности словесного порядка»

А: «К сожалению, я не в состоянии рассказать тебе все, что знаю об этом. Но, по крайней мере, попытаюсь прояснить некоторые элементы. Поскольку ты несведущ, я сейчас начну с другого. Что тебе нужно знать, так это то, что до знакомства с христианством я был ритором и философом в городе Александрия. У меня было огромное количество студентов, включая многих римлян, нескольких варваров, а также галлов и британцев. Я преподавал у них не только историю и греческую философию, но также новые системы, среди которых система Фило,

которого мы называли Иудеем. Он мыслил ясно, но поразительно абстрактно, как по обыкновению делают евреи, когда разрабатывают свои системы; более того, он был невольником собственных слов. Я добавил к ним свои и сплел ужасную сеть слов, в которую поймал не только своих слушателей, но и самого себя. Да, мы даже поверили в их реальность, поверили, что мы владеем божественным, и запечатали его в словах»

Я: «Но Фило Иудей, если ты его имеешь в виду, был серьезным философом и великим мыслителем. Даже Иоанн Богослов включил некоторые его размышления в евангелие»

А: «Ты прав. Заслуга Фило в том, что он обогатил язык, как и многие другие философы. Он относится к мастерам языка. Но слова не должны становиться Богами» (47)

Я: «Здесь я не понимаю. Разве в евангелие от Иоанна не говорится: И Слово было Бог. Похоже, это очень четко выражает идею, которую ты только что отверг»

А: «Берегись, чтобы не стать рабом слов. Вот, прочитай, начиная с отрывка, в котором говорится: В нем была Жизнь. Что Иоанн говорит здесь?» (48)

Я: «И жизнь была свет человеков, и свет во тьме светит, и тьма не объяла его. Но был человек, посланный от Бога; имя ему Иоанн, который пришёл, чтобы свидетельствовать о Свете. Свет истинный, который просвещает всякого человека, приходящего в мир. В мире был, и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал. – Вот что я прочитал. И как ты это понимаешь?»

А: «Я спрашиваю тебя, был ли этот AOIDE (Логос) понятием, словом? Это был свет, истинный человек, живущий среди людей. Видишь ли, Фило всего лишь одолжил Иоанну слово, чтобы тот имел в своем распоряжении слово AOrOE рядом со словом «свет» для описания сына человеческого. Иоанн приписал значение AOrOE живым людям, но Фило подал AorOE как неживое понятие, посягающее на жизнь, даже божественную жизнь. Вследствие, мертвый не обретает жизнь, а живой убит. И это было также моей ужасной ошибкой»

Я: «Я понимаю, о чем ты говоришь. Эти идеи новы для меня и, кажется, стоят размышления. До сих пор мне всегда казалось, что существенным у Иоанна было как раз то, что AOTOE - это сын человеческий, в котором Иоанн подносит низшее к высшему духу, к миру AOrOE. Но ты мне показал, что все наоборот, а именно, что Иоанн снижает значение AorOE к человеку».

А: «Я смог увидеть, что Иоанн на самом деле сослужил большую службу, приписывая значение AorOE человеку»

Я: «Ты владеешь особой проницательностью - меня просто распирает любопытство. Как же это? Ты считаешь, что человек выше AOrOE?»

А: «Я хочу ответить на этот вопрос в пределах твоего понимания: если бы человеческий Бог не стал превосходящим все, он бы явился как сын не во плоти, а в AOrOE»(49)

Я: «Это имеет смысл, но если честно, этот взгляд удивляет меня. Особенно поражает то, что ты, отшельник-христианин, пришел к таким убеждениям. Я не ожидал»

А: « Как я уже заметил, ты имеешь ложное представление обо мне и о сущности меня. Позволь привести тебе небольшой пример моего занятия. Я прожил много лет один, пытаясь разучиться. Ты когда-либо пробовал забыть, то, что хорошо знаешь? Тогда тебе должно быть известно, как много времени это отнимает. А я был успешным преподавателем. Как ты знаешь, для таких людей разучиться сложно или даже невозможно. Но я вижу, солнце уже зашло. Скоро станет совсем темно. Ночь – время для тишины. Я хочу показать тебе, где ты будешь ночевать. Утром мне нужно будет поработать, но после полудня ты можешь снова прийти ко мне, если хочешь. Тогда мы продолжим наш разговор»

Он выводит меня из хижины, долина укрыта синими тенями. На небе уже сияют первые звезды. Он отводит меня за угол скалы: мы оказываемся у входа в пещерку (50), выдолбленную в камне. Мы входим. Недалеко от входа лежит куча тростника, накрытая циновкой. Рядом – кувшин с водой, а на белой скатерти – сушеные финики и ржаной хлеб.

А: «Вот твое место и твой ужин. Высыпайся и не забудь помолиться утром, когда взойдет солнце»

[2] Отшельник живет в бескрайней пустыне, полной благоговейной красоты. Он смотрит в общем и заглядывает во внутренний смысл. Он не выносит многообразия, если оно находится близко. Он издали смотрит на него во всей его цельности. Таким образом, чистое величие, радость и красота скрывают от него разнообразие. То, что находится рядом с ним, должно быть простым и невинным, поскольку близкое многообразие и запутанность разрывает чистое величие и пробивается сквозь него. Ни облаку на небе, ни дымке или туману не позволено окружать его, иначе он не сможет смотреть на отдаленное многообразие в целом. Поэтому отшельник больше всего любит пустыню, где все вокруг просто и нет ничего размытого ил туманного между ним и далью.

Жизнь пустычника была бы холодной, если бы не огромное солнце, от которого сияют воздух и скалы. Солнце и его извечное величие заменяет пустыннику тепло его собственной жизни. Его сердце жаждет солнца.

Он путешествует в страну солнца.

Он мечтает о мерцающем величии солнца, о раскаленных камнях, разбросанных в полдень, о золотых, горячих лучах сухого песка.

Отшельник ищет солнце, и никто другой не готов так открыть свое сердце, как он. Он любит пустыню больше всего, поскольку любит ее глубокое спокойствие. Ему нужно немного еды благодаря солнцу, чье сияние питает его. Отшельник любит пустыню больше всего, так как она для него мать, дающая пищу, тепло и силу.

В пустыне отшельник свободен от забот, поэтому превращает всю свою жизнь в произрастающий сад своей души, которая может цвести только под жарким солнцем. Его сад приносит восхитительные плоды – сочная сладость под плотной кожей.

Вы думаете, что отшельник беден. Вы не видите, что он прогуливается под прогибающимися от тяжести ветками деревьев и его рука стократно прикасается к зерну. Под темными листьями навстречу ему алым цветением густо распускаются почки, и плоды едва не трескаются от сочной мякоти.

Деревья роняют капли благоухающей смолы, и под его ногами из семян пробиваются новые ростки.

Если солнце канет в гладь моря, как изнуренная птица, отшельник закутается и задержит дыхание. Он будет оставаться неподвижным, как само ожидание, пока на востоке не взойдет чудо возрождения света.

Восхитительное ожидание до краев переполняет отшельника. (51) Его окружают ужас пустыни и иссохшего пара, невообразимо, как он может жить здесь.

Но его глаза по-прежнему глядят на сад, его уши слушают источник, а рука касается бархатных листьев и плодов, он вдыхает сладкий аромат цветущих деревьев.

Он не может сказать вам, так необъятно величие его сада. Он запинаясь, когда начинает говорить об этом, и ум его, и сама жизнь кажутся вам бедными. Но его рука не знает, к чему она дотянется в этом неописуемом изобилии.

Он дает вам маленький непримечательный плод, что только что упал к его ногам. Вам он кажется ничего не стоящим, но рассмотрев внимательнее, вы поймете, что он на вкус как солнце, о котором вы и не мечтали. Он источает аромат, который помутняет ваш разум и навеивает сон о розовых садах, о сладком вине, о шелесте пальмовых деревьев. И, охваченный видением, вы держите этот один плод в руках, и вы словно бы само дерево, с которого упал плод, сад, в котором растет это дерево, солнце, что дало жизнь этому саду.

И вы сами хотите быть тем отшельником, бродящим с солнцем по саду, взглядом, пристально глядящим на свисающие цветы, рукой, стократно прикасающейся к зерну, и дыханием, пьющем аромат тысячи роз.

Одурманенный солнцем и охмеленный бродящим вином, вы ложитесь в старой пещерке, чьи стены звучат многоголосьем и оттенками тысячи солнечных лет.

Когда вы поднимаетесь, вы снова видите все живое, каким оно было. А когда спите, вы отдыхаете, как и все, и ваши сны отзываются тихим эхом далеких храмовых песен.

Вы засыпаете сквозь тысячу солнечных лет, и вы просыпаетесь сквозь тысячу солнечных лет, и сны, наполненные древним знанием, украшают стены вашей спальни.

И вы видите себя во всей целостности.

Вы садитесь, опираетесь о стену и смотрите на эту загадочную прекрасную целостность. Писание (52) лежит перед вами, как раскрытая книга, и вас охватывает невыразимая жадность поглотить его. В результате вы откидываетесь назад, застываете и долго так сидите. Вы совершенно неспособны ухватить ее. Здесь и там мерцает свет, здесь и там с высоких деревьев падают плоды, которые вы можете поймать, и здесь и там ваши ноги бьются о золото. Но что это по сравнению с целостностью, которая реально развернулась перед вами? Вы протягиваете руку, но она повисает на невидимых нитях. Вы хотите четко

рассмотреть, какова она, но нечто мутное и непроглядное встает между вами. Вы бы вырвали из него часть; оно гладкое и непроницаемое, как полированная сталь. Вы прислоняетесь к стене. И когда вы переползаете через все жгучие испытания Ада сомнений, вы опять садитесь, отклоняетесь назад и смотрите на чудо Писания, что лежит перед вами. И здесь и там сверкают огни, и здесь и там падают плоды. Но вам этого слишком мало. Вскоре вы становитесь довольным собой и больше не обращаете внимания на проходящие мимо годы. Что такое годы? Что такое торопящееся время для сидящего под деревом? Ваше время проходит, как дуновение ветра, а вы ждете очередного света, очередного плода.

Писание лежит перед вами и всегда молвит об одном и том же, если вы верите словам. Но если вы верите вещам, на чьих местах только слова, вы никогда не дойдете до конца. Кроме того, вы должны идти бесконечной дорогой, ведь жизнь течет не только по кончаемому пути, но и по тому, который не имеет предела. Но тот, что безграничный, тревожит вас (53), потому что он страшен, и ваша человеческая природа восстает против него. Поэтому вы ищете пределы и ограниченность, чтоб не потерять себя, падая в бесконечность. Ограниченность становится для вас обязательной. Вы выкрикиваете слово, имеющее лишь одно значение, чтоб избежать безграничной двусмысленности. Слово становится вашим Богом, ведь оно защищает от бесчисленных возможностей интерпретации. Слово – это магия, оберегающая от демонов нескончаемого, что тащат вашу душу и хотят развеять вас по ветру. Вы спасены, когда можете, наконец, сказать: это так и только так. Вы произносите магическое слово, что изгоняет бесконечность. Именно поэтому люди стремятся к словам и создают их. (54)

Тот, кто рушит стены слов, свергает Богов и оскверняет храмы. Отшельник – это убийца. Он убивает народ, потому что он думает так и обрушивает священные стены. Он призывает демонов бесконечности. И он сидит, откинувшись назад, и не слушает жалобы человечества, охваченного ужасающим огненным дымом. Тем не менее, вы не можете найти новые слова, пока не разобьете старые. Но никто не может разрушить старые, если не найдено новое слово, которое было бы прочной защитой от безграничности и вмещало бы больше жизни, чем старое. Новое слово – это новый Бог для старых людей. Человек остается прежним, даже если вы создаете для него новую модель Бога. Он остается подражателем. Чем является слово, тем должен стать и человек. Слово сотворило мир и появилось раньше мира. Оно зажглось, как свет во мраке, и «мрак не объял его». Поэтому слово должно стать тем, что мрак может объять, ведь какая польза от света, если мрак не может его поглотить? Ваш мрак должен охватывать свет.

Бог слов холодный и безжизненный и светит издали, как луна, таинственно и недостижимо. Пускай слово вернется к своему создателю, человеку, и таким образом возвысится в человеке. Человек должен быть светом, границами, мерой. Пусть оно будет вашим плодом, за которым вы нетерпеливо протягиваете руку. Темнота охватывает не столько слово, сколько человека; она действительно завладевает им, поскольку он сам – ее часть. Не от слова вниз к человеку, а от слова к человеку вверх: вот что содержит темнота. Темнота – ваша мать; ей надлежит глубокое уважение, поскольку мать опасна. Она властна над вами, так как она дала вам жизнь. Почитайте тьму как свет, и вы осветите свой мрак.

Если вы постигаете тьму, она охватывает вас. Она сходит на вас, как ночь с черными тенями и мириадами звезд. Тишина и покой сходят на вас, когда вы начинаете постигать темноту. Только тот, кто не постигает тьму, боится ночи. Через постижение тьмы, ночного, глубинного в себе, становишься чрезвычайно простым. И готовишься ко сну сквозь тысячелетия, как любой другой, и засыпаешь в лоно тысячелетий, и стены звучат песнями древних храмов. Ведь простое неизменно. Над вами растекается мир и синяя ночь, пока вы видите сны в кургане тысячелетий.

43 (Первый День) В Рукописном Черновике: «Четвертое приключение: День Первый» (с.4/6). Исправленный Черновик : «День I. Вечер» (с.201)

44 30 декабря 1913. В Черной Книге 3 Юнг пишет: «Всевозможные вещи увели меня от моего научного стремления, на которые, как я полагал, твердо подписался. Через него я хотел служить человечеству, а теперь, моя душа, ты приводишь меня к этим вещам. Да, это промежуточный мир, неисследованный и влекущий. Я забыл, что достиг нового мира, который раньше был мне чужим. Теперь я не вижу ни дороги, ни тропы. То, во что я верил относительно души, здесь становится верным, а именно что она сама знает свой путь, и ни один замысел не может приписать ей лучший. Я чувствую, что огромная глыба науки раскололась. Полагаю, так и должно быть, ради души и ее жизни. Мне приходит мысль, что, наверняка, это только мне выдается мучительным, и никому моя работа не принесет озарения. Но моя душа требует завершить это. Я должен сделать это для себя самого, ни на что не надеясь – ради Бога. Это и вправду нелегкий путь. Но что еще делали те отшельники из первых веков христианства? И были ли они худшими или менее способными, чем те, что жили позже? Вряд ли, если они пришли к самым непреклонным выводам относительно психологических потребностей своего времени. Они оставили жен и детей, благополучие, славу, науку – и отправились в пустыню – ради Бога. Да будет так. (ст. 1-2).

45 В следующей главе отшельник отождествляется с Аммонием. В письме от 31 декабря 1913 Юнг отметил, что отшельник пришел из третьего века. Существует три исторические личности по имени Аммоний из Александрии в этом периоде: Аммоний, христианский философ в третьем веке, который, как считалось, был ответственным за средневековое деление проповедей; Аммоний Сетус, рожденный христианином, но занявшийся греческой философией, и чьи труды представляют переход от платонизма к неоплатонизму; и Аммоний Неоплатоник в пятом веке, который пытался примирить Аристотеля и Библию. В Александрии неоплатонизм был согласован с христианством, и некоторые из учеников последнего Аммония приняли христианство.

46 Фило Иудей, также называемый Фило из Александрии (20 до н.э.-50 н.э.), был грекоязычным еврейским философом. Его труды представляют собой слияние греческой философии и иудаизма. Для Фило Бог, к которому он обращался платоническим термином Единственный, не поддавался определению и был непостижимым. Некоторые силы Бога достигли мира. Аспект Бога, познаваемого посредством разума, есть божественный Логос. Существует много споров о точном соотношении концепта Логоса Фило и Логоса евангелия от Иоанна. 23 июня 1954 Юнг написал Джеймсу Киршу: «Знание, из которого исходил Иоанн Богослов, определенно еврейское, но его сущность – эллинистическая, в стиле Фило Иудей, основателя учений о Логосе» ([А]).

47 В 1957 году Юнг пишет: «До сих пор по существу не отмечено, что наше время, несмотря на распространение атеизма, наследственно обременено достижением христианской эпохи, а именно *верховенством слова*, того Логоса, что христианская вера представляет как центральную фигуру. Слово буквально стало нашим Богом и остается таковым» (*Настоящее и Будущее*, CW 10, §554).

48 Иоанн 1:1-10: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все через Него начало быть, и без Него ничто не начало бы быть. В Нем была жизнь, и жизнь была светом людей. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его. Был человек, посланный от Бога; имя ему Иоанн. Он пришел для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете, чтобы все уверовали через него. Он не был свет, но был послан, чтобы свидетельствовать о Свете. Был Свет истинный, который освещает всякого человека, приходящего в мир. В мире был, и мир через Него начал быть, и мир Его не познал».

49 Иоанн 1:14: «И Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца».

50 В Черновике: «Египетский» (с.227). В египетском контексте вода, финики и хлеб были бы подношениями для мертвых.

51 Дальше в Черновике: «Побродив кругами, я все-таки возвращаюсь к себе и к нему, пустыннолюбу, живущему в глубинах, спрятанных от света, в безопасном теплом лоне скалы. Над ним - раскаленная пустыня и ослепительные небеса» (ст.229).

52 «Целое» по-латыни.

53 В Черновике написано «вас», а в Исправленном Черновике – «меня» (ст.232). На протяжении всего раздела Исправленный Черновик заменяет «меня» на «вас», «я» на «вы» (ст.214).

54 В 1940 Юнг высказывается по поводу защитной магии слова («Трансформация символизма в целом» CW 11, §442).

55 См. прим. 48.

Глава 5 День II (56)

(57, 58)

Я просыпаюсь, день заливают румянцем восток. Ночь, прекрасная ночь в отдаленных глубинах времени, осталась позади. В каком дальнем пространстве я был? Что мне снилось? Белая лошадь? Мне кажется, я видел белую лошадь на восточном небе над солнцем. Она разговаривала со мной. Что она сказала? Она сказала: «Приветствую того, кто во мраке, ибо над ним день». Было четыре белых лошади, все с золотыми крыльями. Они везли колесницу солнца, которой управлял Гелиос с огненной гривой. (59) Я стоял внизу в ущелье, изумленный и испуганный. Тысяча черных змей быстро заползла в свои норы. Гелиос восходил, поднимаясь к широким дорогам неба. Я стал на колени, с мольбой поднял руки и воскликнул: «Дай нам свет, златокудрый, сплетенный, распятый и воскресший; дай нам свой свет, свет!» От этого крика я и проснулся. Разве Аммоний не сказал вчера вечером: «Не забудь утром помолиться, когда взойдет солнце». Я подумал, что, возможно, он тайно поклоняется солнцу.

Снаружи воспрянул свежий утренний ветер. Вниз по скалам тонкими струйками течет желтый песок. Небо заливается красным, и я вижу, как на небосводе загораются первые лучи. Повсюду торжественная тишина и одиночество. На камне лежит большая ящерица и ждет солнца. Я стою, как замороженный, и усердно вспоминаю вчерашний день, особенно слова Аммония. Но что он сказал? Что последовательность слов имеет много значений, и что Иоанн привел АОгОЕ к человеку. Но это звучит не совсем по-христиански. Может, он гностик? (60) Нет, это кажется невозможным, поскольку они и вправду были наихудшими из всех словопоклонников, как их назвал бы Аммоний.

Солнце – что наполняет меня таким внутренним восторгом? Мне нужно не забыть об утренней молитве, но куда подевалась моя утренняя молитва? Милое солнце, у меня нет молитвы, поскольку я не знаю, как обращаться к тебе. Я уже помолился солнцу? Но Аммоний имел в виду, что я должен на рассвете помолиться Богу. Может, он не знает, что у нас больше нет молитв. Откуда ему знать о нашем оскудении и наготе? Что произошло с нашими молитвами? Мне не хватает их здесь. Это все точно пустыня. Кажется, что здесь должны быть молитвы. Так ли плоха эта пустыня? Думаю, не хуже наших городов. Тогда почему мы там не молимся? Я смотрю на солнце, как будто оно может что-то с этим сделать. Увы – никто не может избежать вековых снов человеческого рода.

Что мне делать все это утро? Я не представляю, как Аммоний смог так выдержать, хотя бы год. Я возвращаюсь и иду дальше, к пересохшему руслу реки, и, в конце концов, сажусь на валун. Передо мной – несколько пожелтевших растений. Вон там ползет маленький черный жук, катя перед собой шарик, - скарабей. (61) Дорогое маленькое животное, ты трудишься, чтоб прожить свой красивый миф? Как сосредоточенно и усердно он работает! Если бы ты понимал, что сейчас ты проживаешь древний миф, ты бы, возможно, отказался от своих фантазий, как мы, люди, бросили играть в мифологию.

Нереальность вызывает у меня тошноту. Мои слова звучат очень странно в этом месте, и добрый Аммоний наверняка бы не согласился с ними. Что я, собственно говоря, здесь делаю? Нет, я не хочу заранее осуждать его, так как я еще до конца не понял, что он имеет в виду. Нужно его выслушать - он имеет на это право. Кстати, вчера я думал по-другому. Я даже был очень благодарен ему за то, что он хотел научить меня. Но теперь я снова критичен и высокомерен, и могу ничего не выучить. Его идеи совсем не плохи; они даже хороши. Я не знаю, почему мне всегда хочется опустить человека. Милый жук, ты куда делся? Эти маленькие создания верны своему, в отличие о нас – не сомневаются, не меняют намерений, не колеблются. От того ли это, что они проживают свой миф?

Славный скарабей, отец мой, я почитаю тебя, да будет благословен твой труд – во веки веков – Аминь.

Что за чушь я несу? Я молюсь животному – наверно, это из-за пустыни. Она определенно требует молитв.

Как здесь красиво! Красноватый оттенок камней изумителен; они отражают сияние сотни тысяч минувших солнц - эти мелкие песчинки скатились в легендарные первобытные океаны, над ними плавали невиданные раньше первобытные чудовища. Где был ты, человек, в те дни? На этом горячем песке лежат твои первобытные животные – прародители, как дети, прижимающиеся к матери.

Камень, мать, я люблю тебя, я прижимаюсь к твоему горячему телу, твой поздний ребенок. Будь благословенна, древняя мать. Тебе мое сердце, и сила, и слава – Аминь

Что я говорю? Это все пустыня.. Каким живым мне все здесь кажется! Это страшное место. Эти камни – камни ли они? Кажется, будто бы они специально здесь собраны. Выстроились, как войсковой транспорт. Подобрались по размеру, большие отдельно, мелкие рядами лежат перед крупными. Здесь камни образуют государства.

Я сплю или бодрствую? Жарко – солнце уже высоко – как быстро летит время! Действительно, утро почти закончилось, - и каким необычным оно было! Это от солнца или от этих живых камней так жужжит в голове?

Я иду в долину и вскоре захожу к хижину отшельника. Он сидит на своей циновке, погруженный в глубокие размышления.

Я: «Отец, я здесь.»

А: «Как ты провел свое утро?»

Я: «Я удивился, когда ты вчера сказал мне, что время проходит быстро. Я больше не буду об этом спрашивать, и это больше меня не удивляет. Я много узнал. Но достаточно лишь для того, чтобы сделать тебя еще большей загадкой. Сколько всего ты проживаешь в пустыне, необычайный человек! Даже камни должны разговаривать с тобой».

А: «Я рад, что ты выучил нечто из жизни отшельника. Это облегчит нашу трудную задачу. Я не хочу вторгаться в твои тайны, но я чувствую, что ты пришел из странного мира, который не имеет никакого отношения к моему.»

Я: «Ты верно говоришь. Я здесь чужестранец, более нездешний, чем кто-либо, кого ты видел. Даже человек из самых далеких берегов Британии ближе к тебе, чем я. Здесь имей терпение, учитель, и позволь мне испить из источника твоей мудрости. Хоть нас окружает иссохшая пустыня, здесь течет невидимый ручей живой воды»

А: «Ты помолился?»

Я: «Учитель, прости меня: я пытался, но не нашел слов молитвы. Зато мне приснилось, что я молился восходящему солнцу»

А: «Не волнуйся из-за этого. Если ты находишь одно слово, значит, твоя душа нашла невыразимые слова, чтоб поклониться рассвету»

Я: «Но это была молитва язычника, обращенная к Гелиосу»

А: «Пусть пока тебе будет этого достаточно»

Я: «Но учитель, я не только солнцу во сне молился, но также скарабею на земле, пребывая в беспамятстве»

А: «Ничему не удивляйся, и ни в коем случае не осуждай себя и не сожалей. Давай работать. У тебя есть вопросы по поводу вчерашнего разговора?»

Я: «Вчера я перебил тебя, когда ты говорил о Фило. Ты хотел объяснить свою идею о различных значениях отдельных последовательностей слов»

А: «Что ж, тогда я продолжу описание того, как я высвободился из плена словесных веретен. Однажды ко мне пришел старик; этот человек, к которому я привязан с детства, заговорил со мной:

«О, Аммоний, у тебя все хорошо?»

«Конечно, - ответил я, - как видишь, я выучился и очень преуспеваю». Он: «Я имею в виду, счастлив ли ты, и жив ли ты по-настоящему?» Я рассмеялся: «Как видишь, все хорошо.» Старик ответил: «Я видел, как ты читал лекции. Кажется, ты обеспокоен мнением своих слушателей. Ты вплетал остроумные шутки в свою лекцию, чтоб нравится слушателям. Ты был непоседлив и поспешен, как будто должен успеть расхватать все знание.»

Сперва эти слова сперва показались мне смешными, однако они впечатлили меня, и я почувствовал доверие к старику - он был прав.

Тогда он сказал: «Дорогой Аммоний, у меня для тебя радостные новости: Бог стал плотью в своем сыне и привел нас к спасению. » «Что ты говоришь, - ответил я, - ты, наверно, имеешь в виду Осириса (62), который должен появиться в смертном теле?»

«Нет, - ответил он, - этот человек жил в Иудее и был рожден от девы»

Я засмеялся и ответил: «Я уже знаю об этом; торговец-иудей принес вести от нашей девы-царицы в Иудею, чей лик изображен на стенах одного из наших храмов, и рассказал это как сказку»

«Нет, - настаивал старик, - он был Сын Бога»

«Тогда ты говоришь о Горе (63), сыне Осириса, так?» - ответил я.

«Нет, это не был Гор, а настоящий человек, и его распяли на кресте»

«О, так тогда это, должно быть, Сет, о чьем наказании часто рассказывали наши старожилы»

Но старик продолжал стоять на своем: «Он умер и воскрес на третий день»

«Ну, тогда это Осирис», - нетерпеливо ответил я.

«Да нет же, - воскликнул он, - его зовут Иисус - помазанник»

«Это вздор, дорогой старик, - сказал я ему и указал на дверь. Но словно эхо от далеких скал, его слова вернулись ко мне: человек и Божий Сын. Это показалось мне важным, и именно эта фраза была тем, что привело меня к христианству.»

Я: «А ты не думаешь, что Христианство могло в корне быть преобразованием твоих египетских учений?»

А: «Если сказать, что наши старые учения были менее точными выражениями христианства, тогда, пожалуй, я с тобой соглашусь»

Я: «Да, но допускаешь ли ты тогда, что история религий направлена на конечную цель?»

А: «Однажды мой отец купил на рынке черного раба из края, где вытекает Нил. Он прибыл из страны, в которой не слышали ни об Осирисе, ни об остальных Богах; он рассказал мне о многих вещах более простым языком, и это было то же самое, что мы верили об Осирисе и других Богах. Я понял, что те необразованные чернокожие, не сознавая того, уже владели большинством того, что религии грамотных народов развили в завершенные доктрины. Те, кто способны читать правильно на этом языке, могли таким образом узнать в нем не только доктрину языческих верований, но также доктрину Иисуса. И это то, чем я сейчас занимаюсь. Я читаю проповеди и ищу их значения, которые еще придут.

Мы знаем их таковыми, какими они лежат перед нами, но не их скрытый смысл, направленный в будущее. Ошибочно полагать, что религии в своей

глубочайшей сущности различаются. Собственно, это всегда одна и та же религия. Любая последующая религия – суть смысл предыдущей.»

Я: «Ты нашел значения, которые должны прийти?»

А: «Нет, пока нет; это очень сложно, но, надеюсь, у меня получится. Порой мне кажется, что я нуждаюсь в толчке со стороны других, но я осознаю, что это соблазны Сатаны»

Я: «А ты не думаешь, что тебе это удалось бы, если бы ты находился ближе к людям?»

А: «Возможно, ты прав»

Вдруг он смотрит на меня, как будто с недоверчивостью и подозрением. «Но, - продолжает он, - я люблю пустыню, понимаешь? Эту золотую, солнечную пустыню. Здесь ты каждый день один и можешь видеть лик солнца, можешь видеть восхитительного Гелиоса – нет, это языческое – что со мной? Я ошибся – ты Сатана – я узнал тебя – прочь, супостат!»

Он подсакивает в ярости и хочет броситься на меня. Но я далеко – я в двадцатом веке. (64)

[2] [НІ 26] Спящий в кургане тысячелетий видит чудесный сон. Он видит древний первобытный сон. Ему снится восход солнца. Если вы спите этим сном и видите этот сон во времени этого мира, вы будете знать, что солнце также взойдет в это время. Пока вы еще в темноте, но день уже над нами. Постигший тьму в себе близок к свету. Спускающийся во мрак достигает лестницы златогривого Гелиоса, созидающего свет. Его колесница, запряженная четырьмя белыми лошадьми, поднимается вверх, он не несет креста на спине, и его бок не ранен, он невредим и его голова сияет пламенем. Это лик не глумления, а великолепия и безусловной силы. Я не знаю, что я говорю, я говорю во сне. Поддержите меня, я шатаюсь, пьяный от огня. Я пил огонь этой ночью, спускаясь вниз сквозь столетия и погружаясь на дно, в солнце. И я встал пьяный от солнца, с пылающим лицом, и голова моя в пламени.

Дай мне свою руку, человеческую руку, чтоб придержать меня у земли, ибо вертящиеся жилы огня выхватывает меня, и восторженное стремление срывает меня к зениту.

Уж скоро рассветет день, настоящий день, день этого мира. А я все стою, притаившись, в земляном ущелье, глубоко внизу, одиноко, в темных тенях долины. Это тень и тяжесть земли. Как мне помолиться солнцу, что сходит над пустыней? Зачем мне молиться ему? Я пью солнце внутри себя, так зачем мне ему молиться? Но пустыня, пустыня во мне просит молитв, она хочет довольствоваться всем, что в ней есть живого. Мне хочется молить Бога за нее, за солнце или что-либо еще вечное.

Я молю, потому что я пуст и нищ. В дни этого мира я забыл, что пил солнце, и что я пьян от его живого света и опаляющей силы. Но я ступил в земные тени и увидел, что я наг и мне нечем прикрыть свою наготу. Вы коснетесь земли не

раньше, чем закончится ваша внутренняя жизнь; она убегает от вас в окружающие вещи. И чудесная жизнь восстает в вещах. То, что вы считали неживым и неодушевленным, открывает тайную жизнь и безмолвное, непоколебимое намерение. Вы оказались беспомощным в суматохе, где все проходит своим странным путем, около вас, над вами, под вами и сквозь вас; даже камни разговаривают с вами, и магические нити прядутся от вас к вещам и от вещей к вам. Дальнее и ближнее работает в вас, а вы темным образом работаете над ближним и дальним. И вы всегда беспомощны и молитесь.

Но присмотревшись, вы увидите то, чего никогда не видели - вещи живут своей жизнью, и живут они от вас: реки несут вашу жизнь в долину, камни падают друг на друга с вашей силой, растения и животные растут благодаря вам и также они - причина вашей смерти. Листик, танцующий на ветру, танцует с вами; иррациональное животное угадывает ваши мысли и олицетворяет вас. Вся земля всасывает свою жизнь из вас, и все вас снова отражает.

Ничего не происходит без вашего тайного участия; ибо все расположилось вокруг вас и исполняет ваше сокровенное. Ничто в вас не спрячется от вещей, неважно, насколько оно отдаленное, заветное или скрытное. Оно неотъемлемо от вещей. Ваш пес отнимает вас у вашего отца, который давно ушел, и смотрит на вас, как будто это был он. Корова на луге постигла внутренним чутьем вашу мать, и очаровывает вас полнейшим спокойствием и беспечностью. Звезды нашептывают ваши самые глубокие тайны, и ласковые земные долины берегут вас в материнском лоне.

Как заблудший ребенок, вы жалостно стоите среди могущественных, что держат нити вашей жизни. Вы зовете на помощь и присоединяетесь к первому человеку, который проходит на вашем пути. Возможно, он может дать совет, возможно, у него есть мысли, которых нет у вас, но все его вещи высосаны из вас.

Я знаю, вы хотели бы услышать вести о том, чьи вещи не были живыми, но кто жил и достиг совершенства. Ибо вы – сын земли, впитанный кормящей землей, что не может ничего высосать из себя, только из солнца. Поэтому вы бы хотели услышать вести о сыне солнца, что светит и не впитывает. Вы бы хотели услышать о сыне Бога, который сиял и отдавал, кто даровал жизнь, и кому жизнь была еще раз рождена, как земля порождает солнце, зелень и благолепных детей.

Вы бы хотели узнать о нем, лучезарном спасителе, который, будучи сыном солнца, разорвал сети земли, распутал магические нити и освободил невольных, кто был себе хозяином и ничьим слугой, кто никого не истощал, и чьи сокровища никем не были исчерпаны.

Вы бы хотели услышать о нем, не омраченном земной тенью, но осветившем землю, кто видел мысли всех, и чьи мысли остались неразгаданными, кто содержал значения всех вещей, и чье значение не могло объяснить ничто.

Отшельник убежал из мира; он закрыл глаза, заткнул уши и похоронил себя в пещере внутри себя, но это было бессмысленно. Пустыня истощила его, камни высказали его мысли, пещера отразила эхом его чувства, и он сам стал пустыней,

камнем, пещерой. И все это было пустота и пустыня, потому что он не светил и оставался сыном земли, высосавшим из книги все до капли, и кого до капли высосала пустыня. Он был желанием, но не великолепием, всецело землей, но не солнцем. Поэтому в пустыне он был умным святым, который знал, что иначе он был бы таким же, как и другие сыны земли. Если бы он был пьян от себя, он выпил бы огонь.

Отшельник пришел в пустыню, чтоб найти себя. Но он не захотел этого, скорее многозначности святого писания. Вы можете впитать безмерность малого и большого в себя, но вы будете становиться все более пустым, так как безмерная наполненность и безмерная пустота суть одно и то же. (66)

Он хотел найти то, в чем нуждался во внешнем мире. Но многократное значение можно найти только в себе, не в вещах, так как многообразие значений не является чем-то таким, что дается одновременно, значения приходят последовательно. Смыслы, которые приходят на смену друг другу, лежат не в вещах, а в вас, претерпевающих столько изменений, и в такой степени, в какой вы участвуете в жизни. Вещи тоже меняются, но если не меняетесь вы, то это проходит незаметным. Но если вы меняетесь, то и содержание мира тоже. Многосторонний смысл вещей становится вашим многосторонним смыслом. Бесполезно постигать его в вещах. И это, возможно, объясняет, почему отшельник ушел в пустыню и постигал вещи, но не себя.

И поэтому с ним случилось то же самое, что и с любым жаждущим пустынною: к нему пришел дьявол со льстивыми речами и ясными рассуждениями, зная верное слово и подходящий момент. Он его искусил его же желанием. И я должен был появиться перед ним, как дьявол, как только принял темноту в себе. Я вкусил земли, испил солнца, и я стал зеленеющим деревом, произрастающим поодаль. (67)

56 В Исправленном Черновике: (Отшельник). День Второй. Утро. (с. 219)

57 В «Философском Древе» (1945) Юнг отметил: «Человек, пустивший корни как вниз, так и вверх, является чем-то на подобие пряморастущего и перевернутого дерева. Цель – не высшие точки, а центр» (CW 13, 333). Также он высказывался по поводу «Перевернутого дерева» .

58 1 января 1924 г.

59 В греческой мифологии Гелиос был сыном Солнца, и он пересекал небо на колеснице, запряженной четверкой лошадей.

60 В этот период Юнг занимался изучением гностических текстов, где он нашел исторические параллели к своим работам. См. Альфред Кибби *Поиск своих корней. Смысл познания. Герметика и алхимия для Г.Юнга и Мари-Луизы фон Франц* (Берн, Петер Ланг, 1999).

61 В работе *Синхрония и Принцип причинной связи* (1952) Юнг писал: «Скарабей - это классический символ возрождения. Согласно описаниям древней египетской книги Ам-Дуат мертвый Бог-солнце превращается на десятой остановке в Кепри, скарабея, и поднимает ладью до двенадцатой остановки, и молодое солнце восходит на утреннем небе» (CW 8, §843)

62 Осирис был египетским богом жизни, смерти и плодородия. Сет был богом пустыни. Сет убил своего брата Осириса и разрубил его на части. Жена Осириса, Изиды, отыскала его тело, и позже он был воскрешен. Юнг говорит об Осирисе и Сете в *Трансформациях и Символах Либидо* (1912) (CW 12, §38f). Гор, сын Осириса, был египетским богом неба. Он боролся против Сета.

63 Далее в Исправленном Черновике: «и я себе ненастоящий, как во сне» (с.228). Христианские отшельники были постоянно на стороже появления Сатаны. Известным примером искушений дьявола была жизнь Афанасия Святого Антония. В 1921 г. Юнг упоминал, что Святой Антоний предостерегал своих монахов, «как искусно перевоплощается дьявол, чтобы привести праведных к падению. Разумеется, Дьявол – это голос одного из проявлений бессознательного отшельника, что встает вопреки насильственному подавлению его природы» (*Психологические типы*, CW 6, §82). Жизнь и учения Святого Антония были детально разработаны Флобером в его *Испытаниях Святого Антония*, работе, с которой Юнг был хорошо знаком (*Психология и Алхимия*, CW 12, §59).

64 Инверсия Аристотелевского определения человека как «рационального животного».

65 См. Юнговское описание Плеромы, с.34/ внизу.

67 Далее в Черновике и Исправленном Черновике: «Но я увидел одиночество и его красоту, я постиг жизнь неодушевленного и значение бессмысленного. Я также понял эту сторону своей многогранности. Поэтому мое дерево росло в одиночестве и тишине, питаюсь от земли, проникая глубоко в нее корнями, и выпивая солнце тянущимися вверх ветками. Одинокий (чужой) гость вошел в мою душу. Но зеленеющая жизнь нахлынула на меня. (Поэтому я странствовал, следуя природе воды.) (с. 235)

Глава 6 Смерть

На следующую ночь(69) я направился к северным землям и очутился под серым небом, где сырой прохладный воздух подернут дымкой. Я пробираюсь к низинам, где слабые потоки, вспыхивая отблесками на широкой глади, текут к морю, где поспешность воды все ослабляется, и всякая сила и стремление соединяется с неизмеримой бескрайностью моря. Деревья становятся редкими, широкие болотистые луговины тянутся вдоль тихих темных вод, горизонт бесконечен и пустынен, завешен седыми облаками. Затаив дыхание и тревожно ожидая, как кто-то дикий украдкой будет спускаться к пене, где и вольтется в бесконечность, я медленно следую своему брату, морю. Течение мягко и едва уловимо, но я постепенно приближаюсь к краю, входя в лоно истока, в его безграничное протяжение и неизмеримые глубины. Ниже возвышаются желтые холмы. У их подножия простирается высохшее озеро. Я спокойно иду вдоль холмов, и они раскрываются перед мрачным, несказанно далеким горизонтом, где небо и море растворяются в бесконечности.

Там, на последнем холме, кто-то стоит. На нем - черное мятое пальто; он стоит неподвижно и смотрит вдаль. Я подхожу - он тощий, и его взгляд глубокий и серьезный. Я говорю ему:

«Позволь мне постоять рядом с тобой, темный. Я узнал тебя издалека: лишь один может стоять так, на безлюдном краю земли.»

Он ответил: «Незнакомец, стой, сколько хочешь, если не замерзнешь. Как видишь, я холоден и сердце мое никогда не билось.»

«Я знаю, ты лед и конец; ты – холодное молчание камней и снег на вершинах гор, ты предельный холод внеземного пространства. Я должен прочувствовать это, поэтому и стою рядом.»

«Что привело тебя ко мне, живое существо? Живые сюда не наведываются. Ну, они проплывают печально тесными толпами, все те, что наверху, в стране светлого дня, что ушли, и больше не вернутся. Но живые никогда не приходят сюда. Что ты ищешь здесь?»

« Меня привел сюда мой странный и непредвидимый путь, пока я следовал течению. И так я нашел тебя. Я так понимаю, это твое место, твое законное место?»

«Да, это путь туда, где нет разграничений, где ничто не есть равно или неравно, где все вместе с другим. Ты видишь, что оттуда приближается?»

«Я вижу что-то наподобие темной стены из облаков, плывущей сюда по течению.»

«Присмотрись еще, что ты различаешь?»

«Я вижу массу людей, мужчины и женщины, старики и дети плотно прижаты друг к другу. Между ними лошади, быки и животные поменьше, вокруг толпы роются насекомые, рядом проплывают леса, несметные увядшие цветы, безжизненное лето. Они уже близко; какие они равнодушные и окоченевшие, их ноги не двигаются, ни одного звука не слышно из их тесных рядов. Они крепко ухватились друг за друга руками и ногами; они глядят по ту сторону и совсем не обращают на нас внимания – огромным потоком проплывая мимо. Темный, это ужасное зрелище.»

«Ты хотел постоять со мной, теперь держись. Смотри!»

Я вижу: «Первые ряды достигли места, где прибой и поток сливаются в неистовое течение. И это выглядит так, как будто волна воздуха сталкивается с потоком мертвых и волнующимся морем, кружа их вверх, разбрасывая их черными клочьями и растворяя в густых облаках тумана. Волна за волной приближается, и каждый раз новая толпа растворяется в черном воздухе. Темный, скажи мне, это конец?»

«Смотри!»

Темное море медленно раскрывается - и оттуда бьет красноватое зарево- как кровь - море крови пенится у моих ног- пучина моря сверкает - как странно я себя чувствую - я что, подвешен за ногу? Кровь и огонь образуют шар - пелена из дыма извергает красный свет - новое солнце вырывается из кровавого моря и, светясь, катится к крайним глубинами, исчезая под моими ногами. (70)

Я оглядываюсь, я совсем один. Наступила ночь. Как говорил Аммоний? Ночь - время для тишины.

Я осмотрелся - неизмеримое одиночество пронзило меня страшным холодом. Во мне все еще сияло солнце, но я чувствовал, как вступаю в огромную тень. Я иду за течением, что проделывает свой путь в глубины, медленно и спокойно, в глубины, из которых еще придут.

И так я ступил в ту ночь (это была вторая ночь 1914 года), тревожное ожидание наполнило меня. Я вышел в объятия будущего. Дорога была широкая, и то, что готовилось прийти, было страшным. Это было громадное умирание, море крови. Из него возшло новое солнце, ужасное и совершенно противоположное тому, что мы называем дневным светом. Мы постигли тьму, и это солнце будет сиять над нами, кровавое и пылающее, как великое низвержение.

Когда я постиг свою тьму, истинно величественная ночь овладела мной, и мое сновидение погрузило меня в глубины тысячелетий, и из него вознеслась птица феникс.

Но что случилось с моим днем? Факелы зажглись, вспыхнули кровавые раздоры и гнев. Когда тьма завладела миром, началась страшная война и мрак разрушил свет, потому что он был непостижим для тьмы и больше ни для чего не пригоден. И так мы вынуждены были испытать Ад.

Я увидел, что грехи и добродетели этого времени также изменились, что ваша мягкость стала жесткостью, доброта – грубостью, любовь – ненавистью, а разум – безрассудством. Зачем же вы хотели завладеть тьмой! Но вы были вынуждены, иначе она бы завладела вами. Счастлив тот, кто предвосхищает ее хватку.

Вы когда-нибудь задумывались о зле внутри вас? О, вы говорили о нем, упоминали и, смеясь, признали его как общий человеческий порок или периодическое недоразумение. Но знали ли вы, что это такое - зло, что оно стоит как раз за вашей добродетелью, что оно также – часть ваших добродетелей, их неизбежная сущность? (71) Вы заперли Сатану в бездне тысячелетия, и когда тысячелетие закончилось, вы посмеялись над ним, потому что он стал героем детской сказки. (72) Но когда этот грозный поднимает голову, мир содрогается. Наступает жуткий холод.

Вы с ужасом понимаете, что беззащитны, что армия ваших пороков падает бессильно на колени. Вместе с силой демонов вы берете зло, и ваши добродетели переходят к нему. Вы совершенно одни в этой битве - ваш Бог стал глух. Вы не знаете, кто из демонов сильнее: ваши пороки или добродетели. Но в одном вы уверены: порок и добродетель – братья. (73)

Нам нужен холод смерти, чтобы видеть ясно. Существование стремится к жизни и смерти, к началу и концу. (74) Вы не вынуждены жить вечно, но вы можете умереть, ведь внутри вы желаете и того, и другого. Жизнь и смерть должны найти равновесие в вашем бытии. (75) Сегодня людям нужна большая доля смерти, потому что в них живет слишком много неправильности, и слишком много правильности в них умерло.

То, что находится в равновесии - верно, то, что нарушает равновесие - неверно. Но если равновесие обретено, тогда то, что сохраняет его, неверно, а то, что нарушает – верно. Равновесие – это одновременно жизнь и смерть. Для завершения жизни необходим противовес смерти. Если я принимаю смерть, мое дерево зеленеет, потому что умирание усиливает жизнь. Если я погружаюсь в

смерть, окутывающую мир, распускаются почки на моем дереве. Как наша жизнь нуждается в смерти!

Счастье и мелкие радости приходят к вам только после того, как вы принимаете смерть. Но если вы жадно высматриваете все, ради чего вы еще можете жить, тогда ничто не будет достаточным для вашего удовольствия и незначительные вещи, что по-прежнему окружают вас, прекращают радовать. Поэтому я вглядываюсь в смерть – она учит меня жизни.

Если вы принимаете смерть, это словно морозная ночь и тревожное предчувствие, но морозная ночь – это виноградник, полный сладких плодов. (76) Скоро вы найдете удовольствие в вашем благополучии. Смерть назревает. Чтобы собрать плоды, нужна смерть. Без смерти жизнь была бы бессмысленной, так как бессмертие, неизменно повторяясь, отрицает свой собственный смысл. Чтобы быть и наслаждаться бытием, вам нужна смерть, и это ограничение позволяет осуществить ваше бытие.

[НІ 31] Когда я слышу горестные жалобы, вижу всю эту земную абсурдность, то понимаю, что когда придет смерть с покрытой головой, все застынет. А в мире теней взойдет новое, красное солнце. (77) Оно восходит тайно и неожиданно, и мой мир вращается, как дьявольское явление. Я предполагаю кровь и убийство. Только кровь и убийство по-прежнему восторженны, у них особенная красота; и кто-то способен принять красоту кровавых актов насилия.

Всплывает то, что я всегда отвергал в себе; оно неприемлемо, ужасно отталкивающе. Ибо если жалкость и скудность этой жизни закончится, тогда в том, что мне противоположно, начнется новая жизнь. Оно противоположно настолько, что я не могу его постичь. Потому что эта противоположность подчиняется не законам разума, а его природе. Да, это не только противоположно направленное, но и отталкивающее, жестоко отталкивающее, нечто, что перехватывает мое дыхание, лишает моего тела силы, что пугает мои ощущения, ядовито жалит меня в пяту и всегда наносит удар в самое уязвимое место (78), о котором я не подозревал. Это не противостоит мне как сильный противник, смело и опасно, но гибнет на навозной куче, в то время как глупые куры изумленно кудахчут вокруг меня и несут яйца. Мимо пробегает пес, поднимает ногу, затем спокойно удаляется, я проклинаю семь раз тот час, когда я родился, и если я и не решаю убить себя сразу, то готовлюсь пережить час моего второго рождения. Древние говорили: *Inter faeces et urinas nascimur.* (79) Три ночи меня осаждали ужасы рождения. На третью ночь раздался хохот, словно из дебрей, ведь все не так просто. И жизнь зашевелилась снова.

68 В *Рукописном Черновике*: «Приключение Пятое: Смерть» (с.557).

69 2 января 1914.

70 Сравни образы в *Libet Primus*, гл. 5, «Схождение в Ад в Будущем».

71 В 1940 Юнг писал: «Зло относительное, частично роковое, и частично его можно избежать; то же самое с добродетелью, и часто неясно, что же из них хуже.» (*Попытка психологической интерпретации догмы троицы*), *CW II*, §291).

72 В *Исправленном Черновике* это предложение заменено на: «Зло – это половина мира, одна из двух чаш весов» (с. 242).

73 Далее в *Черновике*: «В этой кровавой битве смерть подступает к вам, как сегодня, когда мир полон массовых убийств и гибелей. Холод смерти пронизывает вас. Когда я замерзал до смерти в своем одиночестве, я видел ясно, видел, что должно было прийти, настолько ясно, что различал звезды и далекие горы морозной ночью». (с. 260).

74 В *Трансформациях и Символах Либидо* (1912) Юнг утверждал, что либидо – это не только Шопенгауэровский толчок жизни, оно также содержит в себе обратное стремление к смерти (CW B, §696).

75 Далее в *Черновике*: «проживать то, что правильно, и позволить неверному умереть, - вот искусство жизни.» (261). В 1934 Юнг писал: «Жизнь – это энергетический процесс, как и все остальное. Но любой энергетический процесс в принципе необратим и отсюда определенно направлен на цель, а цель – это состояние покоя... Из жизненной среды лишь тот, кто желает умереть, остается жив. Потому что то, что занимает место в тайном часе жизненного полдня, является обратной стороной параболы, *рождением смерти*... Нежелающий жить тождественен нежелающему умереть. Становление и исчезновение суть одна и та же кривая.» («*Душа и смерть*», CW, §800). См. «*Безмерное пространство: размышления Юнга о жизни и смерти*», *Дневник К.Г. Юнга Основа для Аналитической Психологии* 38 (2008), с. 9-32.

76 См. выше, прим. 20, с.231.

77 Ссылка на зрелище, что описывается выше.

78 В *Трансформациях и Символах Либидо* (1912) высказывал мнение по поводу раненной пяты (CW B, §461).

79 « Мы рождаемся между испражнениями и мочой», изречение, что наряду с другими обычно приписывают Св. Августину.

Глава 7 Руины Древних Храмов (80)

(81, 82)

Еще одно приключение произошло со мной: перед взором раскинулись широкие луга – ковер из цветов – пологие холмы – свежий зеленый лес вдалеке. Я вижу двух незнакомых странников: старого монаха и долговязого мужчину с детской походкой и выцветшей красной одеждой. Когда они подходят ближе, я узнаю в высоком красного всадника. Как он изменился! Он постарел, его рыжие волосы поседели, а огненно красные одежды износились, стали потрепанные и убогие. А другой? С брюшком, видимо, ему не плохо живется. Но его лицо кажется знакомым: Боже правый, это же Аммоний!

Какие перемены! И откуда эти люди, такие разные, пришли? Я подхожу к ним и желаю доброго дня. Оба глядят на меня, перепуганные, и крестятся. Их ужас побуждает меня посмотреть на себя: я весь покрыт зелеными листьями, что растут из моего тела. Я приветствую их второй раз, смеясь.

Аммоний восклицает в ужасе: «Изыди, Сатана!» (83)

Красный: «Проклятый языческий сброд!»

Я: «Но, дорогие друзья, что с вами? Я северный странник, что приходил к тебе, Аммоний, в пустыне. (84) И я дозорный, с которым ты, Красный, однажды беседовал»

Аммоний: «А, я узнаю тебя, главный демон. С твоим приходом началось мое падение.»

Красный смотрит на него укоризненно и толкает под ребра. Монах робко замирает. Красный надменно поворачивается ко мне.

Красный: «Уже тогда я не мог не думать, что тебе недостает благородных манер, несмотря на твою притворную важность. Та проклятая Христианская комедия, что ты разыграл..»

В этот момент Аммоний толкает его, и Красный растерянно замолкает. И так оба стоят предо мной, смешно и глупо, даже жалко.

Я: «Откуда ты пришел, Божий человек? Какая жестокая судьба привела тебя сюда, да и оставила в компании Красного?»

А: «Я бы предпочел тебе этого не говорить. Но это не похоже на Божье провидение, от которого не убежать. Так знай, что ты, злой дух, сделал мне ужасное зло. Ты соблазнил меня своим проклятым любопытством, жаждущее протянув мою руку за божественными мистериями, потому что ты заставил меня осознать тогда, что я ничего о них не знаю. Твое замечание, что мне, возможно, нужно быть ближе к людям, чтобы прийти к высшим мистериям, свалили меня, как дьявольский яд. Вскоре после того я созвал братьев из долины и сказал им, что мне явился посланник Божий – так ты меня обдукавил – и велел мне создать с братьями монастырь.

Когда Брат Филит выдвинул возражение, я опроверг его, ссылаясь на отрывок из Святого Писания, в котором молвится, что негоже человеку быть одному. (85) И так, мы основали монастырь, недалеко от Нила, откуда мы могли видеть проплывающие корабли. Мы вспахивали плодородные земли, и у нас было так много работы, что святые писания канули в забвение. Мы стали сластолюбивыми, и однажды я вновь почувствовал огромную тоску по Александрии. Я сказал себе, веруя, что хотел там навестить епископа. Но сначала я был настолько одурманен жизнью на корабле, а потом шумными толпами на улицах Александрии, что совершенно утратил себя.

Как во сне, я сел на корабль, направляющийся в Италию. Я почувствовал неутолимую жажду увидеть мир. Я пил вино и видел, что женщины красивы. Я купался в наслаждениях, и полностью превратился в животное. Когда я сошел на берег в Неаполе, я увидел там Красного, и понял, что попал в руки зла.»

Красный: «Замолчи, старый дурень, если бы меня там не было, ты бы стал настоящей свиньей. Когда ты увидел меня, ты, наконец, взял себя в руки, проклял пьянки и женщин и вернулся в монастырь. А теперь послушай мою историю, проклятый злой дух: я тоже попал в твою ловушку и поддался твоим языческим хитростям. После того разговора, когда ты зацепил меня своим замечанием о танце, я стал серьезным, настолько серьезным, что ушел в монастырь, молился, постился, обращая себя в веру. В своем безрассудстве я захотел улучшить церковную литургию, и с одобрения епископа ввел танцы.

Я стал настоятелем и поэтому один имел право танцевать пред алтарем, как Давид пред Ковчегом Завета. (86) Но постепенно братья также стали танцевать; даже прихожане, а потом затанцевал весь город.

Это было ужасно. Я уединился и танцевал весь день, пока не упал от усталости, но утром этот дьявольский танец возобновлялся. Я пытался бежать от себя, я бродил и скитался ночами. Днем я изолировался и танцевал один в лесах и пустынных горах. И так понемногу я добрался до Италии. Там, на юге, я больше не чувствовал себя так, как на севере; я мог смешиваться с толпами. Только в Неаполе я отчасти вернулся к себе, и тогда же я встретил этого изнуренного Божьего человека. Его появление придало мне сил. Через него я смог обрести здоровье. Ты слышал, как он воспрянул духом со мной и тоже нашел снова свой путь.»

А: «Должен признать, мне было не так уж и плохо с Красным; это демон мягких нравов»

К: « Я добавлю, что монаха не назовешь фанатиком, хотя у меня развилось глубокое отвращение ко всему христианству после моего опыта в монастыре.»

Я: «Дорогие друзья, я рад, что вам хорошо вместе.»

Оба: «А мы не довольны, насмешник и искунитель, уйди, разбойник, язычник!»

Я: «Но вы же путешествуете вместе, разве вам не нравится ваша компания и дружба?»

А: « Что поделать? И черт бывает нужным, иначе больше нечем вызвать уважение к людям.»

К: «Ну, мне нужно приходить к соглашениям с духовенством. Иначе я потеряю клиентуру.»

Я: «Тогда вас свела жизненная необходимость! Поэтому давайте помиримся и будем дружить»

Оба: «Но мы никогда не сможем быть друзьями»

Я: «О, я вижу, виновата система. Может, вы сначала хотите умереть? А теперь, древние духи, пропустите меня!»

[2] [НІ 33] Когда я увидел смерть и то ужасное торжество, что собралось вокруг нее, я сам стал льдом и ночью, во мне встали яростная жизнь и порыв. Жажда по стремительному потоку глубочайших знаний (87) стала биться звоном винных бокалов; издалека я начал слышать пьяный хохот, смеющихся женщин и уличный шум. Танцевальная музыка, приветствована и награждена одобрительными возгласами, струилась отовсюду; и вместо южного ветра с запахом роз на меня лилось зловоние человека-животного. Сладострастные блудницы хихикали и шелестели у стен, запах вина, кухонные пары и глупое гоготание человеческих толп сжались в облако. Ко мне протянулись горячие, нежные руки, и уложили в постель больного. Я был рожден в жизнь снизу и вырос, как герой, скорей за час, чем за года. И после того, как я вырос, я оказался в средних землях; была весна.

[НІ 34] Но я больше не был прежним человеком из-за того, что проросло сквозь меня. Это было смеющееся лесное существо, дух зеленой листвы, лесной гоблин и

проказник, что жил один в лесу и сам был зеленеющим деревом, что любит только зелень и произрастание, что одинаково расположен к людям и нерасположен, в настроении и радости, подчиняющийся невидимому закону и зеленеющий и увядающий вместе с деревьями, ни красивый и не безобразный, ни хороший и не плохой, просто живущий, изначально старый и совершенно молодой, обнаженный и от рождения одет, не человек, а природа, напуганная, смешная, могущественная, юная, слабая, обманчивая и обманута, очень переменчива и поверхностна и все же тянущаяся вглубь, к сердцевине мира.

Я впитал жизнь обоих своих друзей; зеленое дерево выросло на руинах храма. Они не устояли перед жизнью, но соблазнились ею и стали валять дурака. Они ступили в грязь, и потому назвали живого дьяволом и отступником. Потому что оба верили в себя и свои добродетели, каждый по-своему окончательно погряз в земле всех пережитых идеалов и был в ней погребен. Наиболее прекрасное, как и наилучшее, заканчивается однажды в самом забавном месте в мире, окруженном маскарадными костюмами, и, ведомое шутами, в ужасе идет в яму грязи.

Богохульство сменяется хохотом, и душа спасается от смерти.

Идеалы согласно своей природе взвешены и желанны; они существуют до данного предела, но не дальше. Поэтому и действенность их сути не опровержима. Тот, кто верит в свои идеалы, собственно, проживает их, или же верит, что может проживать, он страдает от мании величия и ведет себя, как помешанный, выдавая себя за идеал; но герой пал. Идеалы смертны, и нужно быть готовым к их концу: в то же время это может стоить вам жизни. Ведь разве вы не видите, что вы сами наделили значением, ценностью и действенной силой ваш идеал? Если вы пожертвовали собой ради идеала, он раскалывается и играет с вами в карнавал, а потом уходит в Ад в Пепельную Среду. Идеал – это также оружие, что можно отложить в сторону в любое время, факел на неосвященном пути. Но тот, кто носит с факелом среди белого дня, – глупец. Как обрушились мои идеалы, и как свежо зеленеет мое дерево! (88) Когда я позеленел, они стояли там, печальные руины ранних храмов и розовые сады, и я, вздрогнув, осознал их внутреннее сходство. Мне показалось, это был неподобающий союз. Но я понял, что этот союз существует уже давно. В то время, когда я еще утверждал, что мои святилища были кристально чисты, и когда я сравнивал своих друзей с ароматом персидских роз (89), они уже образовывали союз взаимного молчания.

Они казались разбросанными, но втайне они взаимодействовали. Одинокая тишина храма влекла меня подальше от людей к сверхъестественным мистериям, в которых я потерял себя до грани пресыщения. И пока я боролся с Богом, дьявол готовился принять меня и рванул меня на свою сторону. Там я тоже я не нашел никаких границ, кроме пресыщения и отвращения. Я не жил, я был ведом; я был рабом своих идеалов. (90)

И так они стоят там, руины, споря между собой, не в состоянии примириться со своим обыденным несчастьем. Внутри я стал природным существом, но я был также злым духом, напугавшим одинокого странника и избегающим человеческих мест. Но я зеленел и цвел изнутри. Я до сих пор не стал тем человеком, что нес в себе конфликт между стремлением к обществу и стремлением к духу. Я жил не

этими стремлениями, а собой, и был радостным зеленым деревом в далеком весеннем лесу. И так я научился жить без общества и духа; и я был поражен, насколько хорошо мне это удавалось.

Но как насчет людей, как насчет человеческого рода? Вон стоят они, два заброшенных моста, что должны были вести к человечеству: один ведет от верха вниз, люди спускаются по нему - им это нравится. Другой ведет снизу вверх, и человечество со стоном ползет по нему. Им это приносит беспокойства. Мы ведем людей, наших ближних, к радости и беспокойствам. Если я сам не живу, а только взбираюсь, это приносит другим незаслуженное удовольствие. Если я просто веселюсь, другим это приносит незаслуженное беспокойство. Если я только живу, я очень далек от людей. Они больше не видят меня, а когда видят, то изумляются и поражаются. Сам же я, однако, живу, зеленею, цвету, увядаю - стою как дерево всегда на одном месте, и спокойно позволяю человеческим радостям и страданиям проходить мимо. И все же я человек, который не может простить себя из-за раздора человеческого сердца.

А мои идеалы могут быть также моими псами, чей лай и грызня меня не тревожат. По крайней мере, я - хороший и плохой пес для людей. Но я еще не завершил то, что должен, я живу и я по-прежнему человек. Это кажется почти невозможным. Пока вы не осознаете себя, вы можете жить; но если вы осознаете себя, вы падаете из одной могилы в другую. Все ваши (93) перерождения могут окончательно сделать вас (94) больным. Будда, в конце концов, отказался от перерождения, ибо ему надоело ползать через все человеческие и животные формы. (94) После всех возрождений вы все еще остаетесь львом, ползущем по земле, ХАМАИ АЕQN (Хамелеон), раздражителем, склонным к изменению цвета, пресмыкающейся ящерицей, но никак не львом, чья природа родственна солнцу, что черпает свою силу изнутри себя, что не приспособливается к цвету окружающей среды и не защищается, уходя в укрытие. Я в себе узнал хамелеона и больше не хочу ползать по земле, менять цвет и перерождаться; вместо того я хочу жить из своей личной силы, как солнце, что дарит свет и не поглощает его. Это принадлежит земле. Я взываю свою солнечную природу и устремляюсь к своему восходу. Но руины (95) стоят на моем пути. Они говорят: «Относительно людей ты будешь тем или этим.» Моя хамелеонья кожа дрожит. Они обступают меня и хотят, чтоб я сменил окрас. Но этого больше не будет. Ни зло, ни добро не должно быть моим хозяином. Я отгалкиваю их, этих нелепых уцелевших, и продолжаю свой путь, что ведет на Восток. Силы раздора, что так долго стояли между мной и сущностью меня, лежат позади.

Отныне я абсолютно один я больше не могу сказать вам: «Послушайте!» или «вам следует» или «вы могли бы», теперь я разговариваю только с собой. Теперь больше никто не может сделать для меня больше, что бы то ни было. У меня больше нет к вам обязательств, у вас нет обязательств ко мне, ибо я исчезаю, и вы устраняетесь от меня. Я больше не слышу требований и ничего не требую от вас. Я больше не борюсь с вами и не мирюсь, но помещаю между нами молчание.

Вы издалика призываете оттиски, но не можете найти мои следы. Вместе с западным ветром, что приходит из океана, я путешествую сквозь зеленые ландшафты/ сельскую местность, странствую сквозь леса и клоню молодые травы.

Я разговариваю с деревьями и дикой природой леса, и камни мне указывают путь. Когда я хочу пить, а источник не приходит ко мне, я иду к источнику. Когда я чувствую голод и хлеб не приходит ко мне, я сам ищу свой хлеб и беру его там, где нахожу. Я не оказываю помощи и не нуждаюсь в ней. Если вдруг ко мне подступает нужда, я не осматриваюсь в поиске помощи, а принимаю нужду и покоряюсь, и корчусь и борюсь. Я смеюсь, я рыдаю, клянусь, но не оглядываюсь.

На этом пути никто не идет за мной, и я не пересекаю ничей путь. Я один, но я наполняю это одиночество своей жизнью. Я в полной мере человек, я шум, беседа, утешение и помощь для себя. И так я странствую на дальний Восток. Не то чтобы я знал что-либо о том, какой может быть моя далекая цель. Я спешу на Восток к своему восходу - я стану своим восходом.

[Рис. 36] (96)

80 Вместо этого в Рукописном Черновике: «Приключение Шестое» (с. 586). В Исправленном Черновике: «6. Вырожденные идеалы» (с. 247).

81 Мозаичная форма напоминает мозаику в Равенне, которую Юнг посетил в 1913 и 1914, и которая произвела на него неизгладимое впечатление.

82 5 января 1914.

83 «Уйди, Сатана» - привычное выражение в Средневековье.

84 Северяне в греческой мифологии были народом, жившим в стране солнечного света, далеко от северного ветра, и почитающим Аполлона. Ницше неоднократно упоминал о вольных народах, таких как северяне.

Антихрист, §1 (Закат идолов/ Антихристы, пер. Р.Холлингдэйл (Лондон: Пингвин, 1990), с. 127).

85 Ссылка на Бытие 2:18: «И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему.» Здесь еще одна ссылка на Филита в Библии, Второе Послание к Тимофею 2:16-18: «А непотребного пустословия удаляйся, ибо это приведет к большему нечестию. И их слова будут есть, как риза рак, из которых Гименей и Филит, в отношении истины, говоря, что воскресение уже было, и разрушают в некоторых веру.»

86 В Хрониках 1:15 Давид танцует перед Ковчегом Откровения.

87 В исправленном Черновике вместо «самого глубокого знания» - «мудрость» (с.251).

88 В Черновике и Исправленном Черновике: «Я стал жертвой своих святилищ»

89 В Персии лепестки роз перегоняли с паром, чтобы получить розовое масло, из которого делали духи.

99 В 1926 Юнг пишет: «Переход от утра ко второй половине дня – это *переоценка ранних ценностей*. Отсюда необходимость отличать ценность от противоположных прошлых идеалов, узнавать ошибку в прошлой истине и чувствовать, насколько антагонизм и даже ненависть лежат в том, что когда-то нам выдалось любовью» (*Бессознательное в Нормальной и Нездоровой Психической Жизни, CW 7, §115*).

91 В Исправленном Черновике: «зеленое существо» (с.225).

92 В Исправленном Черновике: «мои» (с.257).

93 В Исправленном Черновике: «меня» (с.257).

94 Дальше в Исправленном Черновике: «как хамелеон» (с.258). В Черновике встречается отрывок, который перефразирован так : это наша хамелеонья природа побуждает нас проходить эти трансформации. Пока мы остаемся хамелеонами, мы нуждаемся в ежегодном путешествии в купальни возрождения. Поэтому я с ужасом смотрел на упадок своих идеалов, потому что любил свою природную зелень и не доверял своей хамелеоньей шкуре, что меняла окраску, приспособливаясь к окружающей среде. Хамелеон делает это искусно. Кто-то называет это изменение прогрессом через возрождение. То есть вы переживаете 777 перерождений. Будде не потребовалось много времени, чтоб понять, что даже

возрождения напрасны. (с. 275-76). Некоторые верят, что душа должна пройти через 777 реинкарнаций (Эрнест Вудс, Новая Теософия (Уитон, IL: Теософская Пресса, 1929), с.41),

94 В Черновике вместо этого: «бессмертие моего идеала».

95 Надпись над рисунком: «Этот рисунок был напечатан на Рождество 1915 ». Изображение Издубара сильно напоминает иллюстрацию в *Энциклопедии Греческой и Римской Мифологии* Вильгельма Рошера, экземпляр которой был у Юнга. (Лейпциг: Тойбнер, 1884-1937, том 2, с.775). Издубар – это раннее имя, данное персонажу, ныне известному как Гильгамеш. Это объясняется ошибками в переписывании. В 1906 г. Петер Йенсен отметил: «Было установлено, что главный эпический герой – это Гильгамеш, а не Гистхубар или Издубар, как считалось раньше» (*Эпос о Гильгамеше в Мировой Литературе* (Страсбург: Карл Трибнер, 1906), с. 2). Юнг обсуждал эпос о Гильгамеше в 1912 в *Трансформациях и Символах Либида*, используя правильную форму, и неоднократно цитировал работу Йенсена.

Глава 8 Первый День

Но на третью ночь⁹⁸ одинокая цепь хребтов перегородила мне путь, позволяя мне войти через узкую горловину долины. Путь лежит между двумя высокими каменными склонами. Мои ступни босы и изранены о зазубренные камни. Здесь путь становится скользким. Половина пути белая, другая половина - черная. Я ступаю на черную сторону и в шоке отскакиваю: это горячее железо. Я ступаю на белую сторону: это лед. Но это так и должно быть. Я бросаюсь через нее вперед, и в конечном счете долина расширяется в мощный каменистый бассейн. Узкий путь извивается вверх вдоль вертикальных скал к гребню горы на вершине.

Пока я приближаюсь к вершине, мощный гул отдается эхом от другой стороны горы, как будто добывают руду. Звук постепенно нарастает и громогласно отражается эхом в горе. Когда я достигаю прохода, я вижу огромного человека, приближающегося с другой стороны.

Два бычьих рога поднимаются из его величественной головы, и чеканный набор доспехов покрывает его грудь. Его черная борода взъерошена и украшена изысканными камнями. Гигант несет сверкающий двойной меч в его руке, как те, которые использовались для забоя быков. Перед тем как я успеваю оправиться от своего изумления и испуга, гигант уже стоит передо мной. Я гляжу ему в лицо: оно потускневшее, бледное и глубоко морщинистое. Его миндалевидные глаза глядят на меня удивленно. Меня охватывает ужас: это Издубар, могущественный, человек-бык. Он стоит и смотрит на меня: его лицо говорит о поглощающем его внутреннем страхе, его руки и колени дрожат. Издубар, могущественный бык дрожит? Он испуган? Я взываю к нему:

"О, Издубар, самый могущественный, пощади мою жизнь и прости меня лежащего как червь на твоём пути"

Из.: "Я не хочу твою жизнь. Откуда ты?"

Я: "Я с Запада."

Из.: "Ты с Запада? Ты знаешь Западные земли? Это правильный путь к Западным землям?"⁹⁹

Я: "Я с Западной земли, чей берег омывается великим Западным морем."

Из.: "В это море погружается солнце? Или оно в своем закате касается твердой почвы?"

Я: "Солнце погружается далеко за морем."

Из.: "Далеко за морем? Что там?"

Я: "Там нет ничего кроме пустого пространства. Как вы знаете, земля круглая и более того, она вращается вокруг солнца."

Из.: "Черт возьми, где ты взял такое знание? И что там нет земли бессмертных, где солнце опускается чтобы быть заново рожденным? Ты говоришь правду?"

Его глаза мерцают с неистовством и страхом. Он делает громыхающий шаг ближе. Я дрожу.

Я: "О, Издубар, самый могущественный, прости мою самонадеянность, но я на самом деле говорю правду. Я из той земли, где это доказано, и где живут люди, которые путешествуют по миру на кораблях. Наши ученые измеряли как далеко солнце находится от поверхности земли. Это небесное тело, которое лежит несказанно далеко в бесконечном пространстве."

Из.: "Бесконечном—ты сказал? Это пространство мира бесконечно, и мы никогда не сможем достичь солнца?"

Я: "Самый могущественный, поскольку ты смертен, ты никогда не сможешь достичь солнца."

Я вижу его охваченным удушающим страхом.

Из.: "Я смертен—и я никогда не достигну солнца, и никогда не достигну бессмертия?"

Он делает своим топором могучий лязгающий удар по камню.

Из.: "Исчезни, жалкое оружие. От тебя мало толку. Как можешь ты быть использовано против бесконечности, против вечного ничто и против ненаполняемого? Ничего не осталось для тебя, чтобы покорить. Раздави себя, это того стоит!"

(На Западе солнце садится окутанное пылающими облаками в ярком кровавом цвете.)

"Итак уходи солнце, трижды проклятый Бог и заверни себя в свое бессмертие!"

(Он хватает отколотый кусок топора с земли и швыряет его по направлению к солнцу.)

"Вот тебе твоё жертвоприношение, твоё последнее жертвоприношение!"

Он в отчаянии, всхлипывает, как ребенок. Я стою, трясась, едва осмеливаясь пошевелиться.

Из.: "Несчастный червь, где ты всосал этот яд?"

Я: "О, Издубар, самый могущественный, то, что ты называешь ядом это наука. В нашей стране мы воспитаны на ней с самого детства, и это может быть причина, почему мы не расцвели полностью и остаемся недоразвитыми. Однако когда я вижу тебя, мне кажется, что мы все как-то отравлены."¹⁰⁰

Из.: "Никакое существо никогда не одерживало верх надо мной, никакое чудовище не устояло перед моей силой. Но твой яд, червь, который ты оставил на моем пути искалечил меня до мозга костей. Твой магический яд сильнее, чем армия Тиамат."¹⁰¹ (Он лежит как парализованный, распростершись на земле.) "Вы Боги, помогите, здесь лежит ваш сын, скошенный укусом невидимой змеи в пятах. О, если я бы только мог раскрошить тебя когда увидел и никогда не слышать твоих слов."

Я: "О Издубар, великий, презренный если бы я знал что мое знание так скосит тебя я бы придержал свой язык. Но я хотел сказать правду."

Из.: "Ты называешь яд правдой? Яд это правда? Или правда это яд? Не говорят ли наши астрологи и священники тоже правду? И в тоже время это не действует как яд."

Я: "О Издубар, опускается ночь, здесь будет холодно. Должен ли я позвать на помощь людей?"

Из.: "Будь как есть, вместо этого ответь мне."

Я: "Но мы не можем философствовать здесь. Твое плохое состояние требует помощи."

Из.: "Я говорю тебе, пусть будет как есть. Если я должен погибнуть этой ночью, пусть так и будет. Только ответь мне."

Я: "Я боюсь, мои слова слабы, если вообще могут вылечить."

Из.: "Они не могут принести еще что-нибудь более смертельного. Беда уже случилась. Итак, скажи мне что знаешь. Возможно, у тебя даже есть магические слова, которые нейтрализуют яд."

Я: "Мои слова, о самый могущественный, жалки и не имеют магической силы."

Из.: "Не имеет значения, говори!"

Я: "Я не сомневаюсь, что твои священники говорят правду. Это определенно правда, только она противоположна нашей."

Из.: "Разве есть два типа правды?"

Я: "Мне кажется, да. Наша правда происходит от знания внешних вещей. Правда твоих священников идет от знания внутренних вещей."

Из. (полусидя): "Это целительное слово."

Я: "Я счастлив, что мои слабые слова помогли тебе. О, если бы я только знал много больше слов которые помогли бы тебе. Стало холодно и темно. Я сделаю огонь, чтобы согреть нас."

Из.: "Делай, это может помочь." (Я собрал дров и зажег большой огонь.)
"Священный огонь согревает меня. Теперь скажи мне, как ты сделал огонь так быстро и таинственно?"

Я: "Все, что мне нужно это спички. Посмотри это такие маленькие деревянные палочки со специальным веществом на кончике. Если потрешь их о коробок, то появится огонь."

Из.: "Это удивительно, где ты научился этому искусству?"

Я: "У любого есть спички откуда я. Но это самое малое. Мы также можем летать с помощью полезных машин."

Из.: "Вы можете летать как птицы? Если бы в твоих словах не было бы такой магической силы, Я бы сказал что ты лжешь."

Я: "Я точно не лгу. Посмотри у меня также есть часы, например, которые показывают точное время дня."

Из.: "Это удивительно. Ясно что ты из странной и изумительной земли. Ты точно из священных Западных земель. Ты бессмертен?"

Я: "Я—бессмертен? Нет ничего более смертного, чем мы."

Из.: "Что? Ты не бессмертен и в тоже время понимаешь такие искусства?"

Я: "К сожалению, наша наука еще не преуспела в том, чтобы найти средство против смерти."

Из.: "Кто тогда обучил тебя таким искусствам?"

Я: "В течении столетий люди сделали много открытий, через точное наблюдение и науки о внешних вещах."

Из.: "Но эта наука – такая ужасная магия, которая сразила меня. Как так может быть, что ты еще жив, даже если пьешь этот яд каждый день?"

Я: "Мы выросли привыкшими к этому со временем, потому что человек привыкает ко всему. Но мы все несколько увечны. С другой стороны, эта наука имеет великие преимущества, как ты видел. То, что мы потеряли в терминах силы, мы заново открыли много раз через овладение силами природы."

Из.: "Не жалко ли это быть таким раненым? Насчет меня я вытягиваю свою силу через силу природы. Я оставляю тайную силу трусливым волшебникам и женоподобным магам. Если я размозжу чей-то череп, это остановит его ужасную магию."

Я: "Но не понял ли ты, как сильно прикосновение нашей магии подействовало на тебя? Ужасно, я думаю."

Из.: "К сожалению, ты прав."

Я: "Теперь ты возможно видишь, что у нас нет выбора. Мы обязаны проглатывать яд науки. В другом случае мы повторили бы твою судьбу: мы были бы полностью искалечены, если бы мы встретили это неподготовленными и ничего не подозревающими. Этот яд так неодолимо силен, что каждый, даже самый сильный, и даже вечные Боги, гибнет из-за него. Если наша жизнь дорога нам, мы скорее предпочитаем пожертвовать частью жизни, чем предать себя неминуемой смерти."

Из.: «Все же я больше не думаю что ты из священных Западных земель. Твоя страна наверняка заброшена, полна паралича и отречения. Я томлюсь по Востоку, где течет чистый источник нашей жизни, дающий мудрость."

Мы сидим молча у мерцающего огня. Ночь холодна. Издубар стонет и смотрит вверх на звездное небо.

Из.: "Самый ужасный день моей жизни—нескончаемый—такой длинный. Презренное магическое искусство—наши священники ничего не знают, иначе они защитили бы меня от этого—даже Боги умирают, он говорит. У вас больше нет Богов?"

Я: "Нет, слова – вот все, что мы имеем."

Из.: "Но сильны ли эти слова?"

Я: "Говорят что так, но никто не замечает этого."

Из.: "Мы также не видим Богов и все же мы верим, что они существуют. Мы узнаем их проявления в событиях в природе."

Я: "Наука забрала у нас способность верить."¹⁰²

Из.: "Что? Вы это тоже потеряли? Как же вы после этого живете?" Я: "Мы живем так, одной ногой в холоде и другой в жаре, а что до остального, будь что будет!"

Из.: "Ты темнишь."

Я: "Так это тоже с нами, эта темнота."

Из.: "Можешь ли ты выносить все это?"

Я: "Не совсем хорошо. Лично мне нелегко с этим. По этой причине я отправился на Восток, на землю восходящего солнца, чтобы искать свет, которого нам не хватает. Где же тогда солнце встает?"

Из.: "Земля, как ты сказал, полностью круглая. Таким образом, солнце нигде не встает."

Я: "Я имею в виду, есть ли у вас свет, какого нам не хватает?"

Из.: "Посмотри на меня: я расцвел в свете Западного мира. Из этого ты можешь заключить, насколько он плодотворен. Но если ты из настолько темной земли, тогда остерегайся такого всепоглощающего света. Ты можешь ослепнуть также как мы все некоторым образом слепы."

Я: "Если твой свет также фантастичен, как и ты, тогда я буду осторожен."

Из.: "Хорошо."

Я: "Я жажду твоей правды."

Из.: "Так как я стремлюсь к Западным землям. Я предупреждаю тебя."

Опускается тишина. Уже поздняя ночь. Мы засыпаем у огня.

Я странствовал к Югу и нашел непереносимый жар одиночества. Я странствовал к Северу и нашел холодную смерть, от которой весь мир умирает. Я вернулся к моей Западной земле, где люди богаты знаниями и делами и начал страдать от пустой темноты солнца. И я откинул все от себя и странствовал к Востоку, где свет встает каждый день. Я пошел к Востоку как ребенок. Я не спрашивал, Я просто ждал.

Радостные цветущие луга и красивые весенние леса окаймляли мой путь. Но в третью ночь пришла тяжесть. Она стояла передо мной как цепь откосов полных скорбного опустошения, и все старалось удержать меня от следования моему жизненному пути. Но я нашел вход и узкий путь. Мука была велика, так как она была за то, что я оттолкнул два рассеянных и распущенных от себя. Не подозревая, я впитываю, то что отталкиваю. То, что я принимаю, входит в часть моей души, которой я не знаю; Я принимаю то, что я делаю с собой, но я отвергаю то, что сделано со мной.

Итак, путь моей жизни привел меня к отвергнутым противоположностям, объединенным в, чрезвычайно болезненных сторонах пути, который лежал передо мной. Я пошел по ним, но они обожгли и заморозили мои ступни. И таким образом я достиг другой стороны. Но яд змеи, чью голову ты раздавил, входит через рану в твоей пятке; и таким образом змея становится более опасной, чем она была прежде. Это находится в моей душе, несмотря на то, что я это отрицаю. Я думал, что в душе этого нет, и таким образом я полагал, что я могу уничтожить это. Но это находится во мне и только приняло мимолетную внешнюю форму и шагнуло ко мне. Я разрушил эту форму и верил, что я покорил это. Но я все еще не поборол себя.

Внешняя противоположность это образ внутренней противоположности. Как только я понял это, я остаюсь молчаливым и думаю о пропасти антагонизма в моей душе. Внешние противоположности легко преодолеть. Они в самом деле существуют, но тем не менее ты можешь быть объединенным с самим собой. Они в самом деле обжигают и замораживают твои ступни, но только твои ступни. Это больно, но ты продолжаешь и смотришь вперед к далеким целям.

Пока я поднимался к высшей точке и надеялся на Восток, случилось чудо: пока я двигался на Восток, некто с Востока поспешил навстречу мне и устремился навстречу погружающемуся свету. Я хотел света, он хотел ночи. Я хотел подняться, он хотел погрузиться. Я был мал как ребенок, в то время как он был огромен как природный мощный герой. Знание искалечило меня, в то время как он был ослеплен полнотой света. И таким образом мы поспешили навстречу друг другу; он, из света; я, из темноты; он, сильный; я, слабый; он, Бог; я, змей; он, древний; я, очень новый; он, незнающий; я, знающий; он, фантастический; я, трезвый; он, смелый, могущественный; я, трусливый,

хитрый. Но мы были удивлены, когда увидели друг друга на границе между утром и вечером.

Я был ребенком и рос, как зеленеющее деревце, и позволял ветру и далеким крикам, и беспокойству противоположностей дуть спокойно через мои ветви; я был мальчиком, притворяющимся падшим героем, я был молод, отталкивая их сжимающие тиски в стороны, и таким образом я не ожидал Могущественного, Слепого, и Бессмертного, который бродил на закате, томимый желанием, кто хотел проникнуть на дно океана так чтобы он мог опуститься в источник жизни. Тот, который спешит навстречу восходу - маленький, этот, который приближается к закату - велик. И, так как я был мал, я просто пришел из глубин своего погружения. Я был там, где он стремился быть. Он, кто погружается, велик, и ему будет легко сокрушить меня. Бог, который выглядит как солнце не трогает червей. Но черви нацеливаются на пяту Могущественного и подготавливают его для спуска, который ему нужен. Его сила велика и слепа. Он изумителен и пугающ. Но змея находит свое место для укуса. Немного яда - и великий падает. Слова того, кто поднимается, не имеют смысла и горьки. Это не сладкий яд, но тот, который смертелен для всех Богов.

Увы, он мой самый дорогой, самый прекрасный друг, тот, кто стремится напролом, преследуя солнце, желая жениться на себе самом, как это делает солнце. Как также близки, в самом деле, и полностью одно и то же – змей и Бог! Слово, которое было нашим носителем, стало смертельным оружием змея, который тайно пронзает им нас.

Внешние противоположности больше не стоят на моем пути, но моя собственная противоположность приближается ко мне, и растет громадой позади меня, и мы заслоняем путь друг другу. Слово змеи определенно побеждает опасность, но мой путь остается прегражденным, так как я обязан был упасть из паралича в слепоту, также как и Могущественный упал в паралич, чтобы избежать собственной слепоты. Я не могу достичь слепящей силы солнца, также как он, Могущественной, всеплодоносной матки темноты. Я, кажется, отрицаю силу, в то время как ему отказали в перерождении, но я избегаю слепоты которая приходит с силой и он избегает ничто которое приходит со смертью. Моя надежда на полноту света разбивается, также как разбивается его томление по бескрайней покоренной жизни. Я срубил самого сильного, и Бог карабкается вниз к смертности.

Могущественный упал, он лежит на земле .¹⁰³

Сила должна стихнуть ради жизни.

Окружность внешней жизни должна быть сделана меньше.

Гораздо больше тайны, одинокие огни, огонь, пещеры, темные широкие леса, редкие человеческие поселения, тихо текущие потоки, тихая вода и летние ночи, маленькие корабли и повозки, и обереги в жилищах редких и ценных. Издалека странники идут по одиноким дорогам, смотря по сторонам.

Шум дней мира становится тихим, и греющий огонь сверкает внутри.

Сидя у огня, тени прежде ушедших мягко стенают и рассказывают о прошлом.

Придите к одинокому огню, вы слепые и покалеченные и услышите два типа правды: слепые будут покалечены и покалеченные ослепнут и все же общий огонь согревает обоих в долгой ночи.

Древний тайный огонь горит между нами, давая редкий свет и обильное тепло.

Первобытный огонь, который покоряет любую нужду, должен гореть снова, так как темнота мира широка и холодна, и нужда велика.

Хорошо защищенный огонь сводит вместе тех, кто издалека и тех, кому холодно, тех, кто друг друга не видел, и не может достичь друг друга и он побеждает страдание и разрушает нужду.

Слова, произнесенные у огня двусмысленны и глубоки, и показывают жизнь правильным образом.

Слепой должен быть покалечен, так что он не зайдет в бездну, и покалеченный должен ослепнуть, так что он не взглянет на вещи выше его досягаемости с томлением и презрением.

Оба могут осознать их глубокую беспомощность, так что они будут уважать святой огонь снова, также как тени сидящие у очага и слова, которые окружают пламя.

Древние называли спасительные слова Логос, выражение святого разума.¹⁰⁴ Так много неразумности было в человеке, что он нуждался в сохранении разума. Если кто-то ждет достаточно долго, он видит, как Боги в конце все изменяют в змей и подземных драконов. Это также судьба Логоса: в конце он отравляют нас всех. Со временем мы все отравлены, но, не зная, мы храним того, Могущественного, и вечный скиталец в нас не тронут ядом. Мы распространяем яд и паралич вокруг нас, желая обучать весь мир вокруг нас разуму.

У некоторых есть разум в размышлении, у других в чувствах. Оба - служители Логоса, и оба втайне становятся поклонниками змея.¹⁰⁵

Ты можешь поработить себя, заковать себя в кандалы, стегать себя до крови каждый день: ты раздробил себя, но не подавил себя. Именно этим ты помог Могущественному усилить твой паралич, и способствовал его слепоте. Он бы хотел увидеть это в других и наложить это на них, и принудить Логос служить тебе и другим, жадно и тиранично со слепой настойчивостью и свободным упрямством. Дай ему почувствовать вкус Логоса. Он испуган и он уже дрожит, так как он подозревает, что он устарел, и эта маленькая капелька яда Логоса парализует его. Но поскольку он твой прекрасный, самый любимый брат, ты будешь действовать рабски по отношению к нему и ты бы хотел пощадить его, хотя ты никого не щадил из своих братьев. Ты не пощадил сильных средств, чтобы поразить своих братьев отравленной стрелой. Парализованная игра есть недостойная добыча. Могущественный охотник, повергающий быка на землю голыми руками, разрывающий льва на куски, поражающий армию Тиамат, стоит ли твой лук цели.¹⁰⁶

Если ты живешь как он, который есть ты, он стремительно примчится к тебе, и ты вряд ли пропустишь его. Он положит насильственные руки на тебя и принудит тебя к рабству если ты не будешь помнить о твоём ужасном оружии, которое ты всегда использовал к его услугам против себя. Ты будешь хитер, ужасен и холоден, если заставишь прекрасного и самого любимого пасть. Но ты не должен убивать его, даже если он страдает и его скручивает в непереносимой агонии. Привяжи святого Себастьяна к дереву и медленно и рационально пускай стрелы в его судорожно подергивающуюся плоть.¹⁰⁷ Когда ты сделаешь так, напomini себе что каждая стрела которая попадает в него, щадит одного из твоих недоразвитых и увечных братьев. Поэтому выпусти много стрел. Но есть непонимание, которое неискоренимо и случается слишком часто: Люди всегда хотят разрушить прекрасное и наиболее любимое снаружи себя, но никогда внутри себя.

Он, прекрасный и любимый, пришел ко мне с Востока, как раз из того места которое я искал. Восхищенно я глядел на его силу и великолепие и я понял, что он стремился точно к тому, что я покинул, а именно мою темную человеческую толкующую толпу униженности. Я распознал слепоту и незнание его стремления, которое работало против моего желания, и я открыл его глаза и покалечил его мощные члены ядовитым укусом. И он лежал плача как ребенок, каким он был, ребенком, а доисторический выросший ребенок которому нужен был человеческий Логос. Итак, он лежал передо мной, беспомощный, мой слепой Бог, который стал полуслепым и парализованным. И сострадание захватило меня, так как это было ясно мне, что я не должен дать умереть ему, который встретил меня на своем подъеме, из места, где ему могло быть хорошо, но которого я не мог достичь. Я владел тем, кого я искал. Восток не мог мне дать ничего кроме него, больного и падшего.

Тебе необходимо пройти только половину пути, он пройдет другую половину. Если ты пойдешь дальше его, ты ослепнешь, если он пойдет дальше тебя, его разобьет паралич. Таким образом, и так как это есть способ Богов, чтобы пойти дальше смертных, они становятся парализованным и беспомощными как дети. Божественность и человечность должны остаться, если человек должен остаться перед Богом и Бог должен остаться перед человеком. Высоко горящее пламя – это середина пути, чей светящийся путь идет между человеческим и божественным.

Божественная доисторическая сила слепа, так как ее лицо стало человеческим. Человечное это лицо божества. Если Бог приближается к тебе, то проси чтобы сохранили твою жизнь, так как Бог это любящий ужас. Древние сказали: это ужасно упасть в руки живого Господа.¹⁰⁸ Они говорили так, потому что они знали, так как они были все еще ближе к древним лесам, и они стали зелеными как деревья детства, и взошли далеко к Востоку.

Следовательно, они упали в руки живого Бога. Они научились коленапреклоняться и лежать лицом вниз, прося сострадания, и они научились жить в рабском страхе и быть благодарными. Но тот, кто видел его, ужасный и прекрасный, с черными бархатными глазами и длинными ресницами, глаза которого не смотрели, но пристально вглядывались, любя и вселяя страх, тот научился кричать и хныкать так, чтобы он мог достичь, по крайней мере, уха Божества. Только твой страшный крик мог остановить Бога. И потом ты увидишь, что Бог тоже дрожит, так как он стоит лицом к лицу, его наблюдательный взгляд на тебе, и он чувствует неизвестную силу. Бог боится человека.

Если мой Бог покалечен, я должен поддержать его, так как я не могу покинуть любимого. Я чувствую, что он моя судьба, мой брат, кто пребывал и вырос в свете, пока я был в темноте и кормил себя ядом. Хорошо знать такую вещь: если мы окружены ночью, наш брат стоит в полном свете, делая свои великие деяния, разрывая льва и убивая дракона. И он натягивает лук по направлению более далеких целей, пока он не осознает солнце блуждающее высоко в небе и не захочет схватить его. Но когда он обнаружит свою ценную добычу, тогда твоя тяга к свету тоже проснется. Ты сбросишь путы и пойдешь к месту, где поднимается свет. И таким образом вы поспешите навстречу друг другу. Он, веря, что может просто схватить солнце, встретит червя теней. Ты, думая что на Востоке можешь выпить из источника света и схватить рогатого гиганта, перед которым ты падаешь на колени. Его сущность это слепое чрезвычайное томление и буйное желание. Моя сущность видит предел и невозможность талантливости. Он владеет в избытке тем что мне не хватает. Следовательно, я также не дам ему идти, Богу быку, который однажды поранил бедро Якова и которого я сейчас покалечил.¹⁰⁹ Я хотел сделать его силу моей.

Это благоразумно оставить живым жестоко пораженного, так чтобы его сила продолжала поддерживать меня. Мы не теряем ничего кроме божественной силы. Мы говорим, "Да, в самом деле, это так как это должно быть. Это или то должно быть достигнуто." Мы говорим так и стоим так, и смотрим вокруг в смущении, чтобы увидеть случится ли что-либо. И если что-то случается, мы смотрим на это и говорим: "Да, в самом деле, мы понимаем, это есть то или это, или это похоже на то или это." И таким образом мы говорим и стоим и смотрим вокруг чтобы увидеть случится ли где-нибудь что-нибудь. Что-то все время происходит, но мы не случаемся, так как Бог наш болен. Мы видели его мертвого с злобным взглядом Базилика на его лице, и мы поняли что он мертв. Мы должны думать как его вылечить. И все же снова я чувствую это достаточно ясно, что моя жизнь будет разбита пополам, если не смогу я вылечить своего Бога. Так как я остался с ним в долгой холодной ночи. [Image 44] / [Image 4\$]¹¹⁰

98 Январь 8,1914.

99 В египетской мифологии Западные земли (Западный берег нила) были землей мертвых.

100В "Веселой Науке", Ницше оспаривал что мышление происходит через развитие и объединение нескольких импульсов которые имеют эффект ядов: импульсы сомневаться, очернять, ждать, собирать и рассеивать ("Насчет доктрины ядов," tr. Walter Kaufmann [New York: Vintage, 1974] book 3, section 113).

101В вавилонской мифологии, Тиамат, мать Богов, вызвала войну с армией демонов

102Проблема отношения науки к вере было критическим в психологии религии Юнга. См "Психология и религия" (1938), CW11.

103Дальше в черновике: "Это то что я видел во сне" (стр. 295).

104См. Liber Secundus, гл. 4, стр. i68f

105В Психологических типах (1921), Юнг считал думание и чувство рациональными функциями (CW 6, §731).

106Дальше в черновике: "Как Давид, ты можешь лишить его жизни, Голиаф, искусной и дерзкой рогаткой" (р. 299). В Трансформациях и символах Либида (CW V, §383f), Юнг обсуждал миф создания Вавилона в котором Мардук, Бог весны, сражается с Тиамат и ее армией. Мардук убил Тиамат, и из этого он создал мир. Таким образом "могущественный охотник" соответствует Мардуку.

107Св. Себастьян был христианским мучеником преследуемым римлянами который жил в 3 веке. Он часто изображается привязанным к дереву, проткнутый стрелами. Самое старое такое изображение находится в Basilica Sant'Apollinare Nuova в г. Равенна.

108Это относится к библии "Послание к Евреям" 10:31: "Это устрашающая вещь – упасть в руки живого Господа."

109Это относится к борьбе Якова с ангелом, Бытие 32:24-29: "И остался Иаков один. И боролся Некто с ним до появления зари. и, увидев, что не одолевает его, коснулся состава бедра его и повредил состав бедра у Иакова, когда он боролся с Ним. И сказал: отпусти Меня, ибо взошла заря. Иаков сказал: не отпущу Тебя, пока не благословишь меня. И сказал: как имя твое? Он сказал: Иаков. И сказал: отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль, ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь. Спросил и Иаков, говоря: скажи имя Твое. И Он сказал: на что ты спрашиваешь о имени Моем? И благословил его там.."

110Легенда картины: "Arthava-veda 4,1,4." Arthava-veda 4,1,4 это талисман для стимулирования мужской силы: "Я, растение, которое Гандхарва выкопал для Варуна, когда его мужская сила пришла в упадок, тебя, которая вызывает силу, мы выкапываем. / Ушас (Аврора), Сурия (солнце), и этот мой талисман; бык Прагапати (царь созданий) своим здоровым огнем поднимет его! / Эта трава сделает тебя таким наполненным здоровой силой, что ты, даже когда возбуждено твое искусство, не выдохнешь жар как вещь на огонь! / Огонь растений, Огонь растений и сущность быков поднимет его! Делай так, О Индра, повелительница тел, помести здоровую мужскую силу в этого человека! / Я (О трава) мастерю перворожденный живительный сок вод и также растений. Более того ты смастерила брата Сомы, и живую силу антилопного быка! / Теперь, О Агни, теперь, О Савитар, теперь, О богиня Сарасвати, теперь, О Брахманаспати, сделай жестким расас как лук! / Я делаю жестким твои расас как тетиву на луке. Обними ты (женщин) как антилопу отбрыкивает газель с никогда не падающей (силой)! / Сила лошади, мула, козла и барана, более того сила быка даруется ему, О повелительница тел (Индра)!" (Священные Книги Востока 42, р. 31-32) Связь с излечением Издубара, раненого Бога быка.

Глава 9 Второй день.

Сон не принес мне спасительного слова (111). Издубар лежал безмолвно и неподвижно всю ночь, до рассвета(112). Я побродил по горному хребту, размышляя и смотря назад, в мои Западные земли, где так много знания, и где так много возможностей помощи. Я люблю Издубара и не хочу, чтобы он жалко зачах. Но откуда ждать помощи? Никто не будет странствовать по пути холода и жара. А я? Я боюсь возвращаться на тот путь. Восток? Может, там спасение? Но как насчет опасностей, что реют в неизвестном? Я не хочу ослепнуть. Какая польза Издубару от этого? Да я и не смогу нести этого хромого, если ослепну. Да, если бы я был такой сильный, как Издубар. Какой толк здесь от науки?

Ближе к вечеру я подошел к Издубару и сказал: «Издубар, принц мой, послушай! Я не дам тебе умереть. Близится второй вечер. Нам нечего есть и ничего не останется кроме как умереть, если я не найду помощь. С Запада мы не можем ее ждать, но с Востока- возможно . Ты не встречал никого на пути, кого мы могли бы позвать на помощь?»

Издубар: «Брось! Когда смерть придет, тогда и будет.»

Я: «У меня сердце кровью обливается при мысли оставить тебя здесь, не сделав все, чтобы помочь тебе»

Из.: «Какая польза тебе от твоей магической силы? Если бы ты был так силен, как я, ты бы мог понести меня. А твое зелье может лишь убить, но никак не помочь.»

Я: «Если бы мы были в моей стране, нам бы были в помощь фургоны»

Из: «Если бы мы были в моей стране, твоя отравленная стрела не настигла бы меня»

Я: «Скажи, ты не знаешь никого с восточной стороны, кто мог бы помочь?»

Из: « Дорога здесь длинная и пустынная, и когда ты дойдешь до равнин, переправившись через горы, ты встретишь могучее солнце, которое ослепит тебя»

Я: «А что если я буду идти ночью, а днем буду прятаться от солнца?»

Из: « Ночью все змеи и драконы выползают из своих нор, и ты, безоружный, неизбежно станешь их жертвой. Оставь все, как есть. Какой от этого прок? Мои ноги парализовало, они оцепенели. Я предпочитаю не возвращаться домой с такими трофеями.»

Я: «Так мне не стоит всем рисковать?»

Из: « Бесплезно! Лучше не станет, если ты умрешь»

Я: «Дай мне немного подумать, может, спасительная мысль еще придет ко мне».

Я отошел и сел на гребень горы. И во мне развернулась такая речь: Великий Издубар, ты в беспомощном положении – я не меньше (113). Что можно сделать? Не всегда нужно действовать; порою лучше подумать. В душе я уверен, что Издубар не совсем реален в обычном смысле слова, скорее иллюзия/фантазия. Выход можно найти, если посмотреть на ситуацию под другим углом...посмотреть... посмотреть... поразительно, даже здесь мысли отдаются эхом; надо быть, я совсем один. Но вряд ли это надолго. Конечно же он не признает, что он иллюзия, а вместо того будет утверждать, что он совершенно реален, и что ему можно помочь лишь реальным путем: тем не менее, стоит попробовать. И я воззвал к нему:

Я: «Мой принц, Могущественный, послушай: меня посетила мысль, которая может нас спасти. Я думаю, что ты не реален, лишь только иллюзия»

Из: «Это ужасная мысль. Убийственная. Ничтожно покалечил меня, а теперь заявляешь, что я не настоящий?»

Я: «Пожалуй, я недостаточно ясно выразился, я слишком много говорил на языке Запада. Конечно, я не имел в виду, что ты совсем ненастоящий, я лишь хотел сказать, что ты реален настолько, насколько реальна иллюзия. Если бы ты это принял, нам бы это много дало»

Из: «И что бы нам это дало? Ты дьявол-мучитель»

Я: « Несчастный, я не собираюсь мучить тебя. Рука лекаря не стремится истязать, даже если причиняет боль. Неужели ты не можешь признать, что ты иллюзия?»

Из: «Горе мне! В какую магию ты хочешь меня втянуть? Разве это поможет мне, если я приму себя за иллюзию?»

Я: «Ты знаешь, как много значит имя, которое носит человек. Ты также знаешь, что часто больным дают новое имя, чтоб исцелить их, ибо с новым именем они обретают новую сущность».

Из: «Ты прав, наши священники тоже так говорят.»

Я: «Так ты готов принять, что ты иллюзия?»

Из: « Если это поможет, да».

И тогда внутренний голос сказал мне: хоть теперь и признано, что он иллюзия, ситуация остается крайне сложной. Иллюзию нельзя так просто отрицать, так же как и обращаться с ней смиренно. Нужны действия. Во всяком случае, он иллюзия – а значит, намного изменчивей. Думаю, надо поступить так: возьму пока его к себе на спину. Я подошел к Издубару и сказал ему:

«Я нашел выход. Ты стал легким. Легче перышка. Теперь я могу нести тебя». Я обхватываю его руками и поднимаю; он легче воздуха, и мне приходится делать усилия, чтоб не оторваться от земли, поскольку моя ноша поднимает меня в воздух.

Из: «Очень ловкий ход. Куда ты несешь меня?»

Я: «Я собираюсь нести тебя в низины Западных земель. Мои товарищи охотно приютят такую большую иллюзию. Как только мы пересечем горы и доберемся до жилищ радушных людей, я спокойно возьмусь за поиски средства вернуть тебе прежнее состояние.»

С Издубаром на спине, я с большой осторожностью слез по узкой горной тропе, при чем опасность состояла не столько в том, я мог потерять равновесие из-за своей ноши или скатиться вниз по склону, сколько в том, что меня мог унести ветер. Я изо всех сил держался за свою слишком легковесную ношу. Наконец мы спустились в долину, на холодно-жаркий путь боли. Но на сей раз меня подхватил пронсящийся со свистом Восточный ветер и понес через узкие скалы и поля к безлюдным местам, так, что пути боли я не коснулся. Я быстро промчал живописные земли. Впереди я увидел двух людей : Аммония и одного Красного/ Рыжего. Когда бы приблизились к ним, они повернулись и, увидев нас, скрылись в поле с ужасающими криками. Я, должно быть, оказался весьма причудливым зрелищем.

Из: «Кто эти юродивые? Это твои товарищи?»

Я: «Это не люди, это так именуемые реликты прошлого, которых еще можно случайно встретить в Западных землях. Раньше они были очень важными. Сейчас же их используют в основном как пастухов.»

Из: « Какая удивительная страна! Но гляди, там вон город? Отнесешь меня туда?»

Я: «Нет, Боже упаси! Я не хочу, чтоб собралась толпа, как только там засветится живая душа. Разве ты не чувствуешь? Они опасны с тех пор, как стали готовить сильнейшие яды, от которых даже я защищаюсь. Люди там полностью парализованы, окутаны бурым ядовитым туманом и могут передвигаться только искусственным способом. Но нам не стоит беспокоиться. Ночь уже почти наступила, и нас никто не увидит. Более того, никто и не признал бы, что видел меня. Я знаю здесь один отдаленный дом. Там живут мои близкие друзья, они примут нас на ночь».

Мы с Издубаром прилетели к тихому темному саду и уединенному дому. Я спрятал Издубара под навислыми ветвями дерева, подошел к дому и постучал. Я подумал о двери: она слишком мала. Издубар никак не пролезет через нее. Однако – иллюзия не занимает пространства! Как эта чудесная мысль не пришла ко мне раньше? Я возвращаюсь в сад, без малейших усилий сжимаю Издубара до размера яйца и кладу себе в карман. Затем иду в гостеприимный дом, где Издубар сможет вылечиться.

[2] [НІ 48] (114) Так мой Бог был спасен. Его спасло как раз то, что как ни странно можно было считать губительным, а именно провозглашение его плодом воображения. Как часто люди полагали, что это приводило Богов к исчезновению. (115) И, безусловно, это было серьезной ошибкой, так как это наоборот спасало Бога. Он не умирал, а становился живой фантазией, чье воздействие я ощутил на своем теле: моя врожденная тяжесть постепенно растворилась, а холодно-жаркий путь

боли больше не обжигал и не леденил мои ступни. Я был невесом, ветер нес меня легко, как перышко, в то время как я нес великана.(116)

Принято считать, что так Бога можно было убить. Однако Бог был спасен, он выковал новую секиру/топор в огне и снова погрузился в Восточный поток света, чтоб возобновить свой прежний цикл.(117) Мы же, умные люди, ползали вокруг отравленного хромого, и даже не знали, что нам чего-то не достает. Но я любил своего Бога, я взял его в человеческий дом, так как был убежден, что он действительно жив как иллюзия/вымысел/фантазия и не должен быть брошен, раненый и слабый. Поэтому я познал чудо невесомого тела, когда обременил себя Богом.

Св. Христофору, гиганту, трудно было носить свою ношу, хоть это и был Христос-ребенок.(118) А я был мал, как ребенок, и нес великана, тем не менее, моя ноша поднимала меня в воздух. Христос-ребенок стал легкой ношей для великана Кристофера, когда сам сказал: «Сладко мое бремя и легка моя ноша». (119) Мы не должны носить Христа, как словно он был бы непереносимым, но мы сами должны быть Христом, ибо тогда наше бремя сладко и наша ноша легка. Этот видимый и вещественный мир является одной реальностью, но фантазия/иллюзия/воображение – это другая реальность. Пока мы оставляем Бога в стороне как видимого и вещественного, он будет непереносимым и безнадежным. Но если мы превращаем Бога в иллюзию/фантазию, - он внутри нас, и его легко нести. Бог вне нас увеличивает вес всего, что тяжело, тогда как Бог внутри нас все тяжелое делает легким. Потому все Христофоры сгорблены и тяжело дышат - их мир тяжелый.

Многие хотели найти помощь для своего недомогающего Бога, и их проглотили змеи и драконы, что таились на пути в страну солнца. Они погибали от слишком яркого дневного света и становились темными людьми, ибо их глаза были ослеплены. Сейчас же они ходят кругами, как тени, и говорят о свете, хотя мало что видят. А их Бог - во всем том, чего они не видят: Он – в темных Западных землях, и он обостряет глаз зрячих, и он содействует тем, кто варит яд, и он направляет змей к ногам слепых нарушителей/преступников. Поэтому, если вы благоразумны, возьмите Бога с собой, и тогда вы всегда будете знать, где он. Если его не будет с вами в Западных странах, он придет к вам ночью в гремящих доспехах и с сокрушающим боевым топором.(120) Если его с вами не будет в краю рассвета, вы нечаянно наступите на божественного червя, который только и ждет вашего опрометчивого шага.

Вы все получаете от Бога, которого носите, но не его оружие, так как он раздробил его. Он нуждается в оружии, когда завоевывает. Но что еще вы хотите завоевать? Ваши завоевания ограничены землей. А что такое земля? Это то, что вращается и висит, как капля, в космосе. Вы не достигнете солнца, и ваша власть не распространится даже на пустынные земли луны. Также вы не завоюете море, ни снег на полюсах, ни песок в пустыне, лишь несколько участков зеленой земли. Вы не завоюете всего, сколько бы времени у вас не было. Завтра ваша власть превратится в прах, ибо прежде всего вы должны завоевать смерть. Так что не будьте глупыми,

бросьте свое оружие. Бог свое раздробил. Вам достаточно доспехов, чтоб защититься от тех глупцов, которые еще страдают жаждой завоевания. Доспехи Бога сделают вас неуязвимыми и невидимыми для самых злобных глупцов.

Возьмите Бога с собой. Отнесите его вниз, в ваши темные земли; там живут люди, которые каждое утро протирают глаза, и все равно всегда видят одно и то же. Опустите вашего Бога в туман, полный яда, но не так, как те ослепленные, что пытаются осветить тьму при помощи фонарей, он этого не понимает. Вместо того, тайно внесите вашего Бога в радушный дом. Человеческие хижины малы, и они не могут принять Бога, несмотря на их желание и гостеприимность. Следовательно, не ждите, пока огрубевшие неумелые руки людей раскромсают вашего Бога на куски, а обнимите его с любовью, пока он снова не обретет форму своего первого зарождения. Не позволяйте человеческому глазу увидеть так сильно вами любимого, величественного, в состоянии болезни или бессилия. Считайте, что ваши товарищи-люди являются животными, сами того не зная. Пока они ходят на пастбище, лежат на солнце, вскармливают детенышей или спариваются друг с другом, они прекрасные и безобидные создания темной Матери Земли. Но когда появляется Бог, они начинают неистовствовать, ибо близость Бога делает их неистовыми. Они дрожат от страха и приходят в ярость и вдруг начинают затевать братоубийственные битвы, как только один учует приближение Бога в другом. Так что спрячьте Бога, что несете с собой. Пускай они неистовствуют и калечат друг друга. Ваш голос слишком тих, чтобы эти свирепствующие смогли его услышать. Поэтому не говорите о Боге и не показывайте его, а сидите в уединенном месте и пойте на старинный манер заклинания :

Положи яйцо перед собой, Бога в его зарождении.

И созерцай его.

И высиди его магическим теплом своего взгляда.

111 В Рукописном Черновике написано: «Я мало спал; неясные сны больше расстроили меня, чем подсказали выход» (ст.686)

112 9 января 1914 г.

113 В Черновике: «и тогда другой голос заговорил во мне, как эхо» (ст.309)

114 Это относится к сцене в тексте, описывающей, как Юнг уменьшил Издубара до размера яйца, так, что мог тайно внести его в дом, чтоб вылечить его. Юнг сказал Аниеле Яффе по поводу этих отрывков, что некоторые иллюзии ведомы страхом, как в главе про дьявола или в главе про Гильгамеша - Издубара. С одной стороны, искать способ спасти великана казалось бессмысленным, но он чувствовал, что если он этого не сделает, потерпит неудачу. Осознание того, что

он захватил Бога, было платой за забавное решение. Многие из этих фантазий были великолепными комбинациями возвышенного и нелепого. (МР, ст. 147-48).

115 В Черновике: «Как и другие Боги, во многих предыдущих случаях, Бог был провозглашен фантазией, поэтому предполагается, что с ним заключено соглашение» (ст.314)

116 Далее в Черновике: «Мы, люди, явно верили, что воображаемого не существует, и если мы признали что-то фантазией, то оно должно быть тщательно и наверняка уничтожено. (ст. 314). В 1932 Юнг высказывал свое мнение по поводу пренебрежительного отношения современности к фантазии (Развитие личности, CW 17, параграф 302).

117 Это, должно быть, относится к следующей главе.

118 Св.Христофор (из греческого «носящий Христа») - мученик, живший в третьем веке. Согласно легенде он искал отшельника, чтобы тот рассказал ему, как служить Иисусу. Отшельник подсказал ему переносить людей через опасный речной брод, что тот и стал делать. Однажды его попросил перенести через реку мальчик. Христофору он показался тяжелее всех, и тогда мальчик сказал, что он Христос, и что он несет на себе все тяготы мира.

119 Матвей II:30.

120 Т.е. Издубар пришел к Юнгу.

Глава 10 Заклинания

(122)

Наступило Рождество. Бог в яйце.

Я приготовил пелену для моего Бога, дорогую красную пелену из страны утренней зари.

Он воссияет великолепием своей Восточной земли.

Я мать, первая дева, что родила, не ведая о том.

Я заботливый отец, что оберегал деву.

Я пастух, что получил известие, сторожа свое стадо ночью в темном поле. (123)

Я священное животное, стоявшее изумленное в невозможности постичь становление Бога.

Я волхв, пришедший с Востока, издали предполагающий чудо.(124)

И я яйцо, окружающее и питающее семя Бога во мне.

Длится торжественный час.

А мое человечество несчастно и переживает муки.

Поэтому я даю жизнь.

Откуда твоя благодать, о Бог?

Он – извечная пустота и изобилие.(125)

Ничто не похоже на него, и он не похож ни на что.

Извечный мрак и вечное сияние.

Вечный на земле и на небе.

Двойная сущность в одном.

Прост в своей многоликости.

Смысл в нелепости.

Свобода в рабстве.

Покоренный, будучи победителем.

Древний в юности.

Да в нет.

О,

Свет срединного пути,

Заклученный в яйце,

зарождающийся,

полон рвения, томящийся.

Предвкушающий,

Сказочный, берегущий утерянные воспоминания.

Тяжелый, как камень, отвердевший.

Тающий, прозрачный.

Струющийся свет, вокруг себя обернутый.

*** (126 ,127)

Аминь, ты – властелин начала.

Аминь, ты – звезда Востока.

Аминь, ты – цветок, расцветающий над всем.

Аминь, ты - олень, убегающий из леса.

Аминь, ты – песнь, звучащая за океаном.

Аминь, ты - начало и конец.

*** (128)

Слово, никогда не произносимое.

Свет, никогда не проливаемый.

Несравненное смешение.

И дорога без конца.

Я прощаю себе эти слова, как ты прощаешь мне желание твоего блистающего света.

Вставай, ты благодатный огонь давней ночи.

Я целую начало твоего зарождения.

Моя рука готовит пелену и щедро рассыпает цветы перед тобою.

Вставай, мой друг, беспомощно лежащий, пробивайся сквозь скорлупу.

Мы приготовили тебе еду.

Приготовили подарки.

Тебя ждут танцоры.

Мы построили тебе дом.

Стоят, готовы слуги твои.

Мы также пригнали для тебя стада на зеленые поля.

Мы наполнили твою чашу красным вином.

Мы разложили ароматные плоды на золотых блюдах.

Мы стучим в твою темницу и прислушиваемся.

Длится час, не мешкай.

Мы убоги без тебя и песнь наша изношена.

*** (129)

Мы несчастны без тебя и изнуряем себя молитвой.

Мы произнесли все слова, данные нам сердцем.

Чего ты еще хочешь?

Что нам еще для тебя сделать?

Мы открываем тебе все двери.

Мы преклоняем наши колени, где угодно тебе.

Мы пойдем в любую сторону света, куда пожелаешь.

Мы возведем то, что внизу, и обернем то, что вверху, как прикажешь.

Мы отдадим и отберем, как захочешь.

Мы хотели повернуть направо, но пошли налево, следуя твоему знаку. Мы поднимаемся и падаем, мы качаемся и остаемся неподвижными, мы видим и мы слепы, мы слышим и мы глухи, мы говорим да и нет, неизменно слыша твое слово.

Мы не понимаем и живем в неясности.

Мы не любим и живем нелюбимы.

И мы развиваемся, и постигаем, и живем вразумительные.

Мы любим и живем, любимы, согласно твоему закону.

Приди к нам, мы желаем из нашей собственной воли.

Приди к нам, постигающим тебя из нашего собственного духа.

Приди к нам, согреющим тебя у нашего огня.

Приди к нам, мы исцелим тебя нашим мастерством.

Приди к нам, мы создадим тебя из собственного тела.

Приди, дитя, к отцу и матери.

*** (130)/

Мы просили у земли.

Мы просили у Неба.

Мы просили у моря.

Мы просили у ветра.

Мы просили у огня.

Мы искали тебя у всех народов.

Мы искали тебя у всех королей.

Мы искали тебя у всех мудрецов.

Мы искали тебя в наших собственных головах и сердцах.

И мы нашли тебя в яйце.

Я принес тебе ценную человеческую жертву, молодого и старика.

Я порезал свою кожу ножом.

Я оросил твой алтарь своей кровью.

Я изгнал отца и мать, чтобы ты мог жить со мной.

Я превратил свой день в ночь и расхаживал в полдень, как лунатик.

Я свергнул всех Богов, нарушил законы, съел нечистое.

Я бросил свой меч и облачился в женские одежды.

Я разрушил мой крепкий замок и играл, как ребенок, в песке.

Я увидел очертания воинов на линии фронта и разбил свои латы молотом.

Я засадил свое поле и оставил гнить плоды.

Я сделал малым все, что было великим, и великим все, что было малым.

Я променял свою самую дальнюю цель на самую близкую, и поэтому я готов.

*** (131)

Несмотря на это, я не готов, так как до сих пор не примирился с тем, что душист мое сердце. Эта страшная вещь – заключение Бога в яйце. Я счастлив, что великое стремление имело успех, но мой страх заставил меня забыть о связанных с ним рисках. Я люблю и восхищаюсь великим. Нет могущественнее его, с бычьими рогами, тем не менее, я смог его покалечить, перенести и без труда уменьшить. Я чуть не плюхнулся на землю от страха, когда увидел его, а теперь спасаю его руками, сложенными в пригоршню. Вот те силы, которые пугали и завоевывали вас;

это ваши Боги и ваши правители с незапамятных времен; тем не менее, вы можете положить их себе в карман. Что такое богохульство по сравнению с этим? Мне бы хотелось побогохульствовать против Бога: так у меня, по крайней мере, был бы Бог, которого я мог бы оскорбить, но яйцо, которое кто-то носит в кармане, не стоит богохульства. Это Бог, против которого даже невозможно богохульствовать.

Я ненавижу в Боге эту ничтожность. Достаточно моей собственной недостойности. Она не может перенести еще и отягощение ничтожностью Бога. Ничто не стоит прочно: вы прикасаетесь к себе и превращаетесь в прах. Прикасаетесь к Богу, и он, перепуганный, прячется в яйцо. Вы берете приступом врата Ада: к вам приближается звук хохочущих масок и музыка безумных. Вы штурмуете Небеса: сценические декорации трясутся, и суфлер в будке падает в обморок. Вы отмечаете: вы не настоящий, сверху все ненастоящее, внизу все ненастоящее, справа и слева – одно разочарование. За что бы вы ни ухватились – воздух, воздух, воздух.

Но я поймал его, с древних времен боящегося; я уменьшил его и взял в свои руки. Вот она - гибель Богов: человек кладет их в карман. Это - конец истории Богов. Ничто не остается от Богов, кроме яйца. И я обладаю этим яйцом. Возможно, я могу уничтожить этого последнего, а вместе с тем – искоренить всю расу Богов. Что они для меня теперь, когда я знаю, что они уступили моей власти? Древние и перезрелые, они пали и были погребены в яйце.

Но как это произошло? Я повалил Великого, я горевал по нему, не хотел бросать, так как любил его, ведь ни одно смертное существо не могло с ним сравниться. Из-за своей любви я придумал уловку, что освободила его от веса и пространственных границ. Я забрал у него – из любви – форму и вещественность. Я, любя, заключил его в яйцо. Так мне убить его, беззащитного, которого я любил? Разбить хрупкую скорлупу его могилы и предоставить невесомости и безмерности крыльев мира? Но разве я не пел песни заклинаний для его рождения? Разве я делал это не из любви к нему? Почему я люблю его? Я не хочу вырывать любовь к Великому из своего сердца. Я хочу любить своего Бога, беззащитного и безнадежного. Я хочу заботиться о нем, как о ребенке.

Разве мы не сыны Бога? Тогда почему Боги не могут быть нашими детьми? Если мой отец Бог умрет, Бог сын восстанет из моего материнского сердца. Потому что я люблю Бога и не хочу бросать его. Только тот, кто любит Бога, может заставить его пасть, и тогда Бог подчиняется своему победителю и ютится в его ладони, и умирает в сердце того, кто любит его и обещает ему рождение.

Мой Бог, я люблю тебя, как мать любит нерожденного, которого носит в своем сердце. Расти в яйце Востока, питайся моей любовью, пей соки моей жизни, чтобы стать лучезарным Богом. Нам нужен твой свет, Дитя. Мы идем во мраке, освети наши тропы. Пусть твой свет сияет над нами, пусть твой огонь согревает холод нашей жизни. Нам нужна не твоя власть, а жизнь твоя.

Зачем нам власть? Мы не хотим управлять. Мы хотим жить, мы хотим света и тепла, поэтому нам нужен твой. Как покрытая зеленью земля и любое живое тело нуждается в солнце, мы как духи нуждаемся в твоём свете и тепле. Дух без солнца становится паразитом тела. Но Бог питает дух.

121 В каллиграфической книге эта глава отсутствует, здесь она дается следуя варианту Черновика.

121 Рисунки 50-64 символически изображают возрождение Издубара.

122 Лука 2:8 – II: «В той стране были на поле пастухи, которые содержали ночную стражу у стада своего. Вдруг предстал им Ангел Господний, и слава Господня осияла их; и убоялись они. И сказал им Ангел: не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям, ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь»

124 Матфей 2:1-2: «Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока и говорят: где родившийся Царь Иудейский? Ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему.»

125 Атрибуты Бога в этом отрезке разработаны так, как атрибуты Абрахаса во втором и третьем поучении Исследований. См. ниже, ст.349.

126 В «Сновидениях» 3 января 1917 Юнг отметил: «Стимул к рисунку III змеи в *Libet Novus*» (ст. 1). Это примечание, похоже, отсылает к этому рисунку.

127 Надпись над рисунком: «брахманаспати». Джулиус Эгглинг отмечает, что «Брихаспати или Брахманаспати, повелитель богослужения и поклонения, занимает место Агни, как представитель духовного сана... В Ригведе X, 68,9... Говорят, что Брихаспати создал (*avindat*) рассвет, небо и огонь (*agni*) и рассеял мрак своим светом (*ark*, солнце). Очень похоже на то, что он представляет элемент света и огня в целом» (Священные Книги Востока 12, ст. XVI). См. Также примечание к рис. 45.

128 Солнечная ладья – частый мотив в Древнем Египте. Ладья олицетворяла движение Солнца. В египетской мифологии Бог Солнца боролся с чудовищем Апопом, который пытался проглотить солнечную ладью, когда та каждый день переплывала небо. В Трансформациях и Символах Либида (1912) Юнг обсуждает египетский «солнечный диск жизни» (CW V, § 153) и мотив морского чудовища (§ 549f). В своем пересмотре текста в 1952 г. он отмечает, что борьба с морским чудовищем символизирует попытку эго-сознания освободиться от тисков бессознательного (Символы и Трансформации, CW 5. §539). Солнечную ладью находим на некоторых иллюстрациях в Египетской Книге Мертвых (изд. Э.А.Уоллис Бадж [Лондон; Аркана, 1899/1985]), т.е. сцены на ст. 390, 400 и 404). Гребец – это сокологлавый Гор. Ночное путешествие Бога солнца через подземный мир описано в Амдуат, которое считается символическим процессом трансформации. См. Теодор Абт и Эрик Хорнунг, Знания для Загробной Жизни. Египетская Амдуат – В Поисках Бессмертия (Цюрих: Издательство Живое Человеческое Наследие, 2003)

129 В «Сновидениях» Юнг писал: «17 января 1917. Сегодня ночью: огромная страшная лавина обрушивается с гор, как кошмарная туча; она заполнит долину, на противоположном краю которой стою я. Я знаю, что чтоб избежать ужасной катастрофы, мне нужно бежать на гору. В Черной Книге этот сон объяснен странными терминами, в статье, стоящей под тем же числом. 17 января 1917 я сделал рисунок красными точками на странице 58 Новой Книги. 18 января 1917 я прочитал об образовании огромных пятен на солнце» (ст.2). Следующее является парафразом статьи в Черной Книге 6 за 17 января 1917: Юнг спрашивает, что это, что наполняет его ужасом и страхом, что обрушивается с высокой горы. Его душа говорит помогать Богам и приносить им жертвы. Она говорит, что червь ползет на Небо, он начинает покрывать собой звезды, а своим огненным языком заглывает купол семи лазурных небес. Она говорит, что его тоже съедят, и что ему нужно заползти в камень и подождать в тесной оболочке, пока огненная буря пройдет. Снег падает с гор, потому что огненное дыхание падает с облаков. Бог идет, Юнгу нужно подготовиться к встрече с ним. Юнгу нужно спрятаться в камне, ведь Бог – это ужасный огонь. Он должен сидеть тихо и смотреть оттуда, чтобы огонь Бога не поглотил его (ст. 152f).

130 Надпись над рисунком: «хираньягарбха». В Ригведе хираньягарбха был первичным зерном, из которого родился Брахма. В Юнговской копии 32-го тома Священных Книг Востока (Ведические Гимны) вырезан только один параграф, гимн «Незнакомому Богу». Он начинается словами «В начале появился Золотой Ребенок (Хираньягарбха); и коль скоро родился, он был единственным властителем всего. Он создал эту землю и это небо: - Кто этот Бог, которому мы должны справлять жертвоприношения?» (ст.1). В Юнговской копии Упанишад в Священных Книгах Востока, на странице 311 вложен листик из Мантраяна – Брахмана – Упанишад, отрывок, описывающий Эго, начинающийся словами: «И само Эго тоже зовется Хираньягарбха» (том 15.2).

131 Лик чудовища сходен с НI 29.

Глава 11 Открытие Яйца⁸³

84

Вечером третьего дня я преклоняю колени на ковер и осторожно открываю яйцо. Нечто, напоминающее дым, поднимается из него, и неожиданно Издубар стоит передо мной, громадный, преображенный и цельный. Его конечности целы, и я не могу найти и следа повреждений на них. Он будто проснулся после долго сна. Он говорит:

«Где я? Как тесно здесь, как темно, как холодно – я в могиле? Где я был? Мне кажется, что я был вне вселенной – надо мной и подо мной было темное, мерцающее звездами небо – и я был охвачен невыразимым стремлением.

Потоки огня разбивались о мое сияющее тело –
я вздымался над ослепительным пламенем –
я плыл в море, объявшем меня живыми огнями –
Полный света, полный томления, полный вечности –
я был древним и вечно обновляющим себя –

⁸³ В «Черновике» стоит: «Третий День» (стр. 329).

⁸⁴ 10 января 1914 г. В «Черной Книге-3» Юнг писал: «Похоже, что нечто было достигнуто с этим запоминающимся событием. Но невозможно понять, к чему это все может привести. Я едва ли осмелюсь назвать судьбу Издубара гротескной и трагической, ибо такова и есть наша драгоценная жизнь. Первым возвести эту истину в систему попытался Фр. Т. Вишер (A[uch]. E[iner]). Он по праву заслуживает место среди бессмертных. Истина же находится посередине. У нее много обликов; одно определенно комичное, другое грустное, третье – злое, четвертое – трагическое, пятое – веселое, шестое – гримаса и т.д. Если один из этих ликов становится особенно навязчивым, мы понимаем, что отвратились от некой истины и приближаемся к крайности, которая определенно окажется тупиком, последуй мы этим маршрутом. Это убийственная задача – написать мудрость о реальной жизни, особенно если ты посвятил много лет серьезным научным исследованиям. Что поистине трудно, так это уловить игривость жизни (ребячество, так сказать). Каждая из многочисленных сторон жизни, величественная прекрасная, серьезная, черная, дьявольская, добрая, глупая, гротескная – это области применения, каждая из которых стремится полностью поглотить наблюдающего или описывающего. Наше время требует нечто, могущее управлять разумом. Точно также, как материальный мир расширился от ограниченности древнего мировоззрения до неизмеримого многообразия нашего современного мировоззрения, так и мир интеллектуальных возможностей развился до невероятного многообразия. Бесконечно долгие пути, вымощенные тысячами толстых томов, ведут от одной специализации до другой. Скоро никто не сможет пройти по ним. И тогда останутся одни специалисты. Мы как никогда нуждаемся в живой истине жизни разума, в чем-то, способном указать нам устойчивое направление» (стр. 74-77). Работой Вишера была «Auch Einer: Eine Reisebekanntschaft» (Stuttgart, 1884). В 1921 г. Юнг писал: «Роман Вишера, «Auch Einer», представляет собой глубокое проникновение на эту сторону интровертного состояния души, а также в лежащий в ее основе символизм коллективного бессознательного» («Психологические типы», §627). В 1932 г. комментирует Вишера в работе «Психология кундалини-йоги», стр. 54. Об «Auch Einer» см. Ruth Heller, «Auch Einer: the epitome of F. Th. Vischer's Philosophy of Life», «German Life and Letters 8» (1954) pp. 9-18.

Падающим с высот в глубины,

и пронесился, пылающий, с высот в глубины –

вращаясь среди пылающих облаков –

как поток угольев накатывался, как пена прибоя, засасывая

себя в душном жаре –

Объемля и отвергая себя в безграничной игре –

Где был я? Я был исполнен солнца»⁸⁵

Я: «О Издубар! Божественный! Как прекрасно! Ты исцелен!»

«Исцелен? А был ли я болен? Кто говорит о болезни? Я был солнечным, исполненным солнца. Я – солнце»

Невыразимый свет изливается из его тела, свет, который мои глаза не могут выдержать. Я прикрываю лицо и обращаю взор на землю.

Я: «Ты солнце, вечный свет – могущественнейший, прости за то, что разгневал тебя»

Все пребывает в тишине и темноте. Я смотрю вокруг: пустая скорлупа лежит на ковре. Я ощущаю себя, пол, стены: все как обычно, чрезвычайно просто и чрезвычайно реально. Хотел бы я сказать, что все вокруг обратилось в золото. Но это не так – все вокруг, как было всегда. Здесь правил вечный свет, безмерный и неодолимый.⁸⁶

Случилось так, что я открыл яйцо и Бог покинул его. Он был исцелен, и фигура его сияла, преображенная, и я встал на колени, как ребенок, не в силах постичь это чудо. Он, втиснутый в самое сердце начала, восстал, и на нем не было ни следа болезни. И пока я думал, что поймал могущественнейшего и держал его в своих ладонях, он был самим солнцем.

Я брел к Востоку, где встает солнце. Если бы я был солнцем, я бы тоже, наверное, взошел. Я хотел объять солнце и взойти с ним на заре. Но оно подошло ко мне и встало на моем пути. Оно сказала мне, что у меня нет никаких шансов

⁸⁵ Рошер (Roscher) отмечает, что «Как Бог, Издубар соотносится с Богом-Солнцем» («Auiführliches Lexikon der Griechischen und Romischen Mythologie», vol. 2, p. 774). Эта инкубация и возрождение Издубара соответствует классическому образцу солнечных мифов. В «Das Zeitalter des Sonnengottes» Лео Фробениус указывает на широко распространенный мотив женщины, которая беременеет через непорочное зачатие и дает рождение солнечному Богу, который развивается удивительно быстро. В некоторых формах он скрывается в яйце. Фробениус соотносил это с заходом и восходом солнца в море ([Berlin, G. Reimer, 1904], pp. 223-63). Юнг цитировал эту работу в разных местах «Метаморфоз и символов либидо» (1912).

⁸⁶ В «Психологических типах» (1921) Юнг комментирует мотив обновленного Бога: «Обновленный Бог означает обновленный подход, обновленную возможность интенсивной жизни, восстановление жизни, поскольку психологически Бог всегда означает высочайшую ценность, и потому наибольшее количество либидо, наибольшую интенсивность жизни, оптимум активности психологической жизни» (§301).

достигнуть начала. Но я искалечил того, кто хотел обрушить все, чтобы зайти вместе с солнцем в лоно ночи; он лишился всякой надежды достигнуть благословенных Западных земель.

Но вот! Я ухватил солнце, не осознавая этого, и нес в своих руках. Тот, кто хотел опуститься с солнцем, обнаружил меня в своем нисхождении. Я стал его ночной матерью, высидевшей яйцо начала. И он восстал, обновленный, возродился в еще большем сиянии.

Однако с его восхождением я опускаюсь вниз. Когда я завоевал Бога, его сила устремилась в меня. Но когда Бог отдыхал в яйце и ждал своего начала, моя сила перешла к нему. И когда он, лучащийся, вознесся, я пал на мое лицо. Он забрал мою жизнь с собой. Вся моя сила теперь была в нем. Моя душа плавала как рыба в его море огня. Но я лег в пугающую прохладу теней земли и погружался глубже и глубже, до самой нижней тьмы. Весь свет покинул меня. Бог поднялся в Восточных землях, и я пал в ужас подземного мира. Я лежу здесь, как роженица, сокрушенная и изливающая свою жизнь в ребенка, объединяющая жизнь и смерть в угасающем сиянии, мать дня и добыча ночи. Мой Бог разодрал меня, он выпил сок моей жизни, он выпил мои высшие силы, и стал изумительным и сильным, как солнце, безупречный Бог, ни изъяна, ни пятнышка. Он отнял мои крылья, украл вздымающуюся силу моих мускулов, и сила моей воли исчезла вместе с ним. Он оставил меня бессильным и стенающим.

Я не знал, что происходило со мной, поскольку попросту все могучее, прекрасное, блаженное и сверхчеловеческое утекло из моего материнского лона, не осталось никакого сверкающего золота. Жестоко и немислимо солнечная птица раскрыла свои крылья и улетела в бесконечное пространство. Я остался с расколотой скорлупой и злосчастными оболочками его начала; пустота глубин раскрылась подо мной.

Горе матери, родившей Бога! Если она родит израненного, мучимого болью Бога, меч пронзит ее душу. Но если она родит безупречного Бога, Ад раскроется для нее, и из него, содрогаясь, поднимутся отвратительные змеи, чтобы отравить мать ядовитыми испарениями. Роды трудны, но в тысячу раз труднее адский послед.⁸⁷ За божественным сыном следуют все драконы и отвратительные змеи вечной пустоты.

Что остается человеческой природе, когда Бог становится взрослым и захватывает всю власть? Все неспособное, все бессильное, все вечно грубое, все вредное и злосчастное, все вынужденное, убывающее, истребляемое, все абсурдное, все, что таит в себе бесконечная ночь материи, таков послед Бога и его дьявольский и ужасающе искаженный брат.

Бог страдает, когда человек не принимает его тьмы. Следовательно, людям нужен страдающий Бог, пока они страдают от зла. Страдать от зла означает, что ты все еще любишь зло и тем не менее не любишь его больше. Ты все еще надеешься что-то получить, но не хочешь всматриваться, потому что можешь обнаружить, что все еще любишь зло. Бог страдает, потому что ты продолжаешь страдать оттого, что любишь зло. Ты страдаешь от зла не потому что осознаешь его, а потому что оно

⁸⁷ В следующей главе Юнг оказывается в Аду.

дает тебе тайное удовольствие и потому что ты считаешь, что оно обещает удовольствие неведомой возможности.

Пока твой Бог страдает, у тебя взаимопонимание с ним и с самим собой. Так ты хранишь свой Ад и продлеваешь его страдания. Если ты хочешь, чтобы он поправился, не вступая в тайную общность с тобой, зло вставляет палки в колеса – зло, чей облик ты осознаешь, но о чьей адской силе в себе ты не знаешь. Твое незнание происходит от прошлой безвредности твоей жизни, из мирного времяпрепровождения и отсутствия Бога. Но если Бог оказывается рядом, твоя сущность восстает, и черная грязь вздымается с глубин.

Человек стоит между пустотой и полнотой. Если его сила соединяется с полнотой, она становится формирующей. Всегда есть что-то хорошее в этом формировании. Если его сила соединяется с пустотой, она оказывает растворяющее и разрушающее действие, коль скоро пустота не может быть оформлена, а лишь удовлетворяет себя за счет полноты. Соединившись так, человеческая сила превращает пустоту в зло. Если твоя сила созидает полноту, это из-за того, что она связана с полнотой. Но чтобы быть уверенным, что созданное тобой продолжает существовать, оно должно оставаться связанным с твоей силой. С постоянным формированием ты постепенно теряешь свою силу, поскольку абсолютно вся сила оказывается связанной с изменчивостью, обретающей форму. И наконец, когда ты ошибочно воображаешь, что богат, ты на самом деле беден и стоишь посреди своих форм, как нищий. Вот тогда ослепленным человеком овладевает растущее желание придавать форму вещам, поскольку он убежден, что многократно увеличивающееся созидание удовлетворит его желание. Потратив всю свою силу, он становится жаждущим; он заставляет других служить и забирает их силу, следуя собственным задумкам.

В этот момент тебе нужно зло. Когда ты замечаешь, что твоя сила на исходе, ты должен обратить ее от того, что уже сформировано, к пустоте; через эту связь с пустотой тебе удастся растворить сотворенное в себе. Так ты вернешь себе свободу, потому что спас силу от угнетающей связи с объектом. Пока ты остаешься на позиции добра, ты не можешь растворить свое созидание, потому что оно и есть это добро. Нельзя растворить добро добром. Добро можно растворить только злом, ибо твое добро в конечном счете ведет к смерти из-за постепенного связывания силы. Ты совершенно не способен жить без зла.

Изменчивость вначале создает образ формы внутри тебя. Этот образ остается в тебе, и это первое и непосредственное выражение твоей изменчивости. Затем именно через этот образ производится внешний, могущий существовать вне тебя и пережить тебя. Твоя сила не связана напрямую с внешним творением, а только лишь с образом, остающимся в тебе. Когда ты приступаешь к растворению сотворенного при помощи зла, ты не уничтожаешь внешний образ, иначе ты уничтожишь собственный труд. Но ты уничтожаешь образ, образованный в тебе самом, ибо именно он отягощает твою силу. Тебе нужно зло для растворения сотворенного и освобождения себя от власти того, что минуло, в той мере, в какой сей образ сковывает твою силу.

Поэтому творения вынуждают, мучают многих хороших людей до смерти, потому что эти люди не могут в той же мере пристать ко злу. Чем лучше человек и чем сильнее привязан к своему творению, тем больше он теряет силы. Но что происходит, когда хорошие люди полностью потеряют силу в своем творении? Они не только будут стремиться поставить других на службу своему творению с бессознательным коварством и силой, но и станут злыми в своей доброте, не зная этого, потому что их жажда удовлетворения и укрепления сделает их еще более эгоистичными. Но из-за этого добрые полностью уничтожат свой собственный труд, а все те, кого они принудили к служению своему труду, станут их врагами, потому что между ними произойдет отчуждение. Но ты также начнешь тайно, против своей воли, ненавидеть тех, кто отчуждает тебя от самого себя, даже если они действуют из лучших побуждений. К сожалению, хороший человек, познавший и подчинивший свою силу, слишком легко найдет рабов на службу, потому что всегда более чем достаточно тех, кто ничего не жаждет так, как отчуждения от самих себя под хорошим предлогом.

Ты страдаешь от зла, потому что тайно любишь его и не осознаешь своей любви. Ты хочешь выпутаться из затруднений, и начинаешь ненавидеть зло. И снова ты привязан ко злу через ненависть, потому что любишь ты его или нет, это не имеет значения: ты привязан ко злу. Зло следует принимать. То, чего мы хотим, остается в наших руках. То, чего мы не хотим и что сильнее нас, уничтожает нас, и мы не можем это остановить, не навредив себе, ибо наша сила остается со злом. Потому нам, вероятно, следует принять наше зло без любви и ненависти, признав, что оно существует и должно иметь свою долю в жизни. Поступая так, мы можем лишиться его силы, которой оно может нас подчинить.

Когда нам удастся создание Бога, и если с этим творением вся наша сила уходит в этот замысел, нас переполняет желание взойти вместе с божественным солнцем и стать частью его великолепия. Но мы забываем, что тогда становимся не более, чем пустыми формами, потому что придание формы Богу полностью нас истощило. Мы не только бедны, но и становимся инертной материей, которая никогда не удостоится участия в божественности.

Как ужасное страдание или неизбежное дьявольское наказание, несчастье и нужда закрадываются в нас. Бессильная материя становится кормилицей и хотела бы поглотить свою форму обратно. Но поскольку мы всегда без ума от собственных творений, мы верим, что Бог зовет нас к себе, и отчаянно пытаемся последовать за Богом в высшие миры или же наставительно и требовательно обращаемся к окружающим, любой ценой заставляя их следовать за Богом. К несчастью, есть люди, которые позволяют убедить себя поступать так, вредя сами себе.

Гибель таится в этом стремлении: ведь кто мог предположить, что создавший Бога сам осужден на Ад? Но так все и обстоит, потому что материя, лишенная божественного сияния силы, пуста и темна. Если Бог восходит из материи, мы ощущаем пустоту материи как часть бесконечно пустого пространства.

Ускорением, стремлением и действием мы хотим освободиться от пустоты, а также от зла. Но следовало бы принять пустоту, уничтожить образ формы в нас,

отринуть Бога и спуститься в бездну и ужас материи. Бог как плод нашей работы стоит вне нас и больше не нуждается в нашей помощи. Он создан и остается предоставленным самому себе. Сотворенное, которое разрушается сразу после того, как мы отвернемся от него, не стоит и потраченных сил, будь оно даже Богом.

Но где же пребывает Бог после сотворения и отделения от меня? Если ты строишь дом, ты видишь его стоящим во внешнем мире. Но когда создаешь Бога, которого не увидишь своими глазами, он в духовном мире, который не менее ценен, чем внешний физический. Он там и делает для тебя и других все, чего можно ожидать от Бога.

Потому твоя душа и есть ты в духовном мире. Однако как обителище духов, духовный мир есть также и внешний мир. Как ты не одинок в видимом мире, но окружен объектами, принадлежащими и подчиняющимися тебе одному, так и мысли принадлежат и подчиняются только тебе. Но как ты окружен в видимом мире вещами и существами, не принадлежащими тебе и не подчиняющимися, так и в духовном мире ты окружен мыслями и существами мыслей, не принадлежащими и не подчиняющимися тебе. Как ты зачинаешь и рожаешь своих физических детей, и как они растут и отделяются от себя, так же ты производишь и порождаешь сущности мыслей, отделяющихся от тебя и живущих собственной жизнью. Как мы оставляем своих детей, когда те вырастают и предаем тело земле, я отделяю себя от моего Бога, солнца, погружаюсь в пустоту материи и стираю в себе образ моего ребенка. Это происходит, когда я принимаю природу материи и позволяю силе моей формы утечь в пустоту. Когда я вновь порождаю больного Бога при помощи своей силы, с этого времени я оживляю пустоту материи, в которой растет зло.

Природа игрива и ужасна. Некоторые видят игривую сторону, развлекаются с ней и дают ей блистать. Другие видят страх и покрывают голову и скорее мертвы, чем живы. Путь лежит не между одним и другим, но включает в себя и то, и другое. Это и радостная игра, и леденящий ужас.⁸⁸

⁸⁸ В «Сновидения» Юнг писал 15 февраля 1917 г.: «Закончил переносить вступление. / Чудесное чувство обновления. Сегодня назад, к научной работе. / Типы!» (стр. 5) Это говорит о завершении этой части переписывания в каллиграфический том и продолжении работы над психологическими типами.

Глава 12 Ад

На вторую ночь⁸⁹ после сотворения моего Бога в видении мне стало известно, что я достиг подземного мира.

Я оказываюсь в мрачном склепе, пол которого покрыт влажными каменными плитами. Посредине стоит столб, с которого свисают веревки и топоры. У основания столба ужасное змееобразное переплетение человеческих тел. Сначала я замечаю фигуру юной девушки с прекрасными красно-золотыми волосами: человек дьявольской наружности наполовину скрыт под ней, голова его откинута назад, тонкая струйка крови стекает со лба, два похожих демона бросились к ногам девушки и телу на полу. На лицах у них нечеловеческое выражение – это живое зло – мускулы у них тугие и мощные, а тела лоснятся, как змеи. Они лежат без движения. Девушка держит руку над глазом человека, скрытого под ней – он могущественнейший из троих – рука ее крепко сжимает удочку, которую она направляет в глаз дьявола.

Я прерываюсь, обливаясь холодным потом. Они хотели замучить девушку до смерти, но она защитилась силой крайнего отчаяния и сумела проткнуть глаз дьявола маленьким крючком. Если он двинется, она вырвет его глаз последним рывком. Ужас парализует меня; что случится? Голос говорит:

«Злой не может принести жертву, он не может пожертвовать глазом, победа с тем, кто может пожертвовать»⁹⁰

Видение исчезло. Я увидел, как душа пала во власть бездонного зла. Сила зла несомненна, и мы не без оснований его боимся. Здесь не помогут ни молитвы, ни благочестивые слова, ни магические речи. Когда грубая сила приходит за тобой, ничто не поможет. Как только зло безжалостно овладевает тобой, ни отец, ни мать, ни правда, ни стена, ни башня, ни броня, ни защитные силы не помогут тебе. Бессильно и безнадежно ты падаешь в руки высшей силы зла. В этой битве ты совершенно один. Поскольку я хотел родить моего Бога, я также хотел зла. Тот, кто хочет создать вечную полноту, также создает вечную пустоту.⁹¹ Нельзя предпринять

⁸⁹ 12 января 1914 г.

⁹⁰ Отдельная пометка Юнга в каллиграфическом томе: «cataphatha-brahmanam 2,2,4.» То же дано у рисунка 64.

⁹¹ В «Так говорил Заратустра» Ницше пишет: «нужно носить в себе еще хаос, чтобы быть в состоянии родить танцующую звезду» («Пролог Заратустры», §5, стр. 46; подчеркнуто в копии Юнга).

одного без другого. Но если ты хочешь спастись от зла, ты не создашь Бога, все, что ты делаешь, прохладно и серо. Я хотел моего Бога ради благодати и бесчестья. А значит, я хотел и моего зла. Но я хотел, чтобы мой Бог был могучим и превзошел пределы счастья и блеска. Только таким я люблю моего Бога. И блеск его красоты также заставил меня испробовать самое дно Ада.

Мой Бог восходил на Восточном небе, ярче владыки небес, и принес новый день всем людям. Вот почему я хотел в Ад. Не захочет ли мать отдать свою жизнь за ребенка? Насколько проще было бы отдать мою жизнь, чтобы только мой Бог смог преодолеть мучения последнего часа ночи и победоносно прорваться сквозь красный туман утра? Я не сомневаюсь: я также хотел зла ради моего Бога. Я вступаю в неравную битву, потому что она всегда неравная и без сомнения безнадежна. Насколько ужаснее и отчаяннее была бы эта битва иначе? Но все должно быть и будет именно так.

Нет ничего более важного для зла, чем его глаз, ибо только через его глаз пустота может завладеть блестящей полнотой. Из-за того, что пустоте не хватает полноты, она жаждет ее и ее сияющей силы. И она пьет ее при помощи своего глаза, который способен воспринять красоту и незапятнанное сияние полноты. Пустота бедна, и если у нее не будет глаза, ее положение безнадежно. Он видит прекраснейшее и хочет поглотить его, чтобы испортить. Дьявол знает, что прекрасно, и потому он – тень красоты и следует за ней повсюду, ожидая момента, когда прекрасное и благодатное пытается дать жизнь Богу.

Если твоя красота прибывает, ужасный червь также будет надвигаться на тебя, поджидая свою добычу. Для него нет ничего священного, кроме глаза, которым он видит прекраснейшее. Он никогда не откажется от своего глаза. Он неуязвим, но его глаз ничто не защищает; он чувствителен и ясен, знаток в питии вечного света. Ему нужен ты, яркий красный свет твоей жизни.

Я осознаю пугающую демоничность человеческой природы. Я прикрываю глаза перед ней. Я выставляю перед собой руку, если кто-то хочет приблизиться ко мне, ибо боюсь, что моя тень падет на него, или его тень падет на меня, ведь я вижу демоническое и в нем, безвредном спутнике своей тени.

Никто не притронется ко мне, смерть и преступление затаились в ожидании тебя и меня. Ты невинно улыбаешься, мой друг? Разве ты не знаешь, что мягкое мерцание твоего глаза выдает ужасающее, чьим посланником ты, сам того не подозревая, являешься? Твой жаждущий крови тигр мягко рычит, твоя ядовитая змея неслышно шипит, пока ты, зная только о своей доброте, протягиваешь свою человеческую руку ко мне в приветствии. Я зная твою тень и мою, что следует и ходит с нами, и лишь ждет часа сумерек, чтобы задушить тебя и меня всеми демонами ночи.

Какая бездна кровотокающей истории отделяет тебя от меня! Я взял твою руку и смотрел на тебя. Я положил свою голову тебе на колени и почувствовал живое тепло твоего тела на себе, будто это было мое собственное тело – и внезапно ощутил скользкую петлю вокруг шеи, которая безжалостно душила меня, и жестокий удар

молота вонзил гвоздь в мой храм. Ноги несли меня по мостовой, и дикие гончие глодали мое тело в пустынной ночи.

Не следует изумляться тому, что люди так отделены друг от друга, что больше не могут друг друга понять, что они развязывают войны и убивают друг друга. Скорее следует поражаться тому, что люди верят, будто они близки, понимают и любят друг друга. Две вещи предстоит открыть. Первая – это бесконечный провал, который отделяет нас друг от друга. Вторая – тот мост, который может соединить нас. Представляешь ли ты, сколько неожиданной животности может принести с собой человеческая компания?

⁹²Когда моя душа пала в руки зла, она была беззащитна, и могла воспользоваться только слабенькой удочкой, ее силой вытягивать рыбу из моря пустоты. Глаз злого высосал всю силу моей души; осталось только это, только этот маленький рыболовный крючок. Я желал зла, потому что знал, что не смогу его избежать. Тот, кто не хочет зла, не имеет ни единого шанса спасти свою душу от Ада: чем дольше он остается в свете высших миров, тем вернее становится тенью самого себя, и душа его зачахнет в подземельях демонов. Таково действие противовеса – вечного ограничителя. Высшие круги внутреннего мира останутся для него недостижимыми. Он остается там, где был; в действительности, он даже сдает назад. Ты знаешь таких людей, и ты знаешь, как расточительно природа рассеивает человеческую жизнь и силу по бесплодным пустыням. Не стоит стенать об этом, иначе ты станешь пророком, и будешь стремиться искупить то, что не может быть искуплено. Ты не знаешь, что природа удобряет свои поля и людьми? Прими ищущего, но не выходи искать тех, кто сбился с пути. Что ты знаешь об их ошибке? Возможно, она священна. Не следует тревожить священное. Не смотри назад и ни о чем не сожалей. Видишь, что многие рядом с тобой пали? Чувствуешь сострадание? Но ты должен жить своей жизнью, и тогда останется хотя бы один из тысячи. Ты не сможешь задержать умирание.

Но почему моя душа не вырывает глаз злого? У злого много глаз, и потерять один все равно, что не потерять ни одного. Но если она сделала это, она полностью падет под заклятьем злого. Злой не может лишь принести жертву. Не следует ранить

⁹² Отдельное примечание Юнга в каллиграфическом томе: «Кхандохья-упанишада I.2.1-7». В «Чхандогья-упанишаде» читаем: «Когда боги и асуры, и те, и другие происшедшие от Праджапати, вступили в борьбу, то боги завладели удгитхой, [подумав]: "С ее помощью мы одолеем их". / Они стали почитать удгитху, как обоняние. И асуры поразили это [обоняние] злом. Поэтому им обоняют и то, и другое – благоухание и зловоние, ведь оно поражено злом. / Затем они стали почитать удгитху, как речь. И асуры поразили эту [речь] злом. Поэтому ею говорят и то, и другое – истину и ложь, ведь она поражена злом. / Затем они стали почитать удгитху, как глаз. И асуры поразили этот [глаз] злом. Поэтому им видят и то, и другое – приглядное и неприглядное, ведь он поражен злом. / Затем они стали почитать удгитху, как ухо. И асуры поразили это [ухо] злом. Поэтому им слышат и то, и другое – достойное слуха и недостойное слуха, ведь оно поражено злом. / Затем они стали почитать удгитху, как разум. И асуры поразили этот [разум] злом. Поэтому им размышляют и о том, и о другом – достойном размышления и недостойном размышления, ведь он поражен злом. / Затем они стали почитать удгитху, как дыхание во рту. И, столкнувшись с ним, асуры рассыпались, как рассыпается [ком земли], столкнувшись с твердым камнем».

его, и прежде всего его глаз, потому что прекраснейшего не будет, если злой не увидит его и не возжелает. Злой – свят.

Пустота не может принести в жертву ничего, потому что она всегда страдает от нехватки. Только полнота может жертвовать, потому что она полна. Пустота не может пожертвовать голодом полноты, ибо не может отвергнуть собственную сущность. Потому нам тоже нужно зло. Но я могу принести свою волю в жертву злу, потому что ранее получил полноту. Вся сила втекает обратно в меня, потому что злой уничтожил мой образ о творении Бога. Но образ творения Бога во мне все еще не уничтожен. Я боюсь этого уничтожения, потому что оно ужасно, это неслыханное осквернение храмов. Все во мне восстает против этой безмерной мерзости. Ибо я все еще не знал, что значит дать жизнь Богу.

Глава 13 Жертвенное убийство⁹³

Но это было видение, которого я не хотел, такой ужас, что я не хотел жить: отвратительное чувство тошноты подкралось ко мне, и омерзительные вероломные змеи, извиваясь, медленно ползут в похрустывающем опаленном подлеске; они лениво и отвратительно вяло свисают с ветвей, завязанные ужасающими узлами. Я неохотно вхожу в эту мрачную и безотрадную долину, где кусты растут в сухих каменистых теснинах. Долина выглядит такой обычной, воздух ее пахнет преступлением, глупостью, трусливыми поступками. Мною овладевают отвращение и ужас. Я неуверенно иду по валунам, избегая темных мест, опасаясь наступить на змею. Солнце слабо светит в сером и далеком небе, а все листья пожухли. Кукла с отломанной головой лежит передо мной среди камней, в нескольких шагах впереди – маленький фартук, а дальше, за кустами, тело маленькой девочки, покрытое ужасными ранами, вымазанное в крови. Одна нога прикрыта чулком и туфлей, другая – босая, кроваво раздавленная, голова – где голова? Голова – каша из крови с волосами и белыми кусочками костей – среди камней, вымазанных мозгами и кровью. Взгляд мой захвачен этим ужасным видом – скрытая фигура, вроде как женская, спокойно стоит за ребенком; лицо ее покрыто непроницаемой завесой. Она спрашивает меня:

О.: «Что ты скажешь на это?»

Я: «Что я должен сказать? Словами этого не скажешь».

О.: «Ты понимаешь это?»

Я: «Я отказываюсь понимать такие вещи. Я не могу говорить о них, не приходя в бешенство».

⁹³ В «Рукописном черновике» стоит: «Восьмое приключение» (стр. 793)

О.: «Зачем впадать в бешенство? Ты можешь точно так же беситься каждый день, ведь такие и похожие вещи происходят постоянно».

Я: «Но обычно мы их не видим».

О.: «То есть знания того, что они происходят, недостаточно для того, чтобы разозлить тебя?»

Я: «Если у меня есть только знание о чем-то, все легче и проще. Ужас менее реален, если все, что у меня есть – это знание».

О.: «Подойди ближе и увидишь, что тело ребенка было вскрыто; вынь печень».

Я: «Я не прикоснусь к этому трупу. Если кто-нибудь увидит это, он подумает, что я – убийца».

О.: «Ты трус; вынь печень».

Я: «Зачем мне делать это? Это абсурдно».

О.: «Я хочу, чтобы ты удалил печень. Ты должен сделать это».

Я: «Кто ты, чтобы отдавать мне такой приказ?»

О.: «Я душа этого ребенка. Ты должен это сделать ради меня».

Я.: «Я не понимаю, но верю тебе и сделаю эту ужасную и абсурдную вещь».

Я вхожу в полость тела ребенка – она все еще теплая – печень еще крепко держится – я беру нож и отрезаю ее от связок. Затем вынимаю и держу в окровавленных руках перед фигурой.

О.: «Спасибо».

Я: «Что мне делать?»

О.: «Тебе известно значение печени, и ты должен совершить с ее помощью акт исцеления».⁹⁴

Я: «Что нужно делать?»

О.: «Возьми часть печени от целой, и съешь ее».

Я: «Чего ты требуешь? Это абсолютное безумие. Это осквернение, некрофилия. Ты делаешь меня соучастником этого омерзительнейшего из преступлений».

О.: «Ты выдумывал ужаснейшие наказания для убийцы, которые могут искупить его действия. Есть только одно искупление: усмири себя и ешь».

Я: «Я не могу – я отказываюсь – я не могу принять на себя эту ужасную вину».

О.: «Ты причастен к этой вине».

⁹⁴ В «Воспоминаниях», комментируя ливерпульский сон (см. ниже, стр. 317, п. 296), Юнг отмечал: «В соответствии с древними представлениями, печень – место пребывания жизни» (стр. 224).

Я: «Я? Причастен?»

О.: «Ты мужчина, и это совершил тоже мужчина».

Я: «Да, я мужчина – я проклинаяю того, кто совершил это, за то, что он мужчина, я проклинаяю себя за то, что я мужчина».

О.: «Так прими участие в этом, усмири себя и ешь. Мне нужно искупление».

Я: «Так пусть это будет ради тебя, раз ты душа этого ребенка».

Я преклоняю колени на камень, отрезаю кусок печени и кладу в рот. Тошнота подкатывает к горлу – слезы брызгают из глаз – холодный пот покрывает лоб – сладковатый вкус крови – я глотаю с отчаянным усилием – не получается – снова и снова – я почти теряю сознание – свершилось. Ужасное достигнуто.⁹⁵

О.: «Благодарю тебя».

Она отбрасывает вуаль – прекрасная девушка с рыжеватыми волосами.

О.: «Так ты узнаешь меня?»

Я: «Ты странно знакома! Кто ты?»

О.: «Я твоя душа».⁹⁶

[2] Жертвоприношение свершилось: божественный ребенок, образ создания Бога, убит, и я ел от жертвенной плоти.⁹⁷ Ребенок, то есть образ творения Бога, не только нес в себе мои человеческие стремления, но также воплощал все изначальные и элементарные силы, которыми сыны солнца обладали как неотчуждаемым наследием. Богу для сотворения необходимо все это. Но когда он уже создан и торопится в бесконечное пространство, нам нужно золото солнца. Мы должны восстановить себя. Но как создание Бога является творческим актом высочайшей любви, восстановление нашей человеческой жизни означает Низшее. Это великое и

⁹⁵ В 1940 г. Юнг обсуждал ритуальную антропофагию, жертвоприношение и саможертвоприношение в «Трансформирующем символизме мессы». CW 11.

⁹⁶ В «Черной книге 3» Юнг писал: «Занавес падает. Что за ужасная игра это была? Я осознаю: Nil humanum a me alienum esse puto [ничто человеческое мне не чуждо]» (стр. 91). Эта фраза принадлежит римскому драматургу Теренцию, из «Neauton Timorumenos». 2 сентября 1960 г. Юнг писал Герберту Риду: «Как врач-психиатр, я не просто предполагаю, но глубоко убежден, что Nil humanum a me alienum esse – это даже мой долг» («Письма 2», стр. 589).

⁹⁷ Вместо этого предложение в «Черновике» стоит: «В этом опыте свершилось то, что мне было нужно. Произошло это самым омерзительным образом. Зло, которого я желал, совершило подлый поступок, по видимому, без меня и в то же время со мной, ведь я понял, что причастен ужасу человеческой природы. Я уничтожил божественного ребенка, образ творения моего Бога, совершив ужаснейшее преступление, на которое только способен человек. Потребовалось столько жестокости, чтобы уничтожить образ Бога, высосавший все мои жизненные силы, что теперь я могу вернуть обратно свою жизнь» (стр. 355).

темное таинство. Человек не может совершить это самостоятельно, ему помогает зло, которое делает все за него. Но человек должен осознавать свое соучастие в деле зла. Он должен засвидетельствовать это признание, вкусив кровавой жертвенной плоти. Так он свидетельствует, что он – человек, познавший как добро, так и зло, и что он уничтожает образ творения Бога, лишая его жизненной силы, так отделяя себя от Бога. Это свершается для спасения души, которая является настоящей матерью божественного ребенка.

Вынашивая и рожая Бога, моя душа владела всей полнотой человеческой природы; она обладала изначальными силами, которые дремали в ней с незапамятных времен. Они без моей помощи вылились в создание Бога. Но жертвенным убийством я вернул себе эти силы и соединил со своей душой. Став частью живого узора, они больше не были дремлющими, они пробудились, активизировались, осветили мою душу божественным сиянием. Так она приобщилась к божественности. И потому поедание жертвенной плоти помогло в ее исцелении. Древние тоже указывали нам на это, когда учили пить кровь и есть плоть спасителя. Древние верили, что это приносит исцеление душе.⁹⁸

Истин не много, их всего несколько. Смысл слишком глубок, чтобы уловить его иначе, чем в символе.⁹⁹

Бог, который сильнее человека – кто он? Вы все еще должны испробовать божественный ужас. Как вы можете быть достойны наслаждения вином и хлебом, если не прикоснулись к черному дну человеческой природы? Потому вы лишь вялые и бледные тени, гордые своим мелководьем и широкими проселочными дорогами. Но шлюзы откроются, есть неизбежные вещи, от которых может спасти только Бог.

Изначальная сила – это сияние солнца, которое сыны его несли в себе зонами и передавали своим детям. Но если душа погружается в это сияние, она становится такой же безжалостной, как и Бог, ведь жизнь божественного ребенка, которую вы вкусили, станет в вас пылающими углями. Она будет гореть внутри ужасным, неугасимым огнем. Но несмотря на все мучения, вы не сможете оставить все, как есть, ибо оно не оставит в покое вас. Так вы поймете, что ваш Бог жив, а душа ваша странствует по безжалостным путям. Вы чувствуете, что в вас прорвался огонь солнца. Нечто новое прибавилось к вам, священное обещание.

Иногда вы перестаете узнавать себя. Вы пытаетесь справиться с этим, но оно сильнее. Вы пытаетесь установить границы, но оно заставляет вас продолжать. Вы пытаетесь ускользнуть, но оно настигает вас. Вы пытаетесь этим овладеть, но инструмент – вы; вы пытаетесь об этом думать, но мысли вам не подчиняются.

⁹⁸ Т.е. ритуал мессы.

⁹⁹ Юнг развил свои идеи о значении символов в «Психологических типах» (1921). См. CW 6, §814ff.

Наконец, вами овладевает страх неизбежности, подкрадывающийся медленно и незаметно.

Спасения нет. Так вы приходите к пониманию того, что такое настоящий Бог. Вы начинаете придумывать умные трюизмы, предупредительные меры, тайные обходные пути, предлоги, зелья забытья, но все это бесполезно. Огонь горит прямо в вас. Ведущий заставляет вас идти.

Но путь этот – моя самость, моя жизнь, основанная на самой себе. Богу нужна моя жизнь. Он хочет идти со мной, сидеть со мной за столом, работать со мной. Более того, он хочет быть вездесущим.¹⁰⁰ Но я стыжусь Бога моего. Я хочу быть не божественным, а разумным. Божественное кажется мне иррациональным безумием. Оно раздражает меня как абсурдная помеха моей осмысленной человеческой деятельности. Оно кажется неподобающей болезнью, которая нарушила привычный уклад жизни. Да, я даже нахожу божественное ненужным.

Глава 14 Божественный глупец¹⁰¹

102

Я стою в высоком зале. Передо мной зеленый занавес между двух колонн. Занавес легко раздвигается. Я смотрю в маленькую углубленную комнату с голыми стенами. Сверху есть маленькое окно с голубоватым стеклом. Я ставлю ногу на лестницу, ведущую между колонн в эту комнату, и вхожу. В задней стене я вижу двери справа и слева.словно я должен выбрать между правой и левой.

Я выбираю правую. Дверь открывается, я вхожу. Я в читальне большой библиотеки. В глубине ее сидит маленький худой человек хилого сложения, по-видимому, библиотечарь. Атмосфера напряженная – исследовательские амбиции – ученая заносчивость – ущемленное ученое тщеславие. Кроме библиотечаря я никого не вижу. Я иду к нему. Он отрывает взгляд от книги и говорит: «Что вы хотите?»

Я несколько смущен, потому что не знаю, чего на самом деле хочу. На ум приходит Фома Кемпийский.

¹⁰⁰ В 1909 г. Юнг построил дом в Кюснахте, и над дверью выгравировал изречение у оракула в Дельфах: «Vocatus atque non vocatus deus aderit» («Званный или нет, Бог присутствует здесь»). Источником цитаты была «Collectanea adagiorum» Эразма. Юнг объяснял это изречение так: «Оно гласит, что, да, бог будет здесь, но в какой форме и с какой целью? Я сделал эту надпись, чтобы напоминать себе и моим пациентам: «Timor dei initium sapientiae» (Пс. 3:10). Это еще один, не менее важный путь, вовсе не к «Христианству», а к самому Богу, и это, похоже, важнейший вопрос» (Юнг – Евгения Рольф, 19 ноября 1960. «Письма-2», стр. 611).

¹⁰¹ В «Рукописном черновике» стоит: «Восьмое приключение 1-ой ночи» (стр. 814).

¹⁰² 14 января 1914 г.

Я: «Мне бы хотелось «Подражание Христу» Фомы Кемпийского».¹⁰³

Он смотрит на меня несколько изумленно, словно не ожидал от меня таких интересов; он дает мне карточку для заполнения. Мне тоже кажется удивительным просить Фому Кемпийского.

«Вы удивлены, что я прошу работу Фомы?»

«Ну, да, эту книгу редко спрашивают, и я не ожидал от вас подобного интереса.»

«Должен признаться, я и сам несколько удивлен этим вдохновением, но недавно я наткнулся на отрывок из Фомы, который произвел на меня особенное впечатление. Не знаю даже, почему. Если я правильно помню, он говорил о проблеме Подражания Христу».

«У вас особенные теологические или философские интересы, или...»

«Вы имеете в виду – не хочу ли я прочитать ее для молитвы?»

«Ну, едва ли»

«Если я читаю Фому Кемпийского, то ради молитвы, или чего-то похожего, а не из научного интереса»

«Вы столь религиозны? Я и представить не мог»

«Вы знаете, что я крайне высоко ценю науку. Но в жизни есть такие моменты, когда наука тоже оставляет нас пустыми и слабыми. В такие моменты книга вроде этой значит для меня гораздо больше, потому что написана она от души»

«Но она несколько старомодна. В наши дни мы не можем быть столь погружены в христианскую догматику»

«Мы не можем покончить с христианством, просто отставив его в сторону. Мне кажется, в нем есть много больше, чем мы видим»

¹⁰³ «Подражание Христу» - это набожное наставление, появившееся в начале пятнадцатого столетия и ставшее крайне известным. Авторство его все еще сомнительно, хотя часто оно приписывается Фоме Кемпийскому (ок. 1380-1471 гг.), бывшего членом Братства Обычной Жизни, религиозного объединения в Голландии, главного представителя *devotia moderna*, движения, делающего упор на заступничестве и внутренней жизни. Простым и ясным языком «Подражание Христу» увещевает людей заботиться о своей внутренней духовной жизни в противовес внешним вещам, дает советы, как следует жить и показывает радости и последующие награды за жизнь, прожитую во Христе. Название взято из первой строки первой главы, где также утверждается, что «Каждый, кто хочет понять и познать вкус слов Христа во всей полноте, должен уподобить жизнью свою по образцу жизни Христа» («Подражание Христу», пер. Б. Кнотта [Лондон, Fount, 1996], книга I, гл. I, стр. 33). Сама тема подражания Христу гораздо древнее. В средние века было много споров от том, как это следует понимать (об истории этой идеи см. Жюль Констабля, «Идеал подражания Христу» в «Трех исследованиях средневековой религиозности и социальной мысли» [Кембридж, Cambridge University Press, 1995], стр. 143-248). Как показывает Констабль, в зависимости от понимания подражания, можно выделить два широких подхода: первый, подражание божественности Христа, подчеркивающий учение об обожении, по которому «Христос показал путь, как стать Богом через него» (стр. 218). Второй, подражание человечности и телу Христа, подчеркивающий подражание его жизни на земле. Крайней формой этого подхода была традиция стигматиков, людей, носивших раны Христа на своем теле.

«По каким причинам и, более того, в каком возрасте люди отбрасывают его? Предпочтительно в студенческие годы или даже раньше. Вы бы назвали этот возраст особенно разборчивым? И вы когда-нибудь изучали основания, по которым люди отбрасывают позитивную религию? Основания эти чаще всего сомнительны, например, утверждение, что содержание веры противоречит естественной науке или философии»

«По моему мнению, такое возражение не стоит сразу отбрасывать, несмотря на тот факт, что есть и лучшие причины. Например, я считаю недостатком религии отсутствие подлинного и должного чувства действительности. Кстати говоря, существует множество альтернатив возможности молиться, которая была утрачена в результате краха религии. Ницше, например, написал самую настоящую книгу молитв,¹⁰⁴ не говоря уже о «Фаусте».»

«Я думаю, это верно в некотором смысле. Но истина именно Ницше кажется мне чересчур взволнованной и провокационной – она хороша для тех, кому еще предстоит освободиться. Потому его истина хороша только для них. Я считаю, что недавно обнаружил, что нам также нужна истина для тех, кто загнан в угол. Возможно, что им нужна подавляющая истина, которая делает человека меньше и более обращенным внутрь»

«Простите, но Ницше и так предельно обращен внутрь»

«Возможно, вы правы с вашей точки зрения, но я не могу отделаться от чувства, что Ницше говорит тем, кому нужно больше свободы, а не тем, кто вступил в серьезную схватку с жизнью, кто страдает от ран и твердо придерживается действительностей»

«Но Ницше наделяет прелестным чувством превосходства над такими людьми»

«С этим я не могу спорить, но я знаю тех, кому нужно принижение, а не превосходство»

«Вы выражаетесь парадоксально. Я вас не понимаю. Едва ли принижение может быть желанным»

«Возможно, вы поймете меня лучше, если вместо «принижения» я скажу «смирение», слово, которое часто слышат, но в жизни с ним редко сталкиваются»

«Это тоже звучит весьма по-христиански»

«Как я говорил, в христианстве есть очень многое, что следует сохранить. Ницше слишком оппозиционен. Как все здоровое и долго длящееся, истина, к несчастью, держится среднего пути, который мы несправедливо отвергаем»

«Я и вправду не подозревал, что вы займете столь промежуточную позицию»

«А я и не занимал – моя позиция еще не вполне ясна и для меня самого. Если я и промежуточен, то определенно крайне необычным образом»

¹⁰⁴ Т.е. «Так говорил Заратустра».

В этот момент слуга принес книгу, и я покинул библиотекаря.

Божественное хочет жить со мной. Мои попытки сопротивляться пропали втуне. Я спросил мышление, и оно сказала: «Возьми за образец того, кто показывает тебе, как жить с божественным». Нашей естественной моделью является Христос. Мы следуем его закону со времен античности, сначала внешне, а затем внутренне. Сначала мы это знали, а потом перестали знать. Мы сражались против Христа, мы низложили его, мы казались победителями. Но он остался в нас и управлял нами.

Лучше быть закованным в зримые цепи, чем в невидимые. Можно покинуть христианство, но оно тебя не покинет. Твое освобождение от него – заблуждение. Христос – это путь. Ты, конечно, можешь убежать, но тогда ты уже больше не будешь на пути. Путь Христа кончается на кресте. Потому мы сораспята с ним в нас. С ним мы ждем смерти, чтобы воскреснуть.¹⁰⁵ С Христом нет живущему воскрешения, кроме как после смерти.¹⁰⁶

Если я подражаю Христу, он всегда впереди меня, и мне не достигнуть цели иначе, как достигнуть ее в нем. Но так я превосхожу себя и время, в котором и через которое я тот, кто я есть. Так я натакиваюсь на Христа и его время, которое создало его таким и никаким иным. И так я оказываюсь вне моего времени, несмотря на то, что жизнь моя протекает в нем, и я разделен между жизнью Христа и собственной, которая все еще принадлежит настоящему. Но если я подлинно постигаю Христа, я должен осознать, что Христос на самом деле жил своей собственной жизнью, не подражая никому. Он не следовал никакому образцу.¹⁰⁷

Но если я так подлинно подражаю Христу, я не подражаю никому, я не повторяю ни за кем, а лишь иду своим путем, и больше не называю себя христианином. Сначала я хотел повторять за Христом и подражать ему, живя своей жизнью, но изучая его заповеди. Голос во мне возразил против этого и пожелал напомнить, что и мое время имеет своих пророков, которые сражаются против ноши, которой нас нагрузило прошлое. С пророками этого времени мне не удалось объединиться с Христом. Один требует нести, другой – отвергнуть; один требует подчинения, другой – воли.¹⁰⁸ Как мне думать об этих противоречиях в одном, не

¹⁰⁵ В «Подражании Христу» Фома Кемпийский писал: «Нет ни спасения душе, ни надежды на вечную жизнь, кроме как на кресте. Так возьми свой крест и следуй за Христом, и войдешь в жизнь вечную. Он шел перед тобой, неся крест, и на кресте умер за тебя, так что ты тоже должен нести свой крест и жаждать смерти на кресте. Ибо если ты разделишь с ним смерть, ты также разделишь с ним жизнь» (кн. 2, гл. 12, стр. 90).

¹⁰⁶ «Черновик» продолжает: «Но мы знаем, что древние говорят с нами образами. Потому мое мышление советовало мне повторять за Христом, а не подражать ему, потому что он – это путь. Если я следую пути, я не подражаю ему. Но если я подражаю Христу, он – моя цель, а не мой путь. Но если он мой путь, я, таким образом, иду к его цели, что ранее было показано мне в таинствах. Так что мое мышление говорило со мной запутанным и неясным образом, но советовало мне подражать Христу» (стр. 366).

¹⁰⁷ «Черновик» продолжает: «Путь привел его ко кресту, ведь и путь человечества тоже ведет на крест. Мой путь тоже ведет ко кресту, но не к Христову, а к моему, который есть образ жертвоприношения и жизни. Но поскольку я все еще был слеп, я склонялся к тому, чтобы подчиниться огромному искушению подражать и смотреть по ту сторону Христа, как если бы он был моей целью, а не моим путем» (стр. 367).

¹⁰⁸ Здесь ссылки на Шопенгауэра и Ницше соответственно.

преступив в другом? То, что я не смог объединить внутри своего разума, скорее всего удастся прожить одно за другим.

И так я решил обратиться к низшей и повседневной жизни, моей жизни, и начать там, где стою.

Когда мышление ведет к неммыслимому, время вернуться к простой жизни. Что не может решить мышление, решит жизнь, а что не решает действие, то остается мышлению. Если я возношусь к высшему и труднейшему с одной стороны и пытаюсь прибавить искупление, которое возносится еще выше, тогда истинный путь ведет не вверх, а в бездну, ведь только другое во мне выводит меня за мои пределы. Но принятие другого означает спуск к противоположному, от серьезности к смешному, от страдания к радости, от прекрасного к уродливому, от чистого к нечистому.¹⁰⁹

Глава 15 *Nox secunda*¹¹⁰

Покинув библиотеку, я снова стою в вестибюле.¹¹¹ На этот раз я смотрю на дверь слева. Я кладу маленькую книгу в карман и прохожу в дверь; она открыта и ведет на кухню с большим очагом над печью. Посреди комнаты стоят два длинных стола, окруженных скамьями. Бронзовые кувшины, медные сковородки и другие сосуды расставлены на полках вдоль стен. У печи стоит большая толстая женщина – по-видимому, повариха, одетая в клетчатый фартук. Я приветствую ее немного изумленно, она тоже выглядит смущенной. Я спрашиваю: «Могу я здесь немного посидеть? Снаружи холодно, а мне нужно кое-чего дождаться».

«Пожалуйста, присаживайтесь»

Она вытирает стол передо мной. Не зная, чем заняться, я достаю Фому и начинаю читать. Поварихе любопытно, она тайком на меня поглядывает. Она частенько проходит рядом со мной.

«Простите, а вы не священник?»

«Нет, почему вы так решили?»

«О, я так подумала, потому что вы читаете маленькую черную книжку. Моя мать, упокой Господь ее душу, оставила такую же»

«Понимаю, а что это была за книга?»

«Она называется «Подражание Христу». Это прекрасная книга. Я часто молюсь с ней вечерами»

¹⁰⁹ «Черновик» продолжает: «Подумайте над этим. Поразмыслив над этим, вы поймете приключение, с которым я столкнулся следующей ночью» (стр. 368).

¹¹⁰ Вторая ночь.

¹¹¹ 17 января 1914 г.

«Вы верно угадали, я тоже читаю «Подражание Христу»»

«Не подумала бы, что человек вроде вас будет читать такую книгу, не будучи пастором»

«А почему бы и нет? Чтение соответствующих книг и мне пойдет на благо»

«Моя мать, благослови ее Господь, держала ее с собой на смертном ложе, и отдала ее мне перед тем, как умерла»

Пока она говорит, я рассеянно листаю книгу. Мои глаза падают на отрывок из девятнадцатой главы: «Праведные основывают свои намерения на милости Божьей, которой они во всем предпринимаемом доверяют больше, чем собственной мудрости».¹¹²

Мне приходит на ум, что Фома рекомендует интуитивный метод.¹¹³ Я поворачиваюсь к поварихе: «Ваша мать была умной женщиной, и она правильно поступила, отдав вам эту книгу».

«Да, действительно, на часто утешала меня в трудные часы и всегда предоставляла добрый совет»

Я вновь погружаюсь в свои мысли: я считаю, что каждый может действовать по своему разумению. Это тоже может быть интуитивный метод.¹¹⁴ Но то, каким прекрасным образом это делает Христос, в любом случае имеет особое значение. Я хотел бы подражать Христу – внутреннее беспокойство овладевает мной – что должно случиться? Я слышу странный шелест и жужжание – внезапно ревущий звук наполняет комнату как стая огромных птиц, бешено хлопающих крыльями – я вижу мечущиеся сумрачные человеческие формы и слышу бормотание множества голосов, повторяющих слова: «Дай нам молиться в храме!»

Я кричу: «Куда вы несетесь?» Бородатый мужчина с взъерошенными волосами и темными сверкающими глазами останавливается и поворачивается ко мне: «Мы странствуем в Иерусалим, чтобы помолиться в святейшей гробнице».

«Возьмите меня с собой»

¹¹⁵«Ты не можешь присоединиться к нам, у тебя есть тело. А мы мертвы»

¹¹² «Решения праведных зависят от милости Бога, а не от их мудрости; на него они полагаются, что бы ни предпринимали; ибо человек предполагает, а Господь располагает, и не человеку выбирать свою участь» («Подражание Христу», кн. I, гл. 19, стр. 54).

¹¹³ Вместо это предложения в «Черной Книге 4» стоит: «Что ж, Анри Бергсон, думаю, вот оно – воистину высший и верный интуитивный метод» (стр. 9). 20 марта 1914 г. Адольф Келлер прочитал речь о «Бергсоне и теории либидо» в Цюрихском Психоаналитическом Обществе. Во время обсуждения Юнг сказал: «О Бергсоне следовало говорить здесь гораздо раньше. Б. говорит все, что не сказали мы» («О психологическом понимании», «Collected Papers on Analytical Psychology», под ред. Констанс Лонг [London: Belliere, Tindall and Cox, 1917], стр. 399). Работой, которую читал Юнг, была «Творческая эволюция». Он пользовался немецким переводом 1912 г.

¹¹⁴ В рукописи Кери Бейнес стоит: «Бергсона».

¹¹⁵ В «Черновике» говорящий назван «Жутким».

«Кто вы?»

«Я – Иезекииль, и я анабаптист»¹¹⁶

«Кто эти люди, идущие с тобой?»

«Это мои братья по вере»

«Почему вы странствуете?»

«Мы не можем остановиться, мы должны совершить паломничество по всем святым местам»

«Что толкает вас на это?»

«Я не знаю. Но похоже, что мы не нашли покоя, хотя умерли в истинной вере»

«Почему же вам нет покоя, если вы умерли в истинной вере?»

«Мне всегда кажется, что мы, видимо, закончили жизнь не должным образом.»

«Интересно – почему так?»

«Мне кажется, что мы забыли нечто важное, что тоже было живым.»

«И что это было?»

«Ты хотел бы знать?»

С этими словами он приближается ко мне пугающе и страстно, глаза его сияют будто бы внутренним жаром.

«Освободись, демон, ты не прожил свое животное.»¹¹⁷

Повариха стоит передо мной с напуганным лицом; она взяла меня за руку и крепко сжала ее. «Ради Бога», - кричит она. – «Что с тобой такое? Ты на дурном пути?»

Я изумленно смотрю на нее и пытаюсь понять, где же я на самом деле. Но тут вламываются странные люди – и среди них библиотекарь – поначалу бесконечно

¹¹⁶ Библейский Иезекииль был пророком в шестом веке до н.э. Юнг очень высоко оценивал историческое значение его видений, которые совмещали мандалу с четверичностью, представляя очеловечивание и дифференциацию Иеговы. Хотя видения Иезекииля часто считают патологическими, Юнг защищал их нормальность, утверждая, что видения – естественное явление, и не могут считаться патологическими только из-за того, что в них присутствует болезненный элемент («Ответ Иову», §§665, 667, 686). Анабаптизм был радикальным движением во время протестантской Реформации XVI в., пытавшимся восстановить дух ранней церкви. Движение зародилось в Цюрихе в 1520 г., где анабаптисты восстали против нежелания Цвингли и Лютера полностью реформировать церковь. Они отвергали практику крещения детей и продвигали крещение взрослых (первое произошло в Золликоне, недалеко от Кюснахта, где жил Юнг). Анабаптизм подчеркивал непосредственность человеческих отношений с Богом и критически относился к религиозным институциям. Движение было жестоко подавлено, и тысячи анабаптистов были убиты. См. Daniel Liechty, ed., «Early Anabaptist Spirituality: Selected Writings» (New York, Paulist Press, 1994).

¹¹⁷ В 1918 г. Юнг заявлял, что христианство подавило животный элемент («О бессознательном», §31). Он развивал эту тему на семинарах 1923 г. в Ползите, Корнуолл. В 1939 г. он утверждал, что «психологическим грехом», который совершил Христос, было то, что «он не прожил свою животную сторону» («Modern Psychology» 4, p. 230).

изумленный и пораженный, а затем, злорадно смеющийся: «О, мне следовало догадаться! Скорей, зовите полицию!»

Прежде, чем я успеваю сообразить, меня сквозь толпу людей заталкивают в грузовик. Я все еще сжимаю в руках томик Фомы и спрашиваю себя: «Что бы он сказал по поводу этой ситуации?» Я открываю книгу, и мой взгляд падает на тринадцатую главу, где говорится: «Пока мы живем на земле, нам не избежать искушения. Нет совершенных среди людей, и нет таких святых, кто не подвергался искусу. Да, едва ли мы можем быть без искушения».¹¹⁸

Мудрый Фома, у тебя всегда наготове правильный ответ. Тот безумный анабаптист точно не владел таким знанием, иначе обрел бы покой в конце. Он также мог прочитать это у Цицерона: *rerum omnium satietas vitae facit satietatem-satietas vitae tempus maturum mortis affert* [пресыщение всем вызывает пресыщение жизнью – человек пресыщается жизнью, и подходит время смерти].¹¹⁹ Это знание, очевидно, привело меня к конфликту с обществом. И справа, и слева от меня были полицейские. «Что ж», - сказал я им, - «теперь вы можете меня отпустить». «Да, это мы знаем», - сказал один, смеясь. «Сидите смиренно», - сурово сказал другой. Так, мы, похоже, направляемся в сумасшедший дом. Это высокая цена. Но похоже, можно пройти и этим путем. Это не так уж странно, ведь тысячи наших ближних прошли этим путем.

Мы прибыли – большие ворота, холл – дружелюбно суеющийся управляющий – а еще два врача. Один из них невысокий толстый профессор.

Пр.: «Что за книгу вы взяли с собой?»

«Это Фома Кемпийский, «Подражание Христу»

¹¹⁸ 13 глава I книги «Подражания Христу» начинается так: «Пока мы в этом мире, нам придется сталкиваться с испытаниями и искушениями. Как сказано в Книге Иова – Что есть жизнь человека на земле, как не время искушения? Потому нам следует серьезно относиться к искушениям и стремиться бдительностью и молитвой удерживать дьявола, чтобы он не нашел лазейки. Помни, что дьявол никогда не спит, а рыщет в поисках добычи. Нет никого столь совершенно и святого, кто никогда не встречает искушения: мы не можем его полностью избежать» (стр. 46). Он продолжает, подчеркивая пользу искушения как средства, которым человек «смиряется, очищается и дисциплинируется».

¹¹⁹ Это цитата из «Cato Maior de Senectute» Цицерона («О старости»). Этот текст – хвалебная речь старости. Строки, цитированные Юнгом, в следующем отрывке выделены курсивом: «Omnino, ut mihi quidem videtur, rerum omnium satietas vitae facit satietatem. Sunt pueritiae studia certa; num igitur ea desiderant adulescentes? Sunt ineuntis adulescentiae: num ea cons tans iam requirit aetas quae media dicitur? Sunt etiam eius aetatis; ne ea quidem quaeruntur in senectute. Sunt extrema quaedam studia senectutis: ergo, ut superiorum aetatum studia occidunt, sic occidunt etiam senectutis; quod cum evenit, satietas vitae tempus maturum mortis affert». Перевод: «Несомненно, для меня, по крайней мере, что пресыщение всем вызывает пресыщение жизнью. Отрочество имеет свои стремления: жаждет ли их подросток? Подросток имеет свои стремления: нуждается ли в них взрослый или так называемый человек средних лет? Зрелость, в свою очередь, тоже имеет их, и в них не нуждается старость, и, наконец, есть те стремления, что подходят старости. Таким образом, как отступают наслаждения и стремления ранних периодов жизни, так и те, что свойственны старости; и когда это случается, человек пресыщается жизнью, и наступает время смерти».

Пр.: «Значит, форма религиозного безумия, совершенно ясная, религиозная паранойя.¹²⁰ – Видите ли, дорогой мой, в наши дни подражание Христу ведет в сумасшедший дом».

«В этом нет сомнения, профессор.»

Пр.: «У человека есть ум – у него определенно маниакальное обострение. Вы слышите голоса?»

«А то! Сегодня целая толпа анабаптистов кишела на кухне.»

Пр.: «Ну вот и оно. Голоса следуют за вами?»

«О нет, боже упаси, я призвал их.»

Пр.: «А, это немного иной случай, который ясно показывает, что галлюцинации напрямую вызывают голоса. Это в истории болезни. Вы не запишите это немедленно, доктор?»

«Со всем уважением, профессор, могу ли я сказать, что это ни в коем случае не является ненормальным, а скорее интуитивным методом.»

Пр.: «Прекрасно. Он еще и неологизмы использует. Что ж – я думаю, у нас есть достаточно ясный диагноз. В любом случае, желаю вам поскорее выздороветь, и уверен, что вы будете вести себя тихо.»

«Но профессор, я вовсе не болен, я чувствую себя вполне здоровым.»

Пр.: «Видите ли, дорогой мой, вы просто пока не осознаете своей болезни. Прогноз определенно плохой, в лучшем случае с ограниченным улучшением.»

Управляющий: «Профессор, может ли он оставить с собой книгу?»

Пр.: «Думаю, да, ведь это, кажется, безвредный молитвенник.»

Моя одежда инвентаризируется – затем ванна – наконец меня отводят в палату. Я вхожу в большую палату, где мне сказано лечь на кровать. Человек слева от меня лежит недвижно с пронзительным взглядом, а у человека справа, похоже, разум сильно уменьшился в охвате и весе. Я наслаждаюсь совершенной тишиной. Проблема безумия глубока. Во всяком случае, божественное безумие – высшая форма иррациональности жизни, текущей сквозь нас – никак не может быть интегрировано в современное общество – но как? Что, если общественная форма была интегрирована в безумие? Здесь начинается мрак, в котором не разглядеть конца.¹²¹

¹²⁰ В «Черной Книге 4» стоит: «параноидная форма Dementia praecox [шизофрении – прим. пер.]» (стр. 16).

¹²¹ В «Черновике» здесь появляется отрывок, парафраз которого таков: Поскольку я был мыслителем, мое чувство было низшим, древним и наименее развитым. Когда я посредством мышления столкнулся с немислимым и тем, что было недоступно моим мыслительным силам, я мог лишь усиленно продолжать двигаться тем же путем. Но я перегрузил одну сторону, и другая сторона глубоко утонула. Перегрузка – это не рост, который нам нужен (стр. 376).

Растение испускает направо росток, и когда он окончательно сформируется, естественное стремление к росту не продвинется дальше последней почки, по вернется обратно к стволу, к матери веточки, прокладывая неясный путь во тьме и по стволу, наконец найдя верное положение слева, где распустится новый росток. Но это новое направление роста полностью противоположно предыдущему. И тем не менее растение продолжает последовательно двигаться таким образом, без перенапряжения и не теряя равновесия.

Справа мое мышление, слева мое чувство. Я вхожу в пространство чувства, которое раньше мне было неизвестно, и с изумлением вижу разницу между двумя моими комнатами. Я не могу удержаться от смеха - смеха вместо слез. Я переступил с правой ноги на левую и вздрогнул от внутренней боли. Разница между горячим и холодным слишком велика. Я оставляю дух этого мира, который мыслил Христом до самого конца и вступаю в иной, радостно-пугающий мир, в котором смогу найти Христа снова.

«Подражание Христу» привело меня к самому учителю и его поразительному царству. Я не знаю, чего ищу здесь; я могу лишь следовать за учителем, который правит этим иным миром во мне. В этом мире верны не принципы мудрости, а иные законы. Здесь «милосердие Бога», на которое я никогда не полагался из практических соображений, является высшим законом действия. «Милосердие Бога» означает особое состояние души, в котором я вверяю себя ближним с трепетом и неуверенностью, но с великой надеждой, что все выйдет хорошо.

Я не могу больше сказать, что нужно достичь той или этой цели или что следует применить тот или этот довод, поскольку он хорош; вместо этого я иду наощупь во мраке и ночи. Не видно никаких путей, не появляется никакой закон; все глубоко и основательно случайно, в действительности даже пугающе случайно. Но одна вещь остается ужасающе ясной, а именно то, что это противоположно моему прежнему пути и всем его прозрениям и намерениям, а потому все ошибочно. Становится все яснее, что ничто более не направляет, как пыталась меня убедить надежда, на самом деле все сбивает с пути.

И до пронзающего ужаса становится ясно, что ты пал в безграничное, бездну, пустоту вечного хаоса. Он обрушивается перед тобой, будто подгоняемый ревущими крыльями урагана, сталкивающимися волнами моря.

У каждого есть тихое место в душе, где все самоочевидно и легко объяснимо, место, куда мы любим удаляться от сбивающих с толку возможностей жизни, потому что здесь все просто и ясно, обладает четким и ограниченным назначением. О чем еще в мире человек может сказать с такой убежденностью, как не об этом месте: «Ты ничто иное, как...» и он действительно говорит это.

Хотя это место лишь сглаженная поверхность, повседневная стена, не более, чем уютно укрепленная и регулярно полируемая оболочка над тайной хаоса. Если прорваться сквозь эту обыденнейшую из стен, ворвется переполняющий поток хаоса. Хаос не единичен, это нескончаемая множественность. Он не бесформен,

иначе он мог бы быть единичен, он наполнен образами, которые приводят в смятение и сокрушают своей полнотой.¹²²

Эти образы - мертвецы, не только твои мертвецы, а вообще все образы форм, которые ты принимал в прошлом, которые течение жизни оставило позади, но также и скопление мертвецов человеческой истории, призрачная процессия прошлого, океан по сравнению с каплями твоего жизненного отрезка. Я вижу по ту сторону тебя, по ту сторону зеркала твоих глаз, прорыв опасных теней, мертвых, жадно глядящих сквозь твои пустые глазницы, стонущих и надеющихся собрать через тебя воедино все упущенное в веках, которые вздыхают в них. Твоя неосведомленность ничего не доказывает. Приложи ухо к этой стене и услышишь шелест их процессий.

Теперь ясно, почему ты разместил простейшие и легко объяснимые вопросы именно в этом месте, почему восхвалял это умиротворенное местечко как самое безопасное: чтобы никто, а менее всего ты сам, смог обнаружить там тайну. Ведь это место, где мучительно сливаются ночь и день. То, что ты исключил из своей жизни, что осудил и проклял, все что пошло и могло пойти не так, ожидает тебя по ту сторону стены, перед которой ты тихо сидишь.

Если ты прочитаешь книги по истории, то найдешь людей, которые искали странное и невероятное, кто попадался или был заточен другими в волчьем логове; людей, искавших высшее и низшее, которые не до конца были стерты судьбой из списков живых. Мало кто из живущих сегодня знает их, и эти немногие ничто в них не ценят, лишь качая головой над такими заблуждениями.

Если ты дразнишь их, перед тобой появляется один из них, задыхаясь от ярости и отчаяния, что ты в оцепенении не уделяешь ему внимания. Он осаждает тебя бессонными ночами, иногда заботится о тебе в болезни, иногда действует поперек твоих намерений. Он делает тебя властолюбивым и гордым, он мучает тебя жаждой всего, что не приносит тебе никакой пользы, он поглощает твой успех в раздорах. Он сопутствует тебе как злой дух, которому ты не можешь дать освобождение.

Слышал ли ты о тех темных, кто инкогнито странствуют неподалеку от тех, кто правит днем, исподтишка вызывая волнения? Кто выдумывает жуткие вещи и не побрезгует никаким преступлением, чтобы прославить их Бога?

Поставь среди них Христа, величайшего среди них. Ему мало было разрушить мир, так что он разрушил себя. И потому был величайшим среди всех, и власти этого мира не дотянулись до него. Но я говорю о мертвых, павших жертвой власти, разрушенных силой, а не ими самими. Их орды населяют земли души. Если ты примешь их, они наполнят тебя обманами и восстанием против того, что правит миром. Из глубочайшего и высочайшего они придумывают опаснейшие вещи. Они были не обычными, они как прекрасные клинки из прочнейшей стали. Они не имеют ничего общего с ничтожными жизнями людей. Они жили на своих высотах и достигли низшего. Они забыли только об одном: они не прожили свое животное.

¹²² Отдельное примечание Юнга к каллиграфическому тому: «26.I.1919». Эта дата, похоже, указывает, когда эта часть была переписана в каллиграфический том.

Животное не восстает против своего вида. Подумай о животных: насколько они справедливы, как хорошо выдрессированы, как держатся освященного веками, как почтительны к земле, которая носит их, как держатся привычных маршрутов, как заботятся о младших, как вместе идут на пастбище и как тянут друг друга к весне. Среди них нет того, кто скрывает изобилие добычи и оставляет брата умирать от голода. Нет того, кто пытается распространить свою волю на весь свой вид. Нет того, кто делает из мухи слона. Животное живет, соответствуя жизни своих особей, ни превосходя, ни отставая от них.

Тот, кто не прожил свое животное, будет относиться к своему брату как к животному. Смири себя, проживи свое животное, чтобы правильно относиться к своему брату. Так ты спасешь всех странствующих мертвецов, что жаждут насытиться живыми. И чтобы ты ни делал, не превращай это в закон, ведь это высокомерие власти.¹²³

Когда пришло время, и ты открыл дверь мертвым, ужасы твои заденут также и брата, ведь выражение твоего лица свидетельствует о катастрофе. Потому удались и выбери одиночество, ведь никто не сможет дать тебе совет, если ты схватился с мертвецами. Не кричи о помощи, если мертвые окружают тебя, ибо иначе живые убегут, а ведь они теперь твой единственный мост. Живи дневной жизнью и не говори о таинствах, но посвети ночь принесению спасения мертвым.

Ведь кто бы с добрыми намерениями не избавил тебя от мертвецов, он оказал тебе худшую услугу, ведь он оторвал ветвь твоей жизни от дерева божественности. Он также грешит против восстановления того, что было создано, а позже порабощено и утрачено.¹²⁴ «Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, - потому что тварь покорилась суеде не добровольно, но по воле покорившего (ее), - в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих. Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится донныне».

Каждая ступенька вверх восстановит также ступеньку вниз, и так мертвые будут приведены к свободе. Сотворение нового бежит света дня, ведь суть его в тайне. Оно готовит разрушение именно этого дня в надежде привести его к новому творению. Нечто злое присоединилось к сотворению нового, что ты не можешь назвать вслух. Животное, ищущее новых охотничьих угодий, крадется, фыркая и принюхиваясь, по темным путям и не хочет неожиданностей.

Учтите, что страдание творения и есть то нечто злое в них, проказа души, отделяющая их от этой опасности. Они могут прославлять свою проказу как

¹²³ В 1930 г. Юнг сказал на семинаре: «Мы предвзяты по отношению к животным. Люди не понимают, когда я говорю, что они должны познакомиться со своими животными или ассимилировать их. Они думают, что животное всегда прыгает по стенам и превращает весь город в ад. Хотя по натуре животное - это добропорядочный гражданин. Оно набожно, оно с великим постоянством следует по пути, оно не делает ничего из ряда вон выходящего. Только человек экстравагантен. Так что если вы ассимилируете характер животного, то станете необычно законопослушным гражданином, будете двигаться очень медленно и будете разумны в своих путях, насколько это возможно» («Visions I», p. 168).

¹²⁴ В «Рукописном Черновике» на полях стоит: «Rom 8 19» (стр. 863). Далее следует цитата из Рим. 8:19-22.

добродетель и действительно могут делать это крайне изобретательно. Ибо это то, что делал Христос, и это подражание ему. Ибо только один был Христом, и только один может нарушить законы, как он. На его пути невозможно совершить большего нарушения. Исполни то, что приходит к тебе. Сломай Христа в себе, чтобы добраться до самого себя и, наконец, до твоего животного, которое выдрессировано в своем стаде и не хочет нарушать законы. Да будет этой трансгрессии, как преступления, достаточно, ибо ты не подражаешь Христу, но делаешь шаг назад от христианства и по ту сторону его. Христос принес спасение тем,

что был сведущ, а тебя спасет непригодность.

Ты подсчитывал мертвецов, которых почитал учитель жертвоприношений? Спрашивал ли ты их, по чьей вине, как они считают, настигла их смерть? Познал ли ты красоту их мыслей и чистоту их намерений? «И будут выходить и увидят трупы людей, отступивших от Меня; ибо червь их не умрет, и огонь их не угаснет».¹²⁵

Так отдайся наказанию, пойми, что пало жертвой ради христианства, положи перед собой и заставь себя принять это. Ведь мертвым нужно спасение. Неискупленных мертвецов стало больше, чем живых христиан; так что пришло время нам принять мертвых.¹²⁶

Не бросайся на то, что стало, в ярости или в жажде разрушения. Что ты дашь взамен? Знаешь ли ты, что если уничтожишь то, что стало, ты обратишь волю к разрушению против самого себя? Каждый, сделавший разрушение своей целью, погибнет от саморазрушения. Лучше уважай то, что стало, ибо почтение - это благословение.

Затем обратись к мертвецам,¹²⁷ прислушайся к их стенаниям и прими с любовью. Не будь их слепым представителем,¹²⁸ есть пророки, которые в конце концов сами побили себя камнями. Но мы ищем спасения и потому должны почитать то, что стало и принимать мертвых, которые порхали в воздухе и жили как летучие мыши под нашими крышами с незапамятных времен. Новое будет построено на старом и смысл того, что стало, будет множественным. Твоя бедность в том, что стало тобой, приведет к богатству в будущем.

Что ведет тебя к отдалению от христианства и его святого правила любви, так это мертвецы, которые не могут найти покой в Господе, ведь незаконченные дела

¹²⁵ Цитата из Ис. 66:24.

¹²⁶ «Черновик» продолжает: «Нас вел пророк, чья близость к Богу свела его с ума. В своей проповеди он слепо восстал против христианства, но был защитником мертвых, сделавших его своим представителем и глашатаем. Он оглушительно кричал, чтобы многие услышали, и сила его речи опалила тех, кто сопротивлялся смерти. Он предрек борьбу против христианства. Это тоже было хорошо» (стр. 387). Здесь ссылка на Ницше.

¹²⁷ «Черновик» продолжает: «...чьим защитником ты стал» (стр. 388).

¹²⁸ «Черновик» продолжает: «как тот неистовый пророк, не знавший, на чьей стороне он выступает, убедив себя, что говорит сам за себя и думая, что он был волей к разрушению» (стр. 388). Здесь ссылка на Ницше.

последовали за ними. Новое спасение - это всегда восстановление того, что было некогда утрачено. Разве не восстановил Христос кровавое человеческое жертвоприношение, обычай которого был исключен из священных практик с древних времен? Разве он не восстановил священную практику поедания человеческого жертвоприношения? В твоей священной практике то, что прежние законы осуждали, однажды будет включено в будущем снова.

Однако, как Христос вернул человеческое жертвоприношение и поедание жертвенного, все это случилось с ним, а не с его братом, ведь Христос поставил над этим высший закон любви, чтобы ни один брат не пострадал, но чтобы все смогли возрадоваться в восстановлении. Подобное случалось в древности, но теперь это случилось под законом любви.¹²⁹ Так что если у тебя нет почтения к тому, что стало, ты уничтожишь закон любви.¹³⁰ И что станет с тобой потом? Ты будешь принужден к восстановлению того, что было раньше, а именно жестоких деяний, убийства, греха и презрения к своему брату. И один станет чужим другому, и воцарится смятение.

Потому ты должен иметь почтение к тому, что стало, чтобы закон любви стал искупительным через восстановление низшего и прошлого, а не погибелью через безграничную власть мертвых. Но души тех, кто умер до срока, будут жить ради нашего нынешнего несовершенства, темными стаями меж потолочных балок в наших домах, осаждая слух настойчивыми стенаниями, пока мы не дадим им искупления через восстановление того, что существовало с древних времен под законом любви.

То, что мы зовем искушением - это просьбы мертвых, ушедших несовершенными, преждевременно из-за вины добра и закона. Ведь нет добра столь совершенного, чтобы оно было не способно на несправедливость и порчу того, что не должно быть испорчено.

Мы ослепленная раса. Мы живем лишь на поверхности, только в настоящем, и думаем только о завтрашнем дне. Мы грубо обращаемся с прошлым, не принимая мертвецов. Мы хотим иметь дело только с видимым успехом. Больше всего мы хотим платы. Мы посчитаем безумным совершать скрытую работу, которая не служит людям явным образом. Без сомнения, необходимость жизни заставила нас

¹²⁹ «Черновик» продолжает: «Ни один из христианских законов не отменен, мы даже добавляем еще один: принятие стенаний мертвых» (стр. 390).

¹³⁰ «Черновик» продолжает: «Это ничто иное, как обычное злое желание, ничто иное, как каждодневное искушение, пока ты не знаешь, что это то, чего требуют мертвые. Но пока ты знаешь о мертвых, ты будешь понимать свое искушение. Пока это не более, чем злое желание, что ты можешь знать об этом? Проклинай это, сожалей об этом, возрождайся, лишь чтобы снова спотыкаться, глумиться и ненавидеть себя, определенно презирая и жалея себя. Но если ты знаешь, чего требуют мертвые, искушение станет источником твоих лучших трудов, настоящим делом спасения. Когда Христос вознесся после исполнения своей работы, он повел за собой тех, кто умер преждевременно и несовершенным под законом тягот, отчуждения и грубого насилия. Стенания мертвых наполняли воздух в то время, и их несчастье стало столь громким, что даже живые были опечалены, и уставали и питали отвращение к жизни, и стремились умереть для этого мира уже в своих живых телах. И потому ты тоже поведешь мертвых к их завершению своей работой по спасению» (стр. 390-91).

предпочитать только те фрукты, которые мы можем попробовать. Но кто страдает больше от искушающего и сбивающего с пути влияния мертвых, чем те, кто полностью исчезли с поверхности земли?

Есть одна необходимая, но скрытая и странная работа - главная работа - которую должно исполнять в тайне, ради мертвых. Тот, кто не может достичь своего зримого поля и виноградника, держится впроголодь мертвыми, требующими от него работы по искуплению. И пока он ее не исполнит, ему не заняться внешней работой, ведь мертвые ему не позволят. Он должен будет искать свою душу и действовать недвижимо по их воле и совершить таинство, так что мертвые ему не позволят. Не засматривайся вперед, смотри назад и в себя, и тогда обязательно услышишь мертвых.

Таков путь Христа, взошедшего с немногими из живых, но со многими мертвыми. Его делом было спасение презренных и потерянных, ради которых он был распят меж двух преступников.

Я мучаюсь в агонии между двух безумцев. Я достигну истины, если спущусь. Приучи себя оставаться наедине с мертвыми. Это трудно, но только так ты сможешь открыть ценность своих живых спутников.

Что древние делали для своих мертвецов! Ты, кажется, считаешь, что можешь избежать заботы о мертвых и работы, которую они так настоятельно требуют, ведь то, что умерло, уже в прошлом. Ты оправдываешь себя неверием в бессмертие души. Ты думаешь, что мертвые не существуют, потому что ты придумал невозможность бессмертия? Ты веришь в своих идолов слов. Мертвые воздействуют, этого достаточно. Во внутреннем мире нет оправданий, так же ты не можешь оправдать море во внешнем мире. Ты должен наконец понять причину своих оправданий, а именно поиск защиты.¹³¹

Я принял хаос, и на следующую ночь моя душа приблизилась ко мне.

Глава 17 Nox tertia¹³²

133

Душа шептала мне, требовательно и тревожно: «Слова, слова, не говори слишком много слов. Замолчи и слушай: распознал ли ты свое безумие и признал ли его? Заметил ли, что все твои устои полностью увязли в безумии? Хочешь ли ты

¹³¹ «Черновик» продолжает: «Ты используешь старую словесную магия, чтобы защитить себя суеверием, ведь ты все еще бессильное дитя в древнем лесу. Но мы можем видеть по ту сторону твоей словесной магии, и она оказывается бессильной, и ничто не защитит тебя от хаоса, кроме принятия» (стр. 395).

¹³² Третья ночь

признать свое безумие и дружески приветствовать его? Ты хотел принять все. Так прими и безумие. Да воссияет свет твоего безумия, и неожиданно снизойдет на тебя. Безумие не следует презирать и бояться, напротив, ты должен дать ему жизнь».

Я: «Слова твои звучат жестоко и задача, которую ты на меня накладываешь, тяжела».

Д.: «Если ты хочешь найти пути, не следует и презирать безумие, ведь оно является столь важной частью твоей натуры».

Я: «Я не знал об этом».

Д.: «Радуйся, что можешь его распознать, ведь только так ты не станешь его жертвой. Безумие есть особая форма духа, цепляющаяся ко всем учениям и философиям, но в особенности - к повседневной жизни, ведь жизнь сама полна сумасшествия и, в сущности, совершенно нелогична. Человек стремится к смыслу лишь потому, что на его основе может создать для себя правила. В самой жизни правил нет - это ее тайна и неведомый закон. То, что ты называешь знанием, лишь попытка приложить к жизни нечто понятное»

Я: «Все это звучит весьма уныло, и тем не менее подталкивает меня не согласиться».

Д.: « Тебе не с чем не соглашаться - ты в сумасшедшем доме».

Здесь толстый маленький профессор - это он так говорил? Я принял его за свою душу?

Проф.: «Да, дорогой мой, вы запутались. Ваша речь совершенно бессвязна».

Я: «Я тоже думаю, что совершенно затерялся. Я действительно безумен? Все это ужасно запутано».

Проф.: «Запаситесь терпением, все пройдет. В любом случае, доброго сна».

Я: «Спасибо, но я боюсь».

Все во мне в полном беспорядке. Проблемы становятся серьезными, а хаос приближается. Это полное дно? Хаос - это тоже основание? Если бы только не было этих ужасных волн. Все разбивается на части, как черные волны. Да, я вижу и понимаю: это океан, всемогущий ночной прилив - движется корабль - большой пароход - я у входа в задымленную кают-компанию - много людей - прекрасные одежды - все они смотрят на меня в изумлении - кто-то подходит ко мне и говорит: «В чем дело? На вас лица нет! Что случилось?»

Я: «Ничего - то есть - думаю, я сошел с ума - пол качается - все движется -»

Кто-то: «Море что-то бурное этим вечером, вот и все - выпейте пунша - у вас морская болезнь».

Я: «Вы правы, у меня морская болезнь, но особенная - я действительно в сумасшедшем доме».

Кто-то: «Ну вот, вы уже шутите, значит, приходите в себя».

Я: «Это, по-вашему, остроумие? Только что профессор объявил меня подлинно и совершенно безумным».

Невысокий толстый профессор действительно сидит за зеленым столом, играя в карты. Он поворачивается ко мне, услышав мои слова, и смеется: «Ну, куда же вы пропали? Идите сюда. Не хотите выпить? Ну вы и фрукт, скажу я вам. Вы взбудоражили этим вечером всех дам».

Я: «Профессор, для меня это больше не шутка. Только что я был вашим пациентом -»

Кают-компания заходится неудержимым хохотом.

Проф.: «Надеюсь, я вам не очень досадил».

Я: «Ну, попасть в сумасшедший дом - дело не пустяковое».

Человек, с которым я говорил до этого, неожиданно подходит и заглядывает мне в лицо. У него черная борода, взъерошенные волосы и темные сияющие глаза. Он страстно говорит мне: «Со мной случилось кое-что похуже, пять лет я провел здесь».

Я осознаю, что это мой сосед, по-видимому, очнувшийся от своей апатии и теперь сидящий на моей кровати. Он продолжает говорить яростно и настойчиво: «Но я Ницше, лишь перекрещенный, я также Христос, Спаситель, и я помазан спасти мир, но они мне не дали».

Я: «Кто не дал?»

Дурак: «Дьявол. Мы в Аду. Но конечно, вы этого пока не заметили. Я до второго года здесь не замечал, что управляющий - дьявол».

Я: «Вы имеете в виду профессора? Звучит невероятно».

Дурак: «Вы невежда. Я должен был обручиться с матерью Бога очень давно.¹³⁴ Но профессор, этот дьявол, овладел ею. Каждый вечер, когда садится солнце, он зачинает с ней ребенка. Утром до рассвета она рождает его. Тогда все дьяволы собираются и убивают ребенка ужасным ¹³⁵ / образом. Я отдаленно слышу его крики».

Я: «Но то, что вы говорите - чистой воды мифология».

¹³⁴ В «Отношении между я и бессознательным» (1928 г.) Юнг ссылается на случай человека с параноидальной шизофренией, которого он встретил в Бургхольцли, бывшего в телепатической связи с Богородицей (CW 7, §229).

¹³⁵ Описание рисунка: «Этот материальный человек слишком высоко поднялся в мир духов, но дух сердца прорывается сквозь него с золотым лучом. Он падает с радостью и рассыпается. Змея, что есть зло, не может оставаться в мире духов».

Дурак: «Вы сумасшедший и ничего не понимаете. Вы заключены в сумасшедший дом. Боже мой, почему семья постоянно запирает меня с сумасшедшими? Я должен спасти мир. Я Спаситель!»

Он снова ложится, погрузившись обратно в апатию. Я хватаюсь за края кровати, чтобы защититься от ужасных волн. Я смотрю в стену, чтобы хоть за что-то удержаться глазами. По стене бежит горизонтальная линия, ниже она покрашена темнее. Перед ней батарея отопления - это ограждение, а за ним я вижу море. Линия - это горизонт. И сейчас в красном сиянии встает солнце, одинокое и величественное - в нем крест, с которого свисает змея - или это бык, вскрытый, как на бойне, или это осел? Полагаю, на самом деле это баран с короной из шипов - или это распятый, я сам? Солнце мученичества встало и разливает кровавые лучи над морем. Это зрелище длится долгое время, солнце встает выше, его лучи становятся светлее¹³⁶ и жарче, и солнце раскаляется добела над голубым морем. Зыбь утихла. Щедрый и тихий летний рассвет встает над пенистым морем. Поднимается соленый запах воды. Слабая широкая волна разбивается о песок с глухим шумом, и постоянно возвращается, двенадцать раз, удары мировых часов¹³⁷ - двенадцатый час пробил. И приходит тишина. Ни шума, ни дуновения. Все замерло в мертвой неподвижности. Я жду, втайне тревожась. Я вижу дерево, поднимающееся из моря. Его макушка достигает Небес, а корни тянутся в Ад. Я совершенно один, в унынии, наблюдаю издали. Словно вся жизнь истекла из меня и полностью перешла в непостижимое и пугающее. Я совершенно обессилен и ни на что не способен. «Спасение», - шепчу я. Станный голос произносит: «Здесь нет спасения,¹³⁸ ты должен оставаться спокойным, или потревожишь других. Сейчас ночь, и другие люди хотят спать». Я вижу, что это служитель. Комната смутно освещена слабой лампой и наполнена печалью.

Я: «Я не смог найти дороги».

Он говорит: «Тебе не нужно сейчас искать дорогу».

Он говорит правду. Путь, или что бы то ни было, по которому идут люди - это наш путь, верный путь. В будущее нет мощных дорог. Мы говорим, что это тот путь, и это действительно так. Мы строим дороги, идя по ним. Наша жизнь - это истина, которую мы ищем. Только моя жизнь - истина, наивысшая из всех. Мы создаем истину, живя ее.

[2] Это ночь, в которую прорываются все запруды, ночь, в которой все, бывшее неподвижным, смещается, камни обращаются в змей, а все живое замирает. Это паутина слов? Если да, то это адская паутина для пойманных в нее.

¹³⁶ Отдельное примечание Юнга в каллиграфическом томе: «22.3.1919». Это, видимо, указывает на то, когда отрывок был перенесен в каллиграфический том.

¹³⁷ В «Психологии и алхимии» (1938 г.) Юнг комментировал символизм мировых часов (CW 11, §110ff).

¹³⁸В «Комедии» Данте на вратах Ада начертаны следующие слова: «Оставь надежду, всяк сюда входящий».

Адские паутины слов, одних лишь слов, но что есть слова? Будь осторожен со словами, правильно их оценивай, подбирай безопасные слова, слова без ловушек, не сплетай их с другими, чтобы не вышла паутина, ибо ты первый попадешься в нее.¹³⁹ Ибо у слов есть смысл. Словами ты поднимаешь преисподнюю. Словами – ничтожнейшими и могущественнейшими. В словах пустота и полнота сливаются вместе, поэтому слово – образ Бога. Слово – это величайшее и мельчайшее, что создал человек, как то, что создано через человека было величайшим и мельчайшим.

Так что если я паду жертвой паутины слов, я паду жертвой величайшего и мельчайшего. Я предан милости моря, зарождающихся волн, что вечно перемещаются. Суть их в движении, и движение – их устройство. Тот, кто борется с волнами, предан воле случая. Труд людей основателен, но он плавает в хаосе. Стремления людей кажутся безумствами тому, кто приходит с моря. Но люди считают безумцем его.¹⁴⁰ Тот, кто приходит из моря, болен. Он с трудом выносит взгляд людей. Ведь для него все они кажутся пьяными и одурманенными снотворными зельями. Они хотят придти к тебе на помощь, а что до принятия помощи, ты скорее захочешь обманным путем пробраться в их компанию, притворившись тем, кто никогда не видел хаос, и лишь говорит о нем.

Но для того, кто видел хаос, укрытия больше нет, ведь он знает, что основы шатаются и знает, что означает эта качка. Он видел порядок и беспорядок бесконечного, он знает незаконные законы. Он знает море и не может забыть его. Хаос ужасен: дни полны свинца, ночи полны ужаса.

Но как Христос знал, что он путь и истина и жизнь, в том, что новое мучение и новое спасение приходит через него в мир,¹⁴¹

Как последователи Христа признали, что Бог стал плотью и жил среди них как человек, помазанником этого времени стал Бог, который не появился во плоти; он не человек и тем не менее сын человека, но в духе и не во плоти; потому он может

¹³⁹ «Черновик» продолжает: «Ибо слова не просто слова, а смыслы, которые за ними стоят. Они привлекают эти смыслы, как демонические тени» (стр. 403).

¹⁴⁰ «Черновик» продолжает: «Однажды увидев хаос, взгляни на свое лицо: ты видел больше, чем смерть и могилу, ты видел дальше, и лицо твое несет печать того, кто видел хаос и был человеком. Многие проходят, но они не видят хаос; но хаос их видит, пристально смотрит и налагает на них свои особенности. И они навеки отмечены. Зови такого безумцем, ибо он и есть безумец; он стал волной и потерял все человеческое, свое постоянство» (стр. 404).

¹⁴¹ Предыдущее зачеркнуто в «Исправленном Черновике», и Юнг написал на полях: «Отождествление...»

быть рожден лишь духом человека как порождающим лоном Бога.¹⁴² Что сделано для этого Бога, ты делаешь для низшего в себе, по закону любви, в соответствии с которым ничто не отвергается. Ибо как иначе низшее в тебе может быть спасено от порочности?¹⁴³ / Кому принять твое низшее, как не тебе? Но тот, кто делает это не из любви, а из гордости, самолюбия и жадности, проклят. Ни одно из проклятий тоже не изгоняется.¹⁴⁴

Если ты принимаешь низшее в себе, страдание неизбежно, ведь ты делаешь основное и отстраиваешь то, что лежит в руинах. Есть много могил и трупов в них, злой смрад гниения.¹⁴⁵ Как Христос муками освящения покорил плоть, так Бог этого времени мукой освящения покорит дух. Как Христос мучал плоть духом, так Бог

¹⁴² Юнг проработал этот вопрос в «Ответе Иову» (1952 г.), где изучал исторические трансформации иудео-христианских образов Бога. Основной темой его было продолжающееся воплощение Бога после Христа. Комментируя Откровение, Юнг утверждал, что: «С тех самых пор, как апокалиптик Иоанн впервые столкнулся (возможно, бессознательно) с конфликтом, к которому неизбежно ведет христианство, человечество отягощено этим: Бог хотел и хочет стать человеком» (CW II, §739). По мнению Юнга, есть прямая связь между взглядами Иоанна и Экхарта: «Это волнующее вторжение породило в нем образ божественного спутника, чей образ живет в каждом человеке: образ ребенка, которого Мейстер Экхарт также встречал в видении. Он знал, что Бог в одной лишь своей Божественности лишен блаженства, но должен быть рожден в человеческой душе. Воплощение Христа - это прообраз, который постоянно передается творению Святым Духом» (Ibid., §741). В современности Юнг придавал огромное значение папской булле *Assumptio Maria*. Он считал, что она «указывает на *hieros gamos* в Плероме и это, в свою очередь, подразумевает, как мы уже сказали, будущее рождение божественного ребенка, который, в соответствии с божественным стремлением к воплощению, выберет местом своего рождения эмпирического человека. Этот метафизический процесс известен в психологии бессознательного как процесс *индивидуации*» (Ibid., §755). В отождествлении с продолжающимся воплощением Бога в душе процесс индивидуации находит свое окончательное значение. 3 мая 1958 г. Юнг писал Мортону Келси: «Подлинная история мира, кажется, является последовательным воплощением божества» («Письма 2», стр. 436).

¹⁴³ Описание рисунка: «Змея за смертью падает на землю. И то была пуповина нового рождения». Змея сходна со змеей на рис. 109. В «Черной Книге 7» от 27 января 1922 г. душа Юнга ссылается на рисунки 109 и 111. Его душа говорит: «огромное облако вечной ночи ужасно. Я вижу желтый сверкающий удар в этом облаке с верхнего левого угла в форме неровной молнии, а за ним в облаке непонятный красноватый свет. Оно не движется. Я вижу под облаком и молнией мертвую черную змею. Она не движется. Под облаком я вижу мертвую черную змею, и молния ударяет в ее голову как копье. Рука, огромная, как у Бога, метнула копье, и все замерло, как мрачная картина. Что она пытается сказать. Помнишь тот рисунок, нарисованный тобой много лет назад, тот, на котором черный и красный человек с черной и белой змеей убит лучом Бога [т.е. рисунок 109]? Этот рисунок, кажется, следует за ним, ведь после ты также нарисовал мертвую змею [т.е. рисунок 111], и узрел ли ты мрачный рисунок этим утром, рисунок человека в белой мантии и с черным лицом, как у мумии?» Я: «А теперь, что это значит теперь?» Душа: «Это образ твоей самости» (стр. 57).

¹⁴⁴ «Черновик» продолжает: «Но тот, кто действует по закону любви, выйдет за пределы страдания, сядет за столом помазанника и узрит божью славу» (стр. 406).

¹⁴⁵ «Черновик» продолжает: «Но Бог придет к тем, кто принял на себя свое страдание по закону любви, и он установит с ними новую связь. Ибо предсказано, что помазанник должен вернуться, но больше не во плоти, а в духе. И как Христос вел плоть ввысь сквозь муку спасения, помазанник этого времени поведет вверх по мукам спасения дух» (стр. 407).

этого времени будет мучать дух плотью. Ибо наш дух стал дерзкой шлюхой, рабом слов, созданных человеком, а вовсе не самим божественным словом.¹⁴⁶

Низшее в тебе - источник милости. Мы принимаем эту болезнь на себя, неспособность найти мир, низость и презренность, чтобы Бог смог исцелиться и в сиянии вознестись, очищенный от тления смерти и праха преисподней. Презренный узник вознесется к спасению сияющим и совершенно исцеленным.¹⁴⁷

Есть ли страдание слишком большое, чтобы его можно было вынести ради нашего Бога? Ты видишь только одно и не замечаешь другого. Но где есть одно, есть и другое, и это низшее в тебе. Но низшее в тебе - это также глаз зла, что направлен на тебя и смотрит холодно, засасывая твой свет в темную бездну. Благослови руку, что удерживает тебя здесь, мельчайшую человечность, нижайшую живую вещь. Очень немногие предпочитают смерть. Поскольку Христос наложил на человечество

¹⁴⁶ «Черновик» продолжает: «Низшее в тебе - это камень, который отвергли строители. Он станет главой угла. Низшее в тебе вырастет, как рисовое зерно на сухой земле, вознесется из песков самой бесплодной пустыни и поднимется и встанет весьма высоко. Спасение придет к тебе из отвергнутого. Твое солнце поднимется из мутных болот. Как все остальные, ты помазан в низшем своем, потому что облик его уродливее твоего образа, который ты любишь. Низшее твое - это самое презренное и наименее оцененное, полное боли и болезни. Он был так презрен, что отвращали лицо свое от него, ни во что его не ставили, и даже сказано, что он не существовал, ибо стыдился он и презирал самого себя. На самом деле, оно несет наши болезни и мучается нашей болью. Мы считаем его проклятым и наказанным Богом из-за его презренного уродства. Он изранен и впал в безумие ради нашей праведности; он распят и раздавлен ради нашей красоты. Мы предаем его наказанию и мученичеству, чтобы обрести мир. Но мы примем его болезнь на себя, и спасение придет к нам через наши собственные раны» (стр. 407-8). Первая строка относится к Пс. 117:22. Весь отрывок перекликается с Ис. 53, которую Юнг цитировал выше.

¹⁴⁷ «Черновик» продолжает: «Почему бы нашему духу не принять на себя мучение и беспокойство ради освящения? Но все это придет к тебе, ибо я уже слышу шаги тех, кто несет ключи от врат в глубины. Долины и горы, что наполнятся шумом битв, стенания, что вознесутся из бесчисленных селений - предзнаменования того, что грядет. Видения мои истинны, ибо я узрел грядущее. Но ты не должен мне верить, ибо иначе свернешь со своего пути, верного пути, что ведет прямо к твоему страданию, которое я видел впереди. Да не собьет вера тебя с пути, прими совершенное неверие, оно хранит тебя на пути. Прими свое предательство и вероломство, свою надменность и лучшее знание, и ты найдешь безопасный и верный путь, что ведет к твоему низшему; и что ты делаешь для своего низшего, ты сделаешь для помазанника. Не забудь: Ничто не отвергается по закону любви, но многое к нему прибавляется. Проклятие наводит на себя тот, кто убивает в себе способного к любви, ибо орды мертвецов, погибших ради любви, неисчислимы, и могущественнейший из этих мертвецов - Господь Христос. Обращаться почитательно с этими мертвецами - мудрость. Очистительные муки ожидают того, кто убивает в себе способного к любви. Ты будешь стеной и выть из-за невозможности соединить низшее в тебе с законом тех, кто любит. Я говорю тебе: Как Христос покорил природу физического духу по закону слова отца, природа духа будет подчинена физическому по закону работы по спасению посредством любви, исполненной Христом. Ты боишься опасности, но знай, что где близок Господь, опасность величайшая. Как тебе распознать помазанника, не подвергшись опасности? Можно ли обрести драгоценный камень за медную монету? Низшее в тебе пугает тебя. Страх и сомнение сторожат врата на твоём пути. Низшее в тебе непредвиденно, ибо ты его не видишь. Потому оформи и узри его. Так ты откроешь врата потокам хаоса. Солнце восходит из самого темного, сырого и холодного. Незнающие люди этого времени видят только одно; они не видят другое, приближающееся к ним. Но если одно существует, то существует и другое» (стр. 409-10). Здесь Юнг неявно цитирует вступительные строки «Патмоса» Фридриха Гёльдерлина, который был одним из его любимых стихотворений: «Близок / Господь, да не ухватить, / Но где опасность, / Там спасение таится». Юнг обсуждал его в «Трансформациях и символах либидо» (1912, CW B, §651f).

кровавое жертвоприношение, обновленный Бог тоже не обойдется без кровопролития.

Отчего же одеяние твое красно, и ризы у тебя, как у топтавшего в точиле? Я топтал точило один, и никого не было со мною; и я топтал себя в гневе моем и попирал себя в ярости моей. Кровь моя брызгала на ризы мои, и я запятнал все одеяние свое. Ибо день мщения в сердце моем, и год моего искупления настал. Я смотрел, и не было помощника; дивился, что не было поддерживающего: но помогла мне мышца моя, и ярость моя - она поддерживала меня. И попра я себя в гневе моем, и опьянился от ярости, и пролил на землю кровь свою.¹⁴⁸ Ибо принял я злодеяния свои на себя, чтобы Бог мог исцелиться.

Как Христос сказал, что не мир он пришел принести, но меч,¹⁴⁹ так и тот, в ком Христос становится совершен, не принесет себе мир, но меч. Он восстанет против себя, и одно обратится в нем против другого. Он также возненавидит то, что любит больше всего. Он будет подвергнут в себе избиению, осмеянию и отправлен на муку распятия, и никто не поможет и не облегчит мучения.

Как Христос был распят меж двух разбойников, низшее лежит по обе стороны нашего пути. И как один разбойник отправился в Ад, а другой вознесся на Небеса, низшее в нас разделится на две половины в наш судный день. Одно будет обречено на проклятие и смерть, другое вознесется.¹⁵⁰ Но много времени пройдет, пока ты увидишь, что обречено на смерть, а чему предназначено жить, ибо низшее в тебе все еще не разделено и пребывает едино, в глубоком сне.

Если я принимаю низшее во мне, я сажаю зерно в почву Ада. Это зерно неразлично мало, но древо моей жизни растет из него и соединяет то, что Внизу с тем, что Вверху. На обоих концах огонь и пылающие уголья. Верх веет огнем, как и Низ. Меж невыносимых огней прорастает твоя жизнь. Ты повешен меж двух полюсов. Неизмеримо пугающим движением натянутая подвеска качается вверх и вниз.¹⁵¹

Потому мы боимся наше низшее, ибо то, чем человек не обладает, навеки едино с хаосом и совокупно с его загадочными приливами и отливами. По мере того, как я принимаю низшее во мне - а именно то красное раскаленное солнце глубин - и, таким образом, становлюсь жертвой путаницы хаоса, высшее сияющее солнце тоже поднимается. Потому тот, кто стремится к высшему, находит глубочайшее.

¹⁴⁸ Эти строки на самом деле цитата из Ис. 63:2-6.

¹⁴⁹ Мф. 10:34: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю: не мир пришел Я принести, но меч».

¹⁵⁰ В «Ответе Иову» (1952 г.) Юнг писал о Христе на кресте: «Эта картина дополняется двумя разбойниками, один из которых отправляется в ад, а другой - в рай. Трудно вообразить лучшее представление проблемы противоположностей в центральном христианском символе» (CW 11, §659).

¹⁵¹ Дитерих отмечает, что в «Горгии» Платона есть упоминание о том, что преступников вешают в Аиде («*Nekiyá*», стр. 117). У Юнга в списке ссылок на обороте его копии «*Nekiya*» отмечено: «117 повешение».

Чтобы избавить людей своего времени от повешения, Христос в сущности принял эту муку на себя и учил их: «Будьте хитры, как змеи и простодушны, как голуби».¹⁵² Ибо хитрость даст совет против хаоса, а простодушие скроет его ужасный аспект. Так человек может выйти на безопасный срединный путь, ограниченный и сверху, и снизу.

Но мертвецы Вверху и Внизу возвышаются, и их требования становятся все громче. И благородные, и бесчестные восстают вновь и, неосторожные, нарушают закон примирения. Они распахивают двери и вверх, и вниз. Они увлекают за собой многих к высшему или низшему безумию, так сея смятение и уготовляя путь тому, что грядет.

Но тот, кто идет к одному и это же время не идет к другому, принимая то, что предстает перед ним, попросту учит и живет одним и обращает его в реальность. Ибо он будет его жертвой. Если вы идете к одному и потому считаете иное, приближающееся, врагом, вы будете бороться с иным. Вы будете это делать, потому что не смогли распознать, что иное тоже в вас. Напротив, вы считаете, что иное каким-то образом приходит снаружи и думаете, что усмотрели его во взглядах и действиях ближнего, которые противоречат вашим. Так вы сражаетесь с другим и совершенно ослеплены.

¹⁵² Мф. 10:16: «Вот, Я посылаю вас как овец среди волков: итак, будьте мудры, как змии и просты, как голуби».

Но тот, кто принимает приближающееся к нему, потому что оно тоже в нем, больше не спорит и не пререкается, но смотрит в себя и хранит молчание. / [Image 113]¹⁵³ /

¹⁵³ Описание рисунка: «Это образ божественного ребенка. Он означает завершение долгого пути. Как только рисунок был закончен в апреле 1919 г. и уже началась работа над следующим, пришел тот, кто принес, как предсказывал ΦΙΛΗΜΩΝ [Филемон]. Я назвал его ΦΑΝΗΣ [Фанес], ибо он - недавно появившийся Бог». может быть астрологическим знаком Солнца. В орфической теологии Эфир (Aither) и Хаос рождены из Хроноса. Хронос создает яйцо в Эфире. Яйцо разделяется на два, и появляется Фанес, первый из Богов. Гутрик писал, что «он изображался изумительно прекрасным, фигурой из сияющего света с золотыми крыльями за плечами, четырьмя глазами и головами различных животных. Оно обоепол, ибо должен был самостоятельно создать расу богов» («*Orpheus and Greek religion: A Study of the orphic Movement*» London: Methuen, 1935, стр. 80). В «Трансформациях и символах либидо» (1912 г.), обсуждая мифологические концепции творящей силы, Юнг привлекает внимание к «орфической фигуре Фанеса, «Сияющего», перворожденного, «Отца Эроса». В орфических терминах, Фанес также обозначает Приапа, бога любви, андрогинного и равного фиванскому Дионису Лисию. Орфический смысл Фанеса тот же самый, что и у индийского Камы, бога любви, который также является космологическим принципом» (CW B, §223). Фанес появляется в «Черной Книге 6» осенью 1916 г. Его атрибуты соответствуют классическим изображениям, и он описывается как сверкающий, Бог красоты и света. В юнговской копии «*Ancient Fragments of the Phoenician, Chaldean, Egyptian, Tryian, Carthaginian, Indian, Persian, and Other Writers; With an Introductory Dissertation; And an Inquiry into the philosophy and Trinity of the Ancients*» Исаака Кори есть подчеркивания в разделе, содержащем орфическую теогонию, загиб страницы и отметка у следующего предложения: «они изображали богом порождающее и порожденное яйцо, или белое одеяние, или облако, потому что Фанес порождается из всего этого» ([London: William Pickering, 1832], стр. 310). Фанес - это Бог Юнга. 18 сентября 1916 г. Фанес описывается как золотая птица («Черная Книга 6», стр. 119). 20 февраля 1917 г. Юнг ссылается на Фанеса как на вестника Абракасаса (ibid., стр. 167). 20 мая 1917 г. Филемон говорит, что он станет Фанесом (ibid., стр. 195). 11 сентября Филемон описывает его так: «Фанес - это Бог, который поднимается сияющим из вод. / Фанес - это улыбка рассвета. / Фанес - это блистательный день. / Он бессмертное настоящее. / Он - фонтанирующие потоки. / Он - шелест ветра. / Он голод и насыщение. / Он любовь и возжелание. / Он стенание и утешение. / Он обещание и исполнение. / Он свет, освещающий всякую тьму. / Он вечный день. / Он серебристый свет луны. / Он - мерцающие звезды. / Он вспыхивающая звезда, что сияет и падает и гаснет. / Он поток вспыхивающих звезд, что возвращаются каждый год. / Он возвращение солнца и луны. / Он блуждающая звезда, что приносит войны и благородное вино. / Он добро и полнота года. / Он исполняет часы жизнеутверждающим очарованием. / Он любовные объятия и шепот. / Он теплота дружбы. / Он надежда, что оживляет пустоту. / Он великолепие всеобновленных солнц. / Он радость в каждом рождении. / Он - цветущие цветы. / Он - бархатное крыло бабочки. / Он - запах цветущих садов, что наполняет ночи. / Он песня радости. / Он древо света. / Он совершенство, всеисполнение. / Он все благозвучное. / Он весьма сдержан. / Он священное число. / Он обещание жизни. / Он договор и священная клятва. / Он разнообразие звуков и цветов. / Он освящение утра, полудня и вечера. / Он великодушен и мягок. / Он спасение... / В действительности, Фанес - это счастливый день... / В действительности, Фанес - это работа, ее исполнение и вознаграждение. / Он трудная задача и вечерний покой. / Он шаг на срединном пути, его начало, его середина и его конец. / Он предвидение. / Он конец страха. / Он прорастающее зерно, раскрывающаяся почка. / Он врата принятия, приема и внесения. / Он весна и пустыня. / Он безопасная гавань и штормовая ночь. / Он уверенность в безрассудстве. / Он устойчивое в разложении. / Он освобождение из заточения. / Он помощь и сила в продвижении. / Он друг человека, свет, исходящий от человека, яркое сияние, которое человек видит на своем пути. / Он величие человека, его ценность и его сила» («Черная Книга 7», стр. 16-19). 31 июля 1918 г. сам Фанес говорит: «Таинство летнего утра, весна и океан четырех течений, свершение четырех страданий и четырех радостей, отец и мать Богов четырех ветров, распятие, погребение, воскрешение и божественное усовершенствование человека, высшее действие и небытие, мир и зерно, вечность и мгновение, бедность и изобилие, эволюция, смерть и возрождение Бога, рожденного вечно творящей силой, сверкающего в вечном

Он видит древо жизни, корни которого достигают Ада, а макушка касается Небес. Он также больше не знает различий:¹⁵⁴ кто прав? Что свято? Что высшее? Что доброе? Что верно? Он знает только одно различие: различие между низом и верхом. Ибо он видит, что древо жизни растет снизу вверх, и макушка его вверху, ясно отличающаяся от корней. Для него это неоспоримо. Потому он знает путь к спасению.

Отучиться от всех различений, которые касаются направления - часть твоего спасения. Так ты освобождаешь себя от древнего проклятия знания добра и зла. Из-за того, что ты отделял добро от зла в соответствии со своими оценками, жаждал только добра и отвергал зло, которое все равно совершал и не принял, корни твои больше не вскормлены темным питанием глубин, и древо твое стало больным и вянущим.

Потому древние сказали, что после того, как Адам съел яблоко, райское древо засохло.¹⁵⁵ Жизни твоей нужно темное. Но если ты знаешь, что это зло, ты больше не можешь его принять, испытываешь страдания и не знаешь, почему. И не можешь принять его как зло, ведь иначе добро отвергнет тебя. И не можешь отвергнуть, потому что знаешь добро и зло. Из-за этого знание добра и зла было неодолимым проклятием.

Но если ты вернешься к изначальному хаосу и признаешь то, что вешает растянутым меж двух полюсов огня, ты заметишь, что больше не разделяешь добро и зло окончательно, ни через чувство, ни через знание, но различаешь лишь направление роста снизу вверх. Так ты забываешь различие меж добром и злом, и больше не знаешь, пока твое древо растет снизу вверх. Но как только рост прекращается, то, что было едино в росте, распадается и ты снова различаешь добро и зло.

Ты никогда не сможешь отбросить знание добра и зла, предав свое добро, чтобы жить злом. Ибо как только ты разделяешь добро и зло, ты различаешь их. Они едины только в росте. Но ты растешь, если замер в величайшем сомнении, и потому непреклонность в величайшем сомнении - подлинный цветок жизни.

Тот, кто не выносит сомнения, не выносит самого себя. Такой сомнителен; он не растет и потому не живет. Сомнение - признак сильнейших и слабейших. Сильные имеют сомнение, но сомнение владеет слабыми. Потому слабейшие близки сильнейшим, и если он может сказать сомнению: «Я владею тобой», тогда он сильнейший.¹⁵⁶ Но никто не может сказать «да» своему сомнению, не предавшись распаханному хаосу. Потому так много среди нас тех, кто может говорить о чем угодно, обращая внимание на то, чем они живут. То, что говорится, может быть слишком много или слишком мало. Так исследуй его жизнь.

¹⁵⁴ Отдельное примечание Юнга в каллиграфическом томе: 14. IX. 1922.

¹⁵⁵ В «Трансформациях и символах либидо» (1912 г.) Юнг ссылается на легенду, по которой древо завяло после грехопадения (CW B, §375).

¹⁵⁶ «Черновик» продолжает: «Потому Христос учил: Блаженны нищие, ибо ваше есть царство Небесное» (стр. 416). Это ссылка на Лк. 6:20.

Речь моя ни светла, ни темна, ибо это речь того, кто растет.

Глава 17 Нох quarta¹⁵⁷

158

Я слышу рев утреннего ветра, что пришел с гор. Ночь была преодолена, когда вся моя жизнь была предана вечному смятению и растянута меж двух полюсов огня.

Душа говорит со мной радостным голосом: «Дверь должна быть снята с петель, чтобы дать свободный проход отсюда туда, между да и нет, между левым и правым. Между всеми противоположными вещами следует проложить широкий проход, от одного полюса к другому должны вести светлые ровные улицы. Следует установить весы, стрелка которых мягко качается. Следует разжечь пламя, которое не задует ветер. Поток должен течь к своей глубочайшей цели. Стада диких животных должны двигаться на пастбища по своим старым охотничьим тропам. Жизнь должна продолжаться, от рождения до смерти, от смерти к рождению, нерушимая, как путь солнца. Все должно идти своим путем».

Так говорит моя душа. Но я неумышленно и ужасно заигрываю с самим собой. Это день или ночь? Я сплю или проснулся? Я жив или уже мертв?

Слепая тьма окружает меня — великая стена — серый сумеречный червь ползет по ней. У него круглое лицо, он смеется. Смех конвульсивен и на самом деле приносит облегчение. Я открываю глаза: толстая повариха стоит передо мной: «Вы знатный соня, должна сказать. Вы проспали больше часа».

Я: «Правда? Я спал? Мне, должно быть, снилось, что за ужасная игра! Я уснул в кухне? Это действительно мир матерей?»¹⁵⁹

«Выпейте воды, вы все еще сонный»

Я: «Да, этот сон может опьянить. Где мой Фома? Вот он, открытый на двадцать первой главе: «Моя душа, во всем и тем не менее за пределами всего, ты должна найти покой в Господе, ибо он — вечный покой для святых».¹⁶⁰

157 Четвертая ночь.

158 19 января 1914 г.

159 В первом акте второй части «Фауста» Гете Фауст должен спуститься в мир Матерей. Было много спекуляций относительно этого термина у Гете. По Эккерманну, Гете утверждал, что источником названия был Плутарх. По всей вероятности, речь идет о рассуждениях Плутарха относительно Богини-Матери в Эпигоне. В 1958 г. Юнг отождествил землю Матерей с коллективным бессознательным («Современный миф: о вещах, что видят в небе», CW 10, §714).

160 «Подражание Христу», гл. 21, стр. 124.

Я читаю это предложение вслух. Разве за каждым словом не следует знак вопроса?

«Если вы уснули за этим предложением, сон у вас был действительно прекрасным».

Я: «Я определенно видел сон, и я о нем подумаю. Кстати, вы не скажете, чья вы повариха?»

«Библиотекаря. Он любит хорошо поесть, и я с ним уже много лет»¹⁶¹

Я: «О, я не знал, что у библиотекаря такая повариха».

«Да, он, знаете ли, гурман».

Я: «Прощайте, мадам повариха, и спасибо за уделенное место».

«Всегда пожалуйста и с превеликим удовольствием».

Теперь я снаружи. Так это была повариха библиотекаря. Знает ли он, что за еда приготовлена внутри? Он определенно никогда не заходил для храмового сна.¹⁶² Думаю, я верну ему Фому Кемпийского. Я вхожу в библиотеку.

Б.: «Добрый вечер, это снова вы».

Я: «Добрый вечер. Сэр, я пришел вернуть Фому. Я немного посидел в вашей кухне рядом, почитал, не зная даже, что это ваша кухня».

Б.: «Никаких проблем. Надеюсь, моя повариха хорошо вас приняла».

Я: «Не могу жаловаться на прием. Я даже вздремнул над Фомой».

Б.: «Это и неудивительно. Эти молитвенники ужасно скучны».

Я: «Да, для таких, как мы. Но ваша повариха находит эту книгу весьма поучительной».

Б.: «Ну да, для поварихи».

Я: «Позвольте невежливый вопрос: вы когда-нибудь предавались погружению в сон на кухне?»

Б.: «Нет, мне такая странная идея никогда не приходила».

Я: «Позвольте отметить, что так вы многое узнаете о природе своей кухни. Доброй ночи, сэр!»

После этой беседы я покинул библиотеку и вышел прихожую, где подошел к зеленым занавескам. Я раздвинул их, и что же увидел? Я увидел перед собой зал с высоким потолком - с предположительно величественным садом на фоне —

¹⁶¹ Описание рисунка: «Это золотая ткань, в которой живет тень Бога».

¹⁶² Юнг имеет в виду греческую практику погружения в сон. См. С. А. Meier, «*Healing Dream and Ritual: Ancient Incubation and Modern psychotherapy*» (Einsiedeln: Daimon Verlag, 1989).

магический сад Клингзора, сразу стало мне ясно. Я вошел в театр; те двое часть постановки: Амфортас и Кундри или, скорее, на что же я смотрю? Это библиотекарь и его повариха. Он нездоров и бледен, с больным желудком, она разочарована и взбешена. Клингзор стоит слева, держа перо, которое библиотекарь засовывал за ухо. Как сильно Клингзор напоминает меня! Какая омерзительная пьеса! Но смотрите, слева входит Парсифаль. Странно, он тоже похож на меня. Клингзор злобно швыряет в Парсифаля перо. Но он спокойно ловит его.

Сцена меняется: похоже, аудитория, в данном случае я, присоединяется к последнему акту. Следует встать на колени с началом службы Страстной Пятницы: входит Парсифаль — медленно, его голова покрыта черным шлемом. Львиная шкура Геркулеса украшает его плечи и он держит в руке дубину; на нем также современные черные брюки в честь церковного праздника. Я свирепею и предупреждающе выставляю руку, но представление продолжается. Парсифаль снимает шлем. Хотя здесь нет Гурнеманца, чтобы усмирить и благословить его. Кундри стоит поодаль, покрыв голову и смеясь. Публика восхищена и узнает себя в Парсифале. Он — это я. Я снимаю мои доспехи, покрытые историей и мои химерические украшения и иду к ручью, облаченный в белую покаянную рубаху, где мою ноги и руки без чьей-либо помощи. Затем я также снимаю и рубаху и одеваю гражданскую одежду. Я схожу со сцены и приближаюсь к себе — к тому, который все еще стоит на коленях в молитве как зритель. Я поднимаюсь и становлюсь единым с собой.¹⁶³

¹⁶³ В «Парсифале» Вагнер представил свою переработку легенды о Граале. Повествование развивается так: Титурель и его христианские рыцари держат Святой Грааль в хранилище в замке, вместе с охраняющим его священным копьем. Клингзор — это маг, который ищет Грааль. Он заманил хранителей Грааля в свой магический сад, где цветочные девы и колдунья, Кундри. Амфортас, сын Титуреля, идет в замок, чтобы уничтожить Клингзора, но его околдовала Кундри, священное копье падает, и Клингзор ранит его им. Амфортасу для исцеления нужно прикосновение копья. Гурнеманц, старейший из рыцарей, ищет Кундри, не зная, что она участвовала в ранении Амфортаса. Голос из святилища Грааля предсказывает, что только простодушный и невинный юноша может обрести копье. Появляется Парсифаль, убив лебедя. Не зная его имени и имени его отца, рыцари надеются, что это тот юноша. Гурнеманц берет его в замок Клингзора. Клингзор приказывает Кундри соблазнить Парсифаля. Парсифаль поражает рыцарей Клингзора. Кундри преобразается в прекрасную женщину и целует его. Через это он понимает, что Кундри соблазнила Амфортаса, и защищается от нее. Клингзор метает в него копье, и Парсифаль захватывает его. Замок Клингзора и сад исчезают. После странствий Парсифаль находит Гурнеманца, теперь живущего в отшельничестве. Парсифаль покрыт черными доспехами, и Гурнеманц обвиняет его в том, что он вооружен на Страстную Пятницу. Парсифаль ложит перед ним копье, снимает шлем и доспехи. Гурнеманц узнает его и помазывает королем рыцарей Грааля. Парсифаль крестит Кундри. Они идут в крепость и просят Амфортаса раскрыть Грааль. Амфортас просит их убить его. Парсифаль входит и касается его раны копьем. Амфортас преобразается, и Парсифаль, сияя, поднимает Грааль. 16 мая 1913 года Отто Менсендик подготовил для Цюрихского Психологического Общества презентацию на тему «Сага Грааля-Парсифаля». В обсуждении Юнг сказал: «Исчерпывающее толкование Вагнером легенды о Святом Граале и Парсифале следует дополнить синтетическим представлением о том, что различные фигуры соответствуют различным художественным устремлениям. - Преграда инцеста не может объяснить, почему чары Кундри падают; это, напротив, связано с деятельностью души по вознесению еще выше человеческих устремлений» (MZS, стр. 20). В «Психологических типах» (1921 г.) Юнг предлагает психологическое толкование «Парсифаля» (CW 6, §§371-372).

Чем было бы осмеяние, если это не подлинное осмеяние? Чем было бы сомнение, если это не подлинное сомнение? Чем была бы противоположность, если это не настоящая противоположность? Тот, кто хочет принять себя, должен также по-настоящему принять своего другого. Но в «да» не каждое «нет» истинно, и в «нет» каждое «да» - ложь. Но поскольку я могу быть «да» сегодня и «нет» завтра, да и нет одновременно и истинны, и неистинны. Поскольку да и нет не могут уступать, раз они существуют, наши представления об истине и ошибке могут.

Я полагаю, ты хотел бы определенность относительно истины и заблуждения? Уверенность в одном или другом не только возможна, но и необходима, хотя уверенность в одном — защита и сопротивление против другого. Если ты в одном, твоя уверенность об одном исключает другое. Как же тебе тогда достичь другого? И почему одного не может быть достаточно для нас? Одного нам не может быть достаточно, потому что другое в нас. И если мы удовлетворимся одним, другое будет испытывать великую нужду и беспокоить нас своим голодом. Но мы неправильно понимаем этот голод и все еще верим, что жаждем одного, и стремимся к нему еще неколебимей.

Так мы заставляем другое выдвигать свои требования еще настойчивей. Если тогда мы готовы признать требование другого в нас, то можем перейти к нему, чтобы удовлетворить его. Но тогда можем и перейти обратно, ведь другое стало сознательным для нас. Но если наше ослепление одним сильно, мы еще более отдаляемся от другого, и меж одним и другим в нас разверзается ужасающая пропасть. Одно становится избыточным, другое — слишком голодным. Насыщенное становится ленивым, а голодное — слабеет. И мы задыхаемся в жиру, поглощаемые нехваткой.

Это болезнь, и ты много такого видел. Так и должно быть, но не должно. Для этого есть достаточные основания и причины, но еще мы не хотим, чтобы это было так. Ибо человеку предназначена свобода преодолеть причину, ибо он может творить в себе и творить себя. Если ты достиг свободы через страдания твоего духа в принятии другого, несмотря на сильнейшую убежденность в одном, ибо и другое в тебе, начинается рост.

Другие осмеивают меня, они в любом случае делают это, и я могу приписать им вину за это, забыв осмеять себя. Но тот, кто не может осмеять себя, будет осмеян другими. Так прими же само-осмеяние, чтобы все божественное и героическое отпало, и ты стал полностью человеком. Божественное и героическое в тебе — осмеяние для другого в тебе. Ради другого в тебе оставь излюбленную роль, которую ты исполняешь, и стань тем, кто ты есть.

Тот, у кого есть успехи и провалы в некоем таланте, падает жертвой веры в то, что он — дар. Потому он так часто оказывается дураком. Особый дар — нечто вне меня. Я не то же, что он. Природа дара никак не связана с природой человека, несущего его. Он часто живет за счет характера своего носителя. Его характер отмечен недостатками дара, востину, даже через его противоположность. Следовательно, он вечно не на высоте своего дара, а под ним. Если он примет своего другого, то сможет нести дар без недостатков. Но если он хочет лишь жить своим

даром и, следовательно, отвергает другого, он переступает черту, ведь по сути его дар внечеловеческое и природное явление, чем сам он не является. Весь мир видит его ошибку, и он становится жертвой его насмешек. И он говорит, что другие осмеивают его, а ведь лишь пренебрежение другим делает его нелепым.

Когда Бог входит в мою жизнь, я возвращаюсь к своей нищете ради Бога. Я принимаю ношу нищеты и ношу все свое уродство и нелепость, а также все предосудительное во мне. Так я избавляю Бога от всякого смятения и абсурда, которые могут случиться с ним, если я не приму это. Так я уготовляю путь делам Бога. Что должно случиться? Была ли темнейшая бездна опустошена и истощена? Или что стоит и ждет здесь, неминуемое и раскаленное докрасна? [Image 117]¹⁶⁴

Какой огонь не был затушен и какие уголья еще пылают? Мы принесли неисчислимые жертвы темным глубинам, и они требуют еще. Что за безумное желание моления об удовлетворении? Чьи это безумные крики? Кто среди мертвых

¹⁶⁴ Текст на рисунке:(Atmavictu) [Дуновение жизни]; (juvenis adiutor) [юный сторонник]; (TELESΦOPOΣ) [TELESPHORUS]; (spiritus malus in hominibus quibusdam) [злой дух в некоторых людях]. Описание рисунка: «Дракон хочет съесть солнце, а юноша умоляет его не делать этого. Но он все равно его ест». Atmaviktu (здесь такое написание) впервые появляется в «Черной книге 6» в 1917 г. Вот парафраз фантазии 25 апреля 1917 г.: «Змея говорит, что Atmaviktu был ее спутником тысячи лет. Сначала он был стариком, а затем умер и стал медведем. Затем умер и стал выдрой. Затем умер и стал тритоном. Затем снова умер и вошел в змею. Змея - это Atmaviktu. Перед этим он сделал ошибку и стал человеком, хотя все еще был земной змеей. Душа Юнга говорит, что Atmaviktu — это кобольд, заклинатель змей, змея. Змея говорит, что она — ядро самости. Из змеи Atmaviktu преобразается в Филемона (стр. 179f). В саду Юнга в Кюснахте есть его скульптура. В «Из ранних переживаний моей жизни» Юнг писал: «Когда я был в Англии в 1920 г, я вырезал на тонкой доске две похожих фигуры без малейшего воспоминания о детских переживаниях. Одну из них я воспроизвел в большем масштабе на камне, и она теперь стоит в моем саду в Кюснахте. Только тогда бессознательное сообщило мне имя. Оно назвало фигуру Atmavictu - «дуновение жизни». Это дальнейшее развитие квазисексуального объекта в моем детстве, который оказался «дуновением жизни», творческим импульсом. В сущности, этот человек — кабир» (JA, pp. 29-30; cf. «Воспоминания», стр. 38-39). Фигура Телесфора подобна Фанесу на рисунке 113. Телесфор — один из Кабиров и демон Асклепия (см. рис. 77 в «Психология и алхимия» CW12). Он также считался богом исцеления и имел храм в Пергамоне в Малой Азии. В 1950 г. Юнг вырезал его изображение на камне в Боллингене, наряду с посвящением ему на греческом, сочетающим строки из Гераклита, митраистской литургии и Гомера («Воспоминания», стр. 254).

так страдает? Идите сюда и испейте крови, чтобы вы могли говорить.¹⁶⁵ Почему ты отвергаешь кровь? Ты хочешь молока? Или красный сок винограда? Может, ты бы предпочел любовь? Любовь к мертвому? Полюбить мертвого? Возможно, тебе нужны семена жизни для увядшего тысячелетнего тела преисподней? Непристойное инцестуозное вождение мертвых? Нечто, от чего леденеет кровь. Тебе требуется похотливое смешение с трупами? Я говорю о «принятии» - но ты требуешь «овладеть, объять, сочетаться»? Тебе нужно осквернение мертвых? Тот пророк, говоришь ты, лег над ребенком, приложил свои уста к его устам, и свои глаза к его глазам, и свои ладони к его ладоням, и простерся на нем, и согрелось тело ребенка. И встал и прошел по горнице взад и вперед; потом опять поднялся и простерся на нем. И чихнул ребенок раз семь, и открыл ребенок глаза свои. Таким должно быть твое принятие, так должен ты принимать, не прохладно, без снисхождения, не бездумно, не раболепно, без самоистязания, но с удовольствием, именно с этим сомнительным нечистым удовольствием, чья сомнительность позволяет ему соединиться с высшим, с тем свято-проклятым удовольствием, о котором ты не знаешь, благодетель это или порок, с тем удовольствием, что похотливо отталкивающе, полно распутного страха, сексуальной незрелости. Мертвых пробуждают этим удовольствием.

Твое низшее пребывает во сне, похожем на смерть, и ему нужно тепло жизни, что содержит неразделимые и неразличимые добро и зло. Таков путь жизни; тебе не назвать ее ни доброй, ни злой, ни чистой, ни нечистой. Ибо это и не цель, а путь и переход. Это также болезнь и начало восстановления. Это мать всех омерзительных деяний и исцеляющих символов. Это самая изначальная форма творения, самое первое темное стремление, что проходит по всем тайным скрытым местами, темным проходам, с бесцельной правомерностью воды и из неожиданных мест в рыхлых песках, набухает в прекрасных провалах, чтобы оплодотворить сухую землю. Это самый первый, тайный учитель природы, учащий растения и животных самым поразительным и в высшей степени хитрым навыкам и трюкам, которые нам едва ли понять. Это великий мудрец, обладающий сверхчеловеческим знанием, владеющий величайшей из наук, приводящий рассеяние к порядку, предсказывающий будущее из неуловимой полноты. Он змееподобный, бранный и благотворный, чудовищно и абсурдно демонический. Это стрела, что вечно попадает в слабейшее место, вырвавшийся корень, что открывает запечатанные сокровищницы.

¹⁶⁵ Во второй книге «Одиссеи» Одиссей приносит мертвым возлияния, чтобы они могли говорить. Уолтер Баркерт отмечает: «Мертвые пьют возлияния, а на самом деле кровь — их приглашают на празднество, к насыщению кровью; с возлияниями, что просачиваются сквозь землю, мертвые посылают наверх хорошие вещи» («Greek Religion», пер. J. Raffar [Oxford: Basil Blackwell, 1987], pp. 194-95). Юнг использовал этот мотив в метафорическом смысле в 1912 г. в «Трансформациях и символах либидо»: «как Одиссей, я пытался позволить этой тени [мисс Франк Миллер] испить столько, чтобы она могла говорить, и тем выдать некоторые тайны преисподней» (CW V, §57n). Около 1910 г. Юнг отправился в морское путешествие с друзьями Альбертом Оэри и Андреасом Вишером, во время которого Оэри зачитывал главы из Одиссеи относительно Цирцеи и некии. Юнг отмечал, что вскоре после этого «как Одиссей, судьбой был предоставлен некии, спуску в темный Аид» (Jung/Jaffe, «Erinnerungen, Triume, Gedanken», p. 104). Следующий отрывок, изображающий воскрешение пророком ребенка, является пересказом воскрешения Елисеем сына вдовы-Сонамитянки в 4 Цар. 4:32-36.

Тебе не назвать его ни умным, ни глупым, ни злым, ни добрым, ведь природа его совершенно нечеловеческая. Это сын земли, темный, которого ты должен пробудить.¹⁶⁶ Это и мужчина, и женщина в одно и то же время и незрелый пол, богатый в толковании и неверном толковании, столь бедный на смысл и все равно столь богатый. Это мертвый, что кричал громче всех, что стоял в самом низу и ждал, и сильнее всего страдал. Он жаждал ни крови, ни молока, ни вина для жертвоприношения мертвых, но готовности нашей плоти. Его стремление не обращало внимания на мучение нашего духа, что боролся и мучал себя, чтобы выдумать то, чего не выдумать, и который так разорвал себя и принес в жертву. Пока дух наш не лег расчлененным на алтарь, не услышал я голос сына земли, и тогда увидел, что он был величайшим страдальцем, нуждавшимся в спасении. Он избранный, ведь был самым отверженным. Дурно говорить так, но, возможно, я плохо слышу, или неправильно понял, что сказали бездны. Непросительно говорить так много, и тем не менее я должен сказать.

Бездны молчат. Он поднялся и ныне узрел свет солнца и находится среди живых. Беспокойство и противоречие росли вместе с ним, сомнение и полнота жизни.

Аминь, все кончено. Что было нереальным, теперь реально, что было реальным — нереально. Однако, мне нельзя, я не хочу, не могу.. О, презренность человеческая! О, наша неготовность! О, сомнение и отчаяние. Это воистину Страстная Пятница, на которую умер Господь и спустился в Ад и совершил таинства.¹⁶⁷ Это Страстная Пятница, когда мы делаем совершенным Христа в нас и сами спускаемся в Ад. Это Страстная Пятница, когда мы стонем и молим о совершенстве Христа, ибо после совершенствования пойдем в Ад. Христос был столь могуч, что его царство покрыло весь мир, и только Ад лежит вне его.

Кто преуспел в пересечении границ этого царства с хорошими основаниями, чистым осознанием и повиновением закону любви? Кто среди живых Христос и отправляется в Ад в живой плоти? Кто это, расширяющий царство Христа и в Ад? Кто полон опьянения, будучи трезв? Кто это, нисхождением ставший из одного двумя? Кто разорвал свое сердце, чтобы соединить то, что было разрозненно?

Я — это он, безымянный, незнающий себя, чье имя сокрыто даже от него самого. У меня нет имени, ибо я еще не существовал, но только становлюсь. Для себя я Анабаптист и чужак. Я, кто есть я, не он. Но, кто будет мной передо мной и после меня, он. Унизив себя, я вознесся как другой. Приняв себя, я разделился на два, и соединив себя с собой же, я стал меньшей частью себя. Я — оно в моем сознании. Однако, так я в своем сознании, как если бы был отделен от него. Я / [Image 119]¹⁶⁸ / не во втором и большем состоянии, как если бы я был этим вторым и большим собой, но я всегда в обычном сознании, но столь отделенный и отдаленный от него, как если бы я был вторым и большим состоянием, но не осознавая этого. Я

¹⁶⁶ См. ниже.

¹⁶⁷ См. выше.

¹⁶⁸ Описание рисунка: «Проклятый дракон съел солнце, его живот разверзся, и он не должен передать золото солнца, как и его кровь. Это оборотная сторона *Atmavictu*, древнего. Он, уничтоживший растущее зеленое покрытие — юноша, помогший мне убить Зигфрида». Здесь ссылка на *Liber Primus*, гл. 7, «Убийство Героя».

даже стал меньше и беднее, но именно из-за малости я могу осознавать близость великого.

Я был крещен нечистыми водами для перерождения. Пламя огня Ада ожидало меня над крестильной купелью. Я омыл себя нечистотами и очистил себя грязью. Я обрел его, я принял его, божественного брата, сына земли, обоюпого и нечистого, и внезапно он стал человеком. Оба его клыка сломались, и свет покрыл его подбородок. Я поймал его, я преодолел его, я объял его. Он требовал многого от меня и тем не менее принес все с собой. Ибо он богат; земля принадлежит ему. Но его черная лошадь удалилась от него.

Воистину, я сразил гордого врага, я заставил того, кто больше и сильнее меня, стать моим другом. Ничто не должно отделять меня от него, темного. Если я захочу покинуть его, он последует за мной, как тень. Если я не думаю о нем, он необъяснимым образом рядом. Он обратится в страх, если я отвергну его. Я должен обильно почитать его память, я должен готовить для него жертвенную пищу. Я наполняю для него за столом тарелку. Много, что раньше я сделал бы для людей, теперь я должен делать для него. Потому что они сочтут меня самовлюбленным, ибо они не знают, что я иду с другом, и многие дни посвящены ему.¹⁶⁹ Но шевельнулось беспокойство, тихое подземное землетрясение, отдаленное сильный гул. Пути открылись в изначальное и в будущее. Чудеса и ужасные тайны рядом. Я чувствую вещи, что были и те, что будут. За обыденным разверзается вечная бездна. Земля возвращает мне то, что она скрывала.¹⁷⁰

Глава 18 Три пророчества

171

Чудесные вещи приблизились. Я звал свою душу и просил ее окунуться в потоки, чей отдаленный шум я слышу. Это случилось 22 января в год 1914, как

¹⁶⁹ «Черновик» продолжает: «Я откладываю для этого многих людей, книги и мысли; но даже больше, я удаляюсь от этого мира и делаю простое и ясное, и то, что немедленно приходит на ум, чтобы служить его тайным целям. Служа ему, темному, я встречаю другого на пути милости. Если устремления и желания мучают меня, я думаю, чувствую и делаю то, что ближе всего. Так удаленнейшее достигает меня» (стр. 434).

¹⁷⁰ В 1944 г. в «Психологии и алхимии» ссылался на алхимическое представление о круге с примыкающими к нему четырьмя «реками» в контексте обсуждения символизма мандалы (CW 12, §167n). Юнг комментировал идею о четырех реках рая во многих случаях — см., например, «Aion», CW §§2, 9, 311, 353, 358, 372.

¹⁷¹ В «Черной Книге 4» Юнг записал: «Впоследствии я продвигался как человек, который напряжен в ожидании чего-то нового, о чем никогда ранее не предполагал. Я вслушиваюсь в глубины — внимательный, обученный и бесстрашный — снаружи стремясь вести в полной мере человеческую жизнь» (стр. 42).

записано в моей черной книге. И так она погрузилась во тьму, как пуля, и из глубин воззвала: «Примешь ли ты то, что я принесу?»

Я: «Я приму то, что ты дашь. Я не имею права судить или отвергать».

Д.: «Так слушай. Здесь есть древние доспехи и ржавые механизмы наших отцов со свисающими убийственными кожаными ловушками, поеденные червями древка копий, расщепленные наконечники копий, сломанные стрелы, сгнившие щиты, черепа, кости человека и лошади, древние пушки, катапульты, раскрошенные головешки, раздавленные наступательные машины, каменные острия копий, каменные дубины, острые кости, расколотые наконечники стрел — все, чем былые битвы усеяли землю. Примешь ты все это?»

Я: «Я приму это. Ты знаешь лучше, душа моя».

Д.: «Я нахожу раскрашенные камни, резные кости с магическими знаками, талисманы с высказываниями на кожаных шнурках и небольших свинцовых пластинках, грязные мешки, заполненные зубами, человеческими волосами и ногтями, доски, связанные вместе, черные шары, заплесневелые звериные шкуры — все суеверия, выведенные в темные доисторические времена. Примешь ли ты все это?»

Я: «Я приму все это, как я могу что-то отвергнуть?»

Д.: «Но я нахожу кое-что похуже: братоубийство, коварные смертельные удары, пытки, жертвоприношения детей, уничтожение целых народов, поджог, предательство, войну, восстание — ты примешь и это?»

Я: «И это, если должно. Как я могу судить?»

Д.: «Я нахожу эпидемии, природные катастрофы, затонувшие корабли, разоренные города, пугающую дикость, человеческую жестокость и страх, целые горы страха».

Я: «Да будет так, раз ты даешь это».

Д.: «Я нахожу сокровища всех прошлых культур, великолепные изображения Богов, просторные храмы, картины, свитки папируса, листы пергамента с символами ушедших языков, книги, полные утраченной мудрости, гимны и заклинания древних жрецов, истории, рассказанные в веках тысячами поколений».

Я: «Это целый мир — чей объем я не могу охватить. Как я могу принять его?»

Д.: «Но ты хотел принять все? Ты не знаешь своих пределов. Ты можешь не ограничивать себя?»

Я: «Я должен ограничивать себя. Кто смог бы охватить такое богатство?»

Д.: «Будь вместилищем и ухаживай за своим садом со скромностью». ¹⁷²

¹⁷² Эти строки относятся к окончанию «Кандида» Вольтера: «Все это верно сказано — но мы должны ухаживать за своим садом». Юнг хранил бюст Вольтера в своем кабинете.

Я: «Я буду. Я вижу, что не стоит завоевывать огромный кусок неизмеримого, лучше взять малый. Ухоженный маленький сад лучше запущенного большого. Оба сада одинаково малы по сравнению с неизмеримым, но за ними неодинаково ухаживали».

Д.: «Возьми ножницы и подрезай свои деревья».

Из затопляющей темноты явился сын земли, моя душа дала мне древние вещи, что указывали в будущее. Она дала мне три вещи: несчастье войны, тьму магии и дар религии.

Если ты умен, ты поймешь, что эти три вещи связаны друг с другом. Эти три вещи означают высвобождение хаоса и его силы, но они также означают и его связывание. Война обыденна и каждый ее видит. Магия темна, и никто ее не видит. Религия еще грядет, но она станет очевидной. Ты думал, что ужасы этих военных зверств придут за нами? Ты думал, что магия существует? Ты думал о новой религии? Я сидел долгими ночами и всматривался в то, что грядет, и я вздрагивал. Ты веришь мне? Я не очень озабочен. Чему мне верить? Во что не верить? Я видел, и я вздрагивал.

Но мой дух не мог охватить чудовищное, и не мог постигнуть объем того, что грядет. Сила моего стремления чахла, и бессильной тонула в урожайных землях. Я чувствовал тяжесть ужаснейшей работы грядущих времен. Я видел, где и как, но ни одно слово этого не выразит, никому этого не победить. Я не могу иначе, я дал этому утонуть в глубинах.

Я не могу дать это тебе, и могу говорить только о пути того, что грядет. Немного доброго придет к тебе снаружи. То, что придет к тебе, лежит внутри. Но что там лежит! Хотел бы я отвести взор, заткнуть уши и отвергнуть все чувства; я хотел бы быть кем-то среди вас, не знающих ничего и ничего никогда не видевших. Это слишком много и слишком неожиданно. Но я видел это, и моя память меня не оставит.¹⁷³ Но я урезаю свое стремление, которое хотело бы растянуться в будущее, и возвращаюсь к своему маленькому саду, который сейчас цветет, и чей объем я могу измерить. За ним следует хорошо ухаживать.

Будущее следует оставить тем, кто в будущем. Я возвращаюсь к малому и реальному, ибо это великий путь, путь того, что грядет. Я возвращаюсь к моей простой реальности, моему несомненному и очень маленькому бытию. И я беру нож и выношу суд всему, что растет без меры и цели. Леса выросли вокруг, извивающиеся растения поднимаются по мне, и я полностью покрыт бесконечным размножением. Глубины неистоцимы, они дают все. Все так же хорошо, как и ничто. Храни мало, и получишь немного. Признать и знать и свои амбиции, и свою

¹⁷³ «Черновик» продолжает: «Как мне охватить то, что случится в следующие восемь сотен лет, вплоть до того времени, когда Единый начнет свое правление? Я говорю только о том, что грядет» (стр. 440).

жадность, собрать¹⁷⁴ свои мольбы, ухаживать за ними, охватить их, сделать их полезными, влиять на них, повелевать ими, упорядочить их, дать им толкование и смысл — это необычно.

Это безумие, как и все, что превосходит свои границы. Как тебе удержать то, чем ты не являешься? Ты действительно хочешь заставить все, чем ты не являешься, подчинить твоему жалкому знанию и пониманию? Помни, что ты можешь знать себя, и этого знания достаточно. Но ты не можешь узнать остальных и остальное. Берегись знать то, что лежит вне тебя, или же твое предполагаемое знание будет удушать жизнь тех, кто знает себя. Знающий может знать себя. Это его предел.

Болезненным надрезом я отрезаю от себя то, что я притворялся, будто знаю о том, что вне меня. Я удаляю от себя все хитроумные петли толкований, что я дал тому, что вне меня. И мой нож режет даже глубже и отделяет меня от значений, что я придал самому себе. Я режу костный мозг, пока все значимое не отпадает от меня, пока я больше не являюсь тем, кого видел в себе, пока я наконец не знаю только то, что не знаю, кто я.

Я хочу быть нищим и голым, хочу стоять обнаженным перед неумолимым. Я хочу быть моим телом и его нищетой. Я хочу быть из земли и жить ее законом. Я хочу быть моим человеческим животным и принять все угрозы и желания. Я хочу пройти сквозь стенания и благословенность того, кто стоит с незащитным телом на залитой солнцем земле, жертвой своих устремлений и затаившихся диких зверей, кто боится призраков и мечтает об отдаленных Богах, кто принадлежит тому, что близко и был врагом всего далекого, кто высекал огонь из камней и чьи стада были украдены неведомыми силами, которые также уничтожили урожай на его полях, тем, кто не знал и не распознавал, но жил лишь тем, что под рукой, и по милости получал то, что лежало вдали.

Он был ребенком, неуверенным, но полным уверенности, слабым, но одаренным чудовищной силой. Когда его Бог не помог, он принял другого. А когда не помог и этот, он подверг его наказанию. И узри: Боги помогли еще раз. Так я отверг все, что было нагружено смыслом, все божественное и дьявольское, чем хаос нагрузил меня. Воистину, не мне доказывать Богов и дьяволов и монстров хаоса, осторожно их кормить, осторожно носить их с собой, считать и именовать их, и защищать их верой от неверия и сомнения.

Свободный человек знает только свободных Богов и дьяволов, что самодостаточны и воздействуют только на основании собственной силы. Если они не могут подействовать, это их дело, и я могу снять с себя эту ношу. Но если они эффективны, им не нужны ни моя защита, ни моя забота, ни моя вера. Так что ты можешь спокойно ждать, следя, работают ли они. Но если они работают, действуй умно, ибо тигр сильнее тебя. Ты должен суметь отбросить все от себя, иначе ты раб, даже если ты раб Бога. Жизнь свободна и выбирает свой путь. Она достаточно

¹⁷⁴ Сцена на ландшафте напоминает одну из фантазий Юнга по пробуждению в детстве, в которой Эльзас затопило водой, Базель обратился в порт, плавают корабль, пароход, средневековый город, крепость с пушками и солдаты и жители города, и канал («Воспоминания», стр. 100).

ограниченна, так что не нагромождай еще ограничений. Потому я отрезаю все ограничивающее. Я стою здесь, и вот лежит загадочное многообразие мира.

И ужас вполз в меня. Разве я не тесно связан? Мир здесь не ограничен? И я осознал свою слабость. Чем нищета, обнаженность и неготовность будут без осознания слабости и без ужаса бессилия? Потому я стоял и был в ужасе. И тогда моя душа шептала мне:

Глава 19 Дар Магии

175

«Ты ничего не слышишь?»

Я: «Я ничего не ощущаю, что я должен услышать?»

Д.: «Звон»

Я: «Звон? Чего? Я ничего не слышу».

Д.: «Слушай внимательнее».

Я: «Кажется, что-то в левом ухе. Что это может значить?»

Д.: «Неудачу».

Я: «Я принимаю то, что ты говоришь. Я хочу и удачи, и неудачи».

Д.: «Что ж, тогда подними руки и прими то, что идет к тебе».

Я: «Что это? Жезл? Черная змея? Черный жезл в форме змеи — две жемчужины, как глаза — золотой браслет вокруг ее шеи. Это магический жезл?»

Д.: «Это магический жезл».

Я: «А что мне делать с магией? Это магический жезл неудачи? Магия — это неудача?»

Д.: «Да, для тех, кто обладает ею».

Я: «Звучит, как высказывания древних — какая ты странная, душа моя! Что мне делать с магией?»

Д.: «Магия многое для тебя сделает».

Я: «Боюсь, ты разжигаешь мое желание и непонимание. Ты знаешь, что человек никогда не остановится в жажде черного искусства и вещей, что не требуют усилий».

Д.: «Магия не легка, и она требует жертвы».

Я: «Она требует жертвы любви? Или человечности? Если требует, забери жезл обратно».

Д.: «Не спеши. Магия не требует таких жертв. Она требует другой жертвы».

Я: «Что это за жертва?»

Д.: «Жертва, которую требует магия — это утешение».

Я: «Утешение? Я правильно понял? Понимать тебя невыразимо трудно. Скажи мне, что это значит?»

Д.: «Утешение следует принести в жертву».

Я: «Что ты имеешь в виду? Следует принести в жертву утешение, что я даю или утешение, которое я получаю?»

Д.: «И то, и другое».

Я: «Я запутался. Это слишком неясно».

Д.: «Ты должен принести в жертву утешение ради черного жезла, утешение, которое ты даешь и которое получаешь».

Я: «Ты говоришь, что мне непозволительно получать утешение от тех, кого я люблю? И нельзя давать утешение тем, кого люблю? Это значит утрату части человечности, и ее место занимает то, что называют жестокостью к себе и другим». ¹⁷⁶

Д.: «Так оно и есть».

Я: «Жезл требует этой жертвы?»

Д.: «Он требует этой жертвы».

Я: «Могу ли я, позволено ли мне принести жертву ради жезла? Должен ли я принять жезл?»

Д.: «Тебе он нужен или нет?»

Я: «Не могу сказать. Что я знаю о черном жезле? Кто дает его мне?»

Д.: «Темнота, что лежит перед тобой. Это следующее, что приходит к тебе. Ты примешь его и принесешь жертву?»

Я: «Трудно принести жертву темному, слепой темноте — и что за жертву!»

¹⁷⁶ В «Ессе Ното» Ницше писал: «Каждое приобретение, каждый шаг к знанию — результат смелости, жестокости к себе, чистоплотности по отношению к себе».

Д.: «Природа — разве природа дает утешение? Она принимает утешение?»

Я: «Ты рискнула употребить тяжелое слово. О каком одиночестве ты просишь?»

Д.: «Это твоя неудача, и — сила черного жезла».

Я: «Как мрачно и пророчески ты говоришь! Ты незаметно заточаешь меня в доспехи ¹⁷⁷ ледяной жестокости? Ты облачаешь мое сердце в бронзовый панцирь? Я счастлив теплотой жизни. Должен ли я упускать ее? Ради магии? Что есть магия?»

Д.: «Ты не знаешь магии. Так что не суди. На что разозлился?»

Я: «Магия! Что мне делать с магией? Я не верю в нее, я не могу в нее поверить. Мое сердце тонет — и я должен принести в жертву большую часть своей человечности магии?»

Д.: «Я советую тебе не бороться с этим, и, самое главное, не действовать столь просветленным, будто глубоко внутри ты не веришь в магию».

Я: «Ты неумолима. Но я не могу поверить в магию, или же у меня совершенно ложная идея о ней».

Д.: «Да, я поняла это из твоих слов. Отбрось свои слепые суждения и критические жесты, или ты никогда не поймешь. Ты все еще хочешь потратить годы на ожидание?»

Я: «Будь терпелива, я еще не преодолел свою науку».

Д.: «Самое время преодолеть!»

Я: «Ты требуешь многого, почти всего. В конце концов — разве наука необходима для жизни? Наука — это жизнь? Есть люди, которые живут без науки. Но преодолеть науку ради магии? Это опрометчиво и опасно».

Д.: «Ты боишься? Ты не хочешь рисковать жизнью? Разве не жизнь приносит тебе эту проблему?»

Я: «Все это приводит меня в оцепенение и смятение. Не скажешь ли ты свое слово?»

Д.: «А, так ты жаждешь утешения? Ты хочешь жезл или нет?»

¹⁷⁷ Надпись наверху: «Amor triumphat». Надпись внизу: «Этот рисунок был выполнен 9 января 1921 г., после того, как он ждал завершения в течение 9 месяцев. Он выражает не знаю какой род скорби, четырехчастное жертвоприношение. Я почти мог не закончить его. Это неумолимое колесо четырех функций, сущность всех живых существ, пропитанная жертвоприношением». Функции — это мышление, чувство, ощущение и интуиция, о которых Юнг писал в «Психологических типах» (1921). 23 февраля 1920 г. Юнг записал в «Черную Книгу 7»: «Что происходит между любящим и возлюбленным — это вся полнота Божественности. И то, и другое — безмерные загадки друг для друга. Ибо кто понимает Божественность? / Но Бог рожден в одиночестве, из тайной / мистерии индивидуума. / Разделение между жизнью и любовью — это противоречие между одиночеством и совместностью» (стр. 88). Следующая запись в «Черной Книге 7» 5 сентября 1921 г. 4 марта 1920 г. Юнг отправился в Северную Африку со своим другом Германом Сиггом, вернувшись 17 апреля.

Я: «Ты разрываешь мое сердце на части. Я хочу предаться жизни. Но как это трудно! Я хочу черный жезл, потому что это первая вещь, которой меня одарила тьма. Я не знаю, что он означает, не знаю, что он дает — я лишь чувствую, что он забирает. Я хочу преклонить колени и принять этого посланца тьмы. Я принял черный жезл, и теперь держу его, загадочный, в руке; он холоден и тяжел, как железо. Жемчужные глаза змей уставились на меня слепо и ослепляюще. Чего ты хочешь, загадочный дар? Вся тьма всех давних миров сгущается в тебе, ты крепок, черный кусок стали! Ты время и судьба? Сущность природы, тяжкая и вечно безутешная, и тем не менее сумма всей загадочной творящей силы? Изначальные магические слова, кажется, исходят от тебя, загадочные влияния веют вокруг тебя — и какие могущественные искусства дремлют в тебе? Ты пронзаешь меня невыносимым напряжением — какие ужимки ты скорчишь? Какую ужасную тайну создашь? Ты принесешь дурную погоду, штормы, холод, громы и молнии, или сделаешь поля плодovitыми и благословишь тела беременных женщин? Какова мета твоего бытия? Или тебе это не нужно, сын темного лона? Ты наполняешься неясной тьмы, который ты сгущение и кристалл? Где мне разместить тебя в своей душе? В сердце? Станет мое сердце твоим святилищем, твоей святой святых? Так выбери себе место. Я принял тебя. Какое сокрушительное напряжение ты принес с собой! Не ломается ли натянутый лук моих нервов? Я принял посланца ночи».

Д.: «Могущественнейшая магия живет в нем».

Я: «Я чувствую это и все равно не могу выразить в словах кошмарнейшую силу, данную ему. Я хотел смеяться, ведь так многое меняется в смехе и разрешается только в нем. Но смех умирает во мне. Магия этого жезла крепка, как железо и холодна, как смерть. Прости меня, моя душа, я не хочу быть нетерпеливым, но мне кажется, что нечто должно прорваться сквозь это невыносимое напряжение, что пришло с жезлом».

Д.: «Жди, держи глаза и уши открытыми».

Я: «Я дрожу и не знаю, почему».

Д.: «Иногда должно дрожать — перед величайшим».

Я: «Я преклоняюсь, моя душа, перед неизвестными силами — я бы хотел освятить алтарь каждому неведомому Богу. Я должен сдаться. Черное железо в моем сердце придает мне тайную силу. Она вроде неповиновения и презрения к людям». ¹⁷⁸

О темное деяние, преступление, убийство! Бездна, породила неискупленное. Кто наш искупитель? Что наш лидер? Где пути через черные пустоши? Боже, не оставляй нас! Что ты призываешь, Боже? Воздень руки во тьму над тобой, молись, отчаивайся, заламывай руки, становись на колени, падай лбом в грязь, кричи, но не

¹⁷⁸ В «Черной Книге 4» Юнг записал: [Душа:] «Усмири свое нетерпение. Только ожидание поможет тебе здесь». [Я:] «Ожидание — я знаю это слово. Геркулес тоже нашел ожидание затруднительным, когда держал вес всего мира на своих плечах». [Душа:] «Он должен был дожидаться возвращения Атласа и держал мир на плечах ради яблок» (стр. 60). Здесь упоминается одиннадцатый подвиг Геркулеса, в котором он должен был найти золотые яблоки, которые давали бессмертие. Атлас предложил достать их, если он в это время подержит мир на своих плечах.

называй Его, не смотри на Него. Оставь Его без имени и формы. Что должно оформить бесформенное? Назвать безымянное? Ступи на великий путь и ухватись за ближайшее. Не высматривай, не желай, а подними руки. Дары тьмы полны загадок. Путь открыт тому, кто может продолжать, несмотря на загадки. Отдайся загадкам и совершенно непостижимому. Есть головокружительные мосты над вечно глубокой бездной. Но следуй загадкам.

Вынеси их, ужасные. Все еще темно, и ужасное продолжает нарастать. Потерянные и поглощенные потоками порождающей жизни мы приближаемся к преодолевающим нечеловеческим силам, которые заняты созданием того, что грядет. Сколь много будущего несут глубины! Не сплетаются ли нити здесь тысячелетиями?¹⁷⁹ Защищай загадки, носи их в своем сердце, согревай их, будь беремен ими. Так ты носишь будущее.

Напряжение будущего невыносимо для нас. Оно должно прорваться сквозь узкие разломы, проложить новые пути. Ты хочешь сбросить груз, ты хочешь избежать неизбежного. Бегство — обман и обходной путь. Закрой глаза, чтобы не видеть многократное, внешне множественное, вырывающее и искушающее. Есть только один путь, и это твой путь; есть только одно спасение, и это твое спасение. Почему ты оглядываешься в поисках помощи? Ты веришь, что помощь придет снаружи? То, что грядет, создано в тебе и из тебя. Потому смотри внутрь. Не сравнивай, не измеряй. Нет таких путей, как твой. Все другие пути обманывают и искушают тебя. Ты должен исполнить тот путь, что в тебе.

О, все эти люди и их пути становятся для тебя чужими! Так ты можешь снова найти их в себе и признать их пути. Но какая слабость! Какое сомнение! Какой страх! Ты не вынесешь своего пути. Ты всегда хочешь одной ногой бы не на своем пути, чтобы избежать великого одиночества! Так что тот материнский комфорт всегда с тобой! Так что кто-то узнает тебя, признает тебя, доверится тебе, утешит тебя, вдохновит тебя. Так что кто-то вытянет тебя на свой путь, где ты удаляешься от себя и где тебе проще отбросить себя. Как будто ты перестал быть собой! Кому закончить твои дела? Кому нести твои добродетели и пороки? Ты не закончил свою жизнь, и мертвые будут ужасно осаждать тебя, чтобы прожить твою непрожитую жизнь. Все должно быть исполнено. Суть во времени, так зачем тебе нагромождать жившее и давать непрожитому гнить?

Велика сила пути.¹⁸⁰ В нем Небеса и Ад растут вместе и в нем сила Низа и сила Верха соединяются. Природа пути магическая, как мольба и призывание;¹⁸¹ проклятие и действие магические, если они свершаются на великом пути. Магия —

¹⁷⁹ В греческой мифологии Мойры, или три судьбы, Клото, Лахесис и Атропус, скручивают и управляют нитями человеческой жизни. В северной мифологии норны плетут нити судьбы у корней Игдрассиля, мирового древа.

¹⁸⁰ «Черновик» продолжает: «Сила пути столь велика, что он уносит других и воспламеняет их. Ты не знаешь, как это происходит; так что тебе проще назвать этот эффект магическим» (стр. 453).

¹⁸¹ «Черновик» продолжает: «которые представлены как змея из-за ее особенной природы» (стр. 453).

это работа людей над людьми, но твое магическое действие не затрагивает ближнего; оно затрагивает в первую очередь тебя, и только если ты выдержишь, невидимый эффект переходит с тебя на ближнего. Потому ее больше в воздухе, чем я мог подумать. Однако, ее не ухватить. Слушай:

Верх могуч,

Низ могуч,

Двойственная сила Едина.

Север, приди сюда,

Запад, приютись,

Восток, вознесись,

Юг, разлейся.

Посреди ветры связывают

крест. Поперечины соединены

срединными поперечинами.

Ступени ведут сверху вниз.

Кипящая вода булькает

в котлах. Огненно-красный пепел обволакивает

круглый пол.¹⁸²

Ночь погружается в синеву глубины

верха, земля чернеет внизу. / [Image 131] /

Одиночка готовит исцеляющие зелья.

Он делает подношения всем четырем ветрам.

Он приветствует звезды и касается земли.

Он держит нечто сверкающее в своей руке.

Цветы всходят вокруг него и благословение новой весны целует все его члены.

Птицы порхают вокруг него и пугливые животные смотрят на него из леса.

¹⁸² Это, видимо, указывает на магический круг, в котором проводятся ритуальные действия.

Он далеко от людей, но нити их судеб проходят через его руки.

Да будет твое прошение важным для него, чтобы лекарство дозрело и стало сильным и принесло исцеление глубочайшим ранам.

Ради тебя он одинок и ждет в одиночестве между Небесами и землей, чтобы земля поднялась до него, а Небеса спустились к нему.

Все люди все еще далеко и стоят перед стеной тьмы.

Но я слышу его слова, которые достигают меня издалека.

Он выбрал бедного писца, которого трудно обучить, который запинаятся, когда пишет.

Я не узнаю его, одиночку. Что он говорит? Он говорит: «Я мучаюсь страхом и несчастьями ради людей».

Я раскопал древние руны и магические изречения, ибо слова никогда не доходят до людей. Слова стали тенями.

Потому я взял древние магические аппараты и приготовил горячие зелья и смешал с тайными и древними силами, вещами, о которых не догадается даже хитрейший.

Я сварил корни всех человеческих мыслей и деяний.

Я следил за котлом долгие звездные ночи. Варевое бурлит вечно. Мне нужно твое заступничество, твое преклонение, твое отчаяние и твое терпение. Мне нужно твое окончательное и высшее стремление, твоя чистейшая воля, твоя скромнейшая покорность.

Одиночка, кого ты ждешь? Чья помощь тебе нужна? Никто не поспешит к тебе на помощь, ведь все смотрят на тебя и ждут твоего целительного искусства.

Мы все совершенно неспособны и нуждаемся в помощи больше, чем ты. Даруй нам помощь, чтобы мы могли в ответ помочь тебе.

Одиночка говорит: «Никто не встанет рядом в моей нужде? Мне оставить мою работу по помощи вам, чтобы вы снова помогли мне? Но как мне помочь вам, если мое варевое не дозрело и не укрепилось? Оно должно было помочь вам. Чего вы от меня ждете?»

Приди к нам! Почему ты стоишь там, готовя чудеса? Что твое исцеление и магические зелья может для нас сделать? Ты веришь в исцеляющие зелья? Посмотри на жизнь, смотри, как она нуждается в тебе!

Одиночка говорит: «Глупцы, не могли вы один час бодрствовать со мною,¹⁸³ пока трудное и долго длящееся не достигнет завершения и напиток не созреет?»

¹⁸³ В Мф. 26:40 Христос укоряет апостолов, что они не могли один час бодрствовать, пока он молился в Гефсиманском саду.

Еще немного, и варево было бы готово. Почему вы не можете подождать? Почему ваше нетерпение разрушает величайшее деяние?»

Какое величайшее деяние? Мы не живы; холод и оцепенение охватили нас. Твое деяние, одиночка, не закончится и через зоны, даже если будет продолжаться день за днем.

Работа по спасению бесконечна. Почему ты хочешь ждать до конца этой работы? Даже если твое ожидание обратило тебя в камень на бесконечные эпохи, ты не выдержишь до конца. И если твое спасение подойдет к концу, ты должен будешь спастись от своего спасения еще раз.

Одиночка говорит: «Какие красноречивые стенания достигают моих ушей! Какой скулеж! Какие же вы глупые скептики! Непослушные дети! Терпение, все будет закончено после этой ночи!»

Мы не вытерпим еще одной ночи; мы ждали слишком долго. Ты, наверное, Бог, что тысяча ночей как одна для тебя? Для нас одна ночь будет как тысяча ночей. Оставь работу по спасению, и мы будем спасены. На сколько веков ты нас спасаешь?

Одиночка говорит: «Вы, смущенное человеческое болото, вы, глупые ублюдки Бога и скота, мне еще нужен кусок вашей драгоценной плоти для смеси. Я действительно ваш самый ценный кусок мяса? Стоит ли это моих усилий — закипеть для вас? Некто дал прибить себя к кресту ради вас. Он достаточно истинен. Он стоит на моем пути. Потому я не пойду по его пути, но и не сделаю для вас исцеляющего варева или бессмертного¹⁸⁴ кровавого зелья, вместо этого я брошу зелье и котел и оккультные труды ради вас, раз вы не можете ждать и не выносите завершения. Я отброшу ваши прошения, коленопреклонения, призывания. Вы можете спастись и от недостатка спасения и от спасения! Вы выросли достаточно высоко, раз тот умер за вас. Так докажите, что вы стоите того, живя каждый за себя. Боже мой, как трудно оставлять работу незаконченной ради людей! Но ради людей я воздержусь от роли спасителя. Вот! Теперь мое зелье доварилось. Я смешал себя с питьем, но я нарезал туда человечности, и смотри, она осветлила мрачно пенящееся зелье.

Какое оно сладкое, какое горькое!

Низ слаб.

Верх слаб.

Форма Единого

становится двойной.

¹⁸⁴ Отдельное примечание Юнга в каллиграфическом томе: «29/11/1922». Это, очевидно, указывает, когда отрывок был переписан.

*Север, восстань и уйди,
Запад, удались в свое место.*

*Восток, распространись,
Юг, умри.*

*Ветра меж ними
освободили распятого
/ [Image 135]¹⁸⁵ /*

*Дальние поперечины разделены
поперечинами меж ними.
Ступени меж ними,
упорные улицы.
Бурлящий горшок остывает.*

*Пепел подернут золой
под ним.
Ночь покрывает небо и далеко
внизу лежит черная земля.*

*День приближается, и над облаками далекое солнце.
Одиночка больше не готовит исцеляющих зелий.
Четыре ветра дуют и смеются от своей щедрости.
И он издевается над четырьмя ветрами.
Он видел звезды и касался земли.
Потому его рука сжимает нечто сверкающее
и его тень выросла до Небес.*

¹⁸⁵ Надпись: «Завершен 25 ноября 1922 г. Огонь выходит из Муспелля и охватывает древо жизни. Цикл завершен, но это цикл внутри мирового яйца. Странный Бог, безымянный Бог одиночки, скрыт в нем. Новые создания образуются из дыма и пепла». В северной мифологии Муспелль (или Муспельхейм) — обиталище Огненных Богов.

Необъяснимое случается. Ты бы скорее покинул себя и предался каждой множественной возможности. Ты бы скорее пошел на любое преступление, чтобы украсть для себя таинство изменяющегося. Но дороге нет конца.

Глава 20 Путь Креста

186

¹⁸⁷ Я видел черную змею,¹⁸⁸ обвившуюся вокруг дерева креста. Она вползла в тело распятого и появилась вновь, преображенная, из его рта. Она стала белой. Она обвилась вокруг головы мертвого, как диадема, и свет блистал над его головой, и солнце восходило, сияя, на востоке. Я стоял и смотрел и был в смятении, и великий

186 Отдельное примечание Юнга в каллиграфическом томе: «25 февраля 1923 г. Трансформация черной магии в белую».

187 27 января 1914 г.

188 «Черновик» продолжает: «змею моего пути» (стр. 460).

груз отяжелил мою душу. Но белая птица, сидевшая на моем плече, говорила мне:¹⁸⁹ «Пусть идет дождь, пусть дует ветер, пусть воды текут и горит огонь. Пусть каждая вещь имеет свое развитие, пусть пребудет становление».

2. Воистину, путь ведет через распятого, то есть сквозь него, для кого было немаловажно прожить свою жизнь и который, таким образом, был вознесен к великолепию. Он не просто учил известному и стоящему знанию, он жил им. Неясно, какое нужно смирение для того, чтобы принять на себя проживание своей собственной жизни. Омерзение того, кто хочет войти в свою жизнь, трудно измерить. Отвращение овладевает им. Его тошнит. У него болят внутренности, а разум тонет в усталости. Он бы придумал любой трюк, чтобы избавиться от этого, ибо ничто не сравнить с муками на собственном пути. Он кажется невозможно трудным, столь трудным, что практически все кажется предпочтительнее этой пытки. Немногие предпочтут даже любить людей за страх к самим себе. Я тоже думаю, что некоторые совершат преступление, чтобы выбрать раздор с собой. Потому я цепляюсь за все, что препятствует моему пути к самому себе.

3.¹⁹⁰ Тот, кто идет к себе, спускается вниз. Душераздирающие и абсурдные формы предстали перед величайшим пророком, пришедшим до этого времени, и это были формы его собственной сути. Он не принял их, но изгнал их перед другими. В конечном счете, однако, ему пришлось отметить Тайную Вечерю со своей собственной нищетой и принять эти формы своей сути из сострадания,

¹⁸⁹ В «Черной Книге 4» это сказано его душой. В этой главе и в «Рассмотрениях» мы обнаруживаем, что некоторые высказывания «Черных Книг», приписанные душе, теперь переданы другим персонажам. Это текстуальное изменение отмечает важный психологический процесс дифференциации персонажей, отделение их друг от друга, разотождествление с ними. Юнг обсуждал этот процесс в целом в 1928 г., в «Отношениях между я и бессознательным», гл. 7: «Техника различения между я и фигурами бессознательного» (CW 7). В «Черной Книге 6» душа объясняет Юнгу в 1916 г.: «Если я не объединена соединением Верха и Низа, я распадаюсь на три части: *змею*, и в этой форме или в форме какого-то другого животного я скитаюсь, проживая природу демонически, пробуждая страх и стремление. *Человеческую душу*, вечно живущую в тебе. Небесную душу, как таковую обитающую с Богами, вдали от тебя и неведомую тебе, появляющуюся в форме птицы» (Приложение С). Текстуальные правки, которые Юнг делал между душой, змеей и птицей из «Черных Книг» в этой главе и в «Рассмотрениях» могут рассматриваться как подтверждение и дифференциацию тройственной природы души. Идея Юнга о единстве и множественности души напоминает идеи Экхарта. В 52 проповеди Экхарт писал: «Душа с ее высшими силами касается вечности, которая есть Бог, тогда как ее низшие силы находятся в соприкосновении со временем, делая ее субъектом изменения и склонной к телесным вещам, которые развращают ее». В 85 проповеди он писал: «Три вещи мешают душе соединиться с Богом. Первая — это то, что она слишком расплывлена и не едина; ибо когда душа обращена к творениям, она не едина. Вторая — когда она вовлечена во временные вещи. Третья — когда она обращена к телу, ибо тогда она не может соединиться с Богом».

¹⁹⁰ «Черновик» продолжает: « «Почему», - спросишь ты, - «человек не хочет приближаться к себе?» Яростный пророк, предшествовавший этому времени, написал об этом книгу и украсил ее гордым названием. Это книга о том, как и почему человек не хочет придти к себе» (стр. 461). Здесь ссылка на «Так говорил Заратустра» Ницше.

которое и есть то принятие низшего в нас.¹⁹¹ Но это разъярило могучего льва, которые преследовал заблудших и вернул их ко тьме глубин.¹⁹² И как все, обладающие силой, тот, с великим именем, желал извергнуться из лона гор, подобно солнцу.¹⁹³ Но что случилось с ним? Его путь проходил перед распятым, и он начал яриться. Он разъярился перед людьми насмешки и боли, ибо сила его сущности заставляла его следовать именно тем путем, которым Христос прошел перед нами. Но он громко провозглашал свою силу и величие. Никто не кричит громче о своей силе и величии, нежели тот, у кого земля исчезает из-под ног. Наконец, низшее в нем добралось до него, его неспособность, и это распяло его дух, так что, как он предсказывал, его душа умерла прежде тела.¹⁹⁴

4. Никто не возносится над собой, не обратив свое опаснейшее оружие против себя же. Тот, кто хочет подняться над собой, должен спускаться вниз и поднимать себя на себя же и волочить себя к месту распятия. Но то, что должно случиться с человеком, прежде, чем он осознает тот внешний видимый успех, что он может ухватить руками, сбивает его с пути. Какое страдание должно прийти к человечеству, пока человек не оставит удовлетворение его стремления к власти над своим ближним и вечного желания, чтобы другие были такими же. Сколько крови прольется, пока человек откроет свои глаза и увидит путь к своей дороге как врага, и осознает свой настоящий успех. Ты должен уметь жить с самим собой, но не за счет ближнего. Стадное животное не паразитирует и не вредит своему брату. Человек, ты даже забыл, что ты тоже животное. Ты, кажется, все еще веришь, что где-то там жизнь лучше. Горе тебе, если ближний думает так же. Но будь уверен, что он думает. Кто-то должен прекратить быть ребенком.

5. Твоя жажда удовлетворяется в тебе. Тебе не предложить Богу более драгоценной жертвенной пищи, нежели себя самого. Да поглотит тебя твоя жадность, ибо это утомляет и успокаивает ее, и ты будешь хорошо спать и считать солнце каждого дня даром. Если ты пожираешь другие вещи и других людей, твоя жадность остается вечно неудовлетворенной, ибо она жаждет большего, самого ценного — она жаждет тебя. Так ты вынуждаешь свое желание принять твой собственный путь. Ты можешь просить других, если тебе нужна помощь или совет. Но ты не должен ни у кого требовать, ни желая, ни ожидая ничего ни от кого, кроме себя самого. Ибо твоя тяга удовлетворится только в тебе. Ты боишься разжечь собственный огонь. Пусть ничто не помешает тебе сделать это, ни чья-то симпатия,

191 См. «Тайная Вечеря», «Так говорил Заратустра».

192 В последней главе «Так говорил Заратустра», «Знамение», когда высшие люди приходят к Заратустре в его пещеру, «лев грозно наострил уши и, отвернувшись сразу от Заратустры, с диким ревом прыгнул к пещере». В 1926 г. Юнг записал: «Рев льва Заратустры изгнал всех «высших» людей, требовавших переживания, обратно в каверны бессознательного. Потому его жизнь не убеждает нас в его учении» («Бессознательное в нормальной и болезненной психической жизни», CW 7, §37).

193 Ницше заканчивает «Заратустру» такими строками: «Так говорил Заратустра и покинул пещеру свою, сияющий и сильный, как утреннее солнце, подымающееся из-за темных гор».

194 В прологе Заратустры канатный плясун падает с веревки. Заратустра говорит израненному канатному плясуну: «Твоя душа умрет даже прежде тела: потому не бойся больше ничего!» (подчеркнуто в копии Юнга). В 1926 г. Юнг утверждал, что это было предсказанием судьбы самого Ницше («Бессознательное в нормальной и болезненной психической жизни», CW 7, §36-44)..

ни твоя более опасная симпатия к самому себе. Ведь ты должен жить и умереть с собой.

6. Когда пламя твоей жадности пожрет тебя, и ничего от тебя не останется, кроме пепла, ничто в тебе не было устойчивым. Но пламя, которым ты себя поглотил, многое осветило. Но если ты бежишь от своего огня в страхе, ты опаляешь ближнего, и пылающее мучение твоей жадности не может угаснуть, раз ты не желаешь себя.

7. Рот произносит слово, знак и символ. Если слово — это знак, оно ничего не означает. Но если слово — символ, оно значит все.¹⁹⁵ Когда путь достигает смерти, и мы окружены гниением и ужасом, путь восходит во тьму и оставляет рот как спасительный символ, слово. Он ведет солнце в высотах, ибо в символе освобождение связанной человеческой силы, борющейся с тьмой. Наша свобода лежит не снаружи, а внутри нас. Можно быть связанным снаружи, но оставаться свободным внутри, ибо внутренние цепи сожжены. Конечно, можно обрести внешнюю свободу через могучие действия, но создать внутреннюю свободу можно только через символ.

8. Символ — это слово, что исходит изо рта, которое не просто произносится, а возносится из глубин самости как слово силы и великой нужды и неожиданно оказывается на языке. Это поразительное и, возможно, кажущееся иррациональным слово, но его признают символом, ибо оно чуждо сознательному разуму. Если человек принимает символ, как будто раскрывается дверь, ведущая в новую комнату, о существовании которой раньше и не подозревали. Но если символ не принимают, как будто беззаботно проходят мимо этой двери, и поскольку это была единственная дверь, ведущая во внутренние чертоги, придется снова выйти на улицы, обратившись ко всему внешнему. Но душа испытывает великую нужду, ибо внешняя свобода ей без пользы. Спасение — это долгая дорога, ведущая сквозь много врат. Эти врата — символы. Каждые новые врата поначалу невидимы; действительно, поначалу кажется, что их нужно создать, ибо они существуют только если выкопать весенний корень, символ.

Чтобы найти мандрагору, нужен черный пес,¹⁹⁶ ведь добро и зло всегда следует сначала соединить, чтобы создать символ. Символ нельзя ни выдумать, ни найти: он становится. Его становление подобно становлению человеческой жизни в лоне. Беременность происходит от добровольного сношения. Оно продолжается без волевой поддержки. Но если бездны зачали, символ вырастает сам и рождается из разума, как подобает Богу. Но таким же образом мать хотела бы броситься на ребенка подобно монстру и пожрать его снова.

Утром, когда восходит новое солнце, слово выходит из моего рта, но безжалостно убитым, ведь я не знал, что это был спаситель. Но рожденное дитя растет быстро, если я приму слово. И оно немедленно становится моим колесничим.

¹⁹⁵ Об отличиях между знаком и символом у Юнг см. «Психологические типы» (1921 г.).

¹⁹⁶ Мандрагора — это растение, чей корень походит на человеческую фигуру, и потому использовался в магических обрядах. Согласно легенде, они сжимаются, когда их вытягивают из земли. В «Психологическом древе» (1945 г.) Юнг отмечал, что магическая мандрагора «будучи привязана к хвосту черного пса, сжимается, когда ее вытягивают из земли» (CW 13, §410).

Слово — это проводник, срединный путь, который легко колеблется, как стрелка на шкале. Слово — это Бог, что восходит из вод каждое утро и объявляет людям руководящий закон. Внешние законы и внешняя мудрость одинаково неэффективны, ибо есть только один закон и только одна мудрость, а именно мой каждодневный закон, моя каждодневная мудрость. Бог обновляет себя каждую ночь.

Бог появляется во многих обликах; ибо когда он появляется, он поглотил некоторых персонажей ночи и ночных вод, в которых он дремал и в которых боролся за обновление в последний час ночи. Следовательно, его появление двояко и неясно; оно даже разрывает на части сердце и разум. Появившись, Бог призывает меня к правому и левому, его голос взывает ко мне с обеих сторон. Но Бог не хочет ни той, ни другой. Он желает срединного пути. Но середина — начало долгого пути.

Человек, однако, никогда не может увидеть начало; он всегда видит только одно и не другое, или другое, но не одно, но никогда не видит того, что заключает в себе и то, и другое. Точка возникновения там, где разум и воля недвижимы; это точка приостановки, которая вызывает во мне насилие, неповиновение и в конечном счете величайший страх. Ибо я больше ничего не вижу и ничего больше не могу желать. Или по крайней мере мне так кажется. Путь особенен полной остановкой всего, что ранее двигалось, это слепое ожидание, полное сомнений вслушивание и ощупывание. Человек убежден, что сейчас взорвется. Но разрешение рождается как раз из этого напряжения, и оно почти всегда появляется там, где его меньше всего ожидаешь.

Но что такое разрешение? Это всегда нечто древнее, именно из-за этого чего-то нового, ибо когда давно ушедшее возвращается в изменившийся мир, оно ново. Порождать древнее в новом времени — это творение. Это творение нового, и оно искупает меня. Спасение — это разрешение задачи. Задача в том, чтобы породить древнее в новом времени. Душа человечества подобна огромному колесу зодиака, что катится по пути. Все, что поднимается снизу вверх в постоянном движении, уже было здесь. Нет части колеса, что не возвращалась снова. Потому все, что стремится вверх и все, что было, будет снова. Ибо это вещи, врожденные человеческой природе. Движению вперед свойственно возвращению того, что было.¹⁹⁷ Только невежда может изумляться этому. Но смысл не в вечном возвращении того же,¹⁹⁸ а в особенности его повторяющегося сотворения в каждое отдельное время.

¹⁹⁷ «Черновик» продолжает: «Все вечно то же, но в то же время и нет, ибо колесо катится по длинной дороге. Но путь ведет через долины и горы. Движение колеса и вечное возвращение его частей свойственно движущемуся средству, но смысл лежит в пути. Смысл обретается только через постоянное вращение и поступательное движение колеса. Возвращение неотделимо от поступательного движения. Это может сбить с толку только невежду. Невежество защищает нас от необходимого возвращения того же, или жадность позволяет колесу швырять нас то туда, то сюда, ибо мы считаем, что вознесемся еще выше с этой частью колеса. Но мы не поднимемся выше, мы погрузимся глубже: в конце концов мы окажемся в самом низу. Потому прославь остановку, ибо она показывает, что ты не привязан к спицам, как Иксион, но сидишь рядом с колесничим, который истолкует для тебя смысл пути» (стр. 469-470). В греческой мифологии Иксион был сыном Ареса. Он попытался соблазнить Геру, и Зевс наказал его, привязав к огненному колесу, которое постоянно вращалось.

¹⁹⁸ Идея, что все повторяется, появляется во многих традициях, таких как стоицизм и пифагореизм, и играет заметную роль в трудах Ницше. Было много споров среди исследователей Ницше, следует ли понимать ее как этический императив утверждения жизни или как космологическую доктрину. См. Karl Lowith, «Nietzsche's Doctrine of the Eternal Recurrence of the Same». Юнг обсуждал ее в 1934, см. «Заратустра Ницше», т. 1, стр. 191-192.

Смысл лежит в особенности и направлении повторяющегося творения. Но как мне создать колесничего? Или мне стать собственным колесничим? Я могу управлять собой только при помощи воли и намерения. Но воля и намерения лишь части меня. Следовательно, они недостаточны для выражения моей целостности. Намерение в том, что я могу предвидеть, а воля - в стремлении к предугаданной цели. Но где мне найти цель? Я беру ее из того, что уже было мне известно. Так я помещаю настоящее на место будущего. Таким образом, хотя я и не могу достичь будущего, я искусственно создаю постоянное настоящее. Все, что пытается вторгнуться в это настоящее, становится для меня беспорядком, и я пытаюсь удалить его, чтобы сохранилось мое намерение. Так я блокирую жизненный прогресс. Потому мудрый не хочет быть колесничим, ибо знает, что воля и намерение обязательно достигнут цели, но помешают появлению будущего.

Будущность растет из меня; я ее не создаю, и все-таки создаю, хотя и не намеренно и не умышленно, а скорее против воли и намерения. Если я хочу создать будущее, я действую против своего будущего. И если я не хочу его создавать, опять-таки, я не принимаю достаточного участия в творении будущего, и все происходит в соответствии с неизбежными законами, жертвой которых я становлюсь. Древние придумали магию, чтобы принуждать судьбу. Она была им нужна, чтобы определять внешнюю судьбу. Нам она нужна для того, чтобы определить внутреннюю и найти путь, который мы не способны выдумать. Долгое время я размышлял, что это должна быть за магия. И наконец, я ничего не нашел. Тот, кто не может найти ее внутри, должен стать учеником, и так я ушел в далекую страну, где жил великий маг, о котором я слышал.

Глава 21 Маг¹⁹⁹

Гл. ххі

[Н1:139] {1} [1]²⁰⁰ После долгих поисков я нашел маленький домик в деревне, перед которым располагалась клумба с тюльпанами. Здесь ΘΙΛΗΜΟΝ [Филемон], маг, жил со своей женой ΒΑΥΚΙΣ [Бавкидой]. ΘΙΛΗΜΟΝ — один из тех магов, которым не удалось прогнать старость, и он проживает ее с достоинством. а его жена поступает

¹⁹⁹ В Рукописном Черновике стоит: «Десятое приключение».

²⁰⁰ 27 января 1914 г.

так же.²⁰¹ Их интересы, кажется, сузились и даже стали детскими. Они поливают свою клумбу с тюльпанами и рассказывают друг другу о недавно появившихся цветах. И их дни проходят в бледной нерешительной светотени, лишь слегка озабоченные тьмой, что ждет впереди.

Почему ΘΙΛΗΜΟΝ μαγ?²⁰² Он наколдовал для себя бессмертие, жизнь по ту сторону? Он, вероятно, был магом лишь по профессии, а теперь ушел на пенсию и удалился от дел. Его страстность и творческий импульс истощились, и теперь он просто наслаждается заслуженным отдыхом, ни на что не способный, как и всякий старик, сажая тюльпаны и поливая свой небольшой сад. Магический жезл лежит в буфете вместе с шестой и седьмой книгами Моисея²⁰³ и мудростью ΕΡΜΗΝΣ ΤΡΙΣΜΕΓΙΣΤΥΣ [Гермеса Трисмегиста].²⁰⁴ ΘΙΛΗΜΟΝ стар и стал несколько слабоумным. Он все еще бормочет магические заклинания для здоровья околдованного скота в обмен на немного денег или какой-нибудь дар для кухни. Но неизвестно, верны ли эти заклинания и понимает ли он их смысл. Также ясно, что едва ли имеет значение, что он бормочет, ведь скот может поправиться и

201 В «Метаморфозах» Овидий рассказывает историю о Филемоне и Бавкиде. Юпитер и Меркурий странствовали, приняв облик смертных, в холмистой стране Фригии. Они искали, где отдохнуть, но в тысячах домов их прогнали. Наконец, их приняла престарелая пара. Пара поженилась в своем домике в юности, вместе состарилась и удовлетворенно приняла свою бедность. Они приготовили для гостей ужин. Во время ужина они заметили, что графин сам наполнялся, после того, как опустошался. В честь гостей супруги предложили зарезать единственного гуся. За гуся заступились боги, сказав, что его не следует убивать. Юпитер и Меркурий открылись и сказали супругам, что их соседи будут наказаны, а они помилованы. Они попросили супругов подняться с ними на гору. Когда они достигли вершины, то увидели, что деревня, окружавшая их домик, затоплена, и остался только их дом; он превратился в храм с мраморными колоннами и золотой крышей. Боги спросили, чего желали бы супруги, и Филемон ответил, что они хотели бы быть жрецами и служить в их святилище, а также что они хотели бы умереть одновременно. Их желание было исполнено, и когда они умерли, то превратились в деревья бок о бок. В пятом акте второй части «Фауста» Гете странник, ранее спасенный ими, взывает к Филемону и Бавкиде. Фауст в это время строил город на земле, поднятой из моря. Фауст направился сказать Мефистофелю, что хотел бы переместить Филемона и Бавкиду. Мефистофель и три могучих мужчины идут и сжигают домик с Филемоном и Бавкидой внутри. Фауст отвечает, что хотел лишь переместить их обиталище. По Эккерманну, Гете рассказывал, что «мои Филемон и Бавкида... не имеют ничего общего с известными древними супругами или традицией, связанной с ними. Я дал им эти имена только для того, чтобы улучшить персонажей. Личности и отношения сходны, и потому использование имен имеет хорошее воздействие» (6 июня 1831 г.). 7 июня 1955 г. Юнг написал Алисе Рафаэль письмо, в котором ссылался на комментарии Гете Эккерманну: «К «Филемону и Бавкиде»: типичный гетевский ответ Эккерманну! пытается скрыть свои следы. «Филемон» (Φίλημα [philema] = поцелуй), влюбленный, простой престарелый любящий супруг, близкий земле и знающий о богах, полная противоположность Сверхчеловеку Фаусту, продукту дьявола. Между прочим: в моей башне в Боллингене есть скрытая надпись: «*Philemon sacrum Fausti poenitentia* [Святилище Филемона, Фаусту раскаяние]». Когда я впервые встретил архетип старого мудреца, он назвался Филемоном. / В алхимии Ф. и Б. представляли мастеров, или *vir sapiens* и *soror mystica* (Зосима — Теосебейя, Николя Фламель — Перонель, Мр. Саус и его дочь в XIX стол.) и пару в *mutus liber* (около 1677 г.)). О надписи Юнг см. также его письмо Герману Кайзерлингу от 2 января 1928 г. 5 января 1942 г. Юнг писал Паулю Шмитту: «Я получил «Фауст как мое наследие», и, более того, стал защитником Филемона и Бавкиды, которые, в отличие от Фауста-сверхчеловека, приютили богов в безжалостную и забывшую богов эпоху».

202 В «Психологических типах» по ходу обсуждения Фауста Юнг писал: «Маг сохранил в себе след изначального язычества, он обладает природой, на которую все еще не подействовало христианское разделение, а это значит, что он обладает доступом к бессознательному, которое все еще языческое, где противоположности находятся в своем изначальном простом состоянии, вне всякой греховности, но, будучи ассимилированы в сознательную жизнь, производят добро и зло с той же изначальной и, следовательно, демонической силой... Потому он разрушитель в той же мере, что и спаситель. Эта фигура, таким образом, лучше всего подходит для того, чтобы стать символическим носителем попытки воссоединения» (CW 6, §316).

203 Шестая и седьмая книга Моисея (вдобавок к пяти, содержащимся в Торе) были опубликованы в 1849 г. Иоганном Шибелем, который утверждал, что они пришли из древних талмудических источников. Эта работа, бывшая сборником каббалистических магических заклинаний, долгое время была популярна.

204 Фигура Гермеса Трисмегиста была образована смешением Гермеса с египетским богом Тотом. *Corpus Hermeticum*, коллекция в большей степени алхимических и магических текстов, датируемая началом христианской эры, но изначальное считавшаяся более древней, приписывалась ему.

самостоятельно. Вот выходит старый ΘΙΛΗΜΟΝ в сад, согнувшись, с лейкой в трясущейся руке. Бавкида стоит у кухонного окна и смотрит на него спокойно и бесстрастно. Она уже видела эту картину тысячи раз — каждый раз чуть слабее, немощнее, видя ее все хуже по мере того, как ее зрение ухудшалось.²⁰⁵

Я стою у садовых ворот. Они не заметили постороннего. «ΘΙΛΗΜΟΝ, старый маг, как ты?» - обращаюсь я к нему. Он не слышит меня, видимо, глухой как пробка. Я иду за ним и беру за руку. Он поворачивается и приветствует меня неуклюже и трепеща. У него белая борода, тонкие седые волосы, морщинистое лицо, но что-то есть в этом лице. Его глаза серые, древние и что-то в них есть очень странное, иной сказал бы, живое. «Я в порядке, незнакомец», - говорит он, - «но что ты делаешь здесь?»

Я: «Люди говорили мне, что ты осведомлен в темном искусстве. Меня оно интересует. Ты расскажешь мне о нем?»

Θ: «Почему я должен тебе о нем рассказывать? Нечего рассказывать»

Я: «Не будь недоброжелательным, старик, я хочу учиться»

Θ: «Ты определенно более образован, чем я. Чему мне тебя научить?»

Я: «Не будь груб. Я точно не хочу становиться твоим противником. Мне лишь любопытно узнать известное тебе, а также магию, которой ты владеешь»

Θ: «Чего ты хочешь? В прошлом я помогал людям то там, то здесь, которые были больны или попадали в неприятности»

Я: «Что именно ты делал?»

Θ: «Ну, я делал это попросту сочувствием».

Я: «Старик, это слово звучит комично и туманно».

Θ: «Почему так?»

Я: «Оно может значить, что ты помогал людям либо выражая сострадание, либо суеверными, сочувственными средствами».

Θ: «Ну, да, и тем, и другим».

Я: «И в этом вся твоя магия?»

Θ: «Было еще кое-что».

Я: «Так что это, скажи мне».

Θ: «Это не твое дело. Ты дерзок и надоедлив».

Я: «Пожалуйста, не воспринимай плохо мое любопытство. Недавно я слышал кое-что о магии, и это возбудило мой интерес к этой позабытой практике. А потом я пришел к тебе, потому что слышал, что ты понимаешь в черном искусстве. Если бы

²⁰⁵ В «Фаусте» Гете Филемон говорит о своих слабеющих силах: «Стар я стал сидеть в дозоре / По ночам на маяке, / А тем временем и море / Очутилось вдалеке».

магии все еще учили в университете, я бы изучал ее там. Но последний магический колледж закрылся очень давно. Теперь ни один профессор ничего о ней не знает. Так что не будь чувствительным и скупым и расскажи мне немного о своем искусстве. В самом деле, ты ведь не хочешь унести эти тайны с собой в могилу, не так ли?»

Θ: «Ну, ты все равно лишь рассмеешься. Так зачем мне тебе что-то рассказывать? Пусть лучше все это будет похоронено вместе со мной. Это всегда можно открыть заново позднее. Это знание никогда не будет утрачено для человечества, ибо магия перерождается с каждым и в каждом из нас».

Я: «Что ты имеешь в виду? Ты считаешь, что магия действительно врождена человеку?»

Θ: «Если бы я мог, я бы, конечно, сказал, что да, это так. Но ты найдешь это смешным».

Я: «Нет, в этот раз я не засмеюсь, потому что я всегда удивлялся, что все люди во все времена и во всех местах имели одинаковые магические обычаи. Как ты видишь, я уже думал похожим образом».

Θ: «Что ты понимаешь под магией?»

Я: «Честно говоря, ничего или очень мало. Мне кажется, что магия — одно из бесполезных орудий людей, подчиненных природе. Я не нахожу в магии больше никакого реального смысла».

Θ: «Твои профессора, видимо, знают столько же».

Я: «Да, но что ты знаешь об этом?»

Θ: «Я бы предпочел не говорить».

Я: «Не будь столь скрытным, старик, или я решу, что ты знаешь не больше моего».

Θ: «Это как изволишь».

Я: «Твой ответ показывает, что ты определенно понимаешь в ней больше остальных».

Θ: «Потешный парень, какой же ты упрямый! Но что мне в тебе нравится, так это то, что твой разум тебя не удерживает».

Я: «Это действительно так. Когда я собираюсь нечто понять и познать, я оставляю свой так называемый разум дома и отдаю тому, что пытаюсь понять, дань сомнения. Я научился этому постепенно, потому что нынешний мир науки полон пугающих примеров противоположного».

Θ: «Тем самым ты приносишь себе большую пользу».

Я: «Надеюсь. Но давай не будем отдаляться от магии».

Θ: «Почему ты так озабочен познанием магии, если заявляешь, что оставил свой разум дома? Или ты не считаешь последовательность частью разума?»

Я: «Считаю — мне вижу, или, скорее, мне кажется, что ты весьма опытный софист, умело ведущий меня вокруг дома и обратно к двери».

Θ: «Тебе так кажется, потому что ты судишь все с точки зрения интеллекта. Если ты на время оставишь разум, ты также оставишь последовательность».

Я: «Это непростая проверка. Но если я хочу быть сколько-нибудь знающим, я, видимо, должен подчиниться твоей просьбе. Хорошо, я слушаю»,

Θ: «Что ты хочешь услышать?»

Я: «Не выпытывай. Я просто жду, пока ты что-то скажешь».

Θ: «А что, если я ничего не скажу?»

Я: «Ну, тогда я удалюсь несколько смущенным и буду думать, что ΘΙΛΗΜΟΝ — хитрая лиса, которой определено есть чему меня научить».

Θ: «Этим, мальчик мой, ты уже узнал кое-что о магии».

Я: «Мне надо об этом подумать. Должен признать, это несколько неожиданно. Я считал магию чем-то другим».

Θ: «Ну, это показывает, насколько мало ты знаешь о ней и насколько неверно твое мнение».

Я: «Если это действительно, хотя это и так, я должен признать, что подходил к проблеме совершенно неверно. Из того, что ты говоришь, я заключаю, что эти темы не следуют обыденному пониманию».

Θ: «Как и магия».

Я: «Но ты меня совсем не отпугнул; напротив, я жажду слушать еще больше. То, что я знаю сейчас, в сущности, негативно».

Θ: «И так ты осознал вторую главную вещь. Прежде всего, ты должен знать, что магия — это отрицание всего, что можно знать».

Я: «И это, мой дорогой ΘΙΛΗΜΟΝ, знание, которое трудно переварить и которое причиняет немалую боль. Отрицание всего, что можно знать? Я полагаю, ты имеешь в виду, что ее нельзя познать, не так ли? Это превышает моего понимания».

Θ: «И это третье, что ты должен отметить как важнейшее: а именно, что тебе нечего понимать».

Я: «Ну, должен признать, это ново и странно. То есть в магии совершенно нечего понимать?»

Θ: «Именно. Магия — это как раз все то, что ускользает от понимания».

Я: «Но как же тогда дьявол может быть тем, кто учит магии?»

Θ: «Магии нельзя ни научить, ни научиться. То, что ты пытаешься научиться магии — глупо».

Я: «Тогда магия ни что иное, как обман».

Θ: «Осторожно — ты снова стал мыслить».

Я: «Трудно существовать без разума».

Θ: «Именно такова магия».

Я: «Ну, в таком случае это тяжелый труд. Я заключаю, что для умения неизбежным условием является разучиться разуму».

Θ: «Боюсь, что так».

Я: «О боги, это серьезно».

Θ: «Не так серьезно, как ты думаешь. Разум приходит в упадок с возрастом, ведь он важное дополнение тех стремлений, что гораздо сильнее в юности, чем в старости. Ты когда-нибудь видел юных магов?»

Я: «Нет, маги общеизвестно стары».

Θ: «Видишь, я прав».

Я: «Тогда перспективы адепта плохи. Он должен ждать до старости, прежде чем испытает тайны магии».

Θ: «Если он оставит разум до этого, то сможет пережить нечто полезное и раньше»,

Я: «Это кажется мне опасным экспериментом. Нельзя отбросить рассудок без дальнейших проблем».

Θ: «Но и магом просто так не станешь».

Я: «Ты расставляешь проклятые ловушки».

Θ: «Чего ты хочешь? Такова магия».

Я: «Старый дьявол, ты заставляешь меня завидовать безрассудной старости».

Θ: «Ну-ну, юноша, который хочет стать стариком. И зачем? Он хочет научиться магии, но не осмеливается, чтобы сохранить свою юность».

Я: «Ты расставил ужасные сети, старый охотник».

Θ: «Возможно, тебе стоит обождать несколько лет с магией, пока волосы не поседеют и разум слегка ослабеет».

Я: «Я не хочу выслушивать твои насмешки. Глупым образом я попался в твои сети. Я не могу тебя понять».

Θ: «Но глупость может быть продвижением по пути магии».

Я: «Кстати говоря, чего ты вообще намереваешься достичь при помощи магии?»

Θ: «Я жив, как ты видишь».

Я: «Другие старики тоже живые».

Θ: «Да, но ты видел, как они живут?»

Я: «Ну, признаться, это не такое уж приятное зрелище. Вообще-то время и на тебе оставило свои следы».

Θ: «Я знаю».

Я: «Так в чем твое преимущество?»

Θ: «Оно не бросается в глаза».

Я: «Какое преимущество не бросается в глаза?»

Θ: «Я называю его магией».

Я: «Ты движешься по порочному кругу, дьявол тебя побери».

Θ: «Ну, это еще одно преимущество магии: со мной даже дьявол не совладеет. Ты начинаешь понимать магию, так что я могу предположить, что ты для нее хорошо подходишь».

Я: «Спасибо тебе, ΘΙΛΗΜΟΝ, этого достаточно; я сбит с толку. Прощай!»

Я покидаю маленький сад и иду по улице. Люди вокруг стоят группами и украдкой посматривают на меня. Я слышу, как они шепчут за спиной: «Смотри, вот он идет, ученик старого ΘΙΛΗΜΟΝ'а. Он долго разговаривал со стариком. Он чему-то научился. Он знает тайны. Вот бы я умел делать то, что умеет он». «Замолчите, проклятые дураки», - хочу заорать я, но не могу, потому что и сам не знаю, научился ли чему-то. И поскольку я молчу, они еще больше убеждаются, что я овладел у ΘΙΛΗΜΟΝ тайными искусствами.

²⁰⁶[2] [Н1 142] *Ошибочно считать, что есть магические практики, которым можно научиться. Магию понять нельзя. Понять можно только то, что согласуется с разумом. Магия согласуется с неразумностью, которую не понять. Мир согласуется не только с разумом, но и с неразумностью. Но как разум используют для того, чтобы понять мир, и то, что разумно в нем, достигает разума, так и недостаток понимания также согласуется с неразумностью.*

Эта встреча магическая и ускользает от понимания. Магическое понимание — это то, что называют непостижимым. Все, что действует магически, непостижимо, и непостижимое часто действует магически. Непостижимые действия называют магическими. Магическое всегда окружает меня, всегда затрагивает меня. Оно

²⁰⁶ Отдельное примечание Юнга в каллиграфическом томе: «Янв. 1924». Это видимо, указывает, когда отрывок был перенесен в каллиграфический том. Почерк здесь становится крупнее, появляется больше пространства между словами. В этого момента свое переписывание начинает Кэри Бейнс.

открывает пространства без дверей и ведет ко входу, где нет выхода. Магическое и доброе, и злое, но и не доброе и не злое. Магия опасна, потому что согласующееся с неразумностью сбивает с толку, очаровывает и возбуждает; и я всегда первая жертва.

Где обитает разум, магия не нужна. Потому нашему времени больше не нужна магия. Только неразумным нужна она, чтобы восполнить нехватку разума. Но крайне неразумно сводить вместе разум с магией, потому что они не имеют друг к другу никакого отношения. Оба портятся, оказавшись рядом. Таким образом, те, кому недостает разума, впадают в излишества и равнодушие. Рациональный человек этого времени потому никогда не использует магию.²⁰⁷

Но все иначе для того, кто открыл хаос в себе. Нам нужна магия, чтобы получить или призвать посланца, и сообщение с непостижимым. Мы осознали, что мир включает в себя не только разум, но и неразумие; и мы также поняли, что на нашем пути нужны не только разум, но и неразумие. Это различие произвольно и зависит от уровня постижения. Но можно быть уверенным, что большая часть мира ускользает от нашего понимания. Мы должны одинаково ценить непостижимое и неразумное, хотя они не обязательно равны в себе; часть непостижимого, однако, только сейчас непостижима, а завтра может оказаться согласованной с разумом. Но пока ее не понимают, она остается неразумной. В той мере, в какой непостижимое согласуется с разумом, о нем можно успешно думать; но в той мере, в какой оно неразумно, чтобы открыть его, нужны магические практики.

Практика магии состоит в том, чтобы непостижимым образом делать то, что непонятно, понятным. Магический путь не произволен, ведь так он был бы понятным, он восходит из непостижимых оснований. Кроме того, неверно говорить об основаниях, ведь основания согласуются с разумом. Но и нельзя говорить о бесосновательности, ведь вряд ли можно сказать об этом что-то еще. Магический путь исходит сам по себе. Если открыть хаос, появляется также и магия.

Можно учить пути, который ведет к хаосу, но нельзя научить магии. О ней можно только молчать, и это будет лучшим обучением. Это сбивает с толку, но такова магия. Где разум устанавливает порядок и ясность, магия вызывает беспорядок и недостаток ясности.²⁰⁸ Для перевода непонимаемого в понятное действительно нужен разум, ведь понятное можно создать только с помощью разума. Никто не может сказать, как использовать разум, но он возникает, как только пытаются объяснить, что означает открытие хаоса.²⁰⁹

²⁰⁷ В «Психологических типах» (1921) Юнг писал: «Разум может дать равновесие только в том случае, если этот разум уже является уравнивающим органом... Как правило, человеку нужна противоположность его текущего состояния, чтобы заставить его найти срединное положение» (CW 6, §386).

²⁰⁸ «Черновик» продолжает: «Магическая практика потому разделяется на две части: первую, развитие понимания хаоса; и вторую, перевод сути в то, что может быть понято» (стр. 484).

²⁰⁹ «Черновик» продолжает: «Разуму принадлежит весьма малая часть магии. Это тебя задевает. Нужны возраст и опыт.. Страстные желания и страхи юности, так же как и ее необходимая целомудренность, нарушают тайное взаимодействие дьявола и Бога. Так ты слишком легко пристаешь к одной или другой стороне, ослепленный или парализованный» (стр. 484).

Магия — это способ существования. Если некто приложил все усилия, чтобы править колесницей, а затем заметил, что ею на самом деле правит более великий другой, появляется магическая практика. Нельзя сказать, каково будет воздействие магии, и никто не может знать этого заранее, потому что магия — это беззаконие, которое происходит без всяких правил и по случайности, так сказать. Но условием является то, что ее полностью принимают и не отвергают, чтобы посвятить все росту дерева. Тупость тоже часть этого, она свойственна каждому, а также безвкусице, которое, возможно, является величайшей несурезицей.

Потому определенное одиночество и изоляция являются неизбежными условиями хорошего существования для одного и для всех остальных, иначе невозможно в достаточной мере быть самим собой. Неизбежна некоторая замедленность жизни, вроде остановки. Неуверенность в такой жизни может быть величайшим бременем, но я еще могу соединить две конфликтующие силы в моей душе и содержать их в подлинном браке до конца моей жизни, ибо мага зовут ΘΙΛΗΜΟΝ и жена его ΒΑΥΚΙΣ. Я содержу вместе то, что Христос держал отдельно и, следуя его примеру, остальные, ведь чем сильнее одна часть моего существа стремится к добру, тем дальше другая продвигается в Ад.

Когда месяц Близнецов закончился, люди сказали своим теням: «Ты есть я», ибо их дух уже вилял вокруг как вторая личность. Так два стали одним, и с этим столкновением разразилось ужасное, а именно тот всплеск сознания, который называют культурой и который длился вплоть до времени Христа.²¹⁰ Но рыба указала тот момент, когда бывшее единым раскололось, согласно вечному закону противоположностей, на преисподнюю и высший мир. Если сила роста заканчивается, соединенное распадается на противоположности. Христос послал то, что внизу, в Ад, потому что оно стремилось к добру. Так должно было быть. Но разделенное не может оставаться разделенным вечно. Оно будет соединено снова, и месяц рыбы скоро закончится.²¹¹ Мы полагаем и понимаем, что для роста нужно и то, и другое, и потому держим доброе и злое рядом. Поскольку мы знаем, что погрузиться слишком глубоко в доброе то же, что погрузиться в злое, мы держим их вместе.²¹²

210 Здесь ссылка на астрологическую концепцию платонического месяца, или зона, Рыб, которая основана на прецессии равноденствий. Каждый Платонический месяц состоит из одного зодиакального знака, и длится приблизительно 2300 лет. Юнг обсуждал связанный с этим символизм в «Aion» (1951, CW 6, ch. 6). Он отмечает, что около 7 в. до н.э. было соединение Сатурна и Юпитера, представляющее соединение крайних противоположностей, которое предопределило рождение Христа под Рыбами. Pisces (лат. «рыбы») известны как знак рыбы и часто представляются как две рыбы, плывущие в противоположных направлениях. О платоновских месяцах см. Alice Howell, «Jungian Synchronicity in Astrological Signs and Ages» (Wheaton, IL: Quest Books, 1990), p. 125f. Юнг начал изучать астрологию в 1911 г. в процессе изучения мифологии и научился составлять гороскопы (Юнг — Фрейду, 8 мая 1911 г., «Переписка Фрейда и Юнга», стр. 421). Среди источников по астрологии Юнг цитировал «L' Astrologie Grecque» Августи Буше-Леклерк в девяти случаях в более поздних работах.

211 Это указывает на конец платонического месяца Рыб и начало платонического месяца Водолея. Точная датировка этого события неясна. В «Aion» (1951) Юнг отмечал: «Астрологически начало нового зона, в зависимости от выбранной начальной точки, выпадает на 2000 и 2200 гг. н.э.» (CW 9,2, §149, note 88).

212 В «Aion» (1951) Юнг отмечал: «Если, как это представляется, эон рыб управляется архетипическим мотивом «враждующих братьев», тогда подход следующего платонического месяца, а именно Водолея, установит проблему соединения противоположностей. Уже нельзя будет сбросить зло со счетов как *privatio boni*, придется признать его реальное существование» (CW 9, §142).

Но так мы теряем направление, и вещи больше не текут с гор в долину, а тихо растут из долины в горы. То, что мы больше не можем предотвратить или спрятать — это наш плод. Текущий поток становится озером и океаном, из которого нет истока, если только его воды не поднимутся паром до небес и не выпадут дождем. Хотя море — место смерти, это также место восхождения. Таков ΘΙΛΗΜΟΝ, укаживающий за своим садом. Наши руки были связаны, и каждый должен тихо сидеть на своем месте. Он невидимо поднимается и выпадает дождем в далеких землях.²¹³ Вода на земле — не облако, могущее пролиться дождем. Только беременные могут рожать, а не те, кому только предстоит зачать.²¹⁴

[Н1 146] *Но на какую тайну ты намекаешь* мне своим именем, о, ΘΙΛΗΜΟΝ? Воистину, ты влюбленный, однажды принявший Богов, странствовавших по земле, когда все остальные отказали им в крове. Ты тот, кто, сам того не подозревая, дал приют богам, и они отблагодарили тебя, превратив дом в золотой храм, а всех остальных уничтожил потоп. Когда вырвался хаос, ты остался в живых. Ты служил в святилище, когда люди втуне зывали к богам. Воистину, выживает влюбленный. Почему мы не видели этого? И когда же раскрыли себя боги? Именно тогда, когда ΒΑΥΚΙΣ решила приготовить уважаемым гостям единственного гуся, благословенная глупость: животное улетело к богам, которые раскрыли себя своим бедным хозяевам, отдавшим им последнее. Так я увидел, что любящий выживает, и он тот, кто, сам того не ведая, дает приют богам.²¹⁵

Воистину, о, ΘΙΛΗΜΟΝ, я не видел, что твоя лачуга — храм, и что ты, ΘΙΛΗΜΟΝ, и ΒΑΥΚΙΣ служите в святилище. Эта магическая сила не позволит ни научить себе, ни научиться. Ее или имеешь, или нет. Теперь я знаю твою последнюю тайну: ты влюбленный. Тебе удалось соединить разъединенное, то есть связать Верх и Низ. Разве мы не знали этого уже давно? Да, мы знали, нет, мы не знали. Это всегда было так, и в то же время никогда так не было. Почему я должен был брести такими длинными дорогами, прежде, чем пришел к ΘΙΛΗΜΟΝ, если он собирался учить меня тому, что было общеизвестно веками? Увы, мы знали все с незапамятных времен, и все равно не знали, пока это не свершилось. Кто исчерпал тайну любви?

[Н1 147] *Под какой маской, о, ΘΙΛΗΜΟΝ, ты скрываешься?* Ты не поразил меня как влюбленный. Но мои глаза открылись, и я увидел, что ты влюблен в собственную душу, тревожно и ревностно охраняющий ее сокровище. Есть те, кто любят людей,

²¹³ «Черновик» продолжает: «Зимние дожди начались с Христом. Он учил человечество пути на Небеса. Мы учим пути к земле. Потому ничего не было убрано из Евангелия, а лишь добавлено к нему» (стр. 486).

²¹⁴ «Черновик» продолжает: «Мы стремились к проницательности и интеллектуальному превосходству, потому развивали свой ум. Но отвергали и пренебрегали исключительной степенью глупости, свойственной всем. Но если мы примем другое в нас, мы также вызовем и определенную глупость нашей природы. Глупость — это одно из самых странных любимых занятий людей. В ней есть нечто божественное, и нечто от мании величия мира. Потому глупость весьма большая. Она отталкивает все, что подталкивает нас к разуму. Она оставляет все непонятое, что вообще и не предполагало понимания. Эта глупость происходит в мышлении и жизни. Нечто глухое, нечто слепое, она приносит необходимую судьбу и удерживает от нас добродетельность наряду с рациональностью. Она разделяет и изолирует смешанные семена жизни, так принося нам ясный взгляд на добро и зло и на то, что разумно и то, что нет. Но многие люди логичны в их недостатке разума» (стр. 487).

²¹⁵ В этом отрывке Юнг ссылается на классическую версию мифа о Филемоне и Бавкиде из «Метаморфоз».

те, кто любят души людей и те, кто любят собственные души. Таков ΘΙΛΗΜΟΝ, приютивший богов.

Ты лежишь на солнце, о, ΘΙΛΗΜΟΝ, как змея, свернувшаяся спиралью. Твоя мудрость — мудрость змей, холодная, с долей яда, но в малых дозах исцеляющая. Твоя магия парализует и, таким образом, делает сильнее людей, бегущих от самих себя. Но любят ли они тебя, благодарны ли они тебе, любящий собственную душу? Или они проклинают тебя за твой магический змеиный яд? Они держатся поодаль, трясут головами и шепчутся вместе.

Человек ли ты еще, ΘΙΛΗΜΟΝ, или любящий свою душу не может быть человеком? Ты гостеприимен, ΘΙΛΗΜΟΝ, ты принял грязных странников в своей лачуге. Затем твой дом стал золотым храмом, и неужели я оставил твой стол, не насытившись? Что ты дал мне? Ты пригласил меня на ужин? Ты мерцал многоцветным и неразрешимым; ты не предался мне как добыча. Ты избегнул моей хватки. Я тебя не нашел. Ты все еще человек? Ты скорее змееподобен.

Я пытался ухватить тебя и вырвать это из тебя, ведь христиане научились почитать своего бога. И сколько времени пройдет, пока с человеком случится то же, что случилось с Богом? Я смотрю в бескрайние земли и ничего не слышу, кроме завываний, и ничего не вижу, кроме людей, поедающих друг друга.

О, ΘΙΛΗΜΟΝ, ты не христианин. Ты не позволил себе пожирать и не позволил пожирать мне. Потому у тебя не ни лекционных залов, ни залов с колоннами, наполненных студентами, стоящими вокруг и говорящими об учителе, впитывающими каждое его слово, как эликсир жизни. Ты не христианин и не язычник, а гостеприимный негостеприимный, приютивший Богов, выживший, вечный, отец всякой вечной мудрости.

Но покинул ли я тебя, не насытившись? Нет, я покинул тебя, потому что на самом деле был сыт. Но что же я ел? Твои слова мне ничего не дали. Твои слова предоставили меня самому себе и моему сомнению. И так я поглотил себя. И потому, о, ΘΙΛΗΜΟΝ, ты не христианин, что питаешь себя собой и заставляешь людей поступать так же. Это сильнее всего раздражает их, ибо ничто не отвращает человеческое животное сильнее, чем оно само. Потому они скорее будут есть всех ползучих, прыгающих, плавающих и летающих тварей, да, даже их собственного вида, прежде, чем отщипнут от самих себя. Но это питание действительно, и от него быстро насыщаешься. Потому, о, ΘΙΛΗΜΟΝ, мы встаем из-за твоего стола сытыми.

Твой путь, о, ΘΙΛΗΜΟΝ, наставительный. Ты оставляешь меня в целительной тьме, где мне нечего видеть или искать. Ты не свет, что сияет во тьме,²¹⁶ не спаситель, устанавливающий вечную истину и тем гасящий ночной свет человеческого понимания. Ты оставляешь место для глупости и шуток других. Ты ничего не хочешь, благословенный, от других, вместо этого ты ухаживаешь за цветами в своем саду. Тот, кто нуждается в тебе, спрашивает тебя и, о умный ΘΙΛΗΜΟΝ, я полагаю, ты также спрашиваешь тех, от кого тебе что-то нужно, и ты платишь за то, что получаешь. Христос сделал людей жаждающими, ведь с тех пор

²¹⁶ В отличие от Ин. 1:5, где Христос описывается так: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его».

они ожидают даров от своих спасителей, ничего не давая взамен. Давание столь же незрело, как и сила. Тот, кто дает, полагает себя сильным. Добродетель дарения — небесно-голубая мантия на плечах тирана. Ты мудр, о, ΘΙΛΗΜΟΝ, ты не даешь. Ты хочешь, чтобы сад цвел и чтобы все росло из самого себя.

Я славлю, о, ΘΙΛΗΜΟΝ, что ты не действуешь как спаситель, ты не пастырь, отправляющийся за отбившейся овцой, ведь ты веришь в достоинство человека, который не обязательно является овцой. Но если он окажется овцой, ты оставишь ему права и достоинство овцы, ведь с чего бы овце делаться человеком? Людей и так более чем достаточно.

Ты знаешь, о, ΘΙΛΗΜΟΝ, мудрость вещей грядущих, потому ты стар, о, такой древний, и как ты возвышаешься надо мной в годах, ты возвышаешься над настоящим в будущем, и длина твоего прошлого неизмерима. Ты легендарен и недостижим. Ты был и будешь, периодически возвращаясь. Твоя мудрость невидима, твоя истина неведома, вечно неистинная в любое отдельное время, но истинная в вечности, но ты выливаешь живую воду, от которой цветут цветы в твоём саду, звездную воду, росу ночи.

Чего тебе нужно, о, ΘΙΛΗΜΟΝ? Тебе нужны люди ради маленьких вещей, ведь все более великое и величайшее в тебе. Христос испортил людей, ведь учил, что они могут быть спасены только одним, а именно Им, Сыном Бога, и с тех пор люди вечно требовали великие вещи от других, особенно их спасение; и если овца где-то терялась, она винила пастуха. О, ΘΙΛΗΜΟΝ, ты человек, и ты доказал, что человек не овца, ведь ты ищешь величайшее в себе, и потому оплодотворяющая вода течет в твой сад из неистощимых кувшинов.

[Н1 150] *Одинок ли ты, о, ΘΙΛΗΜΟΝ, я не вижу окружения и спутников вокруг тебя; ΒΑΥΚΙΣ лишь твоя другая половина. Ты живешь с цветами, деревьями и птицами, но не с людьми. Не должен ли ты жить с людьми? Ты все еще человек? Ты ничего не хочешь от людей? Ты не видишь, как они держатся вместе и распускают слухи и детские сказки о тебе? Не хочешь ли ты выйти к ним и сказать, что ты человек и смертен, как они и хочешь их любить? О, ΘΙΛΗΜΟΝ, ты смеешься? Я понимаю тебя. Только что я вбежал в твой сад и хотел вырвать у тебя то, что должен был понять в самом себе.*

О, ΘΙΛΗΜΟΝ, я понимаю: немедленно я превратил тебя в спасителя, который дает поглотить себя и связывает дарами. Таковы люди, думаешь ты; они все еще христиане. Но они хотят еще больше: они хотят тебя как ты есть, иначе ты не был бы для них ΘΙΛΗΜΟΝ, и они были бы безутешны, если бы не нашли для своих легенд носителя. Потому они тоже рассмеялись бы, если бы ты подошел и сказал, что смертен, как они, и хочешь их любить. Если бы ты так поступил, ты не был бы ΘΙΛΗΜΟΝ. Они хотят тебя, ΘΙΛΗΜΟΝ, а не другого смертного, который болеет теми же болезнями, что и они.

Я понимаю тебя, о, ΘΙΛΗΜΟΝ, ты настоящий влюбленный, ведь ты любишь свою душу ради людей, потому что им нужен царь, который живет из самого себя и не находится ни у кого в долгу за свою жизнь. Потому ты им нужен. Ты исполняешь

желание людей и исчезаешь. Ты сосуд басен. Ты бы обесчестил себя, если бы вышел к людям как человек, ведь они рассмеются и назовут тебя лжецом и мошенником, потому что ΘΙΛΗΜΟΝ не человек.

Я видел, о, ΘΙΛΗΜΟΝ, эти морщины на твоём лице: некогда ты был юн и хотел быть человеком среди людей. Но христианские животные не любили твою языческую человечность, ведь чувствовали в тебе то, что им нужно. Они всегда искали меченого, и когда поймали его где-то в свободе, они заперли его в золотой клетке и отняли его маскулинную силу, так что он был обездвижен и сидел в молчании. Тогда они славили его и сочиняли о нём байки. Я знаю, они называют это почитанием. И если они не найдут подлинного, у них по крайней мере есть Папа, который занят представлением божественной комедии. Но подлинный всегда отрекается от себя, ведь он не знает ничего более высокого, чем быть человеком.

Ты смеешься, о, ΘΙΛΗΜΟΝ? Я понимаю тебя: тебе надоело быть человеком среди других. И поскольку ты подлинно любил быть человеком, ты добровольно спрятал это, чтобы быть для людей по крайней мере тем, что они хотели иметь от тебя. Потому я вижу тебя, о, ΘΙΛΗΜΟΝ, не с людьми, а лишь с цветами, деревьями и птицами и текущими водами, и это все рано не порочит твою человечность. Ибо для цветов, деревьев, птиц ты не ΘΙΛΗΜΟΝ, а человек. Но какое одиночество, какая нечеловечность!

[Н1 152] *Почему ты смеешься, о, ΘΙΛΗΜΟΝ, я не могу тебя понять. Но разве я не вижу голубой воздух твоего сада? Что за счастливые тени окружают тебя? Это солнце очерчивает голубых полуденных призраков вокруг тебя?*

Ты смеешься, о, ΘΙΛΗΜΟΝ? Увы, я понимаю тебя: человечность для тебя совершенно поблекла, но для тебя восстала её тень. Насколько более велика и счастлива тень человечности, чем сама человечность! Голубые полуденные тени мертвых! Увы, вот твоё человечность, о, ΘΙΛΗΜΟΝ, ты учитель и друг мертвых. Они стоят, завывая, в тени твоего дома, они живут под ветвями твоих деревьев. Они пьют росу твоих слез, они согревают себя добротой твоего сердца, они жаждут слов твоей мудрости, которые кажутся им полными, полными звуков жизни. Я видел тебя, о, ΘΙΛΗΜΟΝ, в полуденный час, когда солнце стоит выше всего; ты стоял, разговаривая с голубой тенью, кровь прилиwała к её макушке и священное мучение омрачало её. Я могу предположить, о, ΘΙΛΗΜΟΝ, кем был твой полуденный гость.²¹⁷ Как же я был слеп, какой я был дурак! Это ты, о, ΘΙΛΗΜΟΝ! Но кто я! Я иду своей дорогой, качая головой, и взгляды людей следуют за мной, и я остаюсь безмолвным. О, безысходное безмолвие! / [Н1 153]

О, повелитель сада! Издали я вижу твое темное древо в сиянии солнца. Моя улица ведет в долину, где живут люди. Я странствующий нищий. И я остаюсь безмолвным.

²¹⁷ Ср. фантазию Юнга от 1 июня 1916 г., где гостем Филемона был Христос (см. ниже).

Убийство тех, кто притворяются пророками — приобретение для людей. Если они хотят убийства, они могут убить своих ложных пророков. Если уста богов остаются безмолвными, каждый может слушать собственную речь. Тот, кто любит людей, остается безмолвным. Если учат только ложные учителя, люди убьют ложных учителей и обретут истину даже на пути своих грехов. Только после темнейшей ночи будет день. Так скрой огни и оставайся безмолвным, чтобы ночь стала темной и бесшумной. Солнце восходит без нашей помощи. Только тот, кто знает темнейшую ошибку, знает, что такое свет.

О, повелитель сада, твоя магическая роща сияла мне издалека. Я почитаю твое обманчивое одеяние, отец обманчивых огней. /²¹⁸ [Image 154]²¹⁹

Я продолжаю свой путь в сопровождении отлично отполированного стального клинка, закаленного в десяти огнях, осторожно упрятанного в моей мантии. Втайне под платьем я ношу кольчугу. Накануне вечером я воспылаю любовью к змеям и разрешил их загадку. Я сел перед ними на горячих камнях у дороги. Я знаю, как ловко и жестоко поймать их, этих холодных дьяволов, хватающих зазевавшихся за пятку. Я стал их другом и играл на мягко звучащей флейте. Но я украшаю свою пещеру их ослепляющими шкурами. Идя своим путем, я подошел к красному камню, на котором лежит огромная переливающаяся змея. Поскольку теперь я научился у **ΘΙΛΗΜΟΝ** магии, я снова вынул свою флейту и сыграл нежную магическую песню, чтобы заставить ее поверить, что она — моя душа. Когда она

²¹⁸ Отдельное примечание Юнга в каллиграфическом томе: «Бхагавадгита говорит: везде, где есть упадок закона и увеличение беззакония, там появляюсь Я. Для спасения праведных и уничтожения делающих зло, для установления закона рождаюсь я в каждую эпоху». Цитата из 4 главы, стихи 7-8 «Бхагавад-гиты». Кришна наставляет Арджуну о природе истины.

²¹⁹ В тексте на рисунке значится: «Отец Пророка, возлюбленный Филемон». Юнг впоследствии нарисовал другую версию этой картины на стенах спальни в башне в Боллингене. Он добавил надпись на латыни из «Rosarium Philosophorum», в которой Гермес описывает камень как сказано: «защищай меня, и я буду защищать тебя, воздай мне должное, и я смогу помочь тебе, ибо Солнце мое, и вспышки его мои внутренние части; но Луна подходит мне, и мой свет совершенствует всякий свет, и мои блага превыше всех благ. Я даю многие богатства и наслаждения людям, желающим их, и когда я ищу в них признания этого, я даю им понять и наделяю божественными силами. Я порожаю свет, но природа моя темна. Пока мои металлы не содержатся в сухости, все тела нуждаются во мне, ибо я увлажняю их. Я уничтожаю их ржу и выделяю их сущность. Таким образом я и мой сын соединяемся, нет ничего лучше и почетнее в целом мире». Юнг цитировал некоторые из этих строк в «Психологии и алхимии» (1944, §§99, 140, 155). «Rosarium», впервые опубликованный в 1550 г., был одним из важнейших текстов о европейской алхимии и посвящен средствам получения философского камня. Он содержит серию вырезанных на дереве символических изображений, на которые опирается Юнг в «Психологии переноса» (1946).

была достаточно околдована, / [Image 155]²²⁰ {2} [I]²²¹ я сказал ей: «Сестра моя, душа моя, что скажешь?» Но она ответила, льстиво и потому терпимо: «Я дам всему, что ты делаешь, порастаи травой».

Я: «Это звучит успокаивающе, но сообщает не много».

З.: «Ты хочешь, чтобы я сказала много? Я могу быть и банальной, как ты знаешь, и удовлетвориться этим».

Я: «Это трудно для меня. Я считаю, что ты тесно связана со всем потусторонним,²²² со всем величайшим и необычным. Потому я думал, что банальность чужда тебе».

З.: «Банальность — часть меня».

Я: «Это было бы менее поразительно, если я бы сказал это о себе».

З.: «Чем более необычен ты, тем более обычной могу быть я. Для меня это настоящая передышка. Думаю, ты ощущаешь, что мне не нужно мучать себя сегодня».

Я: «Я чувствую это, и беспокоюсь, что твое древо больше не принесет мне никакого плода».

З.: «Уже беспокоишься? Не будь глупым и дай мне отдохнуть».

Я: «Я заметил, тебе нравится быть банальной. Но я не принимаю тебя близко к сердцу, мой дорогой друг, ведь я знаю тебя гораздо лучше, чем раньше».

З.: «Я начинаю узнавать тебя. Боюсь, ты начинаешь терять уважение».

Я: «Ты раздражена? Думаю, это совсем не обязательно. Я в достаточной мере осведомлен о близости пафоса и банальности».

З.: «Так ты заметил, что становление души идет змеиным путем? Ты видел, как быстро день становится ночью, а ночь — днем? Как покрытые водой и сухие места меняются местами? И все неравномерное попросту разрушительно?»

220 В «Психологических аспектах Коры» (1951) Юнг анонимно описал этот рисунок как «xi. Затем она [анима] появляется в церкви, занимая место алтаря, все такая же огромная, но с опущенной на лицо вуалью». Он комментирует: «Сон xi восстанавливает аниму в христианской церкви, но не как икону, а как сам алтарь. Алтарь — это место жертвоприношения, а также вместилище освященных реликвий» (CW 9, I, §369, 380). Слева арабское слово «дочери». На краю рисунка следующая надпись: «*Dei sapientia in mysterio quae abscondita est quam praedestinavit ante secula in gloriam nostrum quam nemo principium huius seculi cognovit. Spiritus enim omnia scrutatur etiam profundo dei*». Это цитата из 1 Кор. 2:7-10 (Юнг опустил «Deus» перед «ante secula»). Цитированные отрывки выделены курсивом: «но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей, которой никто из властей века сего не познал; ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы, но, как написано: не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его. А нам Бог открыл это Духом Своим; ибо Дух все проникает, и глубины Божию». На другой стороне свода следующая надпись: «*Spiritus et sponsa dicunt veni et qui audit dicat veni et qui sitit veniat qui vult accipiat aquam vitae gratis*». Это текст из Откр. 22:17: «И Дух и невеста говорят: приходи! И слышавший да скажет: приходи! Жаждающий пусть приходит, и желающий пусть берет воду жизни даром». Над сводом следующая надпись: «*ave virgo virginum*». Это название средневекового гимна.

221 29 января 1914 г.

222 С этой точки в каллиграфическом томе раскрашивание Юнгом красных и синих инициалов становится менее последовательным. Некоторые были добавлены здесь для связности.

Я: «Я думаю, видел все это. Я хочу ненадолго прилечь на солнце на этом теплом камне. Возможно, солнце вынесет меня».

Но змея тихо подкралась ко мне и плавно обвилась вокруг моей ноги.²²³ Прошел вечер и настала ночь. Я обратился к змее и сказал: «Я не знаю, что сказать. Котелки уже закипают».

²²⁴З: «Готовится ужин».

Я: «Тайная Вечеря, я полагаю?»

З.: «Союз со всем человечеством».

Я: «Ужасающая, сладкая мысль: быть и гостем, и блюдом за этим столом»²²⁵

З.: «Это было высочайшим наслаждением и для Христа».

Я: «Как святое, грешное, как все горячее и холодное перетекает друг в друга! Безумие и рассудок хотят обручиться, ягненок и волк мирно касаются друг друга боками.²²⁶ Все это да и нет. Противоположности объемлют друг друга, смотрят глаза в глаза и перемешиваются. Они осознают свое единство в агонизирующем удовольствии. Мое сердце наполнено яростной битвой. Волны темных и светлых рек обрушиваются друг на друга. Я никогда такого не испытывал».

З.: «Это ново, мой дорогой, по крайней мере для тебя».

Я: «Полагаю, ты издеваешься надо мной. Но слезы и смех — одно.²²⁷ Я больше не чувствую их различными, и я напряженно тверд. Любящие достигают Небес, и стойкие забираются столь же высоко. Они сплетены и не отпустят друг друга, ведь непомерное напряжение, кажется, указывает на окончательную и высочайшую возможность чувства».

²²³ Этой строки нет в «Черной Книге 4», где голос не отождествляется со змеей.

²²⁴ 31 января 1914 г.

²²⁵ В «Mysterium Coniunctionis» (1955/56) Юнг отмечал: «Для излечения спроецированного конфликта он должен вернуться в душу индивидуума, откуда он и начался бессознательным образом. Тот, кто хочет совершить этот спуск, должен провести Тайную Вечерю с самим собой, и есть собственную плоть и пить собственную кровь; это означает, что он должен признать и принять другого в себе» (CW 14, §512).

²²⁶ Ср. Ис. 11:6: «Тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их».

²²⁷ Отдельное примечание Юнга в каллиграфическом томе: «XIV AUG 1925». Это, видимо, указывает, когда отрывок был перенесен в каллиграфический том. Осенью 1925 г. Юнг отправился в Африку вместе с Питером Бейнсом и Джорджем Беквитом. Они покинули Англию 15 октября и вернулись в Цюрих 14 марта 1926 г.

З.: «Ты выражаешься эмоционально и философски. Ты знаешь, что это можно сказать и проще. Например, можно сказать, **что ты по уши в любви, как Тристан и Изольда.**²²⁸

Я: «Да, я знаю, но все-таки -»

З.: «Религия, кажется, все еще что-то значит для тебя? Сколько тебе еще нужно щитов? Гораздо лучше сказать это напрямую».

Я: «Не сбивай меня».

З.: «Ну, так что с моралью? Стали мораль и аморальность едины сегодня?»

Я: «Ты издеваешься надо мной, сестра моя и хтонический дьявол. Но я должен сказать, что те, сплетенными поднявшиеся до Небес, также добры и злы. Я не шучу, я стенаю, потому что радость и боль пронзительно едины».

З.: «Так где тогда твое понимание? Ты совершенно отупел. В конце концов, ты можешь разрешить все мышлением».

Я: «Мое понимание? Мое мышление? У меня больше нет понимания. Оно стало для меня непроницаемым».

З.: «Ты отрицаешь все, во что верил. Ты полностью забыл, кто ты такой. Ты даже отрицаешь Фауста, который спокойно следовал за всеми призраками».

Я: «Это больше не для меня. Мой дух и сам призрак».

З.: «А, я понимаю, ты следуешь моему учению».

Я: «К несчастью, так и есть, и это принесло мне болезненную радость».

З.: «Ты обращаешь боль в наслаждение. Ты сбит с толку, ослеплен; так страдай же, дурак».

Я: «Это несчастье должно сделать меня счастливым».

Теперь змея разозлилась и попыталась поразить мое сердце, но мои тайные доспехи сломали ее ядовитый зуб.²²⁹ Она отпрянула в изумлении и прошипела: «Ты ведешь себя непостижимо».

Я: «Это потому что я овладел искусством переступить с левой ноги на правую и наоборот, что другие делали, не думая, с незапамятных времен».

Змея поднялась снова, будто бы случайно задержав хвост у своей пасти так, чтобы я не видел сломанный зуб. Гордо и спокойно сказала она:²³⁰ «Так ты наконец

²²⁸ История двенадцатого века о прелюбодейном романе между корнуоллским рыцарем Тристаном и ирландской принцессой Изольдой пересказывалась в самых разных версиях вплоть до оперы Вагнера, на которую Юнг ссылался как на пример визионерского выражения художественного творения («Психология и поэзия», 1930, CW 15, §142).

²²⁹ Этого предложения нет в «Черной Книге 4».

²³⁰ Этого предложения нет в «Черной Книге 4».

заметил это?» Но я ответил ей, улыбаясь: «В конце концов извилистая линия жизни от меня не уйдет».

[2] [Н1 158] Где истина и вера? Где теплое доверие? Ты найдешь их между людьми, но не между людьми и змеями, даже если они змеиные души. Но где есть любовь, там же поджидает и змееподобное. Христос сам сравнивал себя со змеей,²³¹ и его адский брат, Антихрист, сам древний дракон.²³² Все по ту сторону человека, что появляется в любви, имеет природу змеи и птицы, и змея часто очаровывает птицу, а реже птица уносит змею. Человек — посредник между ними. То, что тебе кажется птицей, для другого змея, а то, что тебе кажется змеей, для другого птица. Потому ты встретишь другого только в человеческой форме. Если ты желаешь становления, тогда разразится битва между птицей и змеей. А если ты просто хочешь быть, ты будешь человеком для себя и для других. Тому, кто становится, место в пустыне или в тюрьме, ведь он по ту сторону человека. Если люди желают становления, они ведут себя как животные. Никто не спасет нас от зла становления, если только мы не выберем пройти сквозь Ад.

Почему я вел себя так, будто змея — моя душа? Потому, кажется, только, что моя душа была змеей. Это знание дало моей душе новый лик, и с этих пор я решил очаровать ее собой и подчинить своей власти. Змеи мудры, и я хотел, чтобы моя змеиная душа сообщила свою мудрость мне. Никогда раньше жизнь не была такой сомнительной, ночь бесцельного напряжения, **направленность друг против друга**. Ничто не двигалось, ни Бог, ни дьявол. Так что я приблизился к змее, будто бы бездумно лежавшей на солнце. Ее глаза не были видны, потому что они были

²³¹ Юнг комментировал сравнение Христа со змеей в «Трансформациях и символах либидо» (1912), CW B, §585 и в «Aion» (1950), CW 9, 2, §291.

²³² Ср. «Трансформации и символы либидо» (1912), CW B, §585.

прищурены в игривом солнечном сиянии, и / [Image 159]²³³ / {3} [1] я сказал ей²³⁴: «Как же это может быть, что Бог и дьявол стали едины? И они согласны привести жизнь к остановке? Разве конфликт противоположностей принадлежит к неизбежным условиям жизни? А тот, кто осознает и проживает единство противоположностей, останавливается? Он полностью принял сторону действительной жизни и больше не действует так, будто принадлежит к одной стороне и должен сражаться против другой, он стал ими обоими и привел из раздор к завершению. Сняв эту ношу с жизни, не лишил ли он ее силы?»²³⁵

Змея повернулась и ответила в дурном настроении: «Воистину, ты надоел мне. Противоположности для меня определены частью жизни. Ты, вероятно, это заметил. Твои новшества лишают меня этого источника силы. Мне не завлечь тебя пафосом и не досадить банальностью. Я несколько озадачена».

Я: «Если ты сбита с толку, должен ли я дать совет? Я лучше погружусь в недра земли, в которые ты имеешь ход, и спрошу Аида или небожителей, может, кто-то из них сможет дать совет».

З.: «Ты стал властным».

Я: «Необходимость даже более властна, чем я. Я должен жить и иметь возможность двигаться»

З.: «У тебя есть все просторы земли. О чем ты хочешь спросить потустороннее?»

233 Подпись к рисунку: «9 января 1927 г. мой друг Германн Зигг умер в возрасте 52 лет». Юнг описывал его как «сияющий цветок в центре со звездами, вращающимися вокруг него. Вокруг цветка стены с восемью воротами. Все предполагается как прозрачное окно». Эта мандала была основана на сновидении, записанном 2 января 1927 г. (см. выше). Из «городской карты» ясна связь между сновидением и рисунком (см. Приложение А). Он анонимно воспроизвел его в 1930 г. в «Комментарии к «Тайне Золотого Цветка», из которого взято это описание. Он воспроизвел его снова в 1952 г. и добавил следующий комментарий: «Роза в центре изображена как рубин, ее внешнее кольцо задумано как колесо или стена с воротами (так, что ничто не может выйти изнутри или войти снаружи). Мандала была спонтанным продуктом анализа пациента-мужчины». После описания сна Юнг добавил: «Сновидец продолжал: «Я пытался зарисовать этот сон. Но, как это часто бывает, получилось нечто иное. Магнолия превратилась в нечто вроде розы из стекла рубинового цвета. Она сияла как четырехлучевая звезда. Квадрат представляет стену парка и в то же время улицу, ведущую вокруг парка в квадрате. Из него исходят восемь главных улиц, и от каждой из них еще восемь второстепенных улиц, которые встречаются в сияющей центральной точке, скорее как Этюаль в Париже. Знакомый, упомянутый в сновидении, жил в доме на углу одной из этих звезд». Таким образом, мандала совмещает классический мотив цветка, звезды, круга, огороженной территории (теменоса) и план города, разделенного на четверти, с цитаделью. Все вместе казалось окном, распахнутым в вечность», - писал сновидец» («О символизме мандалы», CW 9, 1, §654-55). В 1955/56 он использовал то же выражение, чтобы обозначить изображение самости («Mysterium Coniunctionis», CW 14, §763). 7 октября 1932 г. Юнг показал эту мандалу на семинаре, а на следующий день прокомментировал. Тогда он утверждал, что изображение мандалы *предшествовало* сну: «Вы, возможно, помните рисунок, который я показывал вам вчера вечером, центральный камень и маленькие драгоценные камни вокруг него. Вероятно, вам будет интересно, если я расскажу сон в связи с ним. Я замыслил эту мандалу в те времена, когда не имел ни малейшего понятия, что такое мандала, и в крайней скромности считал, что я драгоценный камень в центре, а эти небольшие огоньки — определенно очень милые люди, которые считают, что они тоже драгоценные камни, но меньшие... Я весьма неплохо думал о себе, что могу выразить себя так: мой изумительный центр здесь, а я прямо в своем сердце». Он добавил, что сначала не осознавал, что парк был то же, что и нарисованная им мандала, и прокомментировал: «Теперь Ливерпуль (Liverpool) центр жизни — печень (liver) центр жизни — а я не центр, я дурак, живущий где-то в темном месте, я один из тех маленьких огоньков. В этом смысле мое западное предубеждение, что я в центре мандалы, было исправлено — что я все, все целиком, король, бог» («Психология кундалини-йоги», стр. 100). В «Воспоминаниях» Юнг добавляет некоторые другие детали (стр. 223-24).

234 1 февраля 1914 г.

235 В «Черной Книге 4» также стоит: «Сегодня я ставлю перед тобой эти вопросы, душа моя». Здесь змея заменяет душу.

Я: «Мной движет не любопытство, а необходимость. Я не сдамся».

З.: «Я подчиняюсь, но с неохотой. Этот стиль нов и непривычен для меня».

Я: «Извини меня, но таково давление нужды. Скажи глубинам, что наши перспективы не очень хороши, потому что мы отрезали от жизни необходимый орган. Как ты знаешь, я не виновен, ведь ты бережно вела меня по этому пути».

З.:²³⁶ «Ты, вероятно, отказался от яблока».

Я: «Хватит этих шуток. Ты знаешь эту историю лучше меня. Я серьезно. Нам нужен отдых. Иди своим путем и достань огонь. Вокруг меня и так было темно слишком долго. Ты медлительна или труслива?»

З.: «Я за работу. Прими то, что я принесу».²³⁷

[Н1 160] Медленно трон Бога восходит в пустом пространстве, за ним святая троица, Небеса и наконец сам Сатана. Он сопротивляется и держится своего потустороннего. Он его не упустит. Высший мир для него слишком прохладен.

З.: «Ты крепко ухватился за него?»²³⁸

Я: «Здравствуй, горячая штучка из тьмы! Моя душа, наверное, грубо тебя вытянула?»

С:²³⁹ «Зачем этот шум? Я возражаю против такого насильного извлечения».

Я: «Успокойся. Я тебя не ждал. Ты пришел последним. Ты, наверное, самая трудная часть».

С: «Чего тебе от меня нужно? Ты мне не нужен, наглец».

Я: «Хорошо, что ты у нас есть. Ты самая живая вещь во всей догме».²⁴⁰

С: «Что мне до твоей болтовни обо мне! Говори быстрее. Я замерзаю».

Я: «Слушай, нечто случилось с нами: мы соединили противоположности. Среди прочего, мы связали тебя с Богом».²⁴¹

С: «Ради Бога, зачем вся эта безнадежная суета? Ради чего эта бессмыслица?»

236 «Черная Книга 4»: «Ты играешь со мной в Адама и Еву».

237 Отдельное примечание Юнга в каллиграфическом томе: «Visio».

238 «Черная Книга 4»: «Сатана выползает из черной дыры с рогами и хвостом, я вытягиваю его руками».

239 Собеседник — Сатана.

240 О мнении Юнга относительно значения Сатаны см. «Ответ Иову» (1952).

241 Юнг детально обсуждает вопрос соединения противоположностей в «Психологических типах» (1921), гл. 6, «Проблема типа в поэтическом искусстве». Соединение противоположностей происходит с появлением примиряющего символа.

Я: «Прошу тебя, это не так уж глупо. Это соединение — важный принцип. Мы прекратили нескончаемую вражду, наконец освободили руки для реальной жизни».

С.: «Попахивает монизмом. Я таких людей уже давно заметил. У меня для них раскалены специальные залы».

Я: «Ты ошибаешься. Эти вопросы с нами не так рациональны, как кажутся.²⁴² У нас нет и ни единственной верной истины. Скорее, случился весьма примечательный и странный факт: после того, как противоположности были объединены, самым неожиданным и непостижимым образом ничего больше не случилось. Все осталось на месте, мирно, но совершенно неподвижно, и жизнь обратилась к полной остановке».

С.: «Да, вы, дураки, определенно наворотили дел».

Я: «Ну, издеваться не обязательно. Наши намерения были серьезны».

С.: «Ваша серьезность привела нас к мучениям. Порядок потустороннего пошатнулся в самом основании».

Я: «Так ты осознаешь, что дело серьезное. Я хочу ответ на свой вопрос, что должно случиться в этих обстоятельствах? Мы больше не знаем, что делать».

С.: «Ну, трудно сказать, что делать и трудно дать совет, даже если хочется. Вы слепые дураки, дерзкие нахальные людишки. Почему бы вам было не держаться подальше от неприятностей? Как ты собираешься понять устройство мира?»

Я: «Твои разглагольствования подтверждают, что ты весьма глубоко задет. Смотри, святая троица спокойно все воспринимает. Ей, кажется, новшество не претит».

С.: «Ах, троица такая иррациональная, что ее реакциям верить нельзя. Я настойчиво советую тебе не принимать те символы всерьез».²⁴³

Я: «Спасибо тебе за этот благонамеренный совет. Но ты, кажется, заинтересовался. Ввиду твоего вошедшего в пословицы ума, от тебя можно ожидать беспристрастного суждения».

С.: «Я, беспристрастный! Решай сам. Если ты поразмыслишь над этой абсолютностью с ее совершенно безжизненной невозмутимостью, легко поймешь, что состояние и остановка, произведенные твоей самонадеянностью, весьма напоминают абсолют. Но что до меня, я полностью стою на твоей стороне, потому что ты тоже находишь эту неподвижность невыносимой».

Я: «Что? Ты на моей стороне? Это странно».

²⁴² В «Черной Книге 4» вместо этого стоит: «Эти вопросы не так интеллектуальны и по преимуществу этичны с нами, как в монизме». Здесь ссылка на систему монизма Эрнста Геккеля, которую Юнг критиковал.

²⁴³ Ср. Юнг, «Попытка психологического толкования догмата о троице» (1940), CW 11.

С.: «Это не так уж странно. Абсолютное всегда противостояло живому. Я все еще настоящий мастер жизни».

Я: «Это подозрительно. Твоя реакция слишком уж личная».

С.: «Моя реакция далеко не личная. Я не знаю отдыха, постоянно подгоняя жизнь. Я никогда не удовлетворен, никогда не бываю спокоен. Я тяну все вниз и поспешно перестраиваю. Я амбициозность, жажда славы, жажда действия; я суета новых мыслей и действий. Абсолютное скучное и растительное».

Я: «Хорошо, я верю тебе. Так что же ты посоветуешь?»

С.: «Вот лучший совет, что я могу тебе дать: отмени свое пагубное новшество как можно скорее».

Я: «И чего я этим добьюсь? Нам придется начать сначала и неизбежно придти к тому же самому во второй раз. То, что было познано, нельзя намеренно забыть и отменить. Твой совет — это не совет».

С.: «Но можешь ли ты существовать без разногласий и разобщенности? Ты должен над чем-то работать, представлять сторону, превозмогать противоположности, чтобы жить».

Я: «Это не поможет. Ты тоже видим друг друга напротив. Мы устали от этой игры».

С.: «И от жизни».

Я: «Мне кажется, это зависит от того, что называть жизнью. Твоя идея о жизни связана с восхождениями и спусками, предположениями и сомнениями, нетерпеливой возней, / [Image 163]²⁴⁴ /, с поспешным желанием. Тебе недостает абсолюта с его выдержанным терпением».

С.: «Довольно верно. Моя жизнь бурлит и пенится и воздымает бушующие волны, она состоит из овладения и отбрасывания, страстного желания и беспокойства. Это и есть жизнь, не так ли?»

Я: «Но абсолют тоже живет».

²⁴⁴ Подпись к рисунку: «1928. Когда я нарисовал этот рисунок, на котором изображена золотая хорошо укрепленная крепость, Рихард Вильгельм прислал мне из Франкфурга китайский тысячелетний текст о золотой крепости, зародыше бессмертного тела. Ecclesia catholic et protestantes et seclusi in secreto. Aeon finitus. (Церкви, и католическая, и протестантская, покрыты тайной. Конец зона). Юнг описывал это так: Мандала как укрепленный город со стеной и рвом. На ней широкий ров, окружающий стену, укрепленную шестнадцатью башнями и еще один внутренний ров. Этот ров окружает центральный замок с золотыми крышами, центром которого является золотой храм. Он анонимно воспроизвел его в 1930 г. в «Комментарии к «Тайне Золотого Цветка», из которого взято это описание. Он воспроизвел его снова в 1952 г. в работе «О символизме мандалы» и добавил следующий комментарий: «Изображение средневекового города со стенами и рвами, улицами и церквями, упорядоченными квадратично. Внутренний город снова окружен стенами и рвами, как Имперский Город в Пекине. Все здания обращены вовнутрь, к центру, представленному замком с золотой крышей. Он снова окружен рвом. Земля вокруг замка выложена черными и белыми плитами, представляющими объединенные противоположности. Мандала была выполнена мужчиной средних лет... Рисунок вроде этого неизвестен в христианском символизме. Небесный Иерусалим Откровения известен всем. Обращаясь к миру индийских идей, мы находим город Брахмы на мировой горе, Меру. Мы читаем в «Золотом Цветке»: «В «Книге Желтой Крепости» сказано: «Жизнь может быть упорядочена на квадратном дюйме дома площадью в квадратный фут». Дом в квадратный фут — это лицо. Квадратный дюйм на лице: что это может быть, как не небесное сердце? В середине квадратного дюйма скрыто сияние. В пурпурном замке города Жада пребывает Бог Предельной Пустоты и Жизни. Даосы называют этот центр «землей предков или золотым замком» (CW 9, 1, §691).

С.: «Это не жизнь. Это остановка или **что-то ей под стать**, или скорее: он живет бесконечно медленно и тратит тысячи лет, совсем как в тех жалких условиях, что ты создал».

Я: «Ты просветил меня. Ты личностная жизнь, а кажущаяся остановка — выдержанная жизнь вечности, жизнь божественности! На этот раз ты дал мне хороший совет. Я отпускаю тебя. Прощай».

[Н1 164] Сатана ловко, как крот, заполз обратно в свою нору. Символ троицы и ее окружение возносятся в мире и невозмутимости в Небеса. Я благодарю тебя, змея, за то, что вытянула для меня того, кто был нужен. Каждый понимает его слова, потому что они личностны. Мы можем жить снова, долгую жизнь. Мы можем тратить тысячи лет.

[Н1 164/2] [2] С чего начать, о Боги? Со страдания или радости или со смешанного чувства между ними? Начало всегда мельчайшее, оно начинается в ничто. Если я начинаю здесь, я вижу каплю «чего-то», что падает в море ничто. Начало вечно там, где ничто распаивается в неограниченной свободе.²⁴⁵ Ничего еще не случилось, мир еще не начался, солнце еще не родилось, воды небесного свода еще не были отделены,²⁴⁶ мы еще не забрались на плечи отцов, ведь нашим отцам еще предстоит появиться. Они пока только умерли и пребывают в лоне нашей кровожадной Европы.

Мы стоим в безграничности, обрученные со змеей, и решаем, какой камень должен лежать в основании здания, которого мы еще не знаем. Древнейший? Он подходит как символ. Мы хотим чего-то понятного. Мы устали от сетей, что плетет день и распарывает ночь. Вероятно, дьявол создал его, **жалкого фанатика с притворным пониманием и жадными руками**? Он появился из кучи навоза, в которой Боги хранили свои яйца. Я отшвырнул бы прочь мусор, если бы золотое семя не было в низком сердце бесформенной формы.

Так вознесись, сын тьмы и зловония! Как крепко ты вцепился в мусор и отходы вечной выгребной ямы! Я не боюсь тебя, хотя ненавижу тебя, брат всего предосудительного во мне. Сегодня ты будешь выкован тяжелыми молотами, так что золото Богов брызнет из твоего тела. Твое время кончилось, твои годы сочтены, и сегодня твой судный день разбит вдребезги. Да вспыхнут твои оболочки, своими руками мы ухватим твое семя, золотое, и освободим от скользкой грязи. Да будешь ты заморожен, дьявол, **ведь мы сделаем тебя холоднокованным**. Сталь тверже льда. Ты подойдешь к нашей форме, ты, похититель божественного чуда, ты, мать-обезьяна, запихнувший в свое тело яйцо Богов и тем сделавший себя весомым. Потому мы проклинаяем тебя, но не из-за тебя, а ради золотого семени.

²⁴⁵ Эта строка связана с началом Первого Наставления (см. ниже).

²⁴⁶ Здесь ссылка на сотворение мира согласно Книге Бытия.

Какие полезные формы поднимаются из твоего тела, ты, вороватая бездна! Они появляются как элементарные духи, облаченные в измятые одеяния, Кабиры, очаровательно бесформенной формы, юные и тем не менее старые, карликовые, морщинистые, невзрачные хранители тайных искусств, обладатели нелепой мудрости, первые образования несформировавшегося золота, черви, что ползут из освобожденного яйца Богов, зарождающиеся, нерожденные, еще невидимые. Чем станет ваше появление для нас? Какие новые искусства вы вынесете из недоступных сокровищниц, **солнечную тяжесть из яйца Богов**? У вас все еще есть корни в почве, как у растений, у вас звериные лица на человеческом теле; вы дурашливо милые, поразительные, изначальные и земные. Нам не постигнуть вашу сущность, гномы, души вещей. Вы приходите из низшего. Вы хотите стать гигантами, Мальчики-с-пальчик? Вы принадлежите к последователям сына земли? Вы земная ступня Божественного? Чего вы хотите? Говорите!»²⁴⁷

Кабиры: «Мы пришли приветствовать тебя как господина низшей природы».

Я: «Вы говорите со мной? Я ваш господин?»

Кабиры: «Ты не был им, но сейчас это так».

Я: «Вот, значит, как. Да будет так. Но что мне делать с вашим следованием за мной?»

Кабиры: «Мы несем то, что не должно выносить снизу вверх. Мы соки, что поднимаются втайне, не под действием силы, а высосанные инерцией и присовокупленные к растущему. Мы знаем неведомые пути и непостижимые законы живой материи. Мы выносим вверх то, что дремлет в недрах земли, то, что мертво и тем не менее входит к живым. Мы делаем это медленно и легко, чего не достигнуть человеческим путем. Мы свершаем то, что для тебя невозможно».

Я: «Что мне вам оставить? Какие проблемы я могу вам передать? Чего мне не делать, и с чем вы справитесь лучше всего?»

Кабиры: «Ты забываешь о вялости материи. Ты хочешь вытянуть силой то, что может подняться лишь медленно, поглощая себя, присоединяясь к себе изнутри. Оставь проблемы себе, или помешаешь нашей работе».

²⁴⁷ Кабиры были богами, которым поклонялись в мистериях в Самофракии. Они считались приносящими плодородие и защитниками моряков. Фридрих Краузер и Шеллинг считали их первобытными божествами греческой мифологии, из которых развились остальные божества («Symbolik und Mythologie der alten Volker [Leipzig: Leske, 1810-23]; «The Deities of Samothrace» [1815], в переводе и с введением Р. Ф. Брауна [Missoula, MT: Scholars Press, 1977]). У Юнга были копии обеих книг. Они появляются в «Фаусте» Гете, во второй части, втором акте. Юнг обсуждал кабиров в «Трансформациях и символах либидо» (1912, §209-11). В 1940 г. Юнг писал: «Кабиры — это в действительности таинственные творческие силы, гномы, работающие под землей, т.е. ниже порога сознания, чтобы наделить нас удачными идеями. Как черти и домовые, однако, они также выкидывают самые разнообразные неприятные фокусы, утаскивая имена и даты, которые «вертелись на языке», заставляя нас говорить неверные вещи и т.д. Они следят за всем, что еще не перешло в распоряжение сознания и его функций... глубинные озарения покажут, что примитивные и архаические качества подчиненной функции скрывают самые разнообразные значимые отношения и символические смыслы, и вместо того, чтобы отделаться от кабиров, насмеявшись над ними как над Мальчиком-с-пальчик, он может начать подозревать, что они — сокровищница скрытой мудрости» («Попытка психологического истолкования догмата о троице», CW 11, §244). Юнг комментировал сцену с кабирами в «Фаусте» в «Психологии и алхимии» (1944, CW 12, §203f). Диалога с кабирами, происходящего здесь, нет в «Черной Книге 4», но есть в «Рукописном Черновике». Он мог быть написан отдельно; если это так, то он мог быть записан до лета 1915 г.

Я: «Могу ли я доверять вам, ненадежным, рабам и рабским душам? За работу. Да будет так».

248 [H1 166] «Мне кажется, я дал вам много времени. Я не спускался к вам и не мешал вашей работе. Я жил при свете дня и занимался дневными делами. Что вы сделали?»

Кабиры: «Мы тянули вещи вверх, мы строили. Мы клали камень на камень. Теперь ты стоишь на твердом основании».

Я: «Я чувствую, что основание тверже. Я вытягиваюсь вверх».

Кабиры: «Мы выковали для тебя сияющий меч, которым ты можешь разрубить узел, удерживающий тебя».

Я: «Я крепко держу меч в руке. Я поднимаю его для удара».

Кабиры: «Мы также поместили перед тобой дьявольский, мастерски завязанный узел, который запирает и запечатывает тебя. Бей, только острота пройдет сквозь него».

Я: «Дайте мне взглянуть, огромный узел, весь завившийся вокруг! Воистину шедевр необъяснимой природы, коварный клубок корней, проросших друг сквозь друга! Только Мать-Природа, слепая ткачиха, могла создать такой клубок. Огромный спутанный шар и тысячи маленьких узлов, все искусно завязанные, переплетенные, воистину, человеческий разум! Мои глаза меня не обманули? Что вы сделали? Вы поместили передо мной мой разум! Вы дали мне этот меч, чтобы его сияющей остротой разрубить мой разум? О чем вы думали?»²⁴⁹

Кабиры: «Лоно природы сплело разум, лоно земли дало железо. Так что Мать дала тебе и то, и другое: сплетение и разрезание».

Я: «Загадочно! Вы действительно хотите сделать меня палачом собственного разума?»

Кабиры: «Это подобает тебе, как господину низшей природы. Человек запутан в собственном разуме, и меч также дан ему, чтобы прорубиться сквозь переплетения».

Я: «О каких переплетениях вы говорите?»

Кабиры: «Переплетения — это твое безумие, меч — преодоление безумия».²⁵⁰

248 Отдельное примечание Юнга в каллиграфическом томе: «На том основании я отложил этот вопрос на три недели».

249 В «Преображающем символизме мессы» (1941) Юнг отмечал, что мотив меча играл важную роль в алхимии и обсуждал его значение как инструмента жертвоприношения, его разделяющие и отделяющие функции. Он отмечал, что «Алхимический меч приносит *solutio* или *separatio elementorum*, тем восстанавливая изначальное состояние хаоса, чтобы могло появиться новое и более совершенное тело посредством новой *impressio formae* или *imaginatio*» (CW 11, §357 & ff).

250 Идея о преодолении безумия здесь близка различению Шеллингом между человеком, которым безумие овладело и тем, кто научился им управлять.

Я: «Отродья дьявола, кто сказал вам, что я безумен? Вы, земные духи, корни из глины и испражнений, разве вы сами не корневые волокна в моем разуме? Вы, опутанный полипами мусор, каналы для сока, завязанные вместе, паразит на паразите, высосанные и обманутые, тайно карабкающиеся друг на друга в ночи, вы заслуживаете сверкающей остроты моего меча. Вы хотите убедить меня рубануть сквозь вас? Вы замышляете саморазрушение? Как может природа рождать создания, которые сама хочет уничтожить?»

Кабиры: «Не медли. Нам нужно разрушение, ведь мы сами переплетение. Тот, кто хочет завоевать новую землю, строит перед собой мосты. Не дай нам больше существовать. Мы тысячи каналов, по которым все также течет обратно к своим истокам».

Я: «Должен ли я отрубить собственные корни? Убить свой народ, над которым я царь? Должен ли я оставить свое дерево сохнуть? Вы подлинно сыны дьявола».

Кабиры: «Бей, мы слуги, которые хотят умереть за своего господина».

Я: «Что произойдет, если я ударю?»

Кабиры: «Ты больше не будешь собственным разумом, а будешь существовать за пределами своего безумия. Ты не видишь, безумие — это твой разум, ужасное сплетение и переплетение, связанное с корнями, в сети каналов, смешение волокон. Поглощенность разумом сводит тебя с ума. Бей! Тот, кто находит путь, возносится над своим разумом. Ты Мальчик-с-пальчик в разуме, по ту сторону разума ты обретаешь форму гиганта. Мы действительно сыны дьявола, но разве ты не выковал нас из горячего и темного? Так что у нас есть что-то от его природы и от твоей. Дьявол говорит, что все существующее достойно существования, потому что оно также погибает. Как сыны дьявола мы хотим разрушения, но как твои создания мы хотим собственного разрушения. Мы хотим вознестись в тебе через смерть. Мы корни, что сосут со всех сторон. Теперь у тебя есть все, что нужно, так сруби нас, вырви».

Я: «Что мне делать без вас как без слуг? Как господину, мне нужны рабы».

Кабиры: «Господин служит сам себе».

Я: «Вы, неясные сыны дьявола, эти слова — ваша погибель. Да поразит вас мой меч, этот удар будет вечно правомерен».

Кабиры: «Горе, горе! То, чего мы боялись, чего жаждали, наступает».

[Image 169] / [H1 171] Я ступаю на новую землю. Ничто принесенное не утечет назад. Никто не снесет то, что я построил. Моя башня из железа и не имеет швов. Дьявол закован в ее основание. Кабиры построили ее и мастера-строители были принесены в жертву мечом на зубчатой стене башни. Как башня увенчивает вершину горы, на которой стоит, так и я стою над своим разумом, из которого вырос. Я стал твердым и больше не могу быть разрушен. И больше не отступлю назад. Я господин самого себя. Я восторгаюсь своей властью. Я силен и прекрасен и богат. Бескрайние земли и голубое небо раскинулись перед мной и склонились перед

моей властью. Я ничем не обязан никому и никто не обязан мне. Я служу себе и сам себе слуга. Потому у меня есть то, что мне нужно.

Моя башня росла несколько тысяч лет, неуничтожимая. Она не обрушится. Но она может быть надстроена и будет надстроена. Немногие различают мою башню, потому что она стоит на высокой горе. Но многие увидят и не различат ее. Потому моя башня останется неиспользованной. Никто не взберется по ее гладким стенам. Никто не взгромоздится на ее остроконечную крышу. Только тот, кто найдет вход, скрытый в горе и поднимется через лабиринты во внутренности, достигнет башни и счастье тому, кто обзрит вещи отсюда и тому, кто живет самим собой. Она было достигнута и создана. Она возникла не из мешанины человеческих мыслей, а была выковано из пылающего жара внутренностей; что принесли материал к горе и освятили строение собственной кровью как единственные хранители тайны ее происхождения. Я построил ее из низшего и высшего не с поверхности мира, а по ту сторону ее. Потому она нова и странна, и башни на равнинах населены людьми. Она твердое основание и она начало.²⁵¹

[H1 172] Я соединился со змеей потустороннего. Я принял все потустороннее в себя. Из него я построил свое начало. Когда эта работа была завершена, я был удовлетворен, и мне было любопытно знать, что еще может лежать за пределами меня. Потому я приблизился к своей змее и любезно спросил ее, не хочет ли она сползть для меня за новостями о том, что происходило по ту сторону. Но змея была изнуренной и сказала, что не расположена к этому.

{4} [1]²⁵² Я: «Я не хочу никого принуждать, но кто знает? Мы еще можем найти что-нибудь полезное». Некоторое время змея колебалась, а затем исчезла в глубинах. Вскоре я услышал ее голос: «Думаю, я достигла Ада. Здесь повешенный». Уродливый человек с искаженным лицом стоит передо мной. У него торчащие уши и горб. Он сказал: «Я отравитель, приговоренный к виселице».

Я: «Что ты сделал?»

Он: «Я отравил родителей и жену».

Я: «Зачем ты это сделал?»

Он: «Чтобы прославить Бога».

Отдельное примечание Юнга в каллиграфическом томе: «accipe quod tecum est. in collect. Mangeti in ultimis paginis» (Прими то, что есть. На последней странице коллекции Мангета). Это, видимо, указывает на «Bibliotheca chemica curiosa, seu rerum ad alchemiam pertinentium thesaurus instructissimus» Дж. Дж. Мангета (1702), коллекцию алхимических текстов. Юнг владел копией этой работы, в которой некоторые страницы были загнуты и имелись подчеркивания. Примечание Юнга, возможно, указывает на последнюю гравюру «Mutus Liber», которая завершает первый том «Bibliotheca chemica curiosa», представление завершения алхимического опуса, с человеком, поднятым вверх ангелами, тогда как другой лежит ничком.

251 В «Психологических типах» Юнг комментировал символизм башни, обсуждая видение башни в «Пастыре Гермы» (CW 6, §390ff). В 1920 г. Юнг начал планировать свою башню в Боллингене.

252 2 февраля 1914 г.

Я: «Что? Прославить Бога? Что ты имеешь в виду?»

Он: «Во-первых, все, что происходит, во славу Бога, а во-вторых, у меня собственные идеи».

Я: «И что у тебя на уме?»

Он: «Я любил их и хотел быстрее доставить из несчастной жизни в вечное блаженство. Я дал им крепкий, слишком крепкий стаканчик на ночь».

Я: «И это не заставило тебя понять, в чем был твой собственный интерес?»

Он: «Теперь я был одинок и весьма несчастлив. Я хотел жить ради двух своих детей, которым предвидел лучшее будущее. Мое здоровье было лучше, чем у жены, потому я хотел жить».

Я: «Твоя жена согласилась с убийствами?»

Он: «Нет, она точно одобрила бы их, но ничего не знала о моих намерениях. К сожалению, убийство было раскрыто, и я был приговорен к смерти».

Я: «Ты встретил своих родственников по ту сторону?»

Он: «Это странная и невероятная история. Я подозреваю, что я в Аду. Иногда кажется, что моя жена тоже здесь, а иногда я не уверен, как не уверен и в самом себе».

Я: «Каково это? Скажи мне».

Он: «Время от времени она, кажется, говорит со мной, и я отвечаю. До сих пор мы не говорили ни об убийстве, ни о наших детях. Мы лишь говорим о том, о сем, только об обыденных вещах, небольших проблемах повседневности, но совершенно безлично, словно мы больше не имеем отношения друг к другу. Но истинная природа вещей ускользает от меня. Родителей я вообще не вижу; думаю, я еще встречу свою мать. Мой отец однажды был здесь и сказал что-то о своей трубке, которую где-то потерял».

Я: «Но как ты проводишь время?»

Он: «Я думаю, здесь с нами нет времени, так что нечего проводить. Вообще ничего не происходит».

Я: «Разве это ужасно скучно?»

Он: «Скучно? Я никогда об этом не думал. Скучно? Возможно, но здесь нет ничего интересного. На самом деле, тут все одно и то же».

Я: «Разве дьявол тебя не мучает?»

Он: «Дьявол? Никогда его не видел».

Я: «Ты пришел с той стороны, и тебе нечего сообщить? Мне трудно в это поверить».

Он: «Когда у меня еще было тело, я думал, как было бы интересно поговорить с кем-то из мертвых. Но теперь такая перспектива для меня ничего не значит. Как я сказал, все здесь безличное и исключительно фактическое. Насколько я знаю, вот что они говорят».

Я: «Уныло. Думаю, ты в глубочайшем Аду».

Он: «Мне все равно. Думаю, теперь я могу идти, не так ли? Прощай».

Неожиданно он исчез. Но я повернулся к змее²⁵³ и сказал: «И что должен означать этот скучный гость с той стороны?»

З.: «Я встретила его там, беспокойно шатающегося вокруг, как и все остальные. Я выбрала его как одного из лучших. Он поразил меня как хороший пример».

Я: «Но неужели потустороннее столь бесцветно?»

З.: «Похоже, да; там не было ничего, кроме движения, когда я пробиралась. Все вздымается туда и сюда по мрачному пути. Там вообще нет ничего личностного».

Я: «Так что тогда с этим проклятым личностным качеством? Сатана недавно произвел на меня сильное впечатление, он был будто бы квинэссенцией личностного».

З.: «Еще бы, он ведь вечный противник, и к тому же ты никогда не сможешь примирить личностную жизнь с абсолютной».

Я: «Эти противоположности нельзя объединить?»

З.: «Это не противоположности, а просто различия. Настолько же день противоположен году, а бушель — локтю».

Я: «Это многое объясняет, но несколько скучно».

З.: «Так всегда, когда говорят о потустороннем. Оно продолжает опустошать, особенно с тех пор, как мы уравнивали противоположности и поженились. Я думаю, мертвые скоро исчезнут».

[Н1 176] [2] Дьявол — это сумма тьмы в человеческой природе. Тот, кто живет в свете, стремится стать образом Бога; тот, кто живет во тьме, стремится стать образом дьявола. Поскольку я хотел жить в свете, солнце вышло для меня, когда я прикоснулся к глубинам. Они были темны и змееподобны. Я соединился с ними и не подчинил их. Я принял на себя унижение и покорность перед самим собой в том, что принял природу змеи.

Если бы я не стал подобным змее, дьявол, сущность всего змееподобного, сохранил бы эту часть власти надо мной. Это дало бы дьяволу господство, и он бы

заставил меня заключить с ним пакт, как он уже ловко обманул Фауста.²⁵⁴ Но я опередил его, соединившись со змеей, как мужчина соединяется с женщиной.

Так я лишил дьявола возможности повлиять, которая проходит только через змеиность,²⁵⁵ которую обычно приписывают дьяволу, а не себе. Мефистофель — это Сатана с учетом моей змеиности. Сам Сатана — квинтэссенция зла, обнаженная и потому не соблазняющая, даже не умная, чистое отрицание без всякой убеждающей силы. Потому я защитился от его разрушающего влияния, схватил его и крепко опутал. Его потомки служили мне, и я принес их в жертву мечом.

Так я построил прочную структуру. Так я сам обрел стабильность и длительность и смог выдержать неустойчивость личного. Потому бессмертный во мне спасен. Вытащив тьму с той стороны к свету дня, я опустошил свое потустороннее. Потому требования мертвых исчезли, так как они были удовлетворены.

Мертвые мне больше не грозили, ведь я принял их требования, хотя принял змею. Но с этим я также привнес в свой день нечто от мертвых. И это было необходимо, ведь смерть — самая долгая из всех вещей, и ее нельзя отменить. Смерть дает мне длительность и твердость. Пока я хотел удовлетворить только мои собственные требования, я был личностен и потому жил, ощущая мир. Но когда я осознал требования мертвых во мне и удовлетворил их, я позабыл прежние личностные устремления и мир должен был принять меня за мертвеца. Ибо великий холод приходит ко всякому, кто в преизбытке своих личностных стремлений осознал требования мертвых и хочет удовлетворить их.

Хотя он чувствует, словно таинственный яд парализовал живые качества его личных отношений, голоса мертвых продолжают молчать в его потустороннем; угроза, страх и беспокойство прекращаются. Ибо все, что некогда жадно таилось в нем, больше не живет с ним в его дне. Его жизнь прекрасна и богата, потому что он стал самим собой.

Но каждый, кто постоянно хочет лишь удачу других, уродлив, ведь он калечит самого себя. Убийца тот, кто хочет принудить других к счастью, ведь он убивает собственный рост.²⁵⁶ Дурак тот, кто истребляет свою любовь ради любви. Такой личностен к другому. Его потустороннее серо и безлично. Он принуждает собой других; потому он проклят на принуждение себя к холодному ничто. Тот, кто осознал требования мертвых, изгнал свое уродство в потустороннее. Он больше не давит на других в гордыне, а живет сам в красоте и говорит с мертвыми. Но приходит день, когда требования мертвых тоже удовлетворены. Если он продолжает пребывать в одиночестве, красота падает на потустороннее, и пустошь приходит на эту сторону. Черная стадия приходит вслед за белой, а Небеса и Ад навеки здесь.

²⁵⁴ В «Фаусте» Гете Мефистофель заключает с Фаустом пакт о том, что будет служить ему при жизни при условии, что Фауст будет служить ему после нее.

²⁵⁵ В «Исправленном черновике» вместо этого стоит: «меня со змеей».

²⁵⁶ Отдельное примечание Юнга в каллиграфическом томе: «Я все еще не осознал, что сам был этим убийцей».

{5} [1] [Н1 179] Теперь, когда я нашел красоту во мне и с собой, я сказал своей змее:²⁵⁷ «Я оглядываюсь назад, словно на завершённую работу».

Змея: «Еще ничего не завершилось».

Я: «Что ты имеешь в виду? Не завершилось?»

Зм.: «Это только начало».

Я: «Думаю, ты лжешь».

Зм.: «С кем ты споришь? Ты знаешь лучше?»

Я: «Я ничего не знаю, но я уже привык к мысли о том, что мы достигли цели, по крайней мере, временной. Если даже мертвые почти исчезли, что еще может произойти?»

Зм.: «Но тогда живой должен впервые начать жить».

Я: «Это замечание определенно может быть глубоко значимым, но кажется не более, чем шуткой».

Зм.: «Ты становишься невыносим. Я не шучу. Жизни еще предстоит начаться».

Я: «Что имеешь в виду под жизнью?»

Зм.: «Я говорю, жизни еще предстоит начаться. Ты не чувствовал сегодня опустошенности? Ты называешь это жизнью?»

Я: «Ты говоришь правду, но я пытаюсь относиться ко всему так хорошо, насколько могу и довольствоваться тем, что есть».

Зм.: «Это может успокаивать. Но ты должен выдвигать гораздо большие требования».

Я: «Этого я опасаясь. Я не могу допустить, что способен удовлетворить собственные требования, но и не думаю, что их можешь удовлетворить ты. Хотя, может быть, я снова недостаточно тебе доверяю. Полагаю, это из-за того, что я стал к тебе ближе и нашел тебя столь изысканной».

Зм.: «Это ничего не доказывает. Только не думай, что сможешь когда-нибудь постигнуть меня и объять».

Я: «Так что это? Я готов».

Зм.: «Ты удостоился награды за то, что уже достигнуто».

Я: «Приятно думать, что за это может быть расплата».

Зм.: «Я дам тебе расплату в образах. Смотри».

[Н1 181] Илия и Саломея! Цикл завершен и врата мистерий снова открылись. Илия ведет Саломею, видящую, за руку. Она краснеет и опускает глаза, мило хлопая ресницами.

И.: «Вот, я даю тебе Саломею. Да будет она твоей».

Я: «Ради Бога, что мне делать с Саломеей? Я уже женат и мы не среди турков»,²⁵⁸

И.: «Ты, несчастный человек, какой ты нудный. Разве это не прекрасный подарок? Разве ее исцеление не твоих рук дело? Разве ты не примешь ее любви как заслуженной платы за неприятности?»

Я: «Это кажется мне довольно странным подарком, скорее ношей, чем радостью. Я счастлив, что Саломея благодарна мне и любит меня. Я тоже ее люблю – немного. Между прочим, забота, которую я ей оказал, скорее, была буквально выдавлена из меня, чем оказана свободно и намеренно. Если мое частично непреднамеренное суровое испытание имело столь славный исход, я уже полностью удовлетворен».

Саломея - Илие: «Оставь его, он странный человек. Одному небу известны его мотивы, но он, кажется, серьезно. Я не уродлива и уж конечно вообще желанна».

Саломея – мне: «Почему ты отвергаешь меня? Я хочу быть твоей служанкой и служить тебе. Я буду петь и танцевать перед тобой, отгонять для тебя людей, улаживать тебя, когда тебе грустно, смеяться с тобой, когда тебе весело. Я сохраню все твои мысли в сердце. Я буду целовать слова, которые ты мне говоришь. Я буду собирать для тебя розы каждый день, и все мои мысли будут лишь о тебе и будут окружать тебя».

Я: «Благодарю тебя за любовь. Прекрасно слышать, когда ты говоришь о любви. Это музыка и старая, далекая ностальгия. Смотри, мои слезы падают от твоих добрых слов. Я хочу встать перед тобой на колени и целовать твои руки тысячи раз, потому что они хотят дать мне любовь. Ты так прекрасно говоришь о любви. Слов о любви никогда не может быть много».

Сал.: «Зачем лишь говорить? Я хочу быть твоей, всецело и полностью твоей».

Я: «Ты как змея, обвившаяся вокруг меня и выдавливающая мою кровь.²⁵⁹ Твои сладкие слова вьются вокруг меня и я стою, будто распятый».

Сал.: «Почему все еще распятый?»

Я: «Разве ты не видишь, что безжалостная необходимость швырнула меня на крест? Меня калечит невозможность».

²⁵⁸ В Турции практиковалась полигамия. Она была официально запрещена Ататюрком в 1926 г.

²⁵⁹ Отдельное примечание Юнга в каллиграфическом томе: «В XI гл. о загадочной игре» (см. выше).

Сал.: «А ты не хочешь прорваться сквозь необходимость? Действительно ли это необходимость?»²⁶⁰

Я: «Слушай, я сомневаюсь, что тебе суждено принадлежать мне. Я не хочу вмешиваться в твою предельно необыкновенную жизнь, потому что не смогу помочь тебе довести ее до конца. И чего ты добьешься, если однажды я отложу тебя, как ношеную одежду?»

Сал.: «Твои слова ужасны. Но я люблю тебя так сильно, что и сама отложу себя, когда придет твое время».

Я: «Я знаю, что для меня величайшим мучением будет дать тебе уйти. Но если ты можешь сделать это для меня, и я для тебя это сделаю. Я уйду без сожаления, ведь я не забыл сон, в котором видел свое тело лежащим на острых иголках, а бронзовое колесо катилось по моей груди, раздавливая ее. Я должен думать об этом сне всегда, когда думаю о любви. Если так должно, я готов».

Сал.: «Я не хочу такой жертвы. Я хочу принести тебе радость. Разве я не могу быть для тебя радостью?»

Я: «Я не знаю, может да, а может нет».

Сал.: «Так по крайней мере проверь».

Я: «Попытка – то же, что действие. Такие попытки дорого стоят».

Сал.: «Ты не заплатишь такую цену ради меня?»

Я: «Я скорее слишком слаб, слишком истощен после всего, что вынес из-за тебя, чтобы принять на себя еще какие-то задачи для тебя. Я буду раздавлен».

Сал.: «Если ты не хочешь принять меня, то и мне нельзя принять тебя?»

Я: «Дело не в принятии; если уж на то пошло, дело в даянии».

Сал.: «Но я отдаюсь тебе. Просто прими меня».

Я: «Если бы это что-то решало! Но быть опутанным любовью! Просто подумать об этом уже ужасно».

Сал.: «То есть ты требуешь, чтобы я была и не была в одно и то же время. Это невозможно. Что с тобой такое?»

Я: «Мне недостает сил возложить на свои плечи другую судьбу. На мне и так слишком много».

Сал.: «Но что если я помогу тебе нести эту ношу?»

Я: «А как ты можешь? Тебе придется нести меня, неприрученный груз. Не должен ли я нести его сам?»

²⁶⁰ «Черная Книга 4» продолжает: «Я: Мои принципы – это звучит глупо – прости, но у меня есть принципы. Не думай, что это избитые моральные принципы, это озарения, которыми меня наделила жизнь. / Змея: Какие это принципы?».

И.: «Ты говоришь правду. Пусть каждый сам несет свой груз. Тот, кто хочет нагрузить своей ношей другого, его раб.²⁶¹ Каждый может тащить себя сам».

Сал.: «Но отец, не могу ли я помочь ему нести часть его ноши?»

И.: «Тогда он будет твоим рабом».

Сал.: «Или моим господином и хозяином».

Я: «Им я не буду. Ты должна быть свободным существом. Я не вынесу ни рабов, ни господ. Я жажду человека».

Сал.: «Разве я не человек?»

Я: «Будь своим господином и своим рабом, не принадлежи мне, а лишь себе. Так ты оставишь мне мою человеческую свободу, которая для меня ценнее права владения другим человеком».

Сал.: «Ты отсылаешь меня?»

Я: «Я не отсылаю тебя. Ты не должна быть далеко от меня. Но дай мне от своей полноты, а не от жажды. Я не могу удовлетворить твою бедность, как и тебе не успокоить моей жажды. Если твой урожай богат, пошли мне плодов со своего сада. Если ты страдаешь от изобилия, я изопью из переполненного кубка твоей радости. Я знаю, что она будет бальзамом для меня. Я могу удовлетворить себя только за столом удовлетворенных, а не за пустыми чашами тех, кто тоскует. Я не похищу своей платы. У тебя ничего нет, так как ты можешь давать? В той мере, в какой ты даешь, ты также и требуешь. Илия, старец, слушай: твоя благодарность необычна. Не отдавай свою дочь, научи ее стоять на ногах. Она полюбит танцевать, петь или играть на лютне перед людьми, и она полюбит их сверкающие монеты, брошенные к ее ногам. Саломея, спасибо за твою любовь. Если ты действительно любишь меня, танцуй перед толпой, радуй людей, чтобы они восславили твою красоту и твое искусство. И если твой урожай богат, брось мне одну из своих роз через окно, и если ключ твоей радости переполнен, станцуй и спляши для меня еще. Я жажду радости людей, их полноты и свободы, но не их нужды».

Сал.: «Какой ты сложный и непостижимый человек».

И.: «Ты изменился с тех пор, как я видел тебя в последний раз. Ты говоришь другим языком, и он мне не знаком».

Я: «Мой дорогой старец, хотел бы я верить, что ты нашел меня изменившимся. Но ты, кажется, тоже изменился. Где твоя змея?»

И.: «Она потерялась. Думаю, ее украли. С тех пор все для нас омрачилось. Потому я был бы счастлив, если бы ты хотя бы принял мою дочь».

Я: «Я знаю, где твоя змея. Она у меня. Мы достали ее из преисподней. Она дала мне твердость, мудрость и магическую силу. Она нужна нам в вышнем мире, иначе преисподняя получила мы преимущество, к нашему ущербу»

²⁶¹ Вопрос господина и раба играл особенно важную роль в первом эссе «О генеалогии морали» Ницше.

И.: «Прочь, проклятый вор, да покарает тебя Бог».

Я: «Твое проклятие бессильно. Тот, у кого есть змея, неподвластен проклятиям. Нет, будь благоразумен, старец: тот, кто обладает мудростью, не может быть жадным до власти. Только тот, у кого есть власть, отказывается использовать ее. Не плачь, Саломея, удача – это то, что ты создаешь сама, а не то, что к тебе приходит. Уходите, мои печальные друзья, уже поздняя ночь. Илия, сотри ложные проблески власти из своей мудрости, а ты, Саломея, ради нашей любви, не забудь о танце».

[2]²⁶² Когда все для меня свершилось, я неожиданно вернулся к тайнам, к тому первому взгляду на иномировые силы духа и желания. Как я достиг удовлетворения собой и власти над собой, Саломея потеряла удовлетворение собой, но научилась любви к другому, а Илия потерял силу своей мудрости, но научился признавать дух другого. Так Саломея потеряла силу искушения и стала любовью. Добившись удовлетворения в себе, я также хотел любви к себе. Но это было бы слишком, она бы удушающе стянула меня железным обручем. Я принял Саломею как удовольствие, и отверг ее как любовь. Но она хочет быть со мной. Так как мне любить самого себя? Любовь, я думаю, принадлежит другим. Но моя любовь хочет быть со мной. Я страшусь этого. Да оттолкнет ее от меня сила моего мышления, в мир, к вещам, к людям. Ибо что-то должно соединять людей вместе, что-то должно быть мостом. Вот труднейшее искушение, если даже моя любовь хочет меня! Тайны, приподнимите вновь свои завесы! Я хочу довести эту битву до конца. Приди, змея темной бездны.

{6}²⁶³ [1] Я слышу, что Саломея все еще плачет. Чего она хочет, или чего все еще хочу я? Это проклятая плата, плата, к которой не прикоснуться без жертвы. Плата, требующая еще большей жертвы после того, как ее коснешься.

Змея: «Ты намереваешься жить без жертвоприношения? Жизнь должна тебе чего-то стоить, не так ли?»

Я: «Я думаю, я уже заплатил. Я отверг Саломею. Этой жертвы не достаточно?»

Зм.: «Для тебя слишком мало. Как было сказано, тебе позволено требовать с себя».

Я: «Ты многое подразумеваешь своей проклятой логичкой: жертвенное требование? Этого мне не понять. Очевидно, моя ошибка обернулась мне пользой. Скажи, разве не достаточно, что я принуждаю свое чувство к окружению?»

Зм.: «Ты вообще его не принуждаешь; лучше было бы, если бы ты перестал мучаться из-за Саломеи».

Я: «Если ты говоришь правду, это не очень хорошо. Потому Саломея до сих пор плачет?»

Зм.: «Да, потому».

262 В каллиграфическом томе здесь пробел для **стилизованной заглавной** буквы.

263 11 февраля 1914 г.

Я: «Но что делать?»

Зм.: «Ах, ты хочешь действовать? А можно еще и подумать».

Я: «Но о чем тут думать? Я признаю, что не знаю, о чем тут думать. Может, у тебя есть совет. У меня такое чувство, что я должен подняться выше головы. Я не могу этого сделать. Как ты думаешь?»

Зм.: «Я ничего и не думаю, и совета у меня нет».

Я: «Так спроси потустороннее, иди на Небеса или в Ад, может, совет там».

Зм.: «Меня вытягивают вверх».

Затем змея превратилась в маленькую белую птицу, которая вспорхнула в облака, где и исчезла. Я долго провожал ее взглядом.²⁶⁴

Птица: «Ты меня слышишь? Сейчас я далеко. Небеса так далеко. Ад гораздо ближе к земле. Я нашла для тебя кое-что, отвергнутую корону. Она лежит на улице в неизмеримом пространстве Небес, золотая корона».

И вот он уже лежит²⁶⁵ в моей руке, золотой королевский венец, с буквами, выгравированными внутри; что там сказано? «Любовь никогда не перестает»²⁶⁶. Дар с Небес. Но что он означает?

П.: «Вот и я, ты доволен?»

Я: «Частично — в любом случае я благодарю тебя за этот значимый подарок. Но он загадочен, и твой подарок делает меня почти подозрительным».

П.: «Но дар пришел с Небес, ты же знаешь».

Я: «Он безусловно прекрасен, но ты хорошо знаешь, что мы постигли из Небес и Ада».

П.: «Не преувеличивай. В конце концов, есть разница между Небесами и Адом. Я, конечно, думаю, что судя по тому, что я видела, на Небесах происходит столь же мало всего, как и в Аду, хотя, наверное, по-другому. Даже то, что не происходит, не может произойти особенным образом».

Я: «Ты говоришь загадками, которые могут свести с ума, если принять их близко к сердцу. Скажи, как ты понимаешь эту корону?»

П.: «Как я понимаю? Никак. Она говорит сама за себя».

Я: «Ты имеешь в виду эту надпись на ней?»

²⁶⁴ Это предложение добавлено в «Черновике».

²⁶⁵ В этом месте запись в каллиграфическом томе Liber Novus кончается. Далее следует транскрипт из «Черновика».

²⁶⁶ Это цитата из 1 Кор. 13:8. Незадолго до конца жизни Юнг снова цитировал эти слова в размышлениях о любви в «Воспоминаниях» (стр. 387). В «Черной Книге 4» надпись сначала дана греческими буквами.

П.: «Именно; полагаю, она имеет для тебя смысл?»

Я: «До некоторой степени. Но это оставляет вопрос в пугающей неопределенности».

П.: «Как и должно быть».

И птица неожиданно превращается обратно в змею.²⁶⁷

Я: «Ты лишаешь мужества».

Змея:²⁶⁸ «Только тех, кто не в согласии со мной».

Я: «Так я и не в согласии. А кто в согласии? Такое повисание в воздухе ужасающе».

Зм.: «Эта жертва так трудна для тебя? Ты должен быть способен повиснуть, если хочешь решить проблемы. Посмотри на Саломею!»

Я, Саломее: «Я вижу, Саломея, ты все еще рыдаешь. С тобой еще не кончено. Я колеблюсь и проклинаю свое колебание. Я повешен ради тебя и ради себя. Сначала я был распят, теперь я просто повешен — что менее благородно, но не менее мучительно.²⁶⁹ Прости меня за то, что хотел тебя погубить; я думал о спасении тебя, как когда исцелил твою слепоту самопожертвованием. Возможно, в третий раз мне ради тебя отрубят голову, как твоему прежнему другу Иоанну, который принес нам Христа в агонии. Ты ненасытна? Ты все еще не видишь способа стать благоразумной?»

Сал.: «Возлюбленный мой, что я могу для тебя сделать? Я полностью отреклась от тебя».

Я: «Так почему ты все еще плачешь? Ты знаешь, я не выношу, когда ты в слезах».

Сал.: «Я думала, ты неуязвим с тех пор, как завладел черным змеиным жезлом».

Я: «Эффект жезла кажется мне сомнительным. Но в одном отношении он мне помог: по крайней мере, я не задыхаюсь, хотя и был вздернут. Магический род, видимо, помогает мне вынести повешение, определенно отвратительно доброе деяние и помощь. Не хочешь ли ты наконец перерезать веревку?»

Сал.: «Как я могу? Ты висишь слишком высоко.²⁷⁰ Высоко на макуше древа жизни, до которой мне не добраться. Помоги себе сам, знающий змеиную мудрость».

Я: «Следует ли мне продолжать висеть еще?»

²⁶⁷ Это предложение добавлен в «Черновике».

²⁶⁸ Эта фигура не указана как змея в «Черной Книге 4».

²⁶⁹ В «Трансформациях и символах либидо» (1912) Юнг комментировал мотив повешения в фольклоре и мифологии.

²⁷⁰ В «Черной Книге 4» отсутствует отрывок вплоть до конца диалога и следующий параграф.

Сал.: «Пока не придумаешь, как себе помочь».

Я: «Так скажи мне по крайней мере, что думаешь о короне, которую птица моей души достала с Небес».

Сал.: «Что ты говоришь? Корона? У тебя есть корона? Счастливчик, на что тебе жаловаться?»

Я: «Повешенный король рад был бы поменяться местами с каждым благословенным нищим на проселочной дороге, который не повешен».

Сал. (восторженно): «Корона! У тебя есть корона!»

Я: «Саломея, сжался надо мной. Что такое с короной?»

Сал. (восторженно): «Корона — ты будешь коронован! Какое счастье для тебя и меня!»

Я: «Увы, зачем тебе корона? Я не могу этого понять и испытываю невыразимые мучения».

Сал. (жестоко): «Виси, пока не поймешь».

Я остаюсь безмолвным, повешенным высоко над землей на раскачивающейся ветви божественного древа, из-за которого прародители не смогли избежать греха. Мои руки связаны и я совершенно беспомощен. И вот я вишу три дня и три ночи. Откуда придет помощь? Вот садится моя птица, змея, которая надела платье на свои белые перья.

Птица: «Мы получим помощь с облаков, стелящихся над твоей головой, раз ничто больше не может нам помочь».

Я: «Ты хочешь получить помощь с небес? Как это возможно?»

П.: «Я отправлюсь и попробую».

Птица взлетела жаворонком, становясь все меньше и меньше, и, наконец, исчезла в плотной серой завесе облаков, покрывавших небо. Я долго провожал ее взглядом, и не различил ничего, кроме бесконечного серого облачного неба надо мной, непроницаемо серого, гармонично серого и неразборчивого. Но надпись на короне – она разборлива. «Любовь никогда не перестает» - значит ли это вечное повешение? Я не зря был подозрительным, когда птица принесла мне корону, корону вечной жизни, корону мученичества – грозные вещи опасно двусмысленны.

Я измотан, измотан не от повешения, но от борьбы с неизмеримым. Загадочная корона лежит далеко внизу под ногами, на земле, поблескивая золотом. Я не парю, нет, я вишу, или даже хуже, я повешен между небом и землей – но не устал от повешения, я могу позволить его себе навечно, но любовь никогда не перестает. Неужели это действительно правда, любовь никогда не перестает? Если это было благословенное послание для них, что это для меня?

«Это полностью зависит от представлений», - неожиданно сказал старый ворон, сидящий на высокой ветви недалеко от меня, в ожидании похоронного пиршества погрузившийся в философствование.

Я: «Почему это полностью зависит от представлений?»

Ворон: «От твоих представлений о любви и других».

Я: «Я знаю, несчастливая старая птица, ты имеешь в виду небесную и земную любовь.²⁷¹ Небесная любовь будет совершенно прекрасна, но мы люди и, как раз потому что мы люди, я настроил себя на то, чтобы быть целостным и полноценным человеком».

В.: «Ты идеолог».

Я: «Глупый ворон, пойдй прочь!»

Вот, рядом с моим лицом, шевельнулась ветвь, и черная змея обвилась вокруг нее и смотрит слепящим жемчужным мерцанием своих глаз. Не моя ли это змея?

Я: «Сестра, и черный жезл магии, откуда ты пришла? Я думал, что видел, как ты улетаала в Небеса птицей, а теперь ты здесь? Ты пришла с помощью?»

Змея: «Я лишь половина себя; я не одна, а двое; я одно и другое. Я здесь лишь как змееобразная, магическая. Но магия здесь бесполезна. Я лениво обвиваюсь вокруг ветви, ожидая дальнейшего развития. Ты можешь использовать меня в жизни, но не в повешении. В худшем случае, я готова провести тебя в Аид. Я знаю туда дорогу».

Черная форма стучится передо мной из воздуха, Сатана, презрительно смеющийся. Он зовет меня: «Смотри, что выходит из примирения противоположностей! Отрекись, и вмиг опустишься на зеленеющую землю».

Я: «Я не отрекусь, я не дурак. Если сужден такой исход, пусть все так и закончится».

Зм.: «Где твое непостоянство? Пожалуйста, помни об этом важном правиле в искусстве жить».

Я: «Тот факт, что я вишу здесь, достаточно непостоянен. Я жил непостоянно *ad pausem* [до отворачивания]. Чего еще ты хочешь?»

Зм.: «Возможно, непостоянства там, где ему положено быть?»

Я: «Прекрати! Как мне понять, где должное место, а где нет?»

Сатана: «Каждый, выходящий на суверенный путь с противоположностями, отличает левое от правого».

Я: «Молчи, ты заинтересованная сторона. Если бы только моя белая птица вернулась с помощью; боюсь, я слабею».

Зм.: «Не глупи, слабость – это тоже путь, магия возмещает ошибки».

Сатана: «Что, ты никогда не осмеливался на слабость? Ты хочешь стать совершенным человеком – разве люди сильны?»

Я: «Моя белая птица, полагаю, ты не можешь найти путь назад? Ты поднялась и улетела, потому что не могла жить со мной? Ах, Саломея! Вот она идет. Иди ко мне, Саломея! Еще одна ночь прошла. Я не слышал твой плач, но я повешен и все еще вишу».

Сал.: «Я больше не плакала, ведь добрая удача и неудача уравнились во мне».

Я: «Моя белая птица покинула меня и еще не вернулась. Я ничего не знаю и ничего не понимаю. Это связано с короной? Говори!»

Сал.: «Что мне сказать? Спроси себя».

²⁷¹ Сведенборг описывал небесную любовь как «любовь, использующую средства ради средств, требуемое ради требуемого, что человек исполняет ради Церкви, своей страны, человеческого общества и сограждан», отличая ее от любви к себе и любви к миру («Небеса, его чудеса и ад: из услышанного и увиденного»).

Я: «Я не могу. Мой разум как свинец, я могу лишь завывать о помощи. Я не могу понять, падает ли все или стоит неподвижно. Моя надежда в моей белой птице. О нет, неужели белая птица значит то же, что повешение?»

Сатана: «Примирение противоположностей! Равные права для всех! Глупцы!»

Я: «Я слышу щебетание птицы! Это ты? Ты вернулась?»

Птица: «Если ты любишь землю, ты повешен; если любишь небо, ты паришь».

Я: «Что такое земля? Что такое небо?»

П.: «Все, что под тобой – земля, все над тобой – небо. Ты летишь, если стремишься ко всему, что над тобой; ты повешен, если стремишься к тому, что под тобой».

Я: «Что надо мной? Что подо мной?»

П.: «Над тобой все, что прежде тебя и выше тебя; под тобой то, что относится к тебе».

Я: «И корона? Разреши для меня загадку короны!»

П.: «Корона и змея – противоположности, и они едины. Разве ты не видишь змею, короновавшую голову распятого?»

Я: «Что? Я не понимаю тебя».

П.: «Какие слова для тебя принесла корона? «Любовь никогда не перестает» - это тайна короны и змеи».

Я: «Но Саломея? Что случится с Саломеей?»

П.: «Видишь ли, Саломея – это то, что ты есть. Лети, и она вырастит крылья».

Облака разорваны, небо полнится багровым закатом завершившегося третьего дня.²⁷² Солнце тонет в море, и я скольжу с ним с верхушки древа к земле. Медленно и мирно наступает ночь.

[2] Страх овладел мной. Кого вы принесли в горы, кабиры? И кого в вас я принес в жертву? Вы завалили меня собой, обратили в башню на неприступных утесах, обратив меня в мою церковь, мой монастырь, мое место казни, мою тюрьму. Я заперт и приговорен внутри себя. Я собственный жрец и паства, судья и осужденный, Бог и человеческое жертвоприношение.

Какую работу проделали вы, Кабиры! Вы породили жестокий закон из хаоса, который не отменить. Это понято и принято.

Завершение тайной операции приближается. Что я видел, я описал в словах, как мог. Слова бедны, и красота им не присуща. Но прекрасна ли истина, а красота – истинна?²⁷³

Можно говорить прекрасными словами о любви, но о жизни? И жизнь стоит превыше любви. Но любовь – неизбежная мать жизни. Жизнь нельзя принудить к любви, а любовь – к жизни. Пусть любовь подвергнется мучениям, но не жизни. Пока любовь беременна жизнью, ее следует уважать; но если она породила жизнь, она обращается в пустую оболочку и угасает в быстротечности.

²⁷² По библейской версии творения море и земля разделились на третий день.

²⁷³ Поэма Джона Китса «Ода греческой урне» заканчивается строками: «Красота – это истина, истина – красота, - вот и все / Ты знаешь на земле, и все, что тебе нужно – знать».

Я высказываюсь против матери, породившей меня, я отделяю себя от порождающего лона.²⁷⁴ Я больше не говорю ради любви, но ради жизни.

Слово стало для меня тяжелым, и оно едва способно освободиться от души. Бронзовые двери закрылись, огни выгорели и покрылись пеплом. Источники высохли, и где были моря, теперь сухие земли. Моя башня стоит в пустыне. Счастлив тот, кто может быть отшельником в своей пустыне. Он выживет.

Не сила плоти, а сила любви, должна быть сломлена ради жизни, поскольку жизнь стоит превыше любви. Человеку нужна мать, пока его жизнь развивается. Затем он отделяется от нее. И потому жизни нужна любовь, пока он развивается, затем она освобождается от нее. Отделение ребенка от матери трудно, но отделение жизни от любви труднее. Любовь ищет владеть и удерживать, но жизни нужно больше.

Начало всех вещей – любовь, а бытие всех вещей – жизнь.²⁷⁵ Эта разница ужасна. Почему, о дух темнейших бездн, ты заставляешь меня сказать, что каждый любящий не живет, а каждый живущий не любит? Я всегда считал иначе! Все должно быть обращено в свою противоположность?²⁷⁶ Будет ли море там, где стоит храм ΦΙΛΗΜΩΝ'а? Погрузится ли этот тенистый остров в глубочайшую почву? В водоворот уносящего потопа, который ранее поглотил всех людей и земли? Будет ли дно моря там, где возвышается Арарат?²⁷⁷

Что за омерзительные слова ты бормочешь, немой сын земли? Ты хочешь разлучить мои объятия с душой? Ты, мой сын, ты пролезаешь между ними? Кто ты? И кто дал тебе силу? Все, к чему я стремился, все, чего я добился, ты хочешь снова обратить все это и уничтожить? Ты сын дьявола, враждебный всему святому. Ты становишься непреодолимым. Ты пугаешь меня. Дай мне быть счастливым в объятиях моей души и не нарушай мир храма.

Прочь, ты пронзаешь меня парализующей силой. Ибо я не хочу твоего пути. Паду ли я безжизненным к твоим ногам? Ты, дьявол и сын дьявола, говори! Твое молчание невыносимо и полно ужасного оупления.

Я завоевал свою душу, и для чего она мне родила? Ты, монстр, сын, ха! – ужасающий злодей, заика, тритоний разум, первобытная ящерица! Ты хочешь быть царем земли? Ты хочешь изгнать гордых свободных мужчин, заколдовать прекрасных женщин, разрушить крепости, вскрыть внутренности древних соборов?

²⁷⁴ В «Трансформациях и символах либидо» (1912) Юнг утверждал, что в процессе психологического развития индивидуум должен освободить себя от фигуры матери, что отражается в героических мифах (см. гл. 6, «Битва за освобождение от матери»).

²⁷⁵ В «Трансформациях и символах либидо» (1912), обсуждая свою концепцию либидо, Юнг ссылался на космогоническое значение Эроса в «Теогонии» Гесиода, которую он связывал с фигурой Фанеса в орфизме и Камой, индийским богом любви (CW V, §223).

²⁷⁶ В поздних трудах Юнг придавал значение «энантиодромии», принципу, по которому все превращается в свою противоположность, который он приписывал Гераклиту. См. «Психологические типы» (1921), CW 6, §708f).

²⁷⁷ По библейской версии потопа ковчег пристал к горе Арарат (Бытие, 8:4). Арарат – дремлющий вулканический пик, прежде находившийся в Армении (теперь в Турции).

Тупица, ленивая пучеглазая лягушка с облепленной водорослями башкой! И ты хочешь назвать себя моим сыном? Ты не мой сын, ты отродье дьявола. Отец дьявола вошел в лоно моей души, и ты обрел плоть.

Я узнаю тебя, ΦΙΛΗΜΩΝ, коварнейший из мошенников! Ты обманул меня. Ты оплодотворил мою девственную душу ужасным червем. ΦΙΛΗΜΩΝ, проклятый шарлатан, ты собезьянничал для меня тайны, ты возложил на меня мантию звезд, ты разыграл для меня комедию Христа-дурачка, ты повесил меня, осторожно и смехотворно, на древе, как Одина,²⁷⁸ ты дал мне изобрести руны, чтобы зачаровать Саломею – а тем временем породил с помощью моей души червя, блевотину из грязи. Обман на обмане! Проклятое дьявольское жульничество!

Ты дал мне силу магии, ты короновал меня, ты покрыл меня мерцанием силы, ты дал мне сыграть Иосифа-отца для своего сына. Ты поселил слабенького василиска в гнездо голубя.

Моя душа, шлюха-изменница, ты забеременела этим ублюдком! Я обещен; я, смехотворный отец Антихриста! Как же я не доверял тебе! И каким слабым было мое недоверие, что оно не оценило масштабов этого позорного деяния!

Что ты расколола? Ты расколола пополам и любовь, и жизнь. Из этого наводящего ужас раскола вышли жаба и сын жабы. Нелепо – отвратительно зрелище! Неодолимое пришествие! Они будут сидеть на берегах милой воды и слушать ночную песнь лягушек, ведь их Бог родился как сын лягушки.

Где Саломея? Где неразрешимый вопрос любви? Хватит вопросов, мой взор обратился к грядущим вещам, и Саломея там, где я. Женщина следует за сильнейшим в тебе, а не за тобой. Потому она рождает твоего ребенка, и добрым, и дурным путем.

{7} [1] Пока я стоял на земле, накрытой дождевыми облаками и опускающейся ночью, моя змея²⁷⁹ подползла ко мне и рассказала мне историю:

«Жил некогда король и не было у него детей. Но он бы хотел иметь сына. Потому он пришел к мудрой женщине, которая жила ведьмой в лесу и исповедался во всех своих грехах, будто она была жрецом, назначенным Богом. На это она сказала: «Дорогой Король, ты сделал то, чего делать не следовало. Но что сделано, то сделано, лучше подумать, как поступить иначе в будущем. Возьми фунт жира выдры, закопай в землю и подожди девять месяцев. Затем копай в том же месте, и увидишь, что там будет». И король ушел домой пристыженный и опечаленный, потому что унился перед ведьмой в лесу. Но он послушался ее совета, вырыл яму в лесу ночью, и положил в нее горшок с жиром выдры, который достал с некоторым трудом. Затем он стал ждать девять месяцев.

²⁷⁸ В северной мифологии Один был пронзен копьем и повешен на мировом древе, Иггдрассиле, на котором он висел девять ночей, пока не изобрел руны, которые дали ему силы.

²⁷⁹ 23 февраля 1914 г. В «Черной Книге 4» диалог ведется с душой, и эта секция начинается с того, что Юнг спрашивает ее, что удерживает его от возвращения к работе, и она отвечает, что это его амбиции. Он думал, что преодолел их, но она сказала, что он попросту отрицал их, и потому рассказывает ему последующую историю. 13 февраля 1914 г. Юнг выступил с речью «О символизме снов» в Цюрихском Психоаналитическом Обществе. С 30 марта по 13 апреля Юнг отдыхал в Италии.

После того, как время прошло, он вернулся ночью к этому месту, где зарыл горшок, и вырыл его. К его величайшему изумлению, он нашел в горшке спящего ребенка, а жир исчез. Он вынул ребенка и, ликуя, принес жене. Она немедленно дала ему свою грудь и вот – ее молоко свободно потекло. И ребенок рос и становился все больше и сильнее. Он вырос в мужчину, который был больше и сильнее остальных. Когда сыну короля было двадцать лет, он пришел к отцу и сказал: «Я знаю, что ты произвел меня на свет волшебством, и я родился не как человек. Ты создал меня из раскаяния в своих грехах, и это сделало меня сильным. Я не родился от женщины, что сделало меня умным. Я силен и умен, и потому я требую корону королевства». Старый король испугался знанию сына, но более всего его страстной жажде королевской власти. Он молчал и думал: «Что произвело тебя? Жир выдры. Кто родил тебя? Лоно земли. Я достал тебя из горшка, ведьма унизила меня». И он решил тайно убить своего сына.

Но поскольку его сын был сильнее остальных, он боялся его, и потому решил пойти на хитрость. Он снова пришел к волшебнице в лесу и попросил у нее совета. Она сказала: «Дорогой король, в этот раз ты исповедуешься в грехах, потому что хочешь совершить грех. Я советую тебе закопать другой горшок с жиром выдры и оставить его в земле на девять месяцев. Затем выкопай его и увидишь, что будет». Король сделал, что ему посоветовала волшебница. И с этого времени его сын становился все слабее и слабее, и когда король через девять месяцев пришел туда, где закопал горшок, он в то же время выкопал могилу для сына. Он положил мертвого в яму рядом с пустым горшком.

Но король был опечален, и когда не смог больше справиться со своей меланхолией, снова пришел к волшебнице однажды ночью и попросил у нее совета. Она ответила ему: «Дорогой король, ты хотел сына, но сын сам хотел быть королем, и был достаточно силен и умен для этого, и тогда ты больше не захотел иметь сына. Потому ты его потерял. На что ты жалуешься? У тебя, дорогой король, есть все, чего ты хотел!» Но король сказал: «Ты права. Я хотел этого. Но я не хочу этой меланхолии. У тебя есть средство от этого сожаления?» Волшебница ответила: «Дорогой король, иди на могилу сына, снова наполни горшок жиром выдры, и через девять месяцев увидишь, что будет в горшке». Король сделал так, как ему приказано, и от этого стал радостным, и не знал, почему.

Когда прошли девять месяцев, он снова выкопал горшок; тело исчезло, но в горшке лежал спящий ребенок, и он понял, что ребенок был его мертвым сыном. Он взял к себе ребенка, и он рос в неделю так, как другие дети растут за год. И когда прошли двадцать недель, сын снова предстал перед отцом и потребовал его королевство. Но отец был научен опытом, и уже заранее знал, как все обернется. После того, как сын озвучил свое требование, старый король встал с трона и обнял сына со слезами радости и возвел его на престол. И так сын, ставший королем, был благодарен отцу и глубоко его уважал, так как отец даровал ему жизнь».

Но я ответил моей змее: «Честно говоря, моя змея, я не знал, что ты рассказываешь сказки. Так скажи мне, как толковать твою сказку?»

Зм.: «Представь, что ты старый король, и у тебя есть сын».

Я: «Кто этот сын?»

Зм.: «Ну, я думала, ты только что говорил о сыне, который не особенно тебя ошастливил».

Я: «Что? Ты имеешь в виду — я должен короновать его?»

Зм.: «Да, а кто еще?»

Я: «Это немыслимо. Ну а что насчет волшебницы?»

Зм.: «Волшебница — это материнская женщина, сыном которой ты должен быть, раз в тебе обновляющее себя дитя».

Я: «О нет, неужели для меня невозможно стать мужчиной?»

Зм.: «Мужчиной в достаточной мере, а кроме этого - полнота детства. Потому тебе нужна мать».

Я: «Мне стыдно быть ребенком».

Зм.: «И потому ты убил своего сына. Создателю нужна мать, раз уж ты не женщина».

Я: «Это ужасная правда. Я думал и надеялся, что смогу быть мужчиной во всех отношениях».

Зм.: «Ты не можешь сделать этого ради своего сына. Средства для сотворения: мать и ребенок».

Я: «Мысль, что я должен остаться ребенком, невыносима».

Зм.: «Ради своего сына ты должен быть ребенком и оставить ему корону».

Я: «Мысль, что я должен остаться ребенком, унижительна и сокрушительна».

Зм.: «Целительное противоядие от власти!²⁸⁰ Не сопротивляйся тому, чтобы быть ребенком, иначе ты сопротивляешься своему сыну,²⁸¹ которого хотел превыше всего».

Я: «Это правда, я хотел сына и выживания. Но цена за это высока».

Зм.: «Сын стоит больше. Ты меньше и слабее сына. Это горькая правда, но ее не избежать. Не будь непокорным, ребенок должен хорошо себя вести».

Я: «Проклятая насмешка!»

Зм.: «Посмешище! Я запасусь терпением. Мои источники должны течь для тебя и изливать напиток спасения, если земли иссушены жаждой и каждый приходит к тебе, умоляя о воде жизни. Так подчини себя сыну».

Я: «Где мне объять необъятное? Мои знания и способности бедны, сил у меня недостаточно».

На этих словах змея свернулась, завилась узлами и сказала: «Не спрашивай о последующем, достаточно для тебя этого дня. Не беспокойся о средствах. Пусть все растет, пусть все всходит; сын растет из самого себя».

[2] Миф начинается, миф, который нужно только проживать, не воспевать, миф, который воспекает сам себя. Я подчиняюсь сыну, порожденному волшебством, рожденному неестественно, сыну лягушек, стоящему на берегу и говорящему со своими отцами, вслушиваясь в их ночное пение. Воистину он полон тайн и превосходит в силе всех мужчин. Ни один мужчина его не зачинал, ни одна женщина его не рожала.

Абсурд вошел в престарелую мать, и сын вырос в глубинах земли. Он появился и был предан смерти. Он снова восстал, был произведен заново при помощи волшебства и рос быстрее, чем раньше. Я дал ему корону, что соединяет

²⁸⁰ В «Черной Книге 4» стоит: «амбиций».

²⁸¹ В «Черной Книге 4» стоит «работе» вместо «сыну» на следующих нескольких строках.

разделенное. И так он соединяет разделенное для меня. Я дал ему силу, и потому он распоряжается, ведь он превосходит в силе и уме всех остальных.

Я не намеренно уступил ему, а под озарением. Ни один не связывает вместе Верх и Низ. Но он, выросший не как человек, но имеющий форму человека, способен связать их. Моя сила парализована, но я выживаю в своем сыне. Я оставил озабоченность тем, что он может управлять людьми. Я одиночка, люди радуются ему. Я был силен, теперь я бессилен. Я был силен, а теперь слаб. С этих пор он принял на себя всю силу. Все для меня перевернулось.

Я любил красоту прекрасного, дух тех, кто богат духовно, силу сильных; я смеялся над тупостью тупых, презирал слабость слабых, жестокость жестоких и ненавидел испорченность испорченных. Но теперь я должен любить красоту уродливого, дух глупого, силу слабого. Я должен почитать тупость умного, должен уважать слабость сильного и жестокость великодушного и славить добродетельность испорченного. Куда денутся издевки, презрение, ненависть?

Они перешли к сыну как символ власти. Его насмешки кровавы, и как презрительно сияют его глаза! Его ненависть — поющий огонь! Завидный, сын Богов, как можно не подчиниться тебе? Он расколол меня на два, он разрезал меня. Он скрепляет разделенное. Без него я бы распался, но моя жизнь продолжилась с ним. Моя любовь осталась со мной.

Так я вступил в одиночество со злым взглядом на лице, нолным негодования и возмущения владычеством моего сына. Как мог мой сын присвоить себе власть? Я вышел в сады, сел на камни у воды и мрачно размышлял. Я позвал змею, мою ночную спутницу, лежавшую со мной на камнях многие сумерки, делясь своей змеиной мудростью. Но затем из воды появился мой сын, великий и могучий, с короной на голове, с кудрявой львиной гривой, сияющей змеиной кожей, покрывавшей тело; он сказал мне:²⁸²

{8} [1] «Я пришел к тебе и требую твою жизнь».

Я: «Что ты имеешь в виду? Ты уже стал Богом?»²⁸³

Он: «Я снова восстал, я обрел плоть, теперь я возвращаюсь к вечному сверканию и мерцанию, к вечным углям солнца и оставляю тебе твою приземленность. Ты останешься с людьми. Ты достаточно пребывал в компании бессмертных. Твоя работа принадлежит земле».

Я: «Какая речь! Разве ты не валялся в земле и под землей?»

Он: «Я стал человеком и зверем, а теперь снова восхожу в свою страну».

Я: «Где твоя страна?»

Он: «В свете, в яйце, в солнце, в сокровенном и сжатом, в вечно жаждущих углях. Так восходит солнце в твоём сердце и изливается в холодный мир».

Я: «Как ты преображаешь себя!»

Он: «Я хочу стереть тебя из виду. Ты должен жить в темнейшем одиночестве, люди — не Боги — должны просветлять твою тьму».

Я: «Как ты жесток и торжественен! Я бы омыл твои ноги слезами, отер их волосами — я брежу, разве я женщина?»

Он: «И женщина тоже, а также и мать, беременная. Роды ожидают тебя».

²⁸² 19 апреля 1914 г. Предыдущий параграф был добавлен в «Черновике».

²⁸³ В «Черной Книге 5» этот диалог ведется с душой (стр. 29f).

Я: «О святой дух, даруй мне искру своего вечного света».

Он: «В тебе дитя».

Я: «Я чувствую муку и страх и опустошенность беременной женщины. Ты уходишь от меня, мой Бог?»

Он: «У тебя есть ребенок».

Я: «Моя душа, ты еще существуешь? Ты змея, ты лягушка, ты магически произведенный мальчик, которого я закопал своими руками; ты осмеянный, презренный, ненавидимый, появившийся во мне в нелепой форме? Горе тем, кто видел свою душу и ощущал ее в руках. Я бессилён в твоих руках, мой Бог!»

Он: «Беременная женщина предоставлена судьбе. Отпусти меня, я возношусь в вечное царство».

Я: «Услышу ли я твой голос снова? О проклятый обман! Чего я прошу? Ты поговоришь со мной завтра, ты будешь болтать снова и снова в зеркале».

Он: «Не сетуй. Я буду присутствовать и не присутствовать. Ты будешь слышать и не слышать меня. Я буду и не буду».

Я: «Ты говоришь отвратительными загадками».

Он: «Таков мой язык, и тебе я оставляю понимание. Ни у кого, кроме тебя, нет Бога. Он всегда с тобой, но ты видишь его в других, и потому его никогда с тобой нет. Ты стремишься привлечь к себе тех, кто, как тебе кажется, владеет твоим Богом. Ты увидишь, что они им не обладают, что он есть только у тебя. Потому ты один среди людей — в толпе и все-таки один. Одиночество в толпе — поразмысли над этим».

Я: «Полагаю, после того, что ты сказал, мне следует молчать, но я не могу; мое сердце обливается кровью, когда я вижу, что ты уходишь от меня».

Он: «Пусти меня. Я вернусь к тебе в обновленной форме. Ты видишь солнце, тонущее в красном за горами? Работа этого дня свершилась, и новое солнце вернется. Зачем ты скорбишь о сегодняшнем солнце?»

Я: «Придет ли ночь?»

Он: «Разве она не мать дня?»

Я: «Из-за ночи я хочу впасть в отчаяние».

Он: «Зачем стенать? Это судьба. Пусти меня, мои крылья растут, и стремление к вечному свету нарастает во мне все сильнее. Тебе меня больше не остановить. Прекрати лить слезы и дай мне вознестись с криками радости. Ты человек полей, думай о своем урожае. Я стану светом, как птица, что возносится в утренние небеса. Не останавливай меня, не жалуйся; я уже парю, крик жизни вырывается из меня, мне больше не удержать высшего наслаждения. Я должен подниматься — свершилось, последние пути исчезают, мои крылья уносят меня вверх. Я погружаюсь в море света. Ты, там, внизу, вдали, сумеречное создание — ты расплываешься для меня».

Я: «Куда ты ушел? Что-то случилось. Я искалечен. Не исчез ли Бог у меня из вида?»

Где Бог?

Что случилось?

Как пусто, как совершенно пусто! Должен ли я объявить людям, как ты исчез? Изречь евангелие опустошительного одиночества?

Идти ли нам всем в пустыню и посыпать пеплом головы, ведь Бог покинул нас?

Я верю и принимаю, что Бог²⁸⁴ есть нечто отличное от меня.
Он взлетел в ликующей радости.
Я остаюсь в ночи боли.
Больше не с Богом,²⁸⁵ а наедине с собой.

Теперь закройте, бронзовые двери, что я открыл, чтобы разрушительный поток уничтожил и убил всех людей, открытые, словно повивальной бабкой Бога.
Закройтесь, да покроют вас горы, а моря да потекут над вами.²⁸⁶

Я пришел к самости,²⁸⁷ пустая и жалкая фигура. Мое я! Мне он не нужен был в спутники. Я обнаружил себя с ним. Я бы предпочел дурную женщину или упрямую гончую, но собственное я — это ужасает меня.

²⁸⁸Нужно деяние, чтобы растратить десятилетия, и сделать это бесцельно. Я должен догнать кусочек Средних Веков - в себе. Мы только закончили Средние Века — других. Я должен начать рано, в тот период, когда вымидали отшельники.²⁸⁹ Аскетизм, инквизиция, пытки под рукой, навязывают себя. Варвару требуются варварские средства обучения. Мое я, ты варвар. Я хочу жить с тобой, потому я пронесу тебя через совершенно средневековый Ад, пока ты не сделаешь жизнь с тобой выносимой. Ты должно быть сосудом и лоном жизни, потому я очищу тебя.

Пробный камень остается наедине с собой.
Это путь.

Перевод Седрик (Иван Ерзин), Guarda и Taleann. Редактура Асгет Ладорне

²⁸⁴ В «Черной Книге 5» стоит: «Душа» (стр. 37).

²⁸⁵ В «Черной Книге 5» стоит: «с моей душой» (стр. 38).

²⁸⁶ Этот параграф был добавлен в «Черновике».

²⁸⁷ В «Исправленном Черновике» стоит: «к себе» (стр. 555).

²⁸⁸ Оставшееся добавлено в «Черновике» (стр. 555f).

²⁸⁹ В 1930 г. Юнг утверждал: «Движение назад в средние века — нечто вроде регрессии, но она не личностна. Это историческая регрессия, регрессия в прошлое коллективного бессознательного. Это всегда происходит, когда путь вперед не свободен, когда есть препятствие, от которого вы отскакиваете; или когда вам нужно достать что-то из прошлого, чтобы вскарабкаться на стену впереди» («Видения», т. 1, стр. 148). Около этого времени начал интенсивную работу над 296 средневековой теологией (см. «Психологические типы» (1921), CW 6, гл. 1, «Проблема типов в истории разума в античности и средневековье»).